

Мелисса Мак Уейт

АРКО
ТАБЛА

1812 год. Элино́р Пембро́ук просыпается среди ночи и видит, что её комната в огне. Она тушит пожар силой мысли. Ей двадцать один год — слишком поздний возраст для обнаружения таланта к магии, но доказательства не вызывают сомнений: она обладает способностями не только разжигать огонь, но и гораздо более важным умением контролировать пламя и тушить его. Она — Необычная. Единственная в Англии за последние сто лет, кто умеет управлять огнём. Будучи Необычной, всё её боятся и почитают. Но для своего отца она — лишь олицетворение власти и его собственного престижа. Мистер Пемброук всю жизнь посвятил изучению магии и теперь намерен контролировать Элино́р и её талант: он готовит её к замужеству с человеком, которого выберет сам; к замужеству, результатом которого будет ещё более могущественное потомство. Застряв в ловушке, не зная, что выбрать — замужество без любви или жизнь без гроша под властью родителей — Элино́р ступает на третий путь. Она бросает вызов традициям и обществу и вступает в Королевский военно-морской флот. Элино́р назначена служить под началом капитана Майлса Рамси на борту фрегата «Афина» и обращает свой огненный талант на врагов Англии, французских корсаров и злобных пиратов, атакующих английские корабли в Карибском море. Сначала её пугала команда корабля, но всё растущее число побед сделало её полноправным членом корабля и приносило настоящую радость в жизни. Однако со временем её силы росли и начали меняться неожиданным образом. Способность Элино́р контролировать пламя стала неполноценной. Она может уничтожить полностью флот противника. Но что, если ценой этому будет её жизнь?

Мелисса МакШейн

Ярко пылая

Серия: Необычные — 1

Элино́р снился огонь. Из-за языков пламени землю под ногами нельзя было рассмотреть, а воздух раскалился добела. Она проснулась и поняла, что сон превратился в реальность. Стены её спальни были в огне, как и лакированный паркет, и огонь золотыми волнами распространялся по потолку. Жар ударил по ней с такой силой, что во рту и носу пересохло, а в глаза будто насыпали песка. Девушка не боялась. Она сидела на кровати и восторгалась красотой и мощностью огня, обхватив колени руками, а её белая фланелевая ночная рубашка обтягивала ноги. Элино́р никогда не видела таких красок. Из-за них комната, которую она помнила, казалась ещё более блёклой и унылой. Но тут в неё вновь ударила волна жара, и девушка осознала, что если ничего не предпримет, то умрёт.

Поэтому она потянулась к огню всей своей сущностью и потушила его.

Пламя исчезло между двумя ударами сердца, оставив после себя холодный пепел и обугленные от огня балки. Ключки обгоревших обоев придавали стенам вид поражённой лепрой кожи. Она слышала неподалёку громкий крик, и он вместе с пустотой, оставшейся после воя пламени, звоном отозвались в её ушах.

«Кажется, это самый странный сон, который мне снился», — подумала она. Элино́р моргнула, чтобы глаза не так резало, вдохнула пыльный, едкий запах древесного дыма и поняла, что это не сон.

— Элино́р! — её мать с длинной копной развевающихся за спиной седеющих волос подбежала к комнате и остановилась на пороге. Её полные губы раскрылись, образуя почти правильный овал.

— Какую глупость ты только что сделала?

Она держала в вытянутой руке свечу и осторожно вошла в комнату. Пламя свечи в дрожащей руке отбрасывало серые зыбкие тени на окружавшие девушку серо-чёрные предметы. За спиной матери маячила младшая сестра Элино́р — Амелия — с заспанными глазами.

Элино́р обвела взглядом комнату. Толстые жёлтые шторы обгорели по краям и свисали лоскутами, но в остальном казались нетронутыми; смятые простыни на кровати там, где сидела Элино́р, были усыпаны пеплом, а по ножкам и изголовью кровати вились чёрные полосы копоти.

— Здесь был пожар, — смело ответила девушка, давая матери самый честный ответ, на который была способна, и который был бы понятен им обоим.

— Пожар? И как тебе удалось с ним справиться? — воскликнула мать.

— Перестань, мам, разве не очевидно? У Элино́р, наконец, проявился талант, — произнесла Амелия. Она была выше и стройнее Элино́р, и невозможно красивая даже в таком сонно-растрёпанном виде. Она поднесла изящную ручку ко рту и театрально кашлянула. — Полагаю, нам стоило ожидать, что она проявит свой талант именно таким, ужасно вульгарным способом — Поджигатель!

— А твоё Формирование под существующую моду и общественное понятие красоты — само по себе не вульгарно? — огрызнулась Элино́р.

— Тебе должно быть стыдно за свои слова, Элино́р. К тому же, это чепуха. Ты слишком взрослая, чтобы проявить талант впервые.

— Согласен, — произнёс серьёзный голос, и обе женщины расступились, пропуская

Иосию Пемброука. Он выглядел величественно даже в ночном колпаке, халате и тапочках с вышитыми фиолетовыми и золотистыми цветами. — Но всё же, это не вызывает сомнений. Ты от меня что-то скрывала, дочка?

Мужчина пересёк комнату и встал в метре от Элинол, сложив руки на животе. От его шагов в воздух поднимались клубы пепла.

Элинол встретила взгляд отца со спокойной откровенностью, но за ней скрывались беспокойство и страх, которые она испытывала каждый раз, когда отец обращал на неё внимание. Она стяхнула с ночной рубашки пепел и с трудом удержалась от желания начать крутить кончик косы, как ребёнок, тянувшийся за рукой матери для успокоения.

— Нет, — ответила она. — Мне снился пожар. Я проснулась и поняла, что он настоящий. Я бы не стала скрывать такие вещи, даже если бы это было возможно.

Она ни на секунду не подумала притвориться, что пожар вспыхнул сам по себе. Глубоко в сердце Элинол чувствовала, что это был её огонь, она его создала; он её любил, но убил бы, если бы она не подчинила пламя.

Отец пристально посмотрел на неё тёмно-серыми глазами, казавшимися чёрными в мерцающем свете пламени свечи.

— Тогда будь так добра, — продолжил он, — расскажи, огонь потух самостоятельно?

Элинол покачала головой.

— Это сделала я, — ответила девушка.

Её отец подошёл к окну, барабанил пальцами одной руки по другой, затем потянулся и потёр между большим и указательным пальцами обгоревшую складку занавески. И когда он снова повернулся взглянуть на Элинол и улыбнулся, её маска спокойствия и безэмоциональности дала трещину. Поэтому что это была улыбка хищника.

— У тебя не просто талант, — произнёс он. — Ты Необычная. Ты видишь, какие это раскрывает перспективы, дочка?

Элинол покачала головой, хотя теперь, когда он сказал про перспективы, она не могла не задуматься о том, какими же они были.

Мистер Пемброук улыбнулся шире.

— Думаю, со временем ты поймёшь, — сказал он.

Глава первая, в которой Элинор, к её ужасу, прибывает в Лондон

Только в воображении Элинор одетый в черное дворецкий, открывая дверь их арендованного дома в Лондоне, отодвинулся дальше, чем это было строго необходимо, чтобы позволить ей пройти. Увлечение её отца рассказывать всему миру, что у него Необычная Поджигающая дочь, не распространило новости на агентство занятости.

Она последовала за своей матерью в узкую прихожую. Дом был неудобным, здесь, на немодной стороне Мэйфейр: простые полосатые сине-белые обои, стены, лишённые картин и портретов, которые сделали бы его более приятным. Воздух пах резким терпким моющим средством и, несмотря на это, пылью, которое это средство должно было искоренить. Элинор немедленно направилась к лестнице. Это был долгий путь, и больше всего она хотела отдохнуть в какой-нибудь комнате подальше от пристального внимания своих родителей.

— Почему в этом доме так холодно? — спросила Амелия, снимая бархатный чепчик и развязывая ленточки. — Как думаешь, они используют противно пахнущие вещества, чтобы поразить нас мнимой чистотой? Правда, только подумай, за те деньги, что папа тратит на это место, слуги могли бы сделать дом более уютным.

— Мистер Пемброук, только послушайте! У нас уже есть два приглашения, — прокричала её мама. Она помахала в воздухе двумя телефонными карточками, будто это были билеты на большую оперу.

— Есть? — мистер Пемброук взял протянутые женой пригласительные, глянул на них и бросил обратно на поднос. — Это не важно. Элинор, ты куда?

— Я... Я хочу отдохнуть перед ужином, — произнесла Элинор, стискивая перила.

Несколько долгих мгновений мистер Пемброук молча смотрел на неё, так что шею Элинор начало покалывать от волнения. Конечно, он не найдёт, к чему придраться в этой обычной просьбе.

— Очень хорошо, — наконец сказал он. — Выбери любую комнату. Полагаю, дочка, тебе не нужно моё разрешение, чтобы зажечь огонь в камине?

Он посмеялся над своей жалкой шуткой, а Элинор слабо улыбнулась и поспешила удалиться.

Позади неё протяжный голос Амелии противостоял более высокому щебетанию её матери. Небольшая милость: если она будет вынуждена посещать публичные мероприятия, где её выставят напоказ, как торт в витрине магазина, то, по крайней мере, там ей не придется терпеть присутствие своей младшей сестры.

Она выбрала спальню как можно дальше от апартаментов своих родителей — маленькая комнатка, которую её сестра не попытается выклянчить. Спальня выглядела, как запоздалая мысль, спрятанная в дальний угол, всего с одним окном, выходящим на заднюю часть дома, и массивной мебелью, которая могла бы украсить средневековую усадьбу.

Элинор пришлось обойти шкаф, чтобы протиснуться к своей постели, которая была такой высокой, что взобраться на неё можно было только с помощью прикроватных ступенек. Обстановка была настолько неуместной, что ей самое место на складе. Тем не менее, здесь был собственный камин и всего в нескольких шагах уборная — удобство, которого не было в их доме в Хартфордшире. Элинор воспользовалась ею, а затем вернулась

в свою комнату, сняла платье и, дрожа, аккуратно повесила его в шкаф; несмотря на солнце, апрель был не по сезону холодным.

Она стояла в центре комнаты в дорожных ботинках и обнимала себя, потирая руки, покрытые гусиной кожей. Девушка была уверена, отец понятия не имел, как он запугал ее, он видел только ровный, равнодушный облик, который она являла миру, когда находилась в его присутствии. Она притворялась, чтобы он никогда не обнаружил правду. Если бы Элинор, показала, что боится его жестокости, он бы намеренно подверг ее мучениям, поскольку Иосия Пемброук презирал слабость и не проявлял милосердия никому. Единственный во всем мире человек, который пугал ее, был ее собственным отцом.

Она потерла руки сильнее. Почему в номере до сих пор так холодно? Огня нет, решетка была холодной, топливо положено на очаг, но не горит. Незажженный огонь рождал пустоту в уме Элинор; способности требовали выхода, поэтому она заставила пламя разгореться силой мысли.

Мгновенно угли запылали так жарко, как будто они разгорелись полчаса назад, а небольшое оранжево-желтое пламя дарило ей свое тепло, лаская обнаженные руки. Она присела на колени, чтобы почувствовать тепло на лице, и с трудом подавила желание взять огонь в руки, он бы, конечно, сжег ее. Вместо этого девушка заставила его тянуться далеко вверх, в дымоход, затем растечься, как мутная вода над очагом.

Она сняла свои детские ботинки и скользнула между холодными, немного влажными простынями. Было некомфортно в них оставаться, но не было желания ждать горничную ее матери Мостин, чтобы помочь их перестилить. Предположим, что я могу вызвать и погасить огонь так быстро, чтобы он смог согреть эти простыни, не опалив их? Это было бы полезным умением.

Она лежала на спине, уставившись в потолок и перебирала короткий список применения «Необычного жаркого» таланта, подходящий для дамы. Тушение пожаров в доме. Разжигание огня в очаге. Отопление печи, когда она гаснет. Это был очень короткий список. Полагаю, могла бы предложить прикурить трубку гостю джентельмену, но я не могу вообразить, почему добровольно предлагаю заполнить уютное помещение вонью табака.

Девушка надеялась стать Оратором, как ее отец и сестра Селина, много лет назад, когда все думали, что она проявит себя в одиннадцать или двенадцать, как остальные ее социального уровня. Элинор больше всего хотела иметь талант мысленно общаться со своей любимой старшей сестрой и лучшим другом. Но талант никогда не появляется по просьбе; ее собственный пример был достаточным доказательством этого.

Восхищение отца ее необычным талантом было вполне понятно. Если бы она была сыном, она бы не была так ценна. Конечно, джентельмену недопустимо покупать невесту ради ее таланта, но не было закона, запрещающего мужчине заваливать родителей будущей жены щедрыми подарками. Элинор была уверена, что любой мужчина, которого ее отец сочтет подходящим для нее, проявит невиданную щедрость.

Но главный интерес отца был в заключении хорошего брака, который предполагал дворянина с правильным талантом. Господин Пемброук потратил целую жизнь, изучая все, что можно было знать о таланте — откуда он появляется, как он проявляется, но самое главное, какие дети могли бы получиться из соединения двух особенных талантов. Элинор была уверена, когда он рассматривал ее брак, все его беспокойство было о потенциальном потомстве и о том, где их расположить на страницах тяжелого фолианта, мысленно Элинор называла его «Книга размножения». О, да. Она была ценным товаром.

Раздался стук в дверь, сопровождаемый появлением Мостин, низкой и угловатой, с торчащими из под чепца, съехавшего набекрень, светлыми волосами, неуклюже несшей чемодан Элино́р, задевая им угол дверного проема.

— Простите меня, мисс Пемброук, — сказала она бесцветным голосом. Элино́р повернулась лицом к стене и сделала вид, что спит. Она слушала, как Мостин раскрывает ящики и стучит крышкой чемодана, и, в конце концов, заснула.

— Я не понимаю, — говорила Амелия, надув прекрасные розовые губки, — почему я не могу выйти в свет, как Элино́р. Вы можете отправить двух дочерей с очень небольшими расходами, а не с семьей, и у вас не будет проблем со второй поездкой в Лондон.

Она наклонилась к слуге, который готовил вторые блюда, и умоляя мать своими большими, лазурными глазами.

— Ты слишком молода, моя дорогая, — сказала миссис Пемброук. — Всему свое время.

— Мне будет восемнадцать через два месяца. Это не такая большая разница. Папа, пожалуйста, передумай!

— Твоя мать права, — сказал мистер Пемброук. — Кроме того, я уверен, что ты не хочешь делить внимание со своей сестрой.

— Она может взять половину внимания ко мне и пользоваться им, — ответила Элино́р.

Вилкой девушка гоняла зеленый горошек по тарелке. Её желудок не совсем оправился от качки и тряски езды на большой скорости. И отсутствие аппетита не имело никакого отношения к месту по левую руку от отца. Новая «честь» придавала такое важное положение, к которому она еще не привыкла. Она бы предпочла свое обыкновенное место возле матери, но отец был намерен напоминать ей при каждой возможности о новом статусе.

— О, Элино́р, это будет гораздо лучше, чем в твой прошлый визит в Лондон! — сказала Миссис Пемброук. — Я тебя уверяю, светская жизнь гораздо приятнее, когда у тебя много поклонников. И у тебя будет столько поклонников!

— Да, наличие таланта определенно имеет значение, — сказала Амелия с насмешкой. Элино́р приятно улыбнулась ей и дернула правой рукой. Амелия отшатнулась на своем месте, сжав нож, как будто защищаясь от сестры. Элино́р взяла свой собственный нож и разрежала мясо. Это было мелко, мучить Амелию угрозой использования таланта Поджигающей против нее, но Элино́р была жертвой презрения своей младшей сестры в течение слишком многих лет, чтобы чувствовать себя виновной в этом.

— Ты не должна бояться, дочь, — сказал господин Пемброук. —

Правда, за тобой будут настойчиво ухаживать, но ты можешь рассчитывать на меня, чтобы держать менее желанных мужчин на расстоянии. Я уверяю тебя, никто статусом ниже, чем граф, не приблизится к тебе. Мои дочери заслуживают лучшего. Хотя я не насмеялся бы над пятьюдесятью тысячами фунтов в год!

Мистер Пемброук засмеялся, и миссис Пемброук с Эмилией присоединились к его хихиканью.

Элино́р вежливо улыбнулась и позволила отцу положить ей еще один ломтик ветчины. Она думала о свинье, которая погибла, чтобы они могли насладиться её мясом, и чувствовала сочувствие. Если отец мог бы повесить табличку на шею с ценой и характеристиками таланта, он сделал бы это без раздумий.

— Вы говорили с Селиной, папа? —

спросила она, пытаясь перевести разговор в другое русло.

— Она собирается приехать к нам завтра утром.

— О, мистер Пемброук, но я собираюсь завтра за покупками для Элино́р! Ей необходим новый гардероб.

— Мы можем пойти позже в тот же день, мама, — сказала Элино́р. — Я так хочу увидеть Селину. Кажется, прошла вечность с тех пор, как она последний раз навещала нас.

— Четыре месяца едва ли вечность, — сказал мистер Пемброук, — но твоя привязанность к сестре похвальна.

Миссис Пемброук резко вздохнула:

— Хорошо, Элино́р, мы отложим поездку, но я надеюсь, что ты будешь более благосклонна. Наш последний визит на склады был ужасно разочаровывающим.

— Элино́р слишком здравомыслящая, чтобы заботиться о таких вещах как платье, — Амелия растягивала слова. — Я знаю, что намного лучше использовала бы свое время, находясь на ее месте.

— Терпение, моя дорогая, — сказала миссис Пемброук, похлопывая Амелию по руке. - Скоро настанет твоя очередь, и какое у нас будет веселье!

— Я хочу видеть тебя в кабинете после обеда, Элино́р, — сказал мистер Пемброук. Элино́р сохранила спокойное выражение лица, но под столом ее руки вцепились в салфетку и скомкали ее. — Мы должны обсудить твое появление на балу лорда Ормерода через шесть дней.

— Я знаю, как вести себя в обществе, папа, — сказала Элино́р. Спокойно и тихо.

— Я не забыл, какой безвкусной ты была, когда мы впервые привезли тебя в Лондон, как мало усилий ты приложила, чтобы поощрить поклонников, — сказал мистер Пемброук. — Я был готов не обращать внимания на твое поведение, только потому, что тебя было рано рекомендовать, и вряд ли ты получила предложение. Сейчас все по-другому. У тебя есть талант, и я не дам тебе разбазаривать эту великую возможность. Ты меня поняла?

Было рано, чтобы рекомендовать тебя. Желудок Элино́р скрутило снова. Она цеплялась за свое внешнее спокойствие, как утопающий хватается за веревку.

— Я отлично понимаю тебя, папа, -

сказала она. — Я подчинюсь твоему требованию.

И затем я проигнорирую его. У меня может быть необычный талант, но в законе говорится, что я не могу выйти замуж против моей воли, и ты, дорогой папа, понятия не имеешь, на что мое желание похоже после проживания под твоим презрением в течение двадцати одного года. Храбрые мысли немедленно исчезли. Она пыталась вообразить себя, произносящей такую фразу отцу, но следовавшее заставило почувствовать еще больше боли.

Мистер Пемброук улыбнулся Элино́р и накрыл ее ладонь. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы не отстраниться от него и вместо этого приятно улыбнуться.

— И не бойся, Элино́р, талант Поджигатель у дамы нежелателен, но известно, что Поджигатели производят мощные межевики и двигатели; и любой благородный человек, желающий улучшить свое состояние, был бы дураком, чтобы не увидеть твою ценность. И необыкновенный талант. Талант Поджигатель. Моя дорогая, ты единственная в своем роде в Англии, единственная за столетие. Разве ты не видишь, насколько это делает тебя привлекательной? Не исключено, что в следующем году мы будем гостить в Лондоне, у нашей дочери, герцогини!

— И только подумай, что ты можешь сделать для своей сестры! — выдохнула миссис

Пемброук. — О, Амелия, разве ты не хотела бы, чтобы тебя вывела в свет сестра?

— Сначала она должна выйти замуж, мама, — сказала Амелия, глядя на Элинора. — Жаль, что она такая простушка. Но, я слышала, что хороший талант делает женщину прекрасной вне зависимости от того, какой она родилась.

— Жаль, что тебе больше нечего рекомендовать, кроме лица, которое ты так тщательно формировала, — отрезала Элинора. Амелия ахнула, а затем взорвалась театральными слезами.

— Стыдись, Элинора, — сказала миссис Пемброук и погладила Амелию по руке.

— И она не получит выговор за комментарии о моей внешности?

— Амелия младше тебя и все еще учится контролировать свою речь. Ей не хватает самообладания, — сказал мистер Пемброук. — Я ожидаю, что ты будешь вести себя более сдержанно.

— Да, папа, — сказала Элинора, опустив глаза, чтобы он не увидел ее гнев, но не сразу же, а взглянув на сестру, которая побледнела.

— Я прошу прощения, Элинора, — сказала Амелия. — Мы не можем изменить то, какой была рождена.

Было ли это извинением, или более тонким подколом, Элинора не могла понять, но она решила пропустить это.

— Я прошу прощения за мои слова, — ответила она. — Думаю, что устала от путешествия сильнее, чем думала. Можно уйти пораньше, папа?

— Ты явно переутомилась, поэтому я прошу тебя на этот раз, дочь. Мы поговорим завтра.

— Не забывай, Элинора, мы займемся твоим гардеробом после посещения Селины, — сказала миссис Пемброук, когда Элинора собралась выйти из комнаты. — Я думаю, это не слишком тяжелая просьба, проявить интерес к своей внешности.

— Да, мама, — сказала Элинора и удалилась в свою комнату.

Огонь поднялся в ответ на ее присутствие, и она успокаивала его, как беспокойного щенка. Она знала, что он не был живым, но это развеселило ее. Девушка отказалась от мысли, что сделала это только потому, что была отчаянно одинока сейчас, когда Селина вышла замуж. Если бы только она имела талант Оратора! Она не завидовала таланту Амелии как Целительницы, имеющей такой необычный дар, но использовавшей его только для того, чтобы сделать себя красивым. Элинора привыкла к тому, чтобы быть обыкновенной. Но говорить с Селиной каждый день...

Элинора протянула руку к огню, и пламя отразило ее жест. Откуда появился этот странный талант? Ее отец не обнаружил ни одного Поджигающего в своей родословной на протяжении десятков поколений. Ее мать, бездарная, но симпатичная, не могло быть и речи о ней как источнике таланта Элинора; мистер Пемброук слишком хорошего мнения о себе, чтобы предположить, что его жена когда-либо изменяла. Во всяком случае, Элинора слишком похожа на своего отца, чтобы это было возможно, с каштановыми волосами и густыми, темными бровями, глазами цвета стали, слишком волевым подбородком, который на ее лице выглядел мужественно, добавляя Элинора упрямства. Ее наследие было тайной, и Элинора не интересовалась разгадкой.

Девушка отстранилась от пламени и разделась, неуклюже распуская шнуровку, пока не освободилась от нее. Она должна была быть запущена в общество в виде одного из линейки кораблей Военно-Морского Флота, который оснастили и снарядили для того, чтобы

вступить в брак и создать десятки талантливых младенцев для ее благородного мужа, все благодаря этому неожиданному таланту. И все же она не могла сказать, если бы ей представилась такая возможность, она бы избавилась от него. Огонь был ее частью, которая все эти годы ждала пробуждения, и идея потерять это, даже спустя всего лишь четыре месяца, заставляла чувствовать себя плохо.

Простыни все еще были влажными, потому что она легла спать раньше, чем горничная принесла нагретую кастрюлю. Девушка потерла босыми ногами друг об друга, чтобы согреться, а затем направила свое сознание к огню. Ей показалось, что она находится в двух местах одновременно, ее твердое тело здесь, в слегка липкой постели, ее призрачное «я» уютно прижалось к камину. Это было странное, но утешающее чувство, и она лежала без сна, наслаждаясь своим двойным состоянием почти час, прежде чем заснуть.

Следующим утром Элинон встала рано и тихо спустилась по лестнице, чтобы забрать газеты. Ее отцу всегда удавалось организовать доставку, независимо от того, где он был. Она устроилась в мягком кресле в неприветливой гостиной, украшенной лиловым и голубовато-синим, и открыла «Таймс». Такие ужасные новости из Ноттингемшира в эти дни. Эти люди, поражающие во тьме, сжигающие и разбивающие станки от имени «Генерала Людда». И теперь парламент сообщил, что эти действия являются серьезным преступлением. Люди Наполеона обгоняли Испанию, его корабли вооружились Поджигателями, разрушающими гордый Королевский военно-морской флот. Чтение газеты, безусловно, отвлекало от проблем.

Она услышала слабый скрип входной двери, ропот голоса дворецкого, она понятия не имела, как его зовут, и затем, более ясно:

— Я прекрасно знаю, что мисс Пемброук дома, и вам не нужно беспокоиться, спрашивая.

— Селина! — Элинон бросила газету на пол и вскочила со своего места, встречаясь с сестрой на полпути вниз и чуть не сбивая ее в порыве энтузиазма. — Селина, леди Грэттингем, — рассмеялась и крепко обняла ее. — Я так рада, что ты пришла, — сказала Элинон ей на ухо. — Я так по тебе скучала.

— Я тоже скучала по тебе. Теперь, мы присядем и поговорим? Я знала, что ты не возражаешь, если я приеду раньше на час. Селина мягко ущипнула щеку Элинон.

— И я намерена позавтракать с вами, что, как я понимаю, шокирует, но если кто-то виконтесса, то ему разрешено нарушать традицию, особенно в кругу своей любящей семьи.

— Я не могу получить большего удовольствия, — сказала Элинон, беря сестру за руку и ведя ее наверх в гостиную. — Я уберу эти бумаги. Садись, садись и не стесняйся снять эту ужасную шляпу.

— Ты считаешь ее ужасной? Она новая.

— Бордо никогда не был твоим цветом, Селина.

— Ты права. Ну, ладно, полагаю, мне придется заказать еще одну.

Селина вручила Элинон газету и сняла шляпу, рассыпав темные-русые волосы, которые сияли в рассеянном свете окна.

— Я не знаю, как ты можешь читать обо всех этих бедствиях в мире. У меня это вызывает тревогу.

— Мне нравится узнавать новости. И это не так уж и плохо. Королевский военно-морской флот только что объявил комиссию полудюжины новых кораблей, меньше и быстрее для борьбы с этими ужасными пиратами, выходящими из Вест-Индии

— Ты видела? Ужасные пираты, охотящиеся на наших морских путях.

Элино́р засмеялась и покачала головой:

— Я вижу, что ты не убеждена. Но есть гораздо более интересные вещи, о которых можно говорить. Как мои самые дорогие племянники?

— Очень дорогие, хотя бедный Джек страдал от кашля всю неделю. Колин вне себя от того, что лишился своего любимого друга.

Селина искоса посмотрела на нее и разгладила меховое серое пальто на животе.

— И я рассчитываю подарить им еще одного компаньона до того, как закончится год.

Элино́р снова обняла сестру, смеясь от восторга:

— Какие замечательные новости! Джон, должно быть, полон гордости.

— Он очень любит своих сыновей, — согласилась Селина. — Хотя я считаю, что он был бы так же счастлив, если бы у него была дочь.

— Конечно! Тебе так повезло с семьей, сестра. Если бы я верила, что могу быть вдвойне счастлива, — она остановилась, закусив губу.

Селина взяла ее руки и мягко сжала.

— Я знаю, почему мама и папа привезли тебя в город, — сказала она. — Они изменили свое отношение, когда у тебя появился необычный талант.

Элино́р кивнула:

— Все эти годы, когда я не обладала талантом, а затем однажды ночью... Я не понимаю, Селина, но это так. И теперь ничего не поделаешь, но я выйду замуж за какого-нибудь герцога или графа, о котором я не знаю... — слезы, которые она не выплакала в течение четырех месяцев, душили ее. Она с трудом сглотнула и продолжила:

— Это не та жизнь, которую я хотела.

— Какую жизнь ты хотела? Разумеется, не быть мисс Пемброук, старшей дочерью Иосия и Альбины Пемброук, живущей в их доме и питающейся их пищей, не имея дома и собственности.

Это было похоже на упрек.

— Ты говоришь так, будто соглашаешься с ними.

Селина покачала головой:

— Прошу прощения, дорогая, я совсем не это имела в виду. Я просто спрашиваю, чего ты хочешь — прожить с папой всю оставшуюся жизнь или выйти замуж за какого-нибудь безбородого герцога.

— Я хочу... — ничего не приходило в голову. — Я хочу быть свободной, делать то, что захочу. Если выходить замуж, то я хочу того, кого могу хотя бы уважать или даже любить, не потому, что у него есть правильный талант. И, конечно, хочу выйти замуж за того, кто меня волнует, а не за того... от которого подарок, полагаю, ты могла бы так это назвать. Хотя это поднимает вопрос о том, кто дал его мне. Возможно, Бог. Но на самом деле я не хочу чувствовать, что обязана своим дыханием кому-то другому. Не хочу быть благодарной все время, Селина, и папа никогда не перестает заставлять меня чувствовать, что все, что у меня есть и будет связано с ним.

— Хотела бы я знать, как дать это тебе.

— Как и я.

Селина сочувственно хлопала ее по руке:

— Разве ты не думала, что, возможно, один из этих титулованных лордов может быть тем, кого ты могла бы любить?

Элино́р пожа́ла плеча́ми:

— Но с папой, распространяющим новости о моем ценном таланте, как если бы он рекламировал лошадь для продажи, я сомневаюсь, что кто-то из них будет смотреть на меня иначе, чем на породистое животное.

— О, не надо, умоляю, не надо так говорить! Ты разбиваешь мне сердце, — огромная меховая муфта Селины упала с ее колен и покати́лась по полу. — Элли, ты заслуживаешь гораздо большего!

— Передай это папе. Он мог бы послушаться леди Грэ́тингем. Его, конечно, не интересу́ет мнение мисс Пембро́ук.

— Если бы я знала, что это принесет какую-то пользу... ты знаешь, что он учитывает только твои интересы.

— Или то, что, по его мнению, представляет для меня наибольший интерес, который, по случайному совпадению, в гармонии с тем, чего хочет Иосия Пембро́ук.

— Ты не можешь так цинично думать о нем.

— Почему нет? — Элино́р вздохнула.

Селина была права; он мог бы напугать ее, но он по-настоящему верил, что он помогает обрести счастье, связывая с нужным человеком, даже если его определение счастья не соответствует ее.

— Прошу прощения, Селина. Я просто так обескуражена. Ты знаешь, каким убогим был мой первый выход в свет. Мама уверяет меня, что на этот раз все по-другому, но я боюсь, что это будет просто ужасно.

— Ну, тебе нечего бояться, потому что я намерена представить тебя многим людям, которые увидят тебя, а не твой талант, — сказала Селина. — И папа не может заставить тебя выйти замуж в соответствии с его желаниями, ты знаешь.

— Я знаю. Но он угрожает защитит меня от «нежелательных», из-за чего я хочу найти одного из них и немедленно предложить заключить брак.

Селина засмеялась и наклонилась, чтобы поднять свою муфту.

— Я хотела бы быть там, когда ты это сделаешь!

— Позор, Селина, вторгаться в частные моменты. Дай мне эту муфту, и снимай пальто. Я думаю, что достаточно поздно, чтобы я могла потребовать завтрак от персонала. Присоединишься ли ты к нам позднее в нашей экскурсии по складам? Я буду гораздо счастливее, если я не останусь один на один с мамой и Амелией, которая, я уверена, найдет способ присоединиться к нам.

— Изменилась ли наша любимая сестра с тех пор, как я ее видела в последний раз?

— Ее скулы стали выше, и я считаю, что ее талия уже, не то, чтобы кто-то заметил. Если она не будет осторожна, то ее сломают пополам, как соломинку.

— Я часто задавалась вопросом, каково Целителю перемещать кости и мышцы, — Селина взяла Элино́р под руку, когда они спустились по лестнице, — я думаю, это похоже на змей, скользящих под кожей.

— Это точно. Когда думаю о змеях, первым делом на ум приходит Амелия.

— Я, вероятно, должна, сделать тебе выговор за то, что ты так жестока, но трудно поступить так, когда я согласна.

Глава вторая, в которой бал оказывается разочарованием

Фэтон грохотал и трясся по булыжникам, вынуждая Элинон цепляться за край сиденья или падать на колени матери. Ей хотелось, чтобы отец не занимал эту блестящую дорогую карету, которая притягивала пристальные взгляды прохожих. Беспокойство скручивало ее желудок, как будто она съела что-то ядовитое.

Она разгладила складки на подоле своего светло-зеленого платья, жалея, что не разделяет восторга матери по поводу ткани. Элинон была уверена, восхищение матери в необыкновенном таланте дочери начиналось и заканчивалось тем, что Элинон больше не ограничивалась ношением белого муслина на публике, несмотря на молодость и статус незамужней. Ее новый гардероб был заполнен шелками и атласам, которые Элинон считала гораздо более подходящими для матроны, чем для себя.

Они спорили о цветах платья, хотя Элинон было сложно рассуждать о чём-то настолько поверхностном. Миссис Пемброук отказалась рассматривать любой из цветов, которые Элинон предпочла, по причине того, что они были слишком темными, интенсивными или богатыми для девушки. А Элинон указала на то, что на несколько лет назад была вынуждена покинуть общество. Миссис Пемброук сказала:

— Это именно то, о чем никто не должен узнать.

Несомненно, ее мама очень надеялась, что три года назад выход Элинон в свет не остался в памяти модного общества, как воспоминание о неуклюжей, ничем не примечательной девушке.

— Помни, Элинон, о чем мы говорили, — сказал господин Пемброук. — Ты станешь объектом обсуждения этим вечером и должна казаться равнодушной к разговорам, скромной, вежливой, почтительной. Многие сегодня вечером будут разглядывать тебя, чтобы убедиться, не сделал ли тебя талант Поджигающей дикой и непослушной. Прими приглашение любого, кто пригласит на танец, но не отдавай предпочтений. Не стремись получить предложение на первом публичном появлении, особенно в начале сезона. Будет достаточно времени для этого, как только я познакомлюсь с кандидатами на твою руку более близко. Этот вечер для того, чтобы представить тебя модному миру.

— Что насчет ужина? — спросила Элинон.

Она понятия не имела, на какой ступени социальной лестницы находится — неужели необычная Поджигающая превосходит баронессу? И мысли о том, чтобы споткнуться при толпе, в которой все жалеют или презирают всех, заставили ее снова съежиться.

— Ты не должна бояться. Я гарантирую, у тебя будет подходящий партнер, когда придет время.

Элинон кивнула и опустила глаза, она представляла собой картину беспечного девичества. Ее желудок снова попытался вывернуться наизнанку. Девушка посмотрела на туфли, серебристо-зеленые, подходящие к платью. Должно быть, просто показалось, что они тесны, обувь очень хорошо сидела, когда она примеряла их два дня назад.

Они стояли в очереди перед парадными дверями дома лорда Ормерода, ожидая, пока их впустят внутрь. Миссис Пемброук всё время щебетала о перспективах Элинон, о её платье, о её волосах, о её украшениях, затем снова о перспективах, пока у Элинон не закружилась от всего этого голова. Может, она и обрадовалась этому недомоганию, как предлогу покинуть

вечер, если бы не была полностью уверена, что отец промокнёт ей лицо влажным платком и всё равно отправит на бал. Элинор тяжело сглотнула и сделала вид, что внимательно слушает мать. Всё будет не так уж страшно. Там будет Селина. Не все мужчины окажутся такими мерзкими, как она боится, и ей даже понравится танцевать. А отец, дай Бог, не будет весь вечер находиться подле неё. Не так уж и страшно. Совсем не страшно.

Особняк лорда Ормерода состоял из нескольких этажей, все его окна лучились светом. Дом был полон, хотя и не настолько заполнен, чтобы пробираться сквозь толпу. Лорд и леди Ормерод не появились, чтобы поприветствовать их, но, казалось, родители не думали о нарушении этикета. И, хотя Элинор услышала, как ее имя объявили, она не думала, что это было слышно, далее чем в пяти футах от двери. Она могла еще несколько минут сохранить анонимность.

Это был красивый особняк, но в нем было слишком много народа. Элинор пыталась не пялиться на изящно вырезанные столы и стулья, картины известных мастеров или изящные мраморные скульптуры, которые беспорядочно разместили по всему дому, как будто лорд Ормерод или его жена имели так много красивых, дорогих вещей и могли бросать их, где угодно. Как же отец получил сюда приглашение? Эта мысль смутила ее.

Она прошла через душные, тесные комнаты, в которых пахло потом и духами, и вышла в зал, где высокий потолок в оправе с позолотой и росписью напоминали полуденное небо. Обманки в виде облаков, готовые плыть по потолку и блокировать лучи невидимого солнца. Но на самом деле свет обеспечивался тремя люстрами, свет которых отражался на паркете. Мужчины в плотно облегающих кителях и бриджах до колена соперничали с женщинами в муслинах и шелках, драпированных марлей, за приз, на самый красочный наряд.

Элинор чувствовала себя неуместно, хотя ее собственное платье было таким же модным, как у всех. Она всегда боялась на таких встречах, что может сказать или сделать что-то неловкое, что заставило бы всех посмотреть в изумление на ее безвкусьность. Рука отца на локте не помогала облегчить ее дискомфорт. Она снова взглянула на толпу, разыскивая Селину. Бальный зал был достаточно вместительным, чтобы сохранять прохладу по сравнению с остальной частью дома. Хотя и освещался таким количеством свечей достаточных для того,

Чтобы поджечь крышу, заставить воск расплавиться прозрачной белой жидкостью и пролиться дождем над паркетным полом.

Мистер Пемброук положил руку ей на талию и притянул к себе:

— Не унывай, дочь, — прошептал он ей на ухо. — Твоя судьба еще грандиознее.

Элинор кивнула. Она не осмелилась смотреть на люстры снова — их три, кому действительно были нужны три люстры, заполненные самыми прекрасными тонкими восковыми свечами? Но огонь был везде: лампы на стенах, свечах над ее головой, и он умолял освободить его. Она сжала кулаки и отгородила стеной свое осознание от огня. Могли возникнуть неприятности.

К ним приблизилась высокая женщина в коричневом бархате с таким же высоким мужчиной с огромным животом.

— Мистер Пемброук, миссис Пемброук, добро пожаловать, — сказала женщина. — А это, должно быть, мисс Пемброук. Я леди Ормерод. Рада с вами познакомиться.

Хозяйка выглядела недовольной. Ее губы побелели, как будто испытала сильные эмоции, и она не предложила Элинор руку в знак приветствия.

— Мистер Пемброук, рад видеть вас! — мужчина, напротив, протянул отцу руку и с

энтузиазмом пожал ее. — Это, должно быть, ваша очаровательная дочь — нет, я ошибаюсь, миссис Пемброук, каждый раз, когда я вижу вас, вы все моложе!

— О, милорд, вы так милы! — ответила миссис Пемброук, хихикая и позволяя мужчине поцеловать ее руку.

— Мисс Пемброук, позвольте представить моего мужа, лорд Ормерод, — сказала леди Ормерод.

Элино́р присела в вежливом реверансе. Лорд Ормерод поднял глаза от бокала с вином и осмотрел ее.

— Какая привлекательная девушка, — произнес он. — И никаких следов... то есть, талант никогда не отражается на коже, не так ли?

— Думаю, вы правы, милорд, — сказала Элино́р, пытаясь казаться скромной, хотя, она понятия не имела куда еще скромнее.

— Очень привлекательная. Добро пожаловать в мой дом, мисс Пемброук, для меня большая честь приветствовать вас.

Его приветствие казалось настоящим, но Элино́р почувствовала почти ощутимую напряженность леди Ормерод и... да, это был страх. Желудок снова сжался в комок в животе.

— Я так счастлива, что вы можете присоединиться к нам этим вечером, мисс Пемброук, — сказала леди Ормерод. — И у вас такой... интересный... талант. Я уверена, что никогда не слышала о подобном.

— Моя дочь очень необычна, миледи, — сказал мистер Пемброук, положив руку на плечо Элино́р. — Надеюсь, вы заставите ее чувствовать себя желанным гостем. У нее мало опыта нахождения в обществе.

Элино́р покраснела от смущения. К счастью, казалось, леди Ормерод по-другому интерпретировала ее алые щеки.

— Конечно, я уверена, что она будет очень популярна, мистер Пемброук, — сказала она, и ее голос казался чуть теплее. — Мисс Пемброук, позвольте мне всех вам представить.

Она повела Элино́р вокруг зала так быстро, что девушка была не в состоянии запомнить больше, чем несколько имен, и едва ли в состоянии соотнести имена с нужными лицами — Лорд Лэндон... мистер Фицхенри... его светлость, герцог Ванниффорд... о, лорд Адельбурн, вот с кем ты должна познакомиться.

Невысокий, грузный молодой человек повернулся, чтобы приветствовать леди Ормерод, с легким интересом посмотрев на Элино́р.

— Мисс Пемброук, это граф Адельбурн.

— Очарован, — сказал молодой человек.

Элино́р сделала реверанс, потом подумала, правильно ли она поступила, потому что он смотрел на нее так, словно ожидал чего-то большего. Перед его вопросительным взглядом все тщательно спланированные фразы, заготовленные для разговора, покинули ее. Леди Ормерод откашлялась, и граф перевел на нее взгляд.

— О, — произнес он, — мисс Пемброук, могу я пригласить вас на два первых танца?

— Ах... конечно же, лорд Адельбурн, — пробормотала Элино́р.

— Вы извините меня? — сказала с улыбкой леди Ормерод и ретировалась быстрее, чем позволялось этикетом.

Элино́р снова обратила свое внимание на графа, смотревшего на нее с удивлением.

— Я, ах, то есть, милорд, боюсь, что мало знаю о лондонском обществе. Вы часто

бываете у лорда и леди Ормерод?

— Иногда, — ответил лорд Адельбурн. — Прошу прощения, но вы обладаете талантом Поджигающей, не так ли?

Щеки Элинора снова вспыхнули:

— Я бы так себя не назвала, но, да.

— Не имел в виду ничего такого. Я имел в виду, вы та, о ком все говорят.

— Все?

Музыканты заиграли первый танец, и лорд Адельбурн протянул Элинору руку и повел ее туда, где собирались пары.

— Ни о чем другом, похоже, не говорят. Во всяком случае, что такое «Необычный талант Поджигающей»?

Элинора сделала реверанс и потянулась, чтобы взять его руку в перчатке.

— Я способна формировать и гасить пламя, а также разжигать его.

— И это все? Звучит просто.

— Полагаю, что, да.

Они сделали следующие несколько кругов в молчании, и лорд Адельберн произнес:

— Я не очень хорош в ведении разговора.

— Я тоже, мой лорд. Может, это делает нас подходящими танцевальными партнерами?

Он, смутившись, рассмеялся:

— Возможно, так оно и есть.

У него была приятная улыбка, и Элинора ответила тем же. Это было не так страшно, как она представляла.

Когда их два танца закончились, лорд Адельберн поклонился и сказал:

— Вы не такая, как я ожидал.

И ушел, прежде чем она успела ответить. Верил ли он, так же как ее отец в предположение, что она была нестабильной и неуправляемой, просто потому, что могла управлять огнем? Девушка не знала, что больше ее тревожит, невежество молодого Эрла или страх леди Ормерод. Она двинулась сквозь толпу. Конечно, Селина была где-то здесь. У ее сестры было отличное чувство юмора, и она много раз поднимала настроение во время первого, катастрофического сезона. И она обещала найти Элинору неподходящих партнеров.

Но леди Ормерод снова взяла ее под локоть и сказала:

— Дорогая, вам срочно нужно познакомиться.

И снова Элинору привели к тому, чтобы присоединиться к танцам, едва успев узнать имя ее партнера. Она танцевала и снова танцевала, пока не начала получать удовольствие. Пришлось признать, что миссис Пемброк была права. Этот сезон сильно отличался от ее первого, неудачного. Хотя она не представляла, как Селина справилась с этим, влюбилась, в череду переполненных бальных залов. О, Селина, где ты?

— Мисс Пемброук, я надеюсь, вы наслаждаетесь, — сказала леди Ормерод. — Могу я представить вам, лорда Хаксли?

— Милорд, — ответила Элинора, приседая в реверансе, затем поднялась и поймала взгляд ярких, веселых голубых глаз высокого джентльмена. У него была кривоватая улыбка, будто он смеется над какой-то приватной шуткой; это не казалось жестоким. Он поклонился ей, его улыбка стала шире, и предложил руку.

— Мисс Пемброук, — произнес он, его голос был глубоким и приятным, — надеюсь, вы будете моим партнером в течение следующих двух танцев?

— С удовольствием, — ответила Элино́р, поняв, что говорит правду.

Она не была романтичной, не думала, что лорд Хаксли смотрел на нее, как на возлюбленную, но восхищение в его глазах сказало, что он видел ее саму, а не необычный талант. С удовольствием она приняла его руку.

— Надеюсь, вы наслаждаетесь Лондоном, мисс Пемброук? — спросил лорд Хаксли, когда началась музыка. — В городе есть что посмотреть.

— Пока я почти ничего не видела, милорд. Мы в городе всего семь дней.

— Вам понравился театр?

— Я была там всего раз или два, милорд. Боюсь, вы посчитаете меня унылой провинциалкой.

Он ухмыльнулся своей кривоватой улыбкой.

— Я бы так посчитал, — сказал он, — если бы я верил, что вы не намерены исправить этот недостаток.

— Как вы можете судить об этом на пятой минуте знакомства? — она улыбнулась ему в ответ.

— Я горжусь способностью читать характер мужчины или женщины по глазам. Ваши ясно указывают, на то, что у вас смелая душа.

Элино́р покраснела:

— У меня?

— Действительно. Не отпирайтесь, у вас повадки молодой женщины, которая, когда ей говорят «нет», хочет знать «почему?»

— Я думаю, вы ошибаетесь, милорд. Но считаю, вы собирались сделать комплимент, поэтому благодарю вас.

— Вы верите, что женщинам не должна быть присуща любознательность?

— Я полагаю, любознательность может быть присуща любому, не зависимо от пола.

Лорд Хаксли рассмеялся:

— Такой скромный ответ. Вы не такая, как я ожидал, мисс Пемброук.

— Вы не первый, кто сказал мне об этом сегодня вечером, милорд.

— Я думаю, вы не много знаете о других Поджигающих, мисс Пемброук. Они, как правило, довольно хаотичны в разговорах и действиях. Предположу, что Необычная Поджигающая, еще больше должна быть похожа на Поджигающую, чем сам Поджигающий, если вы понимаете, о чем я. И все же вы спокойны и вежливы, и так красиво краснеете — да, вот снова, — Элино́р оказалась неспособна встретить его взгляд. — И все же я представляю, что вы на самом деле, где-то посреди этих крайностей.

— Простите меня, милорд, я не привыкла к таким откровениям в разговоре с малознакомым человеком.

Лорд Хаксли был очень проницательным, и она не могла решить, смущало это ее или нет.

— Я не хотел обижать вас. Я нахожу вас интересной, мисс Пемброук, и, боюсь, слишком много думаю о новой знакомой.

— Я не обижаюсь, просто... вы первый сегодня вечером, кто был так честен. И мне это нравится.

Музыка подошла к концу, но, когда лорд Хаксли поклонился, он предложил Элино́р руку:

— Я счастлив быть вашим партнером, на ужине, — сказал он. — Могу я вас

сопроводить? Я хотел бы продолжить наш разговор.

— Спасибо, милорд, — сказала Элинор, снова покраснев.

Она чувствовала себя такой глупой, как девушка, которая только что выбежала из классной комнаты, краснея от любой провокации, но, несмотря на его возраст, а ему было уже за тридцать, он обладал очаровательной улыбкой и искренне интересовался разговором с ней.

Она до сих пор не видел Селину, когда они сели за стол, и это отвлекало ее в достаточной мере, чтобы обеденный партнер привлек ее внимание.

— Моя компания приелась так быстро? — спросил он с косою ухмылкой.

— Я надеялась увидеться с моей сестрой, — призналась она. — Не похоже, чтобы она так опаздывала.

— Ваша сестра леди Грэтингем, не так ли? Боюсь, что я не знаком с ней, но о ней хорошо говорят во всех лучших кругах.

— Мне она очень дорога, и я надеюсь, что не случилось ничего серьезного, что бы задержало ее.

— Конечно, нет. Вы представите нас, когда она придет?

— Представлю, если вы этого хотите.

— Я хочу. Мне кажется, я заинтересован в том, чтобы встретить такого же замечательного человека, как вы, мисс Пемброук.

— Теперь вы флиртуете со мной, милорд. Это неправильно.

— Поскольку вы единственная в своем роде во всей Англии, я считаю, что упоминание о вас, как замечательной, едва ли может означать флирт.

На сей раз, Элинор не покраснела.

— Мой отец сказал то же самое, что я единственная в своем роде. Это правда?

— Он тот, от кого я это слышал, и все знают, что Иосия Пемброук является авторитетом в области истории таланта в Англии.

— Ясно.

Она притронулась к еде, чтобы скрыть свое замешательство. Лорд Хаксли говорил с ее отцом, но это не обязательно означало, что он — с другой стороны, он был именно тем человеком, которого ее отец предназначил для нее — и он сопровождал ее к ужину...

— Вы неожиданно тихи. Я могу спросить, какие мысли витают в вашей головке? — спросил лорд Хаксли.

— Я думала снова о танцах, — она солгала. — Я действительно получаю удовольствие от них, и приятно находиться с людьми, которых ты не знал всю жизнь.

— Я сожалею только о том, что ваша великая популярность мешает мне снова танцевать с вами, мисс Пемброук, — сказал лорд Хаксли с улыбкой.

Элинор вернула ему улыбку, но автоматически. Он был слишком гладок, слишком воспитан. Элинор не считала себя неприятной, но она не верила, что такого человека, как лорд Хаксли, заинтересовал бы такой человек, если бы она не пришла с большим приданым. Или, в ее случае, необычным талантом. Теплые чувства, которые его внимание вызывало в ее груди, скончались на пустом месте. Она в отчаянии хотела, чтобы Селина появилась, и они могли бы найти тихое место, где Элинор могла бы излить свое горе.

Ей удалось перетерпеть остальную часть ужина, и явно не искренние комплименты лорда Хаксли, не разрывающиеся и поджигая стола. Когда собравшаяся компания поднялась из-за стола, он снова предложил ей свою руку, но вместо того, чтобы отвезти ее обратно в

бальный зал, молодой человек провел ее через другую комнату и открыл дверь в дальнем конце.

— Я уверен, что вы перегрелись, и прохладный воздух пойдет вам на пользу, — сказал он.

Элинор, смущенная, прошла через дверь и очутилась в маленьком саду позади дома, и ее снова поразил незнакомый запах Лондона: едкий запах тумана, смешанный с более отдаленным кисло-сладким запахом Темзы. Ночной воздух был холодным, и, хотя он очистил ее голову, это было не совсем приятно. Тонкое платье совсем не защищало, и ее руки и щеки покрылись гусиной кожей. Она вздрогнула.

— Милорд, я благодарна за вашу заботу, но... — начала она.

— Не нужно, — сказал он, обняв и прижимаясь губами к ее губам.

Она была так поражена, что сначала все, что могла сделать, это стоять неподвижно и позволять себе целовать. Рукава его пальто терлись о голые руки с грубостью, которая раздражала ее нежную кожу. Его поцелуй отдавал говядиной и вином, в сочетании с уксусом. Затем она опомнилась и попыталась оттолкнуть его, безрезультатно. Он сжал ее плечи, а губы стали твердыми и настойчивыми. Разъяренная, она била его в грудь, пока он, наконец, не отпустил ее, улыбаясь этой кривой улыбкой. Она сделала несколько шагов назад и вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Милорд, я не знаю, что сделала, чтобы вы поверили, что я буду рада такому вниманию, — сказала она, ее голос дрожал от ярости, — но, уверяю вас, я не из тех женщин, которые это ценят.

— К счастью, вы оттолкнул меня, — сказал лорд Хаксли. — По вашей реакции видно, что вы не знакомы с мужчинами, и это самое привлекательное, — он потянулся и погладил ее по щеке. Она отпрянула. — Вы не должны бояться меня, мисс Пемброук. Я научу вас наслаждаться моими объятиями.

— Милорд, я искренне верю, что это невозможно. Позвольте мне вернуться на бал.

Он хихикнул:

— Действительно замечательно, — он открыл дверь для нее и взял за руку, когда она пыталась пройти мимо него. — Я с нетерпением жду нашей следующей встречи.

— Я считаю, что вы будете долго ждать, прежде чем это произойдет, — парировала она, выдергивая руку и убегая.

Никто, казалось, не заметил ее отсутствия. Она оглядела толпу в поисках светлых волос леди Ормерод и, найдя ее, быстро двинулась в другом направлении. Элинор покинула бальный зал и начала открывать двери наугад, зная, что ей нужно найти место, где она сможет побыть одна, не заботясь о том, что это неуместно и неприлично блуждать по дому хозяев без приглашения и без сопровождения.

«И это я должна стерпеть? — думала она. — Все будут верить, что я так отчаянно хочу замуж, что приму любую дерзость?» Она снова грубо потерла свои губы, пытаясь забыть вкус поцелуя лорда Хаксли.

Она открыла еще одну дверь и вошла в тускло освещенную комнату, в которой пахло пылью и затхлостью. Лунный свет проникал сквозь высокие окна, тяжелые синие или черные драпировки были завязаны толстыми веревками, кисти которых касались пола. В одном углу стоял рояль, накрытый белой простыней, арфа угловой формы, тоже накрытая, стояла в другом. Длинный, темный мягкий диван с высокой спинкой стоял напротив рояля, а светлые стулья с узкими ножками и подушками, соответствующие цвету штор, были

расположены по всей комнате.

Элинор закрыла за собой дверь и села на один из стульев, закрыв лицо руками в перчатках. Она могла бы заплакать, пожалеть себя, но это бы ничего не изменило, кроме испорченного цвета кожи и заревавшего лица, когда, в конце концов, она вернется на бал. И девушка предполагала, что обязательно нужно вернуться. Жаль, что не было возможности вызвать экипаж и убежать через черный ход.

Деликатный кашель заставил ее вскочить со стула, сжимая руки перед собой, как будто она была ребенком, пойманном за кражей кусков сахара из чаши.

— Вероятно, вам не следует здесь находиться, — сказал человек, развалившийся на диване.

— Ну, и вам не следует, —

возразила она, смущенно прикусывая язык.

— Я живу здесь. А вы нет.

— Если вы живете здесь, вы должны быть с гостями, а не... не прятаться в темных комнатах.

— Где я могу напугать невинную молодую леди, вы это имеете в виду? — мужчина был высокий, со светлыми волосами, которые казались серыми в тусклом свете музыкальной комнаты, одетый в темный костюм необычного кроя. Он обошел спинку дивана и прислонился к ней, расслабленный, как если бы невинные барышни были для него чем-то естественным. — И они не мои гости, а моего кузена Гарри.

— Значит, лорд Ормерод, ваш кузен?

— Далекий. Третий двоюродный брат, или кто-то еще. И я был на балу пятнадцать минут назад. Я думал, что это комната, где человек может немного побыть один, подальше от всего этого шума.

— Я не знала, что была не одна, и не производила шума, — сказала Элинор.

— Вы достаточно спокойная, но я подумал, что если у вас здесь свидание, я должен оповестить о своем присутствии, пока ситуация не стала неловкой.

— Свидание?

— Это не редкость, в этих делах. Разве вы пришли сюда не для того, чтобы встретиться со своим кавалером?

— Как вы смеете оскорблять меня? Я дворянка! — что же в ее облике, заставляло мужчин предположить, что она была открыта для любых любовных приключений?

— Эти дворянки, которые чаще всего, пробираются в уединенные комнаты, как эта...

— Не говорите больше ни слова, вы... капитан, — пробормотала Элинор, понимая, что его странный темный костюм с белыми облегающими подкладками, а полоса вдоль манжет на самом деле была военно-морской униформой. — Я пришла сюда, потому что я... на самом деле, думаю, что это не ваше дело, почему пришла сюда, но уверяю вас, это не для какой-то тайной встречи. Или вы так обвиняете меня, потому что ждете здесь кое-кого... для утех?

— Уверяю вас, мне не нужно уединяться в темных, неудобных комнатах, — сказал капитан, его светлые глаза были бесцветными, как его волосы в тусклом свете. Он казался удивленным, что разъярило Элинор. Она хотела бросить что-нибудь резкое, но он продолжил: — И я извиняюсь, мисс, если я вас обидел. Это было настоящей ошибкой.

— Вам не нужно постоянно извиняться, если ваши предположения — все такие «настоящие ошибки», как эта, — сказала она.

— Я не стану извиняться за то, что сказал, что думаю, и это правда.

Он скрестил руки на груди. Ей показалось, что он ее разглядывает, и она покраснела от гнева.

— Если вы закончили на меня пялиться, то я оставляю вас в покое, — сказала она.

Она положила руку на дверную ручку, когда он сказал:

— Подождите.

— Вы придумали другое оскорбление, чтобы поделиться со мной, капитан? — сказала она.

Наступило долгое молчание.

— Нет, — сказал он наконец. -

Ничего. Приятно познакомиться, мисс.

— Хотела бы я сказать то же самое, — слова сорвались с ее губ, прежде чем она пожалела о них.

Элинор повернула ручку двери, и та громко захлопнулась за ее спиной. Почему она так сказала? Он не собирался оскорблять ее, а она была так груба... но она не могла вернуться и извиниться, будет глупо звучать, и он, вероятно, не так уж и оскорблен. Ее лицо запылало от смущения. Если повезет, она никогда не увидит его снова, и, в конце концов, она забудет, как ужасно отнеслась к незнакомцу.

Ей понадобилось некоторое время, чтобы вернуться на бал, поскольку она не запоминала дорогу, когда впервые прошла через дом, но опять, похоже, никто не заметил ее отсутствия. Селины все еще не было. Светлая прическа леди Ормерод виднелась в дальнем конце зала. Элинор решила не попадаться на глаза любому, кто мог бы пригласить ее танцевать, и отправилась на поиски своей матери.

Она нашла ее в одном из салонов бального зала, игравшую в вист и смеявшуюся, как сумасшедшая, из-за слов партнера.

— Что такое, Элинор, дорогая?

— У меня разболелась голова, мама, — сказала Элинор, прижимая одну руку в перчатке ко лбу и надеясь выглядеть не слишком театрально. — Как думаешь, мы можем уехать отсюда?

— Моя дорогая, прошел всего один час! Но если ты больна... Феодосия, возьми мои карты. Элинор, сиди здесь и выпей пунша, а я найду твоего папу.

Прошло некоторое время, прежде чем появилась миссис Пемброук:

— Мистер Пемброук отправился вызвать экипаж, и я уверена, что мне не нужно предупреждать тебя, чтобы ты не дразнила его, потому что он не был рад узнать, что нужно так скоро уйти. Ты знаешь, каким он становится увлеченным, когда обсуждает политику!

Но мистер Пемброук не выглядел сердитым. Фактически, он выглядел почти довольным, когда она села в экипаж напротив него.

— Думаю, сегодняшней дебют мы можем назвать удачным, Элинор, — произнес он.

— Правда, папа? Я так рада.

— В самом деле. Ты очень хорошо себя вела. Я не могу точно сказать, сколько комплиментов я получил по поводу тебя. Надеюсь, тебе понравился вечер?

До тех пор, пока на меня не напали, а затем я была ужасно груба с тем, кто этого не заслужил.

— Да, папа. Было приятно получить столько внимания.

— Особенно от некоторых, а, дочь? — мистер Пемброук усмехнулся.

— Я... не понимаю, папа?

— Сегодня ты одержала по крайней мере две победы — неужели ты не знаешь об этом? Конечно, мы не можем рассмотреть предложение господина Сент-Джорджа, он слишком стар и не имеет титула, но лорд Хаксли...

Элинор ахнула:

— Папа, ты же не хочешь сказать, что лорд Хаксли сделал мне предложение?

— А почему бы и нет? В тебе есть именно то, что он ищет в жене. Конечно, он еще только наследник своего отца, но, в конечном итоге, он станет графом Лимингтона, а у Хаксли один из сильнейших талантов Прохвоста в стране.

— Но... но он едва знает меня!

— Именно поэтому я сказал ему, что не желаю думать о том, что ты заключила помолвку вскоре после прибытия в Лондон. Ты встретишься с ним на приемах, несколько раз, и я заверяю тебя, что он намерен сохранить твой интерес к нему. У него хорошие манеры, он не слишком стар...

— Почти вдвое старше меня, я отказываюсь от предложения!

— О, Элинор, ты ведешь себя глупо! — воскликнула миссис Пемброук. — Красивый, талантливый, богатый, титулованный, ты не можешь рассчитывать на лучшее. Я так рада за тебя, что заплачу!

Узел снова начал образовываться в желудке.

— Папа, ты сказал, что мне не придется рассматривать предложение на моем первом выходе в свет.

— И ты не будешь. Я предполагаю, что лорд Хаксли официально не сделает тебе предложение, пока вы не встретитесь еще четыре или пять раз.

— Но как насчет... ты говорил, что хочешь, чтобы у меня было много предложений, чтобы ты мог их рассмотреть? — голова у нее начала болеть сильнее, как будто над ней захлопнулся невидимый капкан.

— Я не ожидал, что ты привлечешь внимание кого-то, кого можно назвать лордом Хаксли. Мы присоединимся к нему в театре через три ночи. Он сказал, что ты проявила интерес. Разве ты не видишь, как он заботится о том, что тебе понравится?

Узел в желудке сжался сильнее.

— Папа, я не... он проявил ненадлежащие ухаживания, и я убеждена, что он мне не может понравиться.

Мистер Пемброк махнул рукой:

— Нередко мужчины увлекаются в присутствии женщины, к которой они уже испытывают притяжение, — сказал он. — Ты молода и незнакома с мирскими путями. Не спеши.

— Папа, — в отчаянии воскликнула Элинор, — я не приму предложение лорда Хаксли. Хорошее настроение мистера Пемброка исчезло.

— То, что я слышу от тебя, говорит, — сказал он, — о том, что ты отказываешься подчиняться моим пожеланиям.

— Но, папа, я...

Он наклонился вперед и крепко сжал ее колено.

— Я не услышу «нет» от тебя, дочь, — сказал он. — Ты можешь не думать о своем будущем, но я уверяю, у тебя есть я. Я потакал твоим капризам намного дольше, чем следовало бы, учитывая, что ты, по возможности, делаешь то, что тебе нравится, и теперь я

не буду столь снисходителен. Не думай, что я буду поддерживать тебя всегда. Ты выйдешь замуж, ты удачно выйдешь замуж, и ты будешь благодарна за мое вмешательство. Как ты думаешь, человек, подобный лорду Хаксли, когда-либо обратил на тебя внимание, если бы я не привлек твой талант? Твоя мать права — ты не можешь рассчитывать на лучшее, и, я мог бы добавить, ты вполне достойна худшего.

Из глаз Элино́р брызнули слезы.

— Ты не можешь заставить меня выйти замуж, — прошептала она.

— Я могу сделать твою жизнь невыносимой, если ты не согласишься. Представь себя отрезанной от всего, твое равновесие пошатнется, твои движения ограничены. Больше никаких вечеринок, никаких балов, никаких социальных визитов. Я запрещаю тебе библиотеки и газеты. Что ты выберешь? Третьего пути нет, — он нажал колено посильнее, и она ахнула.

— Мистер Пемброук, не...

— Молчи. Элино́р, ты не дура. Ты должна понять, что я делаю лучше для тебя. Ты будешь счастлива. Подумай. Ты не думаешь, что мне нравится причинять тебе боль.

Элино́р открыла было рот, чтобы заговорить, и снова задохнулась, когда его рука сильнее сжала колено.

— Я понимаю, — прошептала она. Несколько слез капнули на зеленый шелк, оставляя следы, которые, вероятно, быстро высохнут. Мистер Пемброук ослабил хватку и похлопал ее по колену, прежде чем убрать руку.

— Тогда все решено, — сказал он совершенно нормальным голосом. — Тебе рано вставать завтра, дочь. Теперь мы живем в Лондоне.

Элино́р кивнула. Миссис Пемброук, непривычно молчаливая, потянулась, чтобы погладить колено дочери, но отдернула руку, прежде чем прикоснуться к ней.

Элино́р подчинилась заботе Мостин — ее мать, как бы извиняясь, сначала отправила женщину к Элино́р, а затем села в своей ночной рубашке на краю постели и уставилась на огонь. Пламя горело низко, и у Элино́р не хватило сил поднять его. Вспоминалась улыбка лорда Хаксли. Это было бы не так уж и плохо? По крайней мере, он интересовался ею, хотя насколько его интерес был связан с ее талантом, она понятия не имела. Он был дружелюбным, забавным, привлекательным, богатым, или будет, как сказал ее отец, и когда-нибудь он сделает ее графиней. Она вспомнила, как его губы снова прижимаются к ней, опустилась на колени, залезла под кровать, доставая ночной горшок, в который ее стошнило.

Позже она вытерла рот полотенцем и прижалась лбом к подлокотнику. Ее отец мог бы одеваться так, как ему нравилось, но ее продавали на рынке так же, как если бы она была двухлетней кобылкой. Что бы ни хотел лорд Хаксли от нее, она была уверена, что это был не совсем ее талант.

Она отнесла горшок с водой в туалет и вылила его, сморщив нос от зловония, затем забралась в постель и натянула одеяло до подбородка. Жизнь рабыни в своем семейном доме. Жизнь раба в особняке или поместье лорда Хаксли, или где бы он ни жил. Третьего пути не было. И я никогда не извинюсь перед капитаном. Сейчас это не важно.

Она погрузилась в беспокойный сон и мечтала о том, чтобы луддиты разгромили дом ее отца, мечтала, что она одна из их числа, и подожгла это место, а затем проснулась от ужаса, что сон мог быть реальным, хотя она бессознательно не сжигала что-либо с той первой ночи четыре месяца назад. Элино́р снова спала и представляла своего отца капитаном карибского пиратского корабля, представляла свой корабль снова и снова, пока она не проснулась с

холодным апрельским рассветом, третий путь, четко обозначился в ее голове.

Девушка оделась в темно-зеленое мериновое платье и подходящий спенсер, хорошую качественную одежду без излишеств, одежду, которая помогала выглядеть серьезным, ответственным человеком. Затем приподняла волосы, чего не делала с первого своего неудачного сезона, одела хорошую серую шляпку с шелковой подкладкой поверх и накинула плащ на весь наряд. Потом осмотрела себя в зеркале. Густые брови заставляли ее выглядеть свирепо, что в данном случае могло быть добродетелью. Она отряхнула подол, спустилась вниз, и дворецкий вызвал извозчика.

Она ждала на входе, притворяясь спокойной, а не испуганной тем, что какой-то Пемброук или кто-то другой может порвать с традицией и рано встать, войти в зал и узнать, куда она направляется. Наконец, экипаж подошел к входной двери. Она залезла в него без посторонней помощи, постучала по крыше и сказала:

— Отвезите меня в Адмиралтейство.

Глава третья, в которой Элинор борется с Адмиралтейством

Элинор никогда не видела Уайтхолл и была разочарована тем, что его блочная архитектура выглядела точно так же, как те части Лондона, с которыми она познакомилась. Она считала, что такое важное место будет более выдающимся. Адмиралтейство располагалось в ряду непритязательных зданий из красного кирпича, расположенных вокруг центрального внутреннего двора, окруженного внушительной колоннадой, в которой находился небольшой квадратный вход, достаточно низкий, чтобы позволить ей проехать.

Даже в столь раннее утро двор уже был наполнен людьми в униформе, проходящими через вход, из разных дверей, открытых во дворе. Она заплатила извозчику и спустилась во двор. Элинор не видела других женщин, но высоко подняла голову и прошла через проход к псевдо-греческой арке с четырьмя колоннами, которые выглядели совершенно неуместными на современном кирпичном фасаде. Никто не остановил ее.

Зайдя внутрь, девушка остановилась, не зная, что делать дальше. Мраморный пол под ногами отражал ее, как серое пятно, портящее гладкую белизну. Огонь пылал в высоком камине, изо всех сил согревая мрачную комнату, стулья, окружающие камин, были, вероятно, единственными потребителями его тепла. Еще больше дверей выходило из этой комнаты, впереди и слева от нее, ни одна из которых не давала ни малейшего представления о том, куда она должна идти.

Ее неуверенность росла внутри, как приближающийся туман, который она была бессильна остановить. Еще не поздно было вернуться домой, повернуть и выйти за дверь, как будто ей просто любопытно было узнать об интерьере Адмиралтейства, и теперь она удовлетворила интерес. Она полуобернулась, сделала шаг к входной двери — нет, если я уйду, это произойдет потому, что Первый Лорд отвергнет мой план, а не потому, что я трусиха.

Она переводила взгляд с одной двери на другую, желая, выбрать одну, но боясь ошибиться. Ее неуверенные колебания принесли ей сомнительную помощь в виде человека в ливрее, который спросил:

— Могу ли я чем-то помочь вам, мисс?

Как будто это было не так.

— Я хочу поговорить с Первым Лордом Адмиралтейства, — объявила она, расправляя плечи и пряча руки в юбке, чтобы их дрожь не выдавала ее.

Служащий, удивленно, спросил:

— У вас назначена встреча, мисс?

Его голос ясно звучал так, как будто он не мог представить, чтобы кому-то, вроде нее, назначена встреча с такой прославленной персоной, как Первый Лорд.

— Я думаю, что лорд Мелвилл захочет поговорить со мной, когда он узнает, о чем идет речь, — сказала она, выдерживая его пристальный и спокойный взгляд, внутренне содрогаясь от растущего ужаса. Она надеялась, что Первый Лорд был разумным человеком. Ее план зависел от него.

— Мисс, я думаю, вы были дезинформированы... Первый Лорд — очень занятой человек, и никто не может просто войти в это здание и потребовать аудиенцию.

— Повторяю, сэръ, лорд Мелвилл захочет поговорить со мной.

Служащий задохнулся от раздражения:

— Мисс, боюсь, мне придется попросить вас уйти.

Он потянулся, чтобы схватить ее за плечо, поколебался, затем шагнул вперед и слегка взмахнул руками, этот жест мог бы развлечь Элинора, если бы она не была так взволнована. Он выглядел как курица, пытающаяся заставить непослушного птенца подчиниться.

Девушка сжала кулаки, которые теперь дрожали так сильно, что он не мог не заметить. Она посмотрела через плечо мужчины на большой камин, где веселый огонь трещал, приветствуя ее.

— Сэр, мне кажется, что что-то не так с огнем, — сказала она.

Служащий рефлекторно оглянулся через плечо:

— Я не вижу ничего плохого. Что вы имеете в виду?

Она подняла руку, зная, что драма иногда может победить там, где разум и логика не смогли.

— Это, — произнесла Элинора и сделала ненужный жест, поскольку она приказала ему погаснуть.

Пять человек, проходящих по комнате, остановились, и Элинора услышала, как кто-то задыхается. Человек в ливрее отступил на два шага назад от изумления, затем повернулся, чтобы посмотреть на нее, его челюсть отвисла, и глаза широко раскрылись.

— Ты... — начал он, казалось, потеряв дар речи.

— Я, — сказала Элинора и снова указала на пламя. Огонь снова появился, столь же жаркий и яркий, как будто его никогда не гасили. — Мне еще показать вам? Или вы отведете меня к лорду Мелвиллу?

Служащий кивнул, его рот слегка приоткрылся.

— Следуйте за мной, мисс, — проговорил он.

Элинора последовала за ним по широким, мраморным коридорам, слишком нервничая, чтобы уделять внимание обстановке. Она не сводила взгляда со спины служащего, когда они проходили мимо мужчин в форме или ливрее, она не замечала их реакции на ее присутствие, хотя, казалось, что их взгляд прижат к ее спине, как ржавый нож, слишком тупой, чтобы пронзить кожу, но, тем не менее, причиняющий боль. Проводник привел ее к тяжелой дубовой двери, которая выглядела точно так же, как и все остальные, мимо которых они проходили. Мужчина открыл ее, торопясь внутрь, не дожидаясь, когда она пройдет вперед.

— Милорд, — произнес он, его голос дрогнул, — эта молодая леди хочет поговорить с вами.

Эта комната была с высокими потолками, обшита панелями из дуба, с окнами вдоль одной стены, которые впускали серый утренний свет. Огромный стол с зеленой скатертью занимал большую часть комнаты, и камин, с заложенными дровами, но не зажженный, прерывал обшитую панелями стену с правой стороны. Длинные цилиндры, которые могли бы содержать карты, были повешены выше камина. По всему помещению располагались часы диаметром в несколько футов. Рядом со стеной между узких стеклянных книжных полок стояли несколько глобусов, таких больших, что она не смогла бы обхватить их руками. Комната была большой, мужской и подавляющей, и из-за этого Элинора расслабилась немного. В таком помещении слишком трудно запугивать, как и крупному мужчине, бушующему в ссоре, который еще не знает, что его штаны порваны сзади.

В дальнем конце стола стоял стул с высокой спинкой, в котором сидел мужчина с красивым лицом и слегка растрепанными волосами. Два адмирала находились рядом с ним

и склонились над столом, рассматривая большой лист бумаги, потом взглянули на нее, окинув пристальным, изумленным взглядом, а четвертый мужчина был у окна, глядя на улицу и не обращая на нее внимания.

Сидящий мужчина спросил:

— Графтон, ты с ума сошел?

— Милорд, пожалуйста... дайте ей пять минут, — сказал Графтон, взглянув на Элинора с немалой долей страха.

— Нет, ни пяти секунд. Юная леди, я не знаю, как вы заставили этого человека, чтобы он привел вас сюда, но я удивлен отсутствию воспитания. Пожалуйста, уходите, пока я вас не выпроводил.

В дополнение к огню в камине, по стенам были расставлены неоновые лампы, а декоративная лампа, очевидно, бывшая корабельным фонарем, стояла на столе. Еще одна лампа полупрозрачного стекла диаметром около трех футов висела высоко над столом, проливая лишь тусклый свет на происходящее внизу. Элинора задумалась, тусклый свет не беспокоил Первого Лорда, который наверняка должен прищуриться, чтобы прочитать газету.

Элинора вздрогнула, кутаясь в плащ.

— В вашей комнате слишком холодно, — произнесла она и зажгла сразу все огни в комнате. Огонь на решетке взревел от того, что его освободили, заполнив камин и вытянувшись в два фута вверх по трубе. Огонь в лампах на стенах поднимался на семь дюймов в воздухе, и жидкий воск заливал бра, капая на пол. Корабельный фонарь издал треск. Элинора быстро успокоила этот огонь, надеясь, что он не слишком сильно повредил лампу.

Мелвилл вскочил на ноги, опрокинув стул. Человек, ближайший к камину, отошел от него, защищая свое лицо от ярости огня; мужчина у окна посмотрел на горящий фонарь рядом с ним, затем повернулся, чтобы взглянуть на Элинору и скрестил руки на груди, прислонившись к стене. В этой позе, несмотря на то, что его лицо было освещено утренним светом, льющимся через окно, Элинора сразу же узнала капитана, которого встретила накануне. Она сделала произвольный шаг назад, затем обратила свое внимание на Мелвилла. Он был напуган.

— Ты осмелилась зайти ко мне в кабинет и показывать трюки Поджигателей! — закричал он. — Графтон, выгоните эту женщину немедленно!

— Я приношу свои извинения. Кажется, я сделала вашу комнату слишком теплой, — сказала Элинора. Удивляясь своему спокойствию. -

Позвольте мне исправить свою ошибку.

Она приглушила все огни мыслью, оставив в комнате только остаточное тепло. Без скудного света настольной лампы комната казалась еще холоднее, чем раньше, в бледном серо-голубом свете из окон четверо мужчин выглядели, словно сделанными из воска. Элинора поспешно вернула огонь в настольную лампу, которая уменьшила эффект, но не устранила его. Ее беспокойство растаяло, как воск свечи. Она сделала необратимый шаг, и теперь уже не было возврата.

— Графтон... — начал Мелвилл, потом понял, что она сделала. Лицо его застыло в изумлении. — Вы... — сказал он Элиноре, и тут слова закончились.

— Милорд, это мисс Пемброук, — сказал капитан, подходя к столу, положив руку на рукоять меча, чтобы он не качался. — Она, как вы, поняли, Необычная Поджигательница, — он слегка поклонился в ее сторону. — Мы... были представлены вчера вечером.

— Капитан, — сказала Элинор, слегка присев в реверансе. Кажется, он не держал зла за ее грубость, но и не казался дружелюбным. Откуда он узнал ее имя? — Милорд, извиняюсь за демонстрацию, но я хотела, чтобы вы отнеслись ко мне серьезно. Я хочу предложить свои услуги Королевскому военно-морскому флоту.

В комнате стало тихо. Элинор не позволила себе покраснеть. Это был ее третий путь, и она не должна позволить им отказать.

— Хорошо известно, что флот проигрывает в битве, — сказала девушка. — Пираты преследуют английские торговые суда, нарушая нашу торговлю, в то время как корабли Наполеона вмешиваются в конвой, снабжающие лорда Веллингтона на полуострове. Наш военно-морской флот является жемчужиной вооруженных сил, но большинство кораблей слишком тяжелы, чтобы успешно защищаться от более мелких, быстрых частников и пиратов, и, как я понимаю из сообщений в газетах, мы не можем позволить себе разбить наши силы теперь, когда Наполеон закрыл европейские порты для торговли. Что еще хуже, большинство вражеских кораблей имеют Поджигающих в большем количестве, чем мы в настоящее время, и они уничтожили или захватили многие из кораблей, от которых зависит защита нашего флота, заставляя верфи работать на их замену.

Она вздохнула:

— Милорд, я полагаю, вы можете использовать мой талант. Я способна сделать эти атаки бесполезными. Моя сила в воспламенении пожаров не имеет себе равных. И, если достаточное количество наших врагов поймут, что нападение на наши корабли принесет только смерть и бедствие, они будут искать более легкие цели в других местах.

На самом деле она не была уверена в своем утверждении, поскольку у нее еще не было причин проверять пределы своих возможностей. Но девушка чувствовала, как огонь зовет, и верила, что если она попросит об этом, то сожжет это здание и всех внутри. Образ вызывал у нее отвращение.

Молчание продолжалось еще несколько секунд, затем оба адмирала заговорили одновременно, их слова запутались в воздухе, так что они не дошли до ушей Мелвилла. Первый Лорд наклонился к своему креслу, затем сел в него, устремив взгляд на Элинор. Годы тренировки спокойного облика перед презрением и гневом отца не давали ей дрогнуть от его пронизывающего взгляда.

— Подождите, — сказал он, и адмиралы замолчали. — Вы женщина, — продолжил он.

— Я понимаю это. Я всю жизнь была женщиной. Вы думаете, что женщина не испытывает желания защищать свою страну?

— Женщины не служат во флоте. Для женщины из хорошего рода, даже Необычной, сделать это невыносимо.

— Но вы приняли бы мое предложение, если бы я была мужчиной. Я вам нужна, милорд, и думаю, что при таких обстоятельствах никто из нас не может отказываться от такого предложения из-за пола.

Один из адмиралов произнес:

— Мой лорд, она права.

Мелвилл посмотрел на него с изумлением:

— Стенхоуп? Вы, из тех людей, которых развлекает это радикальное понятие?

Адмирал показал на карту указательным пальцем.

— Шесть торговых судов, потерянных за последний месяц, милорд. И этот выскочка Веллингтон с пеной у рта жаловался, что мы не прилагаем никаких усилий, чтобы спасти его

армию от голодной смерти. Если бы она была мужчиной, вы бы не подумали дважды. Вероятно, вы бы изменили мнение, чтобы нанять такой талант. И вы знаете, что правительство ожидает, что все Необычные Провидцы, Шейперы и Ограничители, мужчины и женщины, будут служить четыре года в военном министерстве армии. Мы отвергаем Необычных женщин, основываясь на давней военно-морской политике, но, возможно, нам пора пересмотреть эту политику. Если эта молодая леди готова рискнуть, я говорю, что мы разрешаем ей.

— Это абсурдно! — сказал другой адмирал. — Мисс... Пемброук, не так ли? Мисс Пемброук, вы не представляете, какие условия на корабле. Вы ничего не знаете о лишениях войны. Мы не можем гарантировать вашу безопасность, не говоря уже о том, что к вам не будут относиться с уважением, которого заслуживает джентльмен. Здесь нет места личной жизни, мужчины ведут себя грубо, что, несомненно, оскорбит ваши тонкие чувства, и что они подумают о незамужней женщине... они могут предлагать непристойности...

— Я считаю, что любой Поджигающий способен защититься от таких нападений, - протянул капитан.

— Но ни одна женщина не должна быть предметом...

— Я ценю ваше беспокойство, адмирал, — сказала Элино́р. — Вы правы, что я никогда не находилась в таких условиях, на борту судна. Однако, я готова терпеть, это то, что я должна сделать.

Мелвилл покачал головой:

— Мне это не нравится.

— Мы не стали бы самой выдающейся военно-морской силой в мире, не сумев внедрить новшества, — ответил адмирал Мелвилл, обращаясь к Стэнхоупу.

На что тот ответил:

— Измените это, милорд, и проклятые пираты бросятся наутек.

— Но ваша репутация... — начал было другой адмирал.

— Не пострадает, если не афишировать мое участие, — сказала Элино́р, тактично уклоняясь от его возражений. -

Хотя это и подводит меня ко второй части моего предложения.

— И в чем оно заключается? — спросил Мелвилл.

Элино́р считала, что его сопротивление ослабло. То, что она собиралась сказать, могло заставить его выставить ее вон.

— Мои услуги не бесплатны, — ответила она, — а предложение сделано не из патриотизма. Я хочу получить пятнадцать тысяч фунтов, вложенных в фонд, который будет мне доступен в полном объеме, когда мой срок службы завершится.

Все мужчины, кроме капитана, разразились возмущенной речью. Элино́р терпеливо ждала, сжимая дрожащие руки в складках юбок, пока не дождалась, когда их возмущение несколько утихнет.

— Господа, — сказала она, повышая голос, чтобы заглушить шум, — вы уже затронули важный момент: я вполне могу испортить репутацию своими действиями. У меня должна быть уверенность в том, что я смогу содержать себя, если действительно стану изгоем.

— О пятнадцати тысячах фунтов не может быть и речи, — сказал Первый Лорд, лицо его покраснело. — Вне всякого сомнения. Мы растянуты до предела. Вы хоть представляете себе зарплату, которую правительство Его Величества платит одному из наших моряков, юная леди? Я не могу одобрить это.

— Я хорошо знаю, что Англия вложила в эту войну много денег, — сказала Элинор. — Это один из главных пунктов раздора между Виги и Тори и предмет многочисленных споров для тех, кто заботится о будущем нашего королевства. Я также отдаю себе отчет в том, что стоимость нового фрегата намного больше, чем сумма, которую запрашиваю. И мы продолжаем требовать больше таких, поскольку, как я упоминала ранее, наши враги упорно продолжают уничтожать или захватывать их. Вы могли бы подумать обо мне с точки зрения... добавления еще одного корабля к вашему флоту, и в этом случае пятнадцать тысяч фунтов — выгодная сделка. И я откажусь от своей доли призовых денег, которые получила бы, как матрос на борту одного из кораблей Его Величества. Каким бы ни был мой ранг в военно-морском флоте.

— Это невозможно. Я не могу обосновать такие расходы.

— Милорд, — начал Стэнхоуп, — ее логика...

— Адмирал Стэнхоуп, вы должны первым выступить против такой расточительности!

— Потому что я за то, чтобы сократить наши расходы? Если мы принимаем условия мисс Пемброук, мы экономим затраты на другое судно, а также время, которое потребуется для его создания. Я видел у врага Необычного Поджигающего в действии у берегов Панамы, мой лорд. Разумно используя способности мисс Пемброук, мы могли бы склонить чашу весов в нашу сторону.

— Милорд, — сказала Элинор. — Я понимаю, что прошу вас рискнуть. Если выяснится, что я ошибаюсь, и ничего не могу предложить флоту, то наше соглашение недействительно, — она положила руки на стол и наклонилась вперед, чтобы посмотреть Первому Лорду в глаза. — Мой лорд, никто не знает, что я пришла сюда сегодня. Я могу выйти из этого кабинета и вернуться к своей старой жизни, если вы откажетесь. Но я не хочу этого делать. И не думаю, что вы тоже этого хотите.

— Милорд.

Мелвилл жестом заставил замолчать второго адмирала. Он провел пальцами левой руки сквозь волосы, раскрывая секрет, почему они выглядели такими растрепанными.

— Ваша семья не одобрит этот путь.

— Я совершеннолетняя, сэр, и Необычная. Моя семья может не одобрять, но я вольна принимать самостоятельные решения.

И выдержу, когда мой отец наверняка отречется от меня.

Первый Лорд переплел пальцы на столе перед собой, возможно, чтобы предотвратить лохматить волосы еще больше. На мгновение, казалось, он смотрит мимо нее, созерцая неизвестно будущее. Затем адмирал перевел взгляд на нее, и на мгновение у него появилось то же выражение, которое она часто видела в глазах своего отца, руки опять затряслись.

— Мисс Пемброук... — начал он, затем замолчал снова.

— Мисс Пемброук, вы уверены, что понимаете последствия того, что предлагаете? Это не та жизнь, в которой вас воспитали. Адмирал Пенттемемон прав; мы не можем гарантировать вашу безопасность, не говоря уже о комфорте. Есть суеверие насчет женщины на борту корабля, которое может стать причиной, чтобы к вам относились с отсутствием уважения многие моряки. И вы не сможете вернуться к привычной жизни. Повторяю, вы уверены?

Элинор сделала еще один глубокий вдох.

— Милорд, — сказала она, — жизнь, в которой я выросла, оказалась не такой замечательной, как вы себе представляете. Я скорее воспользуюсь этим шансом, чем

останусь дома и продолжу жить, как обычно.

Мелвилл еще долго смотрел на нее, затем протянул руку.

— Тогда я приветствую вас в Королевском военно-морском флоте, мисс Пемброук.

Адмирал Пентстеммон пожал руку и отвернулся. Стэнхоуп тоже протянул руку, чтобы пожать Элинора.

— Адмирал Стэнхоуп, — представился мужчина. — Ваш талант замечателен. Вы можете сделать это в любое время?

— Могу, — сказала Элинора, — хотя талант у меня было всего лишь четыре месяца, и мне еще предстоит узнать его пределы.

— Замечательно, — сказал Стэнхоуп. — Я хотел бы посмотреть на лица этих злодеев, когда они наткнутся на вас.

Элинора улыбнулась, хотя теперь, когда она достигла своей цели, ее уверенность колебалась. Не ее уверенность в правильном выборе или в том, что она не сможет выдержать судовой жизни, она боялась, что заставила этих людей поверить в обещание и не сможет выполнить его. Она снова зажгла фонарь с корабля и запомнила это ощущение пламени. Да, если бы она захотела, то могла бы растить его, пока тот не освободится и не охватит комнату. Каковы бы ни были пределы ее таланта, сжигание корабля в них не входило.

— Я думаю, что ваше скрытое присутствие даст нам преимущество в этой борьбе. Мы приступим к работе как можно быстрее, — сказал Мелвилл, вынимая бумагу и чернила из ящика рядом с собой. — Ваше слово, как Необычной, является обязательным само по себе, но я думаю, что короткий документ, излагающий наше соглашение, будет ценным поручителем для нас обоих, если вы не возражаете против того, чтобы эти джентльмены были свидетелями?

Элинора кивнула. Вероятно, было хорошей идеей определить, какие действия с ее стороны можно было бы использовать в интересах военно-морского флота, в том случае, если первый Лорд задумал обмануть ее позже, сказав, что она не выполнила условия. Несмотря на это, она не думала, что Мелвилл мечтает обмануть Необычную, какой бы политической властью он ни владел. Она дважды прочла документ, подписала его и вручила Первому Лорду перо, чтобы он сделать то же самое.

Он черкнул пером по бумаге и взмахнул бумагой в воздухе, чтобы высушить.

— Отлично. Мисс Пемброук, как скоро вы сможете приступить?

— Завтра, — сказала Элинора, чувствуя себя уверенно. Ей нужно было только упаковать одежду и попрощаться с Селиной — почему ее сестра так и не появилась на балу? — и, как она полагала, сказать отцу, что уходит. Искушение просто оставить ему записку было сильным, но она больше не хотела быть трусихой.

— Отлично. Сегодня вам повезло, мисс Пемброук. Необходимость в тайне запрещает мне подчинять вас командованию флота, как мы делаем с нашим составом, поэтому вместо этого я назначу вас в команду капитана Рамси. Лучше, я думаю, что мы будем держать вас вне подчинения. Вы будете отвечать перед ним, хотя я надеюсь, что вы с уважением отнесетесь к другим офицерам

Капитан привлек внимание, когда Мелвилл еще не закончил говорить, сказав:

— Вы хотите, чтобы она служила на моем корабле, милорд?

— Какие-то проблемы с этим, Рамси?

Капитан Рамси посмотрел на точку примерно в пяти дюймах над головой Мелвилла.

— Не лучше ли применить талант мисс Пемброук ближе к дому, сэр?

— Я хочу, чтобы с этими пиратами разобрались. Нам нужны эти американские торговые товары, и нужен торговый флот, чтобы вернуть доверие, после всех тех потерь, которые мы понесли. Пусть корабли на линии защищают полуостровные конвои. Если ты не хочешь сказать, что Афина не справляется с этой задачей?

Рамси покачал головой:

— Нет, сэр.

— Вы уже знакомы с молодой леди, капитан. Если я назначу ее на другое судно, мне придется сообщить еще одному человеку секретную информацию. Я должен буду сказать адмиралу Дарранту, и он... во всяком случае, я думаю, мне не нужно говорить вам не распространяться об этом.

— Нет, сэр.

— Очень хорошо. Ваши приказы таковы, какими они были час назад, — отправляйтесь на запад, чтобы присоединиться к флоту. Закройте судоходные коридоры, разгромите всех врагов, которых встретите, возьмите трофеи, где сможете, и сожгите остальное. Он протянул Рамси запечатанный пакет бумаги.

— Да, сэр.

— И перестаньте давать односложные ответы. Афина — наш новейший корабль и самый быстрый, и вы отличились, получив больше трофеев, чем любой другой человек вашего ранга. Вы — очевидный выбор. Свободен, капитан, и... не предупреждайте свою команду. Мы оба знаем, что они не смогут молчать.

Рамси опустил глаза и встретился взглядом с Мелвиллом:

— Им это не понравится, сэр. Они почувствуют себя обманутыми.

— Можете сказать им, что у вас будет особенный пассажир, но это все, что вы скажете, пока не выберетесь из гавани. Прискорбно, капитан, но я уверен, что вы знаете причину.

Рамси взглянул на Элинол:

— Да, — сказал он, но его нейтральный тон превратился в нечто менее дружелюбное.

Сердце Элинол упало. Она приготовилась к тому, что экипаж может не понравиться ей, но надеялась, по крайней мере, что капитан хотел видеть ее там. И он, казалось, принимал ее план, до того момента, когда выяснилось, что он часть этого плана.

— Спасибо, капитан, — сказала она и протянула ему руку.

Через мгновение он пожал ее, но отпустил так же быстро, как позволяли хорошие манеры, и вышел из комнаты.

— Если вы дадите мне свой адрес, я пошлю вам карету завтра утром, — сказал Мелвилл. — Не берите с собой много вещей, никто не станет вам помогать с багажом. Рамси знает свое дело, и его офицеры будут относиться к вам с уважением, но вы не должны ожидать, что они будут пренебрегать своими обязанностями, дожидаясь вас.

— Нет, лорд Мелвилл, я привыкла делать все сама, — сказала Элинол.

— Надеюсь, вы не пожалеете об этом, лорд Мелвилл, — сказал Пентстеммон.

Мелвилл посмотрел на Элинол.

— Я тоже, — сказал он и снова пожал руку Элинол. — Удачи, мисс Пемброук.

Элинол поклонилась каждому из адмиралов отдельно, потом нашла выход из здания Адмиралтейства и обратно через двор на улицу, где остановила извозчика. Она сидела прямо по середине сиденья, снова сжимая руки, чтобы они не дрожали.

— Дом Грэтингем, — скомандовала она, и карета тронулась с места. Элинол решила сообщить Селине, взяв клятву хранить в секрете, затем вернется домой и упакует вещи. Она

не станет видаться с отцом до завтрашнего утра, когда будет слишком поздно ее остановить. Это не имело никакого отношения к страху.

Глава четвертая, в которой Элинор буквально встает на третий путь

*«Дорогой отец,
Уважаемый сэръ,
Папа,
Отец,
Когда ты прочтешь это, я буду вне досягаемости.»*

Вернувшись домой от Селины, она купила дешевый чемодан, посмеив лавочнику рассказать об этом, и проволочла контрабандой его до комнаты в ужасе от того, что кто-то мог увидеть. Ее удача в том, что все осталось тайной, казалась чудом. За полчаса до рассвета она стояла у входной двери и ждала экипаж Первого Лорда и чувствовала благодарность за то, что дворецкий не обладал ранее неоткрытым талантом, который позволил бы ему увидеть сквозь двери. Теперь она сжимала руки на коленях, когда черная, безымянная карета, пахнувшая плесенью, грохотала по булыжной мостовой к докам. Она сидела и не смотрела в окна, опасаясь быть замеченной даже в столь ранний час, несмотря на пустоту улиц.

Вчера на полпути к дому Грэтингемов она поняла, что, сказав любому, даже Селине, то, что она намеревалась сделать, могло закончиться тем, что будет заперта в своей комнате, пока не согласится отказаться от своей безумной идеи. Элинор облегченно вздохнула, сказав себе, что она не трус, и не показывая волнения во время визита к сестре, у которой не было более уважительной причины для отсутствия на балу, чем внезапная простуда.

Селина с негодованием выслушала рассказ Элинор о встрече с лордом Хаксли и требованиях их отца.

— Он не может заставить тебя подчиниться своему плану, — сказала она. — Переезжай ко мне, дорогая. Ты должна знать, что у тебя всегда будет дом.

— Я запомню это, но не думаю, что этим все закончится, — сказала Элинор, чувствуя себя ужасно виноватой в том, что лгала любимой сестре. — Я не отказалась от поиска другого решения.

«Я не бесчувственна. Тот факт, что за всю мою жизнь, не была достойна вашего внимания, пока не открыла в себе талант, который принес известность не только мне, но и вам. Насколько вы были обеспокоены моим счастьем полгода назад, когда я была ничтожеством в ваших глазах?»

Они пересекали Темзу, ее зловоние наполнило ноздри, и Элинор закрыла нос платком и посмотрела через широкую реку на корабли, которые плыли вниз по течению, вокруг изогнутых берегов. Ни один из них не был военным кораблем, но ее знаний о кораблях не достаточно. Ей предстоял путь... «Афина», лорд Мелвилл назвал корабль. Она будет делать глупости, и все будут ей противны. Это худшая идея, которая у нее появлялась, и было не поздно вернуться, не так ли? Она могла жить с Селиной, быть ее компаньоном... бедным, зависимым компаньоном, обреченным на ту же участь, как если бы осталась дома. Девушка пыталась дышать через рот, что лишь слегка улучшало запах. Она не возвратится. Ничто в этом будущем не могло быть хуже того, что оставалось позади.

«Но вы правы в одном: у меня есть только два пути впереди, даже если послушаюсь вас и откажусь от предложения лорда Хаксли. Я должна либо выйти замуж, либо зависеть от вас

всю оставшуюся жизнь. Первое — наполняет меня страхом, второе — отвращением. Я обнаружила третий путь, и я намерена следовать ему.»

Они покинули Темзу, ее зловоние осталось позади, и въехали в часть города, в которой Элинора и представить не могла, что может побывать. Весна не дошла до этих улиц, которые воняли так же плохо, как река. Здания теснились, но находились в таком ветхом состоянии, что казалось невозможным, чтобы кто-то мог жить в них, их крыши просели и стучали там, где черепица отсутствовала или сломалась, их окна треснули и были залатаны коричневой бумагой или заткнуты тряпками.

Улицы были в том же состоянии, что и дома, карета подсакивала больше обычного, когда они проезжали через квартал. И Элинора подумала, что извозчик едет быстрее, чем когда она покидала дом своего отца, боясь того, что может случиться, если он остановится. Казалось невозможным, что это был тот же Лондон, в котором она осталась, все эти огромные здания, имеющие свою историю. Она отбросила тяжелый капюшон плаща. Девушка надела его не для тепла, а для анонимности, кроме грязных детей, которые мчались рядом, никто не обращал внимания на нее или ее экипаж. Когда она достигла доков, еще оставалось время в запасе.

«Не ищите меня. Как я сказала, я вне вашей досягаемости. Если мой отъезд причинит вам боль, приношу извинения за это, хотя думаю, что ваша боль скорее будет от потерянного союза, чем от погибшей дочери. Верьте мне, когда я говорю, что этот путь лучше для всех нас. Я сделала выбор — вы теряете непослушную, мятежную дочь, которая никогда не сможет удовлетворить вас. Если хотите, вы можете отдать свою любовь маме и Амелии, потому что я действительно люблю свою семью, однако, мои действия могут означать иное. Прощайте, и я надеюсь, что когда-нибудь вы сможете простить меня.»

Она отправила Селине второе письмо, его содержание было более нежным, но в то же время не информативным. Она была обеспокоена тем, что сестра могла подумать об ее исчезновении, и накануне потратила несколько часов, пытаясь решить, сколько рассказать, чтобы ее воображение не подвергалось пыткам. В конце концов, она просто сказала, что уезжает, что ее не будет в течение некоторого времени, и Селине не нужно беспокоиться о ней — хотя знала, что ее сестра проигнорирует это наставление.

Мысль о страданиях Селины заставила Элинору прижать носовой платок к глазам. Она старалась не плакать. Девушка не стала бы плакать перед капитаном Рамси. Ему уже не понравилась мысль о ее присутствии на борту его корабля, и она намеревалась не давать ему никаких оснований для дальнейшего сожаления по поводу плана Первого Лорда.

Еще через десять минут снова появился запах Темзы, и Элинора наклонилась вперед, чтобы увидеть свою судьбу. Впереди появился лес из тонких мачт, хлопали паруса, и за ними проплывало еще больше кораблей с парусами, трепещущими, чтобы поймать хотя бы легкий ветерок. Вдалеке виднелся силуэт огромного корабля, кишмя кишашего крошечными фигурками... Ее беспокойство исчезло, сменившись любопытством и волнением. Это были доки Дептфорда, и, где-то среди этих кораблей, был тот, который она назовет домом в скором будущем.

Она откинулась назад и сняла капюшон, когда карета повернула, проезжая мимо небольших лодок, которые служили в качестве транспорта между кораблями, расположенными ближе к центру реки. Мужчины проходили мимо, таская ноши, поодиночке или в парах, с корзинами или толкая бочки или, намотав длинные веревки, тянули десятки объектов, о назначении которых она не догадывалась.

Слышались неразборчивые акценты. Голоса смешивались с криками птиц и грохотом груза, загружаемого людьми, которые выглядели так, как будто могли поднять корабль из воды и принести его в трюм. Многие из них носили очень короткие брюки, которые очаровывали и смущали ее. Теперь ей пришло в голову, что моряки на борту «Афины», вероятно, не надевали то количество одежды, к которому она привыкла, и они, вероятно, не изменили бы свое поведение, чтобы не смущать ее. Она даже не села на корабль, а ей стало уже не по себе. Ха. Морская метафора.

Экипаж остановился, извозчик спустился вниз и открыл ей дверь.

— Позвольте мне помочь вам сесть в лодку, мисс, — сказал он.

Прежде чем Элино́р успела возразить, ее спустили в лодку, сияющую свежей черной краской, с двумя моряками, которые выглядели моложе ее.

— Ты поплывешь на «Афине»? — сказал тот, что был ближе. Между его передних зубов был промежуток, и, когда он сказал «Афине», это вышло как «Асена». Он оглянулся на своего напарника, который пожал плечами.

— Просто возьми даму на корабль и держи свое мнение при себе, — сказал извозчик, протягивая руку Элино́р. — Удачи, мисс.

Элино́р повернулась на сидении, чтобы посмотреть, как он уезжает, и, когда снова повернулась обратно, молодые моряки начали очень медленно и плавно грести веслами. Они ошибались, Элино́р думала, что нужно смотреть, куда плывешь, а не где находишься, но они, похоже, не были обеспокоены тем, что могут наткнуться на другую лодку. Оба казались очарованными ей, и Элино́р захотела снова накинуть капюшон на лицо, вернув себе анонимность.

— Плыдем на «Асену», — сказал матрос. — Для чего?

— Вы из команды «Афины»? — спросила Элино́р. Молодой человек кивнул. — Тогда, наверное, вы узнаете, об этом, как только мы окажемся там, не так ли?

Капитан Рамси, вероятно, обиделся на нее из-за того, что ему не позволили предупредить команду о ее присутствии. Элино́р безжалостно оттолкнула свои опасения — много времени, чтобы развлечь их наедине, как только она... О, нет, будет ли у меня место для сна? Разве люди на кораблях не спят в гамаках? Я никогда не смогу спать в гамаке. Хорошо, что я не умею плавать, иначе рискну и отправлюсь домой вплавь. Но она знала, что она не вернется, даже если это означало спать в гамаке, окруженном сотней матросов.

Они отплыли от больших кораблей, стоящих в доках, в гладкой, мутной воде цвета серого стекла. Молодые люди, снова не глядя, направили лодку так, чтобы она направлялась к большому кораблю, поставленному на якорь. Отсюда она могла ясно прочитать слово «АФИНА», написанное на корме. Это было красивое судно: изящные изогнутые линии, контрастирующие с прямыми мачтами и поперечными балками, черная краска и желтая отделка, свежие и яркие; его паруса были свернуты вдоль белых мачт на утреннем солнце. Лодка приближалась к борту корабля с тыла, и это мешало Элино́р увидеть, что на переднем плане может быть установлена какая-нибудь фигура. Они бы установили образ греческой богини?

Отсек с шестью стеклянными окнами в задней части корабля выглядел неуместно, как будто чья-то гостиняя пыталась выйти из изогнутой задней части корабля. Она подсчитала порты с красными линиями — тринадцать, так что «Афина» несла двадцать шесть орудий, или больше — она не могла сказать, сколько их — на палубе наверху. Корабль выглядел огромным для Элино́р, хотя по количеству орудий он был действительно мал по сравнению с

74-пушечными кораблями линии, которые были гордостью Королевского флота. Лорд Мелвилл назвал «Афину» одним из их самых быстрых кораблей, но Элинор не могла поверить в то, что при таком размере корабль может быть быстрым. Однако, она не собиралась делиться своим мнением. Она слышала, как матросы гордились своими кораблями и не любили, чтобы их критиковали посторонние. По крайней мере, она не называла его лодкой.

По мере приближения, он становился все больше, гребцы не замедлялись. Элинор сжала грубый край сиденья и закусил губу, стараясь не закричать, чтобы они остановились, прежде чем врежутся в корабль. Она была уверена, что скоро узнает, умеет ли она плавать, но матросы опустили весла, и лодка повернулась, замедлилась и аккуратно остановилась рядом с Афиной, едва касаясь борта, не оставляя следа.

Деревянные клипсы, прикрепленные к борту судна, бежали от ватерлинии к палубе, высоко над ней, как примитивная лестница. Вскарabкаться по ней было бы невозможно, даже если бы она не была в платье.

— Я не смогу подняться, — сказала она мужчинам, покраснев от смущения.

Она еще не была на корабле, а ей нужно было особое обращение.

— Назовите себя! — голова, мрачно освещенная светом от молнии в небе, посмотрела на них.

Один из моряков встал, раскачивая лодку, так что Элинор снова схватилась за край сиденья.

— Леди проходит на борт! Спустить боцманскую беседку!

Через несколько мгновений показалась точка, высоко над ними и медленно начала опускаться. Оказалось, что это какое-то кресло, которое не выглядело устойчиво, моток холста и веревки, которые после распутывания вяло повисли, как детские качели. Моряк помог Элинор устроиться в нем, держа веревки, пока она пыталась поймать равновесие и одновременно не дать платью задрапаться. Другой молодой человек уставился на ее вздрагивающие губы и не предложил помощь. Матрос со сломанным носом обвязал Элинор ремнями безопасности и снова закричал.

Элинор ахнула, когда «стул» вздрогнул. Она вцепилась мертвой хваткой, потому что, несмотря на то, как надежно закреплена, испугалась. Девушка осторожно смотрела прямо, уверяя себя, что в безопасности. Им приходится делать это довольно часто, и беспокоиться было не о чем.

Беседка слегка накренилась, и она так крепко обхватила веревку, что волокна врезались в ее ладони. Элинор взглянула на один из кораблей, пришвартованных у причала возле черного гладкого бока «Афины» так близко, что она могла бы коснуться его, если бы посмела отпустить то, за что так цеплялась. Молодой моряк что-то крикнул ей, но она не поняла... Чайка пронеслась мимо, с пронзительным криком. Она невольно пискнула и съежилась, а затем почувствовала себя душой. Это всего лишь птица. И ты не болтаешься на высоте двадцати футов в воздухе, под которым нет ничего, кроме крошечной деревянной лодки, и кто знает, скольких футов грязной воды.

Вскоре ее глаза оказались на одном уровне с палубой, а затем она поднялась над ней и поняла, что беседка была прикреплена к лонжерону. А веревки тянули несколько мужчин, которые действовали так, как будто ее небольшой вес был почти непосильным для них. Несколько членов команды вышли вперед, чтобы помочь ей встать. Они оба выглядели озадаченными ее внешностью, как будто они не ожидали ее увидеть. Что, конечно же, не

так.

— Я бы хотела поговорить с капитаном Рамси, пожалуйста, — сказала она.

Они посмотрели друг на друга, потом на нее, их выражение замешательства углубилось.

— С капитаном? — спросил один. -

Чего вы хотите от капитана?

— Это мое дело, — ответила Элино́р в самой аристократической манере, немного смягчая ее безмятежной улыбкой. Она едва могла понять его сильный акцент. Еще одна проблема, она не учла при посадке все безумие, которым являлось это путешествие. За ее спиной, веревки и шкивы снова закрипели. Это было похоже на изучение иностранного языка.

— Кого вы притащили на борт? — к ней подошел черноволосый мужчина в звании лейтенанта. Он казался раздраженным. — Мы не ожидали... прошу прощения, кто вы?

— У меня есть дело к капитану Рамси, — сказала Элино́р таким же твердым тоном.

— И что это за дело? — у лейтенанта была прыщавая кожа и нос с горбинкой, что придавало ему вид несколько захудалого эльфа.

— Личное дело. Вы можете провести меня к нему, лейтенант?

Лейтенант осмотрел на нее сверху, до низу, почти плотоядно, как будто у него было подозрение, что за личное дело у нее может быть с капитаном.

И снова, интересно, что же во мне, заставляет людей верить, что я открыта для самых аморальных поступков.

— Конечно, — сказал он. — Следуйте за мной.

Везде были веревки, темно-коричневые толстые пряди, натянутые, как колыбель гигантского котенка, от мачт к парусам, а оттуда на палубу, где намотаны круглые штыри и огромная катушка с выступающими из нее спицами. Мужчины проходили по палубе, таща большие веревки и деревянные ведра и других вещи, название которых она знала. Они шли мимо Элино́р, бросая на нее взгляды, но не прекращая своей деятельности. Матросы были удивительно спокойны, говоря чуть повысив голос, редко крича на товарищей, но, похоже, все же неплохо понимали друг друга.

Элино́р подняла глаза к парусам и заметила людей, цепляющихся за мачты и переми́чки — она должна хотя бы узнать названия частей корабля, если хотя бы номинально была частью экипажа капитана Рамси. Они начали разворачивать белые паруса, и Элино́р задумалась, хватит ли ветра, чтобы вытащить их из гавани, или они могут быть заперты здесь, в Дептфорде, несколько дней. Дни, в течение которых отец мог ее найти.

Она сжала кулаки, пока ногти не врезались в ладони. Ее отец мог бы надумать, спросить дворецкого, который знал, что Элино́р наняла вчера извозчика и, возможно, слышал, как велела водителю отвезти ее в Адмиралтейство. Тогда он мог бы найти кого-то, кто видел ее... она разжала кулаки. Лорд Мелвилл и два адмирала ничего не скажут. Ее отец не сможет найти ее. И, даже если бы он это сделал, капитан Рамси не позволил бы ему вытащить ее с «Афины». Вероятно.

Лейтенант провел ее мимо решетки на большом квадратном отверстии в палубе к крутым ступеням. Элино́р хотелось развернуться и спуститься по ним, как если бы они были лестницей, но лейтенант, казалось, весьма случайно, ступил на них. И она уже не невзлюбила его настолько, чтобы не проявлять слабость перед ним. Ступени вели в шумную, переполненную каюту, набитую потными телами и пушками, огромными по сравнению с ней.

Мужчины кричали друг другу и смеялись над шутками, которые она не могла разобрать, с акцентами, которые не могла понять. Стены слегка изогнулись, а потолок был достаточно низким, и лейтенанту пришлось немного наклониться, чтобы не удариться головой о балки. Помещение было освещено только солнечным светом, проходящим через дула пушки, и медными фонарями, излучающими оранжевый свет. Девушка услышала шум, и, когда ее глаза приспособились к полумраку, увидела, что ближайшие к ней мужчины смотрели на нее, замолкая, пока Элинор не почувствовала, что оглушена тишиной.

Она повернулась и поспешила догнать лейтенанта, который без колебаний прошел под лестницей к двери, чьи резные молдинги больше подошли бы загородному дому, а не на борту корабля, что неожиданно контрастировало с обычной стеной, в которую она была установлена. За ней была крошечная комната без окон с другой дверью, в которую лейтенант постучал и сказал:

— Капитан? У вас... посетитель.

Он бросил на Элинор взгляд через плечо и улыбнулся, зловеще.

Элинор ответила с улыбкой, невинной дружелюбной, скрывающей ее раздражение. Интересно, как ваша улыбка будет выглядеть, когда вы узнаете, что мы в одной команде?

Полминуты спустя дверь открылась, и Рамси застегнул куртку.

— Мисс Пемброук, — сказал он, — пожалуйста, входите. Благодарю вас, мистер Ливингстон, за все. Элинор оглянулась, прежде чем дверь захлопнулась, и на мгновение в глазах лейтенанта появился намек на презрение.

Эта каюта была ярко освещена светом утреннего солнца, льющим через прозрачные стекла окон, два из которых были открыты, чтобы впускать морской воздух и крики птиц, пролетающих над рекой. С картинами, украшающими стены, она имела уютный, домашний вид. Менее домашним была пара мечей, установленных один над другим на стене справа от нее, более длинный, украшенный позолотой и кисточкой, и более короткий, со следами частого использования. Была еще одна дверь слева, меньше по сравнению с остальными, и несколько накрытых предметов. Элинор поняла, спустя мгновение, что это маленькие пушки. Они напоминали, что эта комната, по-домашнему уютная, строилась, в первую очередь, для войны.

Две кушетки, обтянутые коричневой кожей, с низкой дубовой тумбой, лежащей между ними, прекрасно вписывались в пространство под окнами, хотя почему они были прикреплены к стенам, она могла только догадываться — чтобы быть безопасности в плохую погоду? Длинный стол стоял у самого дальнего левого окна, где свет падал наиболее ярко на его поверхность, с открытой книжкой, и к нему придвинут стул под углом, как будто кто-то только что встал, например, чтобы открыть дверь.

— Вы раньше, чем я ожидал, — сказал Рамси.

— По-видимому, это имел в виду Первый Лорд, когда он сказал, что утром придет экипаж, — ответила Элинор.

Это был первый раз, когда она увидела капитана при ярком свете. Его лицо было овальным и интересным, слегка осунувшимся. Нос с небольшой горбинкой, как будто он однажды сломал его, и тот сросся неправильно. Светло-каштановые волосы, обрезанные и откинутые назад с лица с нейтральным выражением, которое она видела в Адмиралтействе, а его глаза были поразительно синими, выделявшимися на загорелой коже. Элинор слышала, как моряки мужали и преждевременно старились из-за воздействия ветра и волн, но, несмотря на слабые морщинки в уголках его глаз, Рамси не выглядел старым, как будто он

раздумывал над загадкой, и не был уверен, что может ее решить.

— Где ваша компаньонка? — спросил он.

Элино́р покраснела:

— У меня нет компаньонки.

Брови Рамси удивленно приподнялись:

— Нет компаньонки? Мисс Пемброук, вы вообще не заботитесь о своей репутации?

— Я не могу ожидать, что другая женщина вытерпит лишения судовой жизни, — парировала Элино́р. И я не могу позволить себе нанять компаньонку.

— Вы знаете, что общество подумает, если о вашем... статусе... узнают.

— Я полагаюсь на вас, чтобы этого не случилось, капитан.

Губы Рамси сжались.

— Это вполне ожидаемо. У господина Селькирка есть мальчики. Ни у одного из наших офицеров нет жен на борту. И услуги компаньонки не входят в мои обязанности.

— Прошу прощения, капитан. Пожалуйста, верьте, что я не возлагаю на вас ответственность за сохранение моей репутации. Я имела в виду только то, что вы приложите все усилия, чтобы скрыть мое присутствие здесь. И думаю, что являясь Необычной, обладаю определенной защитой.

— Возможно, защита от открытого порицания. Я все еще думаю, что у вас должна быть компаньонка.

— Где вы предлагаете найти ее сейчас?

Рамси покачал головой и отвернулся от нее, поэтому она не могла видеть выражение его лица. Она сжала кулаки. Это было так глупо, это предположение, что, поскольку она была женщиной, ее репутация была непоправимо испорчена в тот момент, когда она остается наедине с человеком, с которым не может увидеться нигде, кроме гостиной ее собственного дома. Ей хотелось сжечь что-то, что угодно, чтобы облегчить еле сдерживаемое разочарование, беспокойство и страх, но она не хотела показаться неуправляемой и опасной перед этим человеком.

Наконец, Рамси оглянулся на нее, спокойно посмотрев на девушку, как будто она не являлась проблемой, в чем она была уверена.

— Если это ваше решение, мисс Пемброук... ну, я полагаю, это не имеет значения, пока мы сможем скрыть ваше присутствие. Мы отплываем около полудня, и я попрошу вас оставаться здесь, пока мы не начнем.

Элино́р кивнула. Рамси выглядел так, будто хотел еще что-то сказать, покачал головой и пошел снимать короткий меч со стены. Он пристегнул его к талии, поднял шляпу и сказал:

— «Афина» — это новейшая разработка фрегата. В нем немного больше места, так что мы сможем хорошо разместить вас. Это великолепная каюта. Пожалуйста, не стесняйтесь использовать ее, когда захотите. Я храню несколько книг здесь.

Элино́р подумала, что это была стена, и открыла крошечное помещение.

— Штульц. Ах, отхожее место, — пояснил он, когда она смущенно посмотрела на него. — Мы называем это головой. И вот где вы будете спать.

Он открыл вторую дверь, чтобы показать еще одну крохотную комнату, в основном заполненную странной, квадратной кроватью. Рамси перетащил узкий, длинный чемодан, лежащий на кровати, заставивший его покачнуться, и закинул на плечо.

— Но... это ваша спальня, — сказала Элино́р, глядя на чемодан.

— Уже нет. Теперь она ваша.

— Я не могу забрать вашу комнату, капитан.

Рамси снял шляпу и посмотрел на нее.

— Мисс Пемброук, — произнес он, — я вряд ли мог бы назвать себя джентльменом, если бы не убедился в вашем комфорте. Я буду заходить сюда. Не беспокойтесь обо мне.

— Но...

— Первый Лорд назначил вас под мое командование, да? Тогда считайте это приказом. Я скоро вернусь, — он снова надел шляпу и вышел за дверь, прежде чем Элинор смогла возразить.

Она слегка надавила на кровать — та была установлена таким образом, чтобы колебаться при ее касании — и вернулась в большую каюту, чтобы посмотреть в окно. Оно отразило ей вид на речной транспорт, направлявшийся в Лондон или к морю. Не все корабли имели паруса. Некоторые двигались на веслах, другие, возле берега, при помощи шестов, но в основном это были паруса, насколько она могла видеть в обоих направлениях. Она представляла себе, как это выглядело, если кроме воды ничего не было бы видно, и содрогнулась, взволнованная и испуганная этой мыслью.

Каюты, в которой она должна спать, была всего лишь коморкой, освещенной только одной из тех оранжево-оранжевых ламп. Она задавалась вопросом, какими были другие фрегаты, если на этом было «больше места». По крайней мере, кровать не была гамаком, даже если ее колебания напоминали его.

Двое из моряков принесли ее чемодан в комнату, и она разложила его содержимое, когда они ушли, размышляя о том, как странно было чувствовать, что придется носить только плотную рубашку и ночную сорочку, а не платья, которые оставила, зная, что не сможет надеть их без посторонней помощи. Она разгладила складки на ее любимом вечернем платье, из бело-розовой фигурной марли поверх шелка, а затем повесила его на крючок в узком шкафу. Элинор понятия не имела, когда наденет его, но не могла вынести мысли о том, что Амелия схватит его, так же как не была уверена, что сделает с остальным гардеробом, как только выяснится, что Элинор не вернется. Неважно, что она не сможет носить его. Амелия никогда не смогла бы вытерпеть кого-то, у кого есть преимущество.

Она вернулась в большую каюту и осмотрелась. Стена, в которую была установлена дверь, казалась непостоянной, как будто была предназначена для сноса, хотя зачем это нужно, она понятия не имела. Выглянула в окно, затем села на одну из кушеток. В противоположной стене была другая раздвижная дверь, и, прежде чем она смогла сдержаться, любопытство заставило открыть ее.

Пространство, соответствующее его габаритам, было бы маленьким, даже если бы у Рамси не было чемодана и аккуратного гамака, свисающей с потолка. Она толкнула его и посмотрела, как он качается. Так выглядел гамак, когда он не использовался. Окна смотрели на Темзу по направлению к строящемуся кораблю, наполняя комнату светом. Она закрыла дверь, а затем торопливо отошла назад, когда дверь каюты отворилась, и вошел Рамси. Элинор быстро отвернулась, покраснев.

— Вы покажете мне, как открыть окна, капитан? — спросила она, чтобы скрыть свое смущение.

Рамси показал ей, как перевернуть задвижку и открыть окна.

— Держите их закрытыми во время шторма, — сказал он и жестом пригласил ее занять место на диване. — У нас есть несколько моментов, которые надо обсудить.

Элинор села, аккуратно сложила руки на колени и стала ждать, когда он заговорит. Он

посмотрел на нее, как будто ожидал, что она что-то скажет, затем пожал плечами.

— Моряки могут суеверно относиться к женщинам на борту, хотя это не так уж часто случается, — начал он, — и они боятся огня. Столкновение с кораблями с Поджигающими на борту было битвой, тем более, что ни у кого из них нет возможности сдерживать огонь. С другой стороны, матросы также суеверны в отношении необычных талантов, в хорошем смысле — они видят в них своего рода божественное провидение. Поэтому мы с Перегрин Хейс, хирургом, должны компенсировать их страхи. В некотором роде.

— Вы Необычный?

Он кивнул:

— Перемещающий.

— Вы можете летать?

Его губы дрогнули в легкой улыбке.

— Это определение Необычного Перемещающего, мисс Пемброук.

— Я никогда не знала Необычного Перемещающего раньше.

— Ну, я никогда не встречал Необычного Поджигающего раньше, хотя, думаю, никто в этом веке в Англии.

Элинор покраснела.

— По словам моего отца, — сказала она низким голосом. Она знала, что голос у нее звучал обиженно, но, если он и заметил, Рамси не реагировал.

— В любом случае, вы должны быть готовы, что некоторые из команды, и, возможно, некоторые офицеры, проходя мимо вас, будут делать защитные жесты. Пока они не станут оскорбительными, вы должны игнорировать такое поведение. Я думаю, что несколько побед, в которых они увидят ваш талант, направленной против врага, должны сделать их менее агрессивными.

— Я сделаю все возможное, чтобы не дать им повода для обиды.

— Будем надеяться, что это так. Вы не должны блуждать по каютам капитана и квартердека. Я покажу вам, что конкретно это значит. Мужчины не нуждаются в том, чтобы вы вторгались в их пространство. Они хорошие люди, по крайней мере, большинство из них, и знают, что я ожидаю, что они будут вести себя честно, но у вас здесь двусмысленный статус, и я не могу гарантировать, что некоторые из них не будут настолько глупы, чтобы вас обидеть. Вы вольны защищаться, но я не хочу, чтобы вы провоцировали их.

Элинор была недовольна его пониманием того, что она может быть причиной неприятностей, но решила не бросать ему вызов.

Рамси продолжал:

— Я попрошу одного из гардемарин проинструктировать вас о правах и правилах корабля, главным образом, чтобы вы никому не перешли дорогу, хотя от вас будут ожидать соблюдения правил, применимых к кому-либо в вашем положении. Если я укажу цель, вы последуете за ней. Если один из офицеров прикажет вам двигаться, вы двигаетесь. Но я буду тем, кто направит ваши атаки, когда придет время. Вы пообедаете со мной и моими офицерами, а ужин — это повод, хотя, судя по тому, что вы носите сейчас, будете выглядеть более официально, чем все мы. Есть вопросы?

— Да, — сказала Элинор, ее раздражение наконец-то нашло выход. — Будет ли ваша враждебность мешать выполнению моих обязанностей здесь, на вашем корабле?

Он выглядел удивленным:

— Я не чувствую никакой враждебности к вам.

— Вы, безусловно, создаете прекрасное впечатление о мужчине, который сталкивается с непреодолимой досадой.

Рамси закрыл глаза и глубоко вздохнул, затем медленно выдохнул.

— Мисс Пемброук, — сказал он, его глаза все еще закрыты, — ваше присутствие здесь вызывает у меня некоторые трудности, это правда. Этот корабль начинает свой первый рейс, половина экипажа и треть моих офицеров никогда не плавали со мной раньше, и путешествие в Атлантику нелегко дается.

Он открыл глаза, и снова она была поражена тем, насколько они синие.

— Я не очень доволен тем, что должен объяснять ваше присутствие, а затем буду иметь дело с последствиями, пока я, в то же время, пытаюсь объединить более ста человек, которые не знают меня как капитана. И вы гражданский человек, а гражданские лица создают проблемы просто потому, что они не понимают, что такое жизнь на судне Королевского флота, — и, прежде чем вы снова мне нагрубите, верю, что вы сделаете все возможное, чтобы не быть проблемой. Но вы будете делать частые ошибки, которые по-прежнему будут вызывать проблемы. Но также думаю, что ваш талант просто не оценим в этой борьбе, поэтому готов противостоять всем этим потенциальным проблемам ради этого. Не думаю, что разумно ожидать, что я буду счастлив делать это.

— Я... думаю, что понимаю, капитан. Хотела бы я, чтобы был способ сделать это без множества проблем.

— Если бы это было возможно, это был бы не Королевский военно-морской флот, — его губы снова растянулись в слабой улыбке, заставляя Элинор задуматься, способен ли он улыбаться по настоящему. — Мы встретимся с моими офицерами в большой каюте через час, когда все они будут на борту. Вы услышите два удара колокола. Вам, вероятно, следует начать привыкать к нашему хронометражу на борту корабля. Я думаю, что честно сказать офицерам, что происходит, пока остальные члены экипажа не знают. И, мисс Пемброук..., учитывая все обстоятельства, я рад, что вы на борту.

Он кивнул ей и вышел из комнаты, прежде чем она смогла придумать подходящий ответ. Его поведение и лекция о правильном поведении для нее расходились. На мгновение он стал гораздо больше похож на человека, которого она встретила в музыкальной комнате Ормеродов. Вспоминая, эту встречу она все еще краснела, хотя не знала почему. Он вел себя, будто ее грубость не повлияла на него вообще.

Она прислонилась к подоконнику и наблюдала, как корабли плывут вдалеке. Через несколько часов и «Афина» присоединится к ним, и было слишком поздно отказаться от этого пути. Это не имеет значения. Она уже знала, что не вернется.

Глава пятая, в которой у Элинор появляется небольшая проблема, которая приводит к большой проблеме

Элинор закрыла дверь и прислонилась к ней головой. Что ж. Это было то, к чему она должна была быть готова, когда ее поймали с поличным, чувствовала себя смущенной, глупой и злой одновременно. Что ей делать? Ее гардероб не был достаточно большим, чтобы она могла позволить себе использовать кое-что из одежды, вместо тряпочек. Ей придется попросить помощи, но мысль об этом, только усугубила страдания.

После трех дней в море, она едва смогла всех запомнить, чтобы сопоставить имена и лица. Старший лейтенант Бомонт был вежлив, но невероятно далек; лейтенант Ливингстон, который “приветствовал” на борту, продолжал считать ее гражданской; лейтенант Фицджеральд был неловкий и неуклюжий в ее присутствии. Гардемарины сделали вид, что не замечают ее. Ассортимент мужчин, которые занимали должности несколько ниже, чем прапорщики, но намного выше, чем экипаж сбивали ее с толку, офицерские слуги избегали ее, а экипаж... Услышав, как кто-то, не достаточно понизив голос, назвал ее “Капитанский кусочек муслина”, в следующий раз она последовала предупреждению Рамси, держаться подальше от их территории.

Рамси.

Он познакомил ее со своими офицерами, а затем с экипажем, и такова была сила его личности, что в первых рядах повисла тишина, а во вторых был еле слышен тихий ропот. Но Элинор была уверена, что никто из них не верил, что она может делать то, что утверждала. Девушка ударила кулаком по раздвижной двери. Если бы она только могла проявить себя, но не было никакого практического способа сделать это, не нанеся ущерба экипажу. Она могла бы попросить Рамси решить ее проблему, но она... она будет проклята, если поползет к нему за помощью. Рамси не допускал ненормативной лексики на своем корабле, но это не мешало мужчинам ругаться, когда они думали, что офицер не слышит. Элинор была удивлена, сколько вульгарности получила в свой адрес во время прогулки по палубе. Просто эти слова заставили ее почувствовать себя грешницей. Это было полезное, сильное, горячее, ощущение, что противостояло боли внизу живота.

Был ли кто-то, с кем она могла поговорить? Не было. Однажды, в первый же день, она встретила Необычного Целителя Перегрину Хейса, когда она пожала руки каждому из офицеров, и он подарил ей отсутствующую улыбку. У него была каюта на палубе внизу, место, куда Рамси запретил ей спускаться, но, конечно же, он не мог ожидать, что она будет соблюдать это правило в этих условиях? У нее медицинская проблема, и нужна помощь. Рамси должен был просто принять это.

Пройдя через главную палубу, даже на небольшом расстоянии от каюты до лестницы, она никак не переставала чувствовать себя неудачницей. Ветер извне, несущий запах соли и сырости брезента, только усилил духоту, и она пыталась зажать ноздри, приложив руку к лицу.

Источник этой духоты, мускулистые, едва одетые мужчины, пахнущие потом и терпко-горьким порохом из ружей, отвлекались от дел, когда она проходила мимо. Большинство из них уходило, отказываясь встретиться с ней взглядом, но некоторые двигались слишком

медленно, ей приходилось прижиматься к ним, проходя мимо. Их ухмылка говорила, что они точно знают, что делают, и у нее была мимолетная, но яркая мечта зажечь их грязные брюки или рубашки, видя, как эти ухмылки превращаются в гримасу ужаса. Ей было больно думать, что она способна вообразить такое. Поэтому Элино́р игнорировала их. Они не причинят мне вреда, сказала она себе, могло быть и хуже. По крайней мере, никто из них не домогался до нее...

Она спустилась на нижнюю палубу — если бы только люди могли поговорить с ней, она могла бы узнать название вещей! — ее позвоночник напрягся, глаза смотрели прямо перед собой, за ней послышались непонятные команды и мягкий звон, колокол на квартердеке, обозначающий время в соответствии с какой-то системой, которую она все еще не понимала.

В отличие от теплой, переполненной, шумной главной палубы, где пушки были повсюду под ногами, эта была практически пуста. Несколько гамаков были натянуты и заняты, но почти в полдень большинство матросов были в другом месте, их гамаки скатывались и укладывались сетями в такелаж на палубе. Рамси сказал ей, что это обеспечило дополнительную защиту от острых деревянных копий для команды во время сражения. Картинка, воображаемая Элино́р, вызвала тошноту, но она контролировала реакцию, не позволяя Рамси считать ее трусом.

Над головой висели хитро придуманные столы, которые во время еды опускались с балок, и Элино́р пошла быстрее, потому что оставалось всего несколько минут до обеда моряков, и даже Рамси этому не помешает. Впереди и справа от нее, были три двери, установленные в такие же подвижные перегородки, которые образовали переднюю стену большой каюты. Она поколебалась на мгновение, затем постучала в ближайшую. Никто не ответил.

Она собиралась постучать в следующую дверь, когда первая открылась, и высунулся мужчина. Он был полностью лысый, с красными и коричневыми пятнами на голове, на нем была грязная белая рубашка, заправленная в штаны, которую он держал одной рукой. Другая была прижата к животу.

— Вы, — сказал он, удивленно, — не знаете, как пройти на палубу?

— Я... — его вопрос не имел никакого смысла. — Я ищу мистера Хейса, — сказала она, пытаясь восстановить равновесие.

Лысый мужчина медленно моргнул, затем хлопнул ладонью по губам и нырнул обратно в комнату. Звуки и запах рвоты проникали через дверь. Элино́р прикрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться. Вскоре мужчина снова появился, несколько бледнее, чем прежде, и сказал:

— Вам врача?

— Да, пожалуйста, если вы просто... нет, я могу найти его сама, если вы только скажете...

Мужчина застегивал ремень и аккуратно заправлял запачканную рубашку.

— Пару часов назад я его видел, мисс. Не думаю, что у меня в животе хоть что-то осталось, не хотелось бы увидеть собственные внутренности в следующий раз.

Он открыл дверь справа и указал ей, куда она должна войти.

Другие двери расположились вдоль стен большой каюты, освещенной тусклой лампочкой, висящей над полированным деревянным столом, вокруг которого располагались несколько стульев с веретенообразными спинками — это, должно быть, оружейная комната, где ели те офицеры, которых не приглашали на обед с капитаном. Пахло заплесневелым, как

комната, которую не часто проветривают. Это имело смысл, поскольку, вероятно, каюта находилась ниже ватерлинии. Стол Рамси был изящным, с льняной тканью, серебром и хрусталем, что для Элинор показалось совершенно неуместным, и еда была превосходной, поэтому Элинор почувствовала некоторую жалость к офицерам, которые не получили приглашение.

Теперь, принимая во внимание превосходную мебель и люстру из бледно-янтарного стекла, она поняла, что им не нужно ее сочувствие. Возможно, их ужины были более оживленными. Вероятно, что ее присутствие оказало сдерживающее воздействие на разговор за капитанским столом в течение трех вечеров. Лейтенант Бомонт и мистер Уорсли, проводник, который к ним присоединился за ужином, были молчаливы. Это были три самых неловких ужина, которые когда-либо переживала Элинор, и, учитывая ее отношения с отцом, эти были еще более ужасными.

Лысый обошел вокруг стола и без стука открыл дверь.

— Мистер Хейс, у юной мисс к вам дело, а мне нужно лекарство, чтобы это прекратилось, — сказал он.

— Мистер Болтон, я сказал вам, что не могу увеличить дозировку — о, мисс Пемброук, — ответил Хейс, ступая в дверной проем и всматриваясь в нее, как будто он забыл о своих очках, которые, несомненно, не нужны Целителю. — Если вы страдаете от морской болезни, я боюсь, что у меня нет лекарства от этого. Мистер Болтон, вернитесь в свою каюту и постарайтесь поспать.

— Человек не может спать, если огонь сжигает внутренности, — сказал Болтон, положив руку на живот.

— Тогда, возможно, вы не должны есть мясо, которое пропало, даже на спор. Я дал вам много воды, и не делайте такое лицо, это очищение поможет вашему организму восстановиться. Теперь идите и помните — сон.

Болтон скорчил рожицу, но ушел, кивая Элинор, когда проходил мимо. Неожиданно... это было почти по-дружески, и это напугало ее настолько, что она почти забыла, зачем пришла искать Хейса.

— Мистер Хэйс, у меня довольно деликатная проблема, — начала она.

— Ах. Я надеюсь, что ваш менструальный цикл начался. Если вы страдаете сопутствующими физическими жалобами, я полагаю, что смогу вам помочь, хотя, увы, даже Необычные Поджигающие не могут изменить законы биологии в этом отношении.

Он улыбался и сознательно постукивал по носу.

— Как вы...

— Это было очевидно, основываясь на первоначальной оценке вашего физического состояния. Садитесь, пожалуйста, — Хейс направил Элинор к стулу.

Она отстранилась от его руки, гнев в ней нарастал.

— Вы вторглись... как вы посмели вторгнуться в мою личную жизнь?

Хейс был ростом не менее шести с половиной футов, человек-кран, который должен был низко наклоняться, чтобы не удариться головой о потолок. А теперь его глаза, которые раньше казались расфокусированными, остановились на ней с особой жесткостью.

— Мисс Пемброук, — произнес он, — вы должно быть немного знаете о Королевском военно-морском флоте, и я прошу прощения, что вам об этом не сообщили, но это военно-морское право, когда офицеры и члены экипажа проходят физический осмотр квалифицированным Необычным Целителем перед любым рейсом, который проходит вне

британских вод. Эта практика помогла исключить самые тяжелые медицинские болезни, которые в прошлом были крайне нестабильны. Ваше прибытие было настолько неожиданным, что мне, к сожалению, пришлось провести этот осмотр по-особому, но теперь...

— Понятно, — сказала Элинор, ее щеки по-прежнему краснели. — Я... вы правы, я не знала. Извините.

Он отмахнулся и сел на другой стул.

— Не надо извиняться. Дайте мне руку.

Его собственная рука была неожиданно мягкой для человека, который лечил травмы на поле боя, и что бы он ни делал, когда закрывал глаза, Элинор ничего не чувствовала, в конце концов, боль внизу живота уменьшилась.

— Вы здоровы, мисс Пемброк, — наконец сказал Хейс, отпустив ее руку. — И ваш талант замечателен.

— Благодарю вас, мистер Хейс, но я не понимаю, как вы можете так говорить, если никогда не видели, как я его использую.

Он улыбнулся и похлопал ее по руке, как если бы он был намного старше тех пятидесяти с лишним лет, на которые, он выглядел.

— Ваш талант расходуется по всему телу, — ответил он. — Все, знаете ли, отражаются в крови и костях, но Поджигающий — это еще и пепел с углем, и огонь живет в вас. Возможно, это слишком поэтично, но Целительство — это своего рода поэзия, понимаете?

Она поняла только некоторую часть из его слов.

— Живой огонь?

— Я так сказал? Иногда меня увлекает красота, — произнес Хейс. — Это правда, что я ничего не знаю о вашем таланте, но думаю, вы должны испытывать огромную радость, когда окружены своей стихией.

Элинор кивнула:

— Я испытываю.

— Тогда, — сказал Хейс, снова поглаживая ее руку, — если есть что-нибудь, что я могу сделать для вас, мисс Пемброук, пожалуйста, не стесняйтесь спрашивать.

— Вообще-то, мистер Хейс, мне было интересно, есть ли у вас что-то, что я могла бы использовать для тряпочек, — сказала Элинор, снова краснея.

Почему ей должно быть стыдно спрашивать об этом кого-то, кто видел все части ее тела, она не знала, но смущалась.

Хейс не чувствовал такого смущения.

— Конечно, — сказал он, и Элинор последовала за ним из оружейной комнаты, спустилась по ступенькам на палубу, расположенную еще ниже — она почувствовала злобное удовлетворение от непослушания — и в кладовку, где он дал ей охапку свернутых бинтов. — Я держу много под рукой, поэтому, пожалуйста, попросите, если вам потребуется больше, — сказал он.

— Спасибо, но я думаю, этого будет достаточно, — Элинор сделала реверанс и стала подниматься по лестнице.

Шум главной палубы создавал неприятный контраст с тишиной нижней. Элинор прижала свои бинты к груди и постаралась не смотреть украдкой, чувствуя, что каждый мужчина знает, что с ней происходит. Она повернулась, чтобы пойти в большую каюту и наткнулась на одного из моряков, от удивления уронив один из бинтов. За плечом мужчины

она увидела лейтенанта Ливингстона, стоящего рядом со спутниками на квартердеке, наблюдавшего за ней, его лицо не отражало эмоций.

— Прощу прощения, — сказала она мужчине и нагнулась, чтобы поднять бинт.

Она почувствовала резкое прикосновение к своей ягодице и выпрямилась с возмущенным писком, потирая место, за которое мужчина ее ущипнул. Больше бинтов упало.

— Как вы смеете! — воскликнула девушка.

— Можешь тереться об меня своим задом в любое время, bob-tail.(анг. морской жаргон-проститутка)

Элинор взглянула на Ливингстона, который не шелохнулся. Другие мужчины тоже остановились посмотреть, кто-то подошёл сзади, а некоторые даже начали спускаться по трапу...

— Прочь с моей дороги, — сказала она и прокляла дрожь в голосе. Улыбка матроса стала злой.

— Остановитесь сейчас же, — сказал Рамси, спускаясь на последние ступени и быстро оценивая ситуацию. Он схватил матроса за плечо и толкнул его в сторону Ливингстона. — Запереть этого человека до его наказания, — сказал он. — Остальным вернуться к работе, если вы не хотите присоединиться к нему. Мисс Пемброук, моя каюта. Сейчас.

Он взял ее за локоть и потащил к огромной каюте, мимо морской часовой. Она была слишком шокирована, чтобы выразить протест против его грубого обращения. Элинор сжимала оставшиеся бинты, не понимая, зачем она их держит.

Рамси захлопнул за ними дверь и повернулся к ней:

— Я сказал вам, чтобы пространство было ограничено, — сказал он низким яростным голосом. — Какого дьявола вы там делали? Вы ослушались приказа, мисс Пемброук, хотя не носите мундира, и я не даю указаний.

Его гнев вырвал ее из растерянности и вызвал приступ ярости:

— Мне был нужен врач, капитан, по женской проблеме, я уверена, что вы предпочли бы, чтобы я не уточняла. Я не сделала ничего плохого. Именно этот человек оскорбил меня.

— Если бы вы не находились там, он бы занялся своей работой и теперь не был бы наказан.

— Вы обвиняете меня в его грубом поведении?

— Это не те люди, к которым вы привыкли. Они знают, я ожидаю, что они будут вести себя честно, и большинство из них оправдывает это ожидание, но всегда есть такие, у кого нет желания дисциплинировать свои низменные инстинкты, и изменить это выше моей власти. Вина не имеет значения, мисс Пемброук. Важно то, что вы не подчинились моему наставлению, и теперь мне придется из-за этого выпороть человека.

Элинор открыла рот:

— Выпороть?

— Дисциплина должна быть сохранена, мисс Пемброук. Последние три года я ни разу не прибежал к порке плетью, но не могу допустить, чтобы эти люди поверили, что вы уязвимы для подобной фамильярности.

— Но, конечно, это было неприятно, да, но такое суровое...

— Если бы этот человек проявил такое неуважение к офицеру, наказание было бы таким же. Это корабль, мисс Пемброук, плавающая община из трехсот человек, ютящихся в пространстве, размером с половину дворца моего кузена Гарри, и мы, офицеры, сохраняем

нашу позицию, благодаря нашим навыкам и нашему лидерству, что включает в себя принуждение подчиняться законам и постановлениям, которые управляют нами. Эти люди не поддадутся слабости, и каждый из них будет свидетелем этой порки, зная, что это справедливое наказание.

— Или они будут возмущаться дальше, потому что я являюсь причиной!

— Он знал ваше положение и пренебрег ей. Небольшое негодование намного лучше, чем другие, более серьезные нападки на вас, — Рамси прищурился. — Это не первый случай, не так ли?

Элинор отвела взгляд.

— Я бы вряд ли назвала косые взгляды и приглушенный смех — инцидентом, капитан.

Губы Рамси сжались в тонкую линию, и он подошел к окну, прислонился к подоконнику и посмотрел на море.

— И я должен буду что-то сделать с Ливингстоном, — сказал он тихим голосом. — Я не могу выпороть офицера, даже если я думаю, что это может принести ему пользу.

— Мистер Ливингстон не сделал ничего плохого.

— Он ничего не сделал, и поэтому возникли последствия.

— Тогда, что это будет?

— Я не знаю. Можно унизить его на людях, но это только усложнило бы работу с ним. Так что это будет что-то другое.

— Вам он не нравится.

Рамсей быстро повернул голову.

— Я говорил не всерьез. Не обращайтесь внимания на мои слова.

— И я знаю, что он вас не уважает, хотя он умеет скрывать это, — добавила Элинор. — Он новичок в вашей команде, поэтому вряд ли у него есть время, чтобы проявить неприязнь к вам лично.

— Мисс Пемброук, вы намерены игнорировать все, что я вам предлагаю?

— Я не думаю, что вам позволено распоряжаться моим мнением, капитан, и считаю, что вы предпочли бы, видеть мистера Ливингстона в другом месте.

Рамси в отчаянии покачал головой и вернулся к окну.

— У Ливингстона нет таланта, — сказал он, — и он обижен на тех, у кого он есть, и вдвойне обижен на такого, как я, Необычного.

— Такого, как вы?

— Кто-то не высшего происхождения. Он второй сын виконта и хотел бы, чтобы это было более важным здесь, на корабле, чем оно есть.

— Тогда он, несомненно, на меня он тоже обижен.

— Да, и думает, что неуважительное отношение мужчин к вам плохо влияет на меня как вашего... спонсора, в определенном смысле. Это удовлетворяет его потребность выставить меня в невыгодном свете.

Элинор села на один из кушеток, на некотором расстоянии от Рамси.

— Если бы я могла им показать...

— Боюсь, я не смогу организовать вражеский корабль, плывущий к нам в руки.

Она посмотрела вверх, чтобы увидеть, как он наблюдает за ней.

— Вы думаете, что вся эта затея бессмысленна.

— Я не думаю, что вам разрешено вкладывать мысли в мою голову, мисс Пемброук.

Она рассмеялась, но спросила:

— А вам?

— Нет.

Его губы дрогнули в улыбке.

— Я думаю, что мы не были в море достаточно долго, чтобы объявить это провалом. Мы даже не добрались до Гибралтара.

— Мы там остановимся?

— Думаю, нет. Нет необходимости в остановках, никаких остановок. Мы остановимся на Тенерифе, — его хорошее настроение улетучилось, словно он вспомнил, почему он здесь. — Мне придется попросить вас остаться здесь до конца дня. Надеюсь, вы понимаете почему.

— Я намерена оставаться здесь, пока демонстрация не закончится, не бойтесь, капитан.

Улыбка Рамси стала мрачной.

— О нет, мисс Пемброук, вы будете присутствовать, чтобы увидеть, как этого человека выпороли. Все должны быть свидетелями. Это может убедить вас не игнорировать мои инструкции снова.

— Это варварство!

— Это жестокий мир. Я говорил, прежде чем вы допустили ошибку, потому что не понимали этого. Вы должны увидеть последствия своей ошибки.

Элинор склонила голову и посмотрела на свои руки, все еще сжимая бинты.

— Вы правы, — сказала она, — и я сожалею об этом инциденте.

— Не так сильно, как я, что не смог остановить, пока не дошло до этого, — сказал Рамси, -

Возможно, это было неизбежно, но если вы виноваты, я тоже виноват. Это говорит об ошибках в моем руководстве, если я не могу дисциплинировать своих людей, не прибегая к такому уровню наказания. Мне никогда не нравится видеть человека, которого выпороли, даже если его преступление оправдывает это, — он вздохнул и повернулся, чтобы уйти. — Это будет завтра утром после завтрака. Вы могли бы... легко поесть.

Элинор, все еще смотря вниз, услышала, как дверь тихо закрылась за ним. Это было так грубо, несправедливо, обвинить ее в выборе, который сделал мужчина. Еще более несправедливым, что матрос должен страдать по такой незначительной причине. Затем она вспомнила свое лицо и то, как она испугалась, окруженная всеми теми матросами, которые...

Она поспешила к «голове» и позаботилась о своих нуждах, отказываясь смотреть в лицо воспоминаниям. Элинор не знала, может ли заставить себя сжечь человека, и к тому же, что хорошего в этом будет, если он так крепко схватит ее, что она сможет сжечь, не обжегшись? Рамси был прав, они продолжали бы преследовать ее, если бы не наказание. Но такое наказание... она опустилась на диван и порылась в шкафу в поисках книги, затем попыталась сосредоточиться на словах. Вина моряка в том, что он считал, что на нее можно напасть безнаказанно. Что такое bob-tail? Но все-таки она чувствовала себя виноватой, и смягченное наказание мужчины могло бы облегчить эту вину.

— Перебросите его к решетке, — сказал Рамси холодным голосом, и два матроса вытащили нападавшего на Элинор вперед и связали ему руки на решетке, подпертой к средней части судна. Руки и спина полуобнаженного мужчины покрылись гусиной кожей на холодном ветру, заставляя его выглядеть еще более уязвимым. Элинор стояла позади Рамси, сжимая руки и желая, осмелиться обхватить руками грудь, чтобы согреться.

Высоко паруса на грот-мачте трепетали от порывов ветра, их белизна противостояла низкому серому небу, тяжелым облакам, обещающим дождь, который, вероятно, не остановил бы неизбежную порку. Палуба была заполнена людьми: матросами в полосатых рубашках и шляпах всех форм, подтянутыми офицерами, в самых формальных голубых пальто с белой облицовкой, головные уборы в продольном положении, морские пехотинцы в красном стояли поблизости на случай восстания.

Но толпа была, на взгляд Элинора, удивительно покорной. Они выслушали чтение статьи, которую человек нарушил, без протеста, и не бросали злобные взгляды в сторону Элинора. Во всяком случае, моряки казались смущенными ее присутствием, что заставило снова почувствовать себя иррационально виновной. Она не сводила глаз с обнаженной спины, которая не вызывала злости. Скоро она окрасится полосами с кровью. Ей следовало бы почувствовать панику, но вместо этого она чувствовала оцепенение от холода.

— Помощник боцмана, выполняй свой долг, — сказал капитан.

Навстречу выскочил здоровенный человек для исполнения наказания девяти ударов, с покачивающейся на ветру плетью, и занял позицию примерно в двух футах от несчастного человека. Он поднял руку, качнулся, и приглушенный стон мужчины разнесся над толпой, спину рассекли полосы, поскольку множество нитей, заканчивалось крошечными, жесткими узлами. Помощник боцмана снова ударил, и снова, Элинора сжала челюсти, чтобы не застонать от жалости. Слезы подступили к глазам, и она попыталась испарить их, прежде чем они смогли скатиться по ее щекам. Теперь ей было тепло, как будто огонь горел внутри нее, хотя она все еще находилась в оцепенении.

Она потеряла руки, чтобы согреть их, когда просвистел пятый удар. Это не может быть огонь внутри нее. Это было невозможно. Тем не менее, она все еще чувствовала пламя поблизости, хотя это было также невозможно. Как может что-нибудь гореть на океанских волнах? Она подняла глаза и посмотрела налево, к небесам, и увидела, что к ним несется огонь, бледный огненный шар, мерцающий белым и желтым, падающий с неба. Она погасила его, не подумав, и заговорила:

— Капитан, вот... -

— Мисс Пемброук, не время демонстрировать женскую слабость, — тихо сказал Рамси. Она схватила его за руку.

— Огонь, — сказала она и указала туда, где упал еще один шар бледно-желтого пламени.

Рамси чуть приоткрыл рот, потом крикнул:

— Бей тревогу!

Мгновенно толпа на палубе пришла в движение, а через несколько секунд раздался ритмичный звук барабанов. Элинора отклонила этот второй огненный шар, еще раз рассуждая о том, что драматические жесты будут выгодно выглядеть, для тех, кто наблюдал за ней в этот момент... Она опустила взгляд ниже, к горизонту, сердце колотилось в груди, когда она заметила слишком близкое присутствие военного корабля, направлявшегося непосредственно к «Афине».

Глава шестая, в которой Элинор проявляет себя

Ошеломленная Элинор неожиданно повернулась. Еще два огненных шара легко потухли — о чем думал их Поджигающий? Огонь, да, но такой слабый, которым невероятно поджечь что-нибудь важное. Рамси исчез. Мужчины протиснулись мимо нее, и она споткнулась, а затем отступила на корму, и схватила рельс, проходивший по ширине кормы, от так называемого «борта», обеими руками, чтобы не упасть. Никто не обратил на нее внимания в замешательстве. Никто не остановился, чтобы сказать ей, что происходит, или что она должна делать.

Она посмотрела на корабль вдалеке, и в ней поднялся гнев. Вот для чего она здесь, чтобы использовать свой талант на благо своей страны, а ее отталкивали в сторону и игнорировали, как если бы она была всего лишь бездарным пассажиром, бременем, которое нужно терпеть, но не уважать.

Она чувствовала, как огонь воззвал к ней, когда ее гнев усилился, в горле рождался крик, требующий освобождения, и посмотрела на вражеский корабль — как далеко? Полмили? У нее не было причин проверить возможности таланта, она не знала, насколько далеко он распространялся, но закрыла глаза и представила ощущение влажного холста под кончиками пальцев, а затем поставила огонь на самый высокий центр паруса.

На мгновение ей показалось, что она потерпела неудачу. Затем она почувствовала, как загорелся огонь. Казалось, она была в двух местах одновременно, ее тело стояло у борта, пытаясь удержать корабль в поле зрения, когда «Афина» начала разворачиваться, приближаясь к вражескому кораблю, а ее паруса мешали видению Элинор... Можно было ли назвать другую часть душой? Во всяком случае, та часть, которая знала огонь, охватывала далекое пламя и посылала его, как кипящее желе, вниз по парусам, прыгать с грот-мачты на другие паруса, превращаясь в капли расплавленной меди. Корабль продолжал свой путь к ним, горящий, как крошечное солнце, которое освещало тусклые серые волны под ним. Это было так прекрасно, что у нее заболело сердце.

Шум занятых людей, разбегающихся во всех направлениях, становился все громче, с криками удивления, страха и радости. Восхищения.

— Кровь Господня, — сказал кто-то из моряков, и Рамси ответил: -

Сдерживайся, матрос.

Элинор слышала все это издали, другая часть поглощала все, к чему она прикасалась, и наполняла маленькое человеческое тело силой, из-за которой ее кости гудели. Первый парус, который нужно сжечь, брамсель — и откуда у нее взялись эти знания? — начал разваливаться, большие полосы горячей ткани падали на палубу внизу. Она почувствовала, как падает с ним, и пошатнулась, крепче вцепившись в поручень. Руки схватили ее за локти и успокоили.

— Будь осторожна, — сказал Рамси ей на ухо. — Не перенапрягайся. У таланта есть пределы.

Она покачала головой. Она не чувствовала себя перенапряженной. Чувствовала себя живой, бодрой, словно могла продолжить сжигать паруса, мачты и корабль, пока они не превратятся в пепел. «Афина» была достаточно близка, когда Элинор смогла увидеть, как вражеские моряки спешат, некоторые даже поднимаются по горящим канатам с ведрами в тщетной попытке спасти свой корабль. Некоторые из снарядов рухнули, и двое мужчин

упали на палубу, их крики, как далекое жужжание мошек. Звук пробудил Элинора от фантазий, и она освободилась от хватки Рамси и глубоко вздохнула, едва ощущая запах грязного дыма от горящих парусов.

— Что мне делать? — спросила она, не уверенная, хотела ли она спросить Рамси о направлении или о собственных мотивах.

Рамси ответил на ее вопрос:

— Вы можете растопить пушки?

Элинора покачала головой:

— Я думаю, что это выше моих сил, капитан.

— Хорошо, тогда, если бы вы могли избежать сжигания мачт, это облегчит нам транспортировку, когда мы его заберем.

Элинора обнаружила, где пламя билось на грот-мачте и погасила его, сформировала огонь, который тек вокруг двух других мачт к парусам.

— Неужели потеря паруса затруднит его маневр?

— Мы можем компенсировать эту потерю. Я бы предпочел не менять мачту.

К ним присоединился Бомонт:

— Похож на «Джойя», капитан. Амиро, наверное, сейчас писает в свои брюки. Я имею в виду... прошу прощения, капитан.

— Я согласен с мнением, но не с выражением, — сказал Рамси.

«Афина» продолжала приближаться к вражескому кораблю, который остановился. Элинора увидела мужчин, столпившихся вокруг пушки на носу противника. Рамси шагнул вниз по палубе «Афины», выкрикивая команды, и матросы собрались вокруг пушек, а также тех, кто находился рядом с носом корабля, независимо от того, какая часть палубы называлась, меньше и легче, чем двадцать шесть огромных зверей внизу.

Больше людей пробирались сквозь такелаж, держась против ветра, который подхватил и заставлял ее огонь течь от поврежденного корабля, как смертельный золотой вымпел. «Афина» собиралась пройти перпендикулярно другому кораблю, чего Элинора не понимала. Конечно, было бы разумнее проходить параллельно, наставляя больше пушек на врагов. Но она была просто Поджигающим, а не капитаном, который в этот момент вернулся к ней.

— Вы можете погасить огонь?

То, как он сформулировал свою просьбу, разозлило ее. Она повернулась спиной к врагу и сложила руки на груди.

— Могу ли я, капитан? — спросила она и без единого слова погасила огонь, не сказав ни слова.

Рамси на мгновение уставился на нее, потом рассмеялся.

— Прошу прощения, мисс Пемброук, — сказал он, — потому что я не сомневался в ваших способностях. Я имел в виду, не могли ли вы погасить огонь...

Грохот сотряс воздух, Рамси обнял ее за плечи и толкнул на палубу. Раздался прерывистый звук, а затем всплеск где-то по правую сторону «Афины», ту, которая не сталкивалась с врагом. Еще один отдаленный выстрел, не коснувшись судна, и затем вибрация и рев пушек «Афины» — ядро полетело во врага. Элинора попыталась встать, чтобы увидеть, как прошло их нападение на французский корабль, но Рамси продолжал удерживать ее.

— Мы не достаточно близко, — крикнул он и побежал к носовой части, оставив Элинору подниматься с палубы. Она не была уверена, как они не могут быть достаточно близко, учитывая, что пушечное ядро врага прошло через один из парусов «Афины» — по крайней

мере, треск ткани сообщил о разрыве, — но враг был рядом. Мимолетно подумав о решении Рамси, что девушка снова действует самостоятельно, вспомнив первый огненный шар, летящий к ней, сделала один из своих и отправила его в сторону вражеского судна.

Он ударил по правому борту корабля и продолжил лететь, пересекая палубу по диагонали, чтобы врезаться в борт у кормы. Мужчины разбегались, что заставило ее рассмеяться; никто из них не пострадал, хотя такелаж загорелся. Она бросила еще два в быстрой последовательности, параллельно пушечным ядрам, выпущенным из кормовых орудий «Афины», наслаждаясь призрачным чувством полета с огнем. Так ли чувствовал себя Рамси, когда он летал? Или это была сила огня, его радость от свободы, заставившая ее чувствовать себя такой счастливой?

— Этого достаточно, — произнес Рамси, в очередной раз взяв ее за локоть, и она вздрогнула. Французский флаг исчез. Спустился с такелажа?

— Что это значит? — спросила она.

— Это означает, что они сдаются, — Рамси широко улыбался. Один из его передних зубов был кривым. Интересно, поэтому он так редко широко улыбается? — Передайте известие, мистеру Ливингстону. Вы хорошо себя чувствуете?

Элинор мгновенно поняла, что он обращается к ней.

— Я чувствую себя очень хорошо, капитан, — сказала она.

Спину немного ломило без видимой на то причины, но она чувствовала прилив сил, как будто жидкий огонь бежал по ее жилам.

— Вам следует быть осторожной. У необычного таланта есть цена. Хотя я думаю, что мы еще не знаем вашего предела.

— Они стреляли только дважды.

— Да, — сказал Рамси, снова улыбаясь, — так и было. Думаю, у вас больше не будет проблем с экипажем, мисс Пемброук.

Она огляделась. На палубе было не так уж много людей по сравнению с публичным наказанием, и большинство из них все еще были заняты оружием, но те люди, которые занимались такелажем, бросали на нее косые взгляды. Элинор подумала, что они смотрят с восхищением или страхом.

— Полагаю, что нет, — ответила она. Потом вспомнила и спросила: — А что с... наказанием?

Улыбка Рамси исчезла.

— Завтра он получит оставшиеся удары, но я пока позволю мистеру Хэйсу взглянуть на него. Более того, я боюсь, что за ним к решетке последуют другие люди. Этот корабль не должен был застать нас врасплох, и тех, кто позволил этому произойти, также придется выпороть, лейтенант, дежуривший в этот час, понесет наказание.

— Я понимаю.

— Неужели?

— Это мой талант предупредил вас о нападении, капитан. Сколько ущерба этот корабль нанес бы нам, если бы они подошли достаточно близко, чтобы использовать все свое оружие? Эти небрежные стражи несли бы ответственность за раны и смерть стольких людей. Я мало понимаю в ваших методах дисциплины на флоте, но, конечно, такое нарушение служебного долга должно быть сурово наказано.

Рамси кивнул.

— И они это тоже поймут. Привезите нас на борт, мистер Уинн и Хардисон, дайте им

знак отправить своего капитана. Мистер Бомонт, вы присоединитесь ко мне? Вы отвезете «Джойе» в Гибралтар.

Элино́р повернулась вовремя, чтобы увидеть реакцию Ливингстона на все. Он сначала удивился, потом рассердился и открыл рот, будто хотел что-то сказать. Рамси встретил его гнев холодным взглядом, одна бровь поднялась, словно приглашая Ливингстона сказать что-то дурное, что может вырваться из его уст. Ливингстон плотно сжал губы.

— Мисс Пемброук, вы должны спуститься ниже, прежде чем вас увидят наши друзья, — продолжил Рамси. — И благодарю вас.

— Конечно, капитан, — рефлексивно она сделала реверанс, как будто он пригласил ее потанцевать, потом покраснела, и Рамси подарил ей одну из мимолетных улыбок. Ливингстон, напротив, повернулся к нему, когда она проходила мимо, сверкнув в ее сторону недобрым взглядом. Он винил ее в том, капитан отдал командование «Джойе» Бомонту, а не ему. Казалось, капитан Рамси нашел для него наказание.

Оглядываясь назад, она догадалась, что капитана Амира нужно будет доставить на борт «Афины». Он мог быть честным человеком, но даже самый благородный человек мог испытывать желание нарушить условно-досрочное освобождение и попытаться вернуть свой корабль, если ему будет позволено остаться на нем. Возможно, это разумно, но Элино́р не хотела оказаться племянницей в собственной спальне. Два дня прошло, прежде чем «Афина» и ее трофей добрались до Гибралтара. Молодой мичман, который принес ей еду, Сент-Мор, едва мог встретиться с ней взглядом, что уж говорить об общении. Она была вынуждена сидеть или лежать на кровати, читая книгу и заново перечитывать несколько книг, или смотреть в потолок, в то время как «Амираут» покачивался за окном большой каюты.

По вечерам она подслушивала разговоры за столиком капитана и обнаружила, что ее присутствие было причиной напряженного молчания, потому что, по меньшей мере, восемь человек каждый вечер садились обедать, пили и ели с удовольствием, выкрикивая тосты и смеясь над шутками, которых Элино́р не понимала. Она злилась, ковыряясь в еде, и решила, что у нее будут разговор с Рамси, чтобы придумать какую-нибудь причину, по которой она будет свободно перемещаться по кораблю, не вызывая подозрений Амира. Даже французский капитан знал, что хорошо воспитанная англичанка не обошлась бы без женщины-компаньона, и, даже находясь в плену, он мог распространить слухи о ее отсутствии... Удивительно, что она ранее считала ограничение на квартердек и комнату капитана арестом.

Утром третьего дня Элино́р проснулась от того, что движение корабля изменилось от постоянной качки до легкого качания, едва заметного после стольких дней в открытом море. Она быстро оделась и села на край кровати, ритмично постукивая ногами и гадая, смеет ли выйти. Дважды встала и положила руку на дверную ручку, дважды убрала ее и вернулась к кровати. Наконец, дверь открылась, и Сент-Мор взглянул на нее.

— Еда на столе, мисс, — сказал он, все еще не глядя на нее. — Капитан сошел на берег с капитаном Амиром.

Элино́р проскользнула мимо него и пошла посмотреть в окно, стараясь не стоять там, где ее можно было увидеть. Синие просторы гавани были кое-где усеяны кораблями, в том числе «Джойе», который стоял на якоре неподалеку. Золотые солнечные лучи скользили по волнам, отражавшим вспышки света, заставили Элино́р моргнуть и опустить веки. Ей пришлось отвести взгляд и вместо этого посмотреть на другие корабли. Один из них, должно

быть, только что вошел в гавань, потому что его белые паруса были убраны. Они были похожи на крылья альбатросов, но, она считала, что они приносят удачу, а это не плохо.

За водой, далеко вдаль, высоко поднялся серо-зеленый каменный мыс. С одной стороны отвесная скала спускалась к берегу, с другой — более пологая, но все же устрашающая для подъема. Казалось, что сам Бог бросил самый большой валун на берегу и оставил его там, обрастать мхом, в течение тысячи лет. Не обращая внимания на то, кто ее увидит, Элинор шагнула вперед и прижала ладонь к стеклу. На таком расстоянии ее рука точно прикрыла Гибралтарскую скалу и сделала синее небо более синим в сравнении ее светлой кожи. Невозможно понять, что это было то же небо, которое простиралось над домом ее отца в Хартфордшире.

— Капитан просил передать вам, не подниматься на палубу, и... он точно сказал: «Не спорь с Сен-Мором, это не его вина, что ты в ловушке», — произнес Сен-Мор, его лицо стало малиновым.

Элинор вздохнула, раздраженная словами Рамси и нетерпеливая с робким мичманом.

— Мистер Сен-Мор, я не намерена спорить с вами, но мне не нужна компания за завтраком, — сказала она, и Сен-Мор вышел, прежде чем она закончила. Завтрак состоял из горячих яиц, почек, тостов и кофе, а также свежих персиков, которые должно быть утром принес мичман Херви. Ограничитель. Элинор приняла извинение, когда увидела его. Херви также привез «Таймс» вместе с почтой, и Элинор почувствовала себя почти цивилизованной, когда читала и ела. Рамсей поставил отличный стол.

Дверь снова открылась, и вошел Дольф, стюард капитана. Элинор не была уверена, кем он был. Он готовил капитану еду, убирал его каюту и стирал вещи, но он не был прислугой, и не камердинером. Дольф с грохотом поставил тарелку сосисок и что-то пробурчал. Элинор улыбнулась ему, он нахмурился сильнее и ушел, ничего не сказав.

Она наколола колбасу и с силой откусила. Элинор перестала пытаться подружиться с Дольфом после двух дней плавания, но ей хотелось бы, чтобы он не был так настроен против нее. У девушки создалось впечатление, что обидела его, хотя не была уверена, это потому, что она женщина, потому что она занимала даже небольшое количество внимания капитана, или ему просто не нравилось готовить на двоих.

— Доброе утро, — сказал Рамси, входя в комнату и усаживаясь напротив нее. — Капитан Амир находится под стражей на берегу, и я сожалею, что мне не пришлось в голову придумать объяснение, которое предоставит вам свободу передвижения по кораблю, пока он находился здесь.

— Было очень неприятно, капитан.

— Я извинился, мисс Пемброук. У вас есть идеи? Вы могли бы стать миссионером на пути к Ямайке, чтобы обратить язычников.

Элинор посмотрела поверх газеты, поймав, его совершенно бесстрастный, но с озорным блеском взгляд. Она опустила газету.

— Я думаю, что могу быть приличной, но обедневшей женщиной, оставшейся с братом и его женой.

— Который, естественно, вне себя от радости, что к их семье с выводком из семерых детей присоединилась еще и незамужняя тетка.

— Но я люблю своих племянниц и племянников и буду хорошим, полезным дополнением к семье, в отличие от девицы, которая сидит в гостиной и критикует всех, Хестер.

— Кто такая Хестер?

— Моя законная сестра, конечно. Не могу поверить, что вы так печально осведомлены о моих родственных связях.

— Еще раз прошу прощения. Но как насчет Эрнеста? Видите, я не забыл о нем.

— Эрнест?

Его глаза расширились от шока.

— Молодой человек с плантации, который, конечно, хотел стать вашим мужем! Мисс Пемброук, подумайте, как он расстроится, если узнает о вашем безразличии!

Элинон рассмеялась:

— Капитан Рамси, между мной и Эрнестом все в порядке!

— Я рад слышать это. Вы должны хотя бы встретиться с молодым человеком... — он тоже начал смеяться. — Мисс Пемброук, я и не подозревал, что у вас есть чувство юмора.

— Я тоже, честно говоря, капитан.

Она сложила газету и протянула ему, но он помахал рукой.

— Я давно так не смеялся.

Дольф принес еще одну тарелку капитану, который начал есть с большой аккуратностью, характеризующей все, что он делал.

— Надеюсь, вы понимаете, что мы все благодарны за то, что схватили «Джойе», — сказал он и снова засмеялся. — Амиро не мог прекратить говорить о вашем — не о вас конкретно — а о Поджигающем, и продолжал просить позвать тебя. Я не знаю, хотел ли он пожать тебе руку или ударить, но думаю, что он впечатлен твоим мастерством. Никто не знал, как противостоять такому нападению. Ну, это заставляет его чувствовать себя менее униженным... Амиро в приличном виде, и ему придется сесть, чтобы его выкупили.

Он взял еще несколько кусков, с видом, который говорил, что он еще не закончил, и Элинон с некоторым нетерпением ждала его продолжения.

— Поэтому, пожалуйста, не принимайте мои слова, как оскорбление в свой адрес.

— Вы держите меня в напряжении, капитан.

Он покачал головой.

— Это только потому, что нам очень повезло, — сказал он. — Их Поджигающий выстрелил слишком рано, что дало нам время, хотя наши часовые не заметили их приближение. И, основываясь на том, что я видел в бою между кораблями, он также был не очень силен. Если Амиро не допустил бы так много ошибок, если бы вы не заметили их, «Джойе» разнес хотя бы один борт, прежде чем мы были готовы ответить. «Джойе» не создан для отражения нападений Поджигающих. Там, куда мы направляемся, многие из кораблей обрабатывают свои паруса огнезащитными средствами и имеют системы пожаротушения снастей, используют тактику, даже если у вас не возникнут проблемы с преодолением препятствий. Я думаю, важно, чтобы вы знали, что не все наши поединки идут так хорошо.

— Я ценю это, капитан. Я чувствовала, что это слишком легко.

— Это не так, — он снова усмехнулся. — Вы не видели людей, когда эти паруса объял огонь. Бросать огненные шары — это одно, но этот корабль был в три раза дальше, чем любой Поджигающих разжигает огонь.

Элинон открыла рот.

— Я... понятия не имею, капитан, -

сказала она. Она была настолько увлечена своим талантом во время сражения, что

сделала это, не задумываясь. — Я знаю, что у меня есть сила, — сказала она, — но это кажется почти абсурдным. Я чувствовала, что не достигла своего предела. Это скорее похоже на то, чтобы попросить отца пони и получить вместо него чистокровную породистую лошадь.

— Это так, — сказал Рамси — мой предел в десять тысяч фунтов — Способность двигаться, вы понимаете, о чем я, — и думаю, что мог бы превысить этот предел, если понадобится. Это на три тысячи фунтов выше предыдущего раза. Я загрузил пушки на «Афину», по две за раз, примерно через три часа, потому что мы спешили, чтобы быстрее закончить погрузку. Я чувствовал себя почти смешно, бросая их так, видя то, как они все смотрели на меня... Он замолчал. — Во всяком случае, я понимаю, что вы имеете в виду.

— Когда проявился ваш талант, капитан?

— Поздно, — он криво усмехнулся. -

Не так поздно, как ваш. Мне было четырнадцать, когда я проявил талант Перемещающего и в пятнадцать появился Необычный талант. Считаете ли вы, что ваш необычный талант был причиной, позднего проявления?

Элинор пожалала плечами, думая, что он очень быстро сменил тему.

— Большинство записей о талантах — это списки достижений, а не детали. Прошло почти пятьдесят лет с тех пор, как такие вещи были замечены. Разумеется, существуют многочисленные родословные, записи о скрещивании, титулы благородства, предоставленные на протяжении веков.

Она снова почувствовала горечь, которая наполняла ее, когда она вспоминала страсть своего отца. — Одно, мы знаем точно, — так мало Поджигающих не только потому, что английский талант не проявляется в этом направлении, а потому, что многие из них умирают, когда он проявляется.

— Сжигают себя?

— И свои семьи, иногда. Торговля в попытке предсказать, какие таланты будут результатом конкретного скрещивания, процветает отчасти потому, что родители хотят предотвратить подобные вещи.

— Я думал, что все это клевета и ложь.

— В худшем случае. Большинство предсказателей искренне верят в свои гадательные методы — астрология и хиромантия чрезвычайно популярны. Но они не более точны в своих предсказаниях чем, если бы они выбрали их наугад. Те, кто применяет логику и причину проблемы, несколько более успешны.

Она подумала о книге разведения своего отца и подавила дрожь.

— Я понимаю, что некоторые греческие естествоиспытатели приступили к более глубокому изучению механизмов, которые вызывают появление талантов, используя современные научные принципы, но это объем моих знаний.

Дольф вошел в комнату и начал протирать стол, игнорируя их обоих. Рамси немного отодвинулся назад и сказал:

— Пройдет немного времени, прежде чем мы уедем, и я предпочел бы, чтобы вы не поднимались вверх, поскольку мы не можем рассказать всем о вашей семье на Ямайке. Я могу чем-то помочь?

— Еще книг. Поскольку нам предстоит долгий путь.

Он слегка поклонился.

— Вы свободны в передвижениях по кораблю, как только мы покинем гавань. Я

полагаю, вы заслужили уважение команды, и у вас больше не будет проблем.

— Но вы предпочтете, чтобы я не вторгалась в их пространство больше, чем необходимо.

Он улыбнулся, показывая этот кривой зуб.

— Вы читаете мысли, мисс Пемброук.

— Думаю, нет. Это мистика.

Он посмеялся.

— Хорошего дня, мисс Пемброук.

— Хорошего дня, капитан Рамси.

Когда они с Дольфом покинули каюту, она пошла посмотреть в окно на крутую скалу, затем открыла его, чтобы холодный морской воздух проветрил каюту от запаха сосисок, который довольно быстро распространился... Вскарabкаться на скалу было бы слишком сложно даже по наклонной стороне, но каково это, стоять на вершине и рассматривать «Афину», мягко покачивающуюся на волнах гавани? Интересно, делал ли Рамзи когда-нибудь так, летал через серо-зеленое пространство к свету на вершине Скалы?

Мирные, робкие ощущения, как новый побег растения, начал пробиваться сквозь тревогу, которую испытывала в течение недели. Она никогда не была на расстоянии более ста миль от дома, находилась почти в десять раз дальше и готовилась пойти еще дальше. Спасибо тебе, папа, за то, что ты выгнал меня из крошечной жизни во что-то большее, чем я себе представляла. Спасибо, что так мало думал обо мне, что я была вынуждена найти место, где меня ценят. Спасибо.

Она наклонилась к открытому окну и глубоко вдохнула соленый воздух. Рамси лишь частично был прав. Экипаж, вероятно, в одинаковой мере боялся ее и уважал. Но теперь у нее была своя ниша на «Афине». Она боролась за это, и чувствовала, что наконец-то на своем месте.

Глава седьмая, в которой представлены товарищи по плаванию Элино́р

Элино́р стояла на коленях на одной из кушеток, прислонившись к оконной раме. Казалось, раньше она не знала, что такое синий цвет, пока не увидела воды гавани в Санта-Крус-де-Тенерифе, глубокие, насыщенные и настолько прозрачные, что можно увидеть основание корпуса «Афины», под изгибом кормы. Если Платон был прав, и на самом деле у всех объектов есть идеальная форма, это, несомненно, был синий в самой совершенном состоянии.

Город Санта-Крус расположился вдоль берега, окруженный каменными стенами, с крепостью Сан-Кристоваль и четырьмя массивными угловыми башнями, выходящими на залив, где «Афина» стояла на якоре с дюжиной других кораблей. Они приплыли на рассвете, так что Элино́р почти не видела легендарных берегов острова с золотым песком и пышной зеленью, но его горы лежали подобно спящим великанам, которые могли в любой момент выбраться и сокрушить город. Это была красочная метафора, которой Хэйс описал остров Элино́р за два дня до прибытия.

— Горы вулканические, вы понимаете, — сказал он, — и вулканы активны. Четырнадцать лет назад случилось извержение — в глубине острова, далеко от Санта-Крус, и мне сказали, что извержение мало повлияло на город. Тем не менее, я думаю, что это очень интересно, не так ли?

— Скорее тревожно, нежели интересно, доктор Хэйс, — ответила Элино́р. — Я надеюсь, что мы не станем свидетелями подобному событию.

— Это маловероятно. И горы, как правило, дают много предупреждений, прежде чем они проснутся. Я надеюсь отправиться вглубь страны на некоторое расстояние; *Serinus canaria* и *Fringilla coelebs* довольно распространены на всех атлантических островах, но *Regulus regulus teneriffae* больше нигде не гнездится. Не хотите присоединиться ко мне?

Элино́р рассмеялась и покачала головой.

— Боюсь, я не готова к путешествию в дикую природу. Я намерена идти вдоль берега и наслаждаться ощущением поверхности, которая не скатывается мне под ноги.

Теперь она рассматривала город и задавалась вопросом, осуществимо ли ее желание. Красные черепичные испанские крыши и белые оштукатуренные стены Санта-Крус были хорошо видны из гавани, сверкающего средиземноморского города в тропическом раю. Однако здания стояли тесно, как в Лондоне, если бы Лондон был пропитан солнечным светом, который согревал крыши и ярко освещал серые стены. Она могла разглядеть нескольких людей, идущих по улицам, подобно муравьям, бродящим по бульжной мостовой, но даже в это раннее утро порт был полон, а шлюпки пересекали гавань от корабля до берега и обратно. Почти триста человек, желающих уплыть в город. Элино́р считала маловероятным, чтобы кто-нибудь из них захотел сопроводить ее, и она сомневалась, что Рамси позволит ей бездельничать.

Запах яиц и сосисок предшествовал появлению Дольфа в большой каюте. Он поставил тарелки, кофейник и ушел, прежде чем Элино́р села. Кофе выплеснулся из кофейника, образовав на скатерти неровное коричневое пятно, которое Элино́р решила не вытирать. В конце концов, это Дольф, и она получила извращенное удовольствие от мысли, что у него возникнет дополнительная работа из-за неприязни к ней.

Она налила себе чашку, размешала кусок сахара, отпила и закрыла глаза. Запах горящего кофе, пряный аромат сосисок и слабым запахом горячей воды в скорлупе яиц (Дольф либо не умел делать всмятку, либо снова злился), почти как дома. Хотя дома она не могла слышать звуки волн, разбивающиеся о каменные стены гавани, ни крики морских птиц, нырявших за открытым окном.

— Доброе утро, — поздоровался Рамси, и Элинон быстро открыла глаза. — Готовы сегодня выйти на берег?

— Могу ли я?

Он взял яйцо и начал чистить его.

— Конечно.

Кусочки скорлупы падали, открывая гладкую поверхность.

Элинон чистила собственное яйцо. У нее оказалось более удачное.

— Я думала, что было бы несправедливо просить кого-то отказаться от своего времени в городе, так как понимаю, там мало что меня заинтересует.

— Нет, если вы не любите напиваться, и, то есть удовольствия Санта-Крус приспособлены для моряков, это правда, — сказал Рамси с одной из своих кривых улыбок. — И я сопровождаю вас сам. Меня не интересуют удовольствия Санта-Крус.

— Это не мешает вам выполнять свои обязанности?

Рамси пожал плечами и смахнул яичную скорлупу с пальцев.

— Я уже вызвал адмирала порта, и могу позволить себе пройтись чуть больше часа. Артур — лейтенант Бомонт — не заинтересован в том, чтобы сходить на берег. Он не желает нарваться на кого-то, кому он задолжал. Он отлично справится с любыми чрезвычайными ситуациями, которые могут возникнуть.

Дверь с шумом распахнулась, но вместо Дольфа, вошел запыхавшийся мичман Херви, неся небольшой мешок и пару посылок.

— Вам письмо, сэр, и некоторые вещи для Мисс Пемброук, — сказал он, отдавая мешок Рамси.

— Почта сегодня поздно, — сказал Рамси.

— Прошу прощения, сэр, мне пришлось ждать в Адмиралтействе, а потом появились книготорговцы, — Херви передал Элинон два пакета, перевязанный веревкой, один мягкий, один прямоугольный и жесткий, и тотчас она начала срывать обертку с последнего.

— Мистер Херви, неужели вы нашли его? — воскликнула она.

— Он не настолько старый, мисс Пемброук, — ответил Херви. — Поверить не могу, что вы никогда не читали «Роман в лесу». Он действительно довольно хорош.

— Моя мать не одобряет романы для чтения. Она предпочитает хороший моральный рассказ. Я считаю, что нам принадлежит все, что когда-либо писала Ханна Мор, — три тома упали на ее колени. -

Большое вам спасибо, мистер Херви.

— Уверен, что я должен вам, поскольку вы были так добры, что дали мне ту другую книгу. Не думал, что мне понравится — это не так интересно, как все, что пишет миссис Рэдклифф, но мне очень понравилось.

— Я признаюсь, что иногда меня смущает читать собственное имя на этих страницах, но обещаю вам, что это не повлияло на удовольствие от книги! Интересно, что автор подписывает себя только «Леди». Чувство и чувствительность — это то, чем мог бы гордиться любой автор, и это не так, как если бы женщина не писала романы.

— Возможно, она стесняется публичности. Надеюсь, что напишет еще. Я был в таком напряжении, когда Элино́р узнала, что Эдвард помолвлен с этой пустоголовой Люси.

— Пожалуйста, используйте язык, более подходящий для члена экипажа Королевского военно-морского флота, мистер Херви, — сказал Рамси, но насмешка в его голосе смягчила упрек.

— Прошу прощения, сэ́р. Мисс Пемброук, вы должны рассказать мне, как вам «Роман в лесу». Это один из моих любимых.

— Я уверен, что мне понравится, мистер Херви, — ответила Элино́р. Херви снова улыбнулся ей и врезался в Дольфа, когда уходил, чуть не заставив стюарда уронить серебряное блюдо, которое тот нес. Дольф пробормотал что-то и поставил блюдо перед Рамси, полностью игнорируя Элино́р. Рамси поднял бровь и оттолкнул тарелку.

— Кажется, я сказал тебе сначала обслуживать мисс Пемброук, — сказал он.

Дольф посмотрел на Элино́р, которая улыбнулась ему и подумала: «Ты самый неприятный человек, которого я когда-либо встречала, жаль, что я не Необычный Оратор, иначе могла бы отправить эту мысль в тебе мозг.» Он поднял блюдо и поднес его к Элино́р, поставив немного сильнее, чем следовало, и бросил крошечный бифштекс на тарелку. — Спасибо, Дольф, — ласково сказала Элино́р и была вознаграждена, увидев его нахмурившееся лицо, отворачивающееся от Рамси, Он подал капитану большой кусок мяса и выскочил из комнаты.

Рамси повернулся на своем месте, чтобы посмотреть, как тот уходит, пожал плечами и приступил к еде.

— Я и не подозревал, что мистер Херви так интересуется литературой, — сказал он. — Вы наверняка открыли ту сторону, которую мы никогда не видели.

Элино́р поднесла к губам нежное мясо. Удивительно, как аккуратно Рамси ел.

— Мне нравится обсуждать книги. У меня редко бывала такая возможность дома. Но у вас, кажется, нет времени читать, хотя у вас удивительная коллекция, — добавила она, указывая на шкаф под окном. Кроме ужинов с его офицерами, Рамси никогда не сидел спокойно дольше, чем полчаса, он щадил себя для еды, и не оставлял себе времени для досуга.

— Удивительно, как?

— Ах, это... — она отпустила комментарий, не подумав, а теперь выпалила: — Я не думала, что такого человека, как вы, так интересу́ет поэзия.

Брови Рамси удивленно приподнялись:

— Человека, подобного мне? И что я за человек, мисс Пемброук?

Элино́р пожелала, чтобы пол исчез, и она выпала в оружейную внизу, на стол, чтобы прервать завтрак офицеров. Это было бы гораздо менее неловко, чем это.

— Я имела в виду только... о... вы... человек действия, я думаю, а не... созерцания... и...

Он посмеялся:

— Не связывайте себя в узел, мисс Пемброук, я понял вас. Прискорбно, что любителями поэзии, считают исключительно провинциальных худых и тонких молодых мужчин или женщин с необычайной чувствительностью. Я не одобряю Вордсворта, со всеми его разговорами о лютиках и нарциссах.

— Я не думаю, что это справедливо по отношению к господину Вордсворту. Некоторые из его сочинений довольно серьезные и не цветочны.

Рамси засмеялся и махнул рукой.

— Я должен был спорить с кем-то менее начитанным, чем вы. И признаю наличие сильных предпочтений в моей литературе. «Тигр», например, с которым вы наверняка знакомы.

— Боюсь, я не знаю. Это не Вордсворт.

— Нет, парень по имени Уильям Блейк. Послушайте, — он откинулся на спинку стула и сложил пальцы на стол перед собой, затем начал говорить, его голос стал более низким и интенсивным.

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?
В небесах иль средь зыбей
Вспыхнул блеск твоих очей?
Как дерзал он так парить?
Кто посмел огонь схватить?

Слова поэта наполнили Элинор острыми ощущениями, жуткими и изумительными.

— Я думаю, мистер Блейк должен был знать много Поджигающих, — сказала она. — Я чувствую, что мой талант очень похож на его тигра, яростный, ужасный и красивый одновременно.

— Ничего страшного в этом стихотворении нет, мисс Пемброук?

— Совершенно, нет, капитан. Я снова делаю необоснованное предположение, думаю вам также нравится «Поэма о старом моряке»?

— Хах! Кольридж, наверно, ходил в море. Вода, вода везде, ни капли для питья. Мы были три года назад у берегов Панамы на грани смерти от жажды, и мне пришлось остановить пару человек от питья морской воды. Нет, это его «Кубла-хана», который обращается ко мне, контрасты, двусмысленность.

— Я не знаю этого стихотворения.

— Он еще не опубликован. Мне посчастливилось побывать на чтении несколько лет назад. Мне интересно, откуда вы знаете его стихи вообще, если ваша мать была настолько потрясена романами — она определенно не одобрила бы Колриджа.

— Нет, но она считает, что ваш друг мистер Вордсворт является представителем всех поэтов, и я сомневаюсь, что ей приходило в голову, что поэт может написать про прокаженный кошмар «Жизнь в смерти», который заставляет кровь людей стечь в жилах... -

Слова сорвались с ее уст, прежде чем ей пришло в голову, что, возможно, «прокаженный Кошмар Жизни в Смерти» не то, что должна знать молодая женщина, и она покраснела, но Рамси просто выглядел удивленным.

— Не бойтесь, мисс Пемброук, я не оскорблен, — сказал он. — Вы, кажется, не боитесь того, что люди о вас подумают.

Он, должно быть, думал о той ночи в музыкальной комнате

— Я просто иногда говорю, не подумав о последствиях.

— В Адмиралтействе было не так. Кажется, вы рассмотрели все возможности, прежде чем прийти к лорду Мелвиллу.

— Не все. Я... — она остановилась, не в силах сказать ему правду. Элинор не подумала, как ее уход навредит Селине. Она не понимала, что ей все равно, по крайней мере, о том, что

люди подумают о ней, когда она вернется в общество, если они узнают, что она была одна и без сопровождения на корабле, полном моряков. — Я не понимала, что условия жизни будут настолько ограничены, — продолжила она. — Не то, чтобы у меня были какие-то претензии, капитан, просто намерена сказать, что не все предвидела.

Рамси положил локоть на стол, подперев подбородок рукой и рассматривал ее, будто знал, что она была не совсем честна с ним. Он возил вилкой с кусочком яйца по тарелке.

— Вы жалеете?

— Нет, — это было сказано резко, слишком резко, но у нее возник внезапный страх, что если она признается, и он может сказать Херви, взять ее обратно в свою поездку, и она не вернется. — Нет, — сказала она более небрежно, и показала на окно. — Не сейчас, когда такой необыкновенный пейзаж. Я никогда не видела ничего красивее.

— Там, куда мы направляемся, такие достопримечательности являются обычным явлением. Если бы Вест-Индия не была столь опасна для здоровья, было бы невозможно предотвратить массовую эмиграцию. Хотя летом очень жарко. Я желаю, чтобы эти пираты следовали за практикой своих предков и уходили на север в самые жаркие месяцы. Мы могли бы совершить круиз по Ньюфаундленду и насладиться бризом.

— Я думаю, в любом случае, это не означает, что вы желаете пиратам успехов.

Он коротко и резко рассмеялся:

— Нет, но поскольку мы будем преследовать их, что бы они ни делали, я бы предпочел не плавиться под карибским солнцем. Королевским военно-морским флотом не утверждена униформа для тропических условий.

— Сочувствую, капитан.

Он смотрел на нее, его глаза сузились в раздумье.

— Я думаю, что мы должны соорудить какой-то зонтик. Чепец кажется недостаточной защитой.

— Пожалуйста, не создавайте себе лишних проблем, из-за меня.

— Мисс Пемброук, вам нужно научиться принимать галантные жесты, когда их предлагают, — ответил он с серьезным лицом, но с веселой улыбкой в глазах, которая говорила, о том, он дразнит ее.

— Боюсь, что я не привыкла к ним, поэтому вы должны сделать скидку на мою неблагодарность, — ответила она с улыбкой.

— Вы не привыкли? Вы удивляете меня, мисс Пемброук, — он отодвинул свой стул, оставив Элинор обдумывать ответ на заявление, которого она не понимала. — Мы отправимся через час, пока не станет слишком жарко, если это вам подходит.

— Конечно, капитан, — сказала Элинор. — Вы пришлете кого-нибудь, чтобы сказать мне, когда лодка будет готова?

Он улыбнулся, показав еще раз тот кривой зуб:

— О, мы не будем использовать лодку. Не сейчас, когда мы можем использовать более... прямой путь.

Элинор втянула воздух.

— Но, капитан...

— Послушайте, мисс Пемброук, я не могу поверить, что леди, которая поборола Первого Лорда в его холодном, темном логове, боится попробовать что-то новое! — он улыбнулся шире. — Я обещаю, что не брошу вас, — добавил Рамси и закрыл за собой дверь.

Лицо Элинор покраснело. Летать. Или быть Перемещающим, что в принципе одно и

тоже.

«Я должна надеть чистую одежду,» — подумала она и прикусила кулак, чтобы не смеяться над собой. Разумеется, Рамси не стал бы смущать ее. Но... полет...

Она вышла из-за стола, прежде чем Дольф смог войти, чтобы убраться, и вышла на палубу, поправляя чепец от яркого солнца, который смотрелся нелепо на тускло освещенной главной палубе. Матросы уступали дорогу Элинон, когда она шла, словно прикрываясь краями их несуществующих шляп, и избегали ее взгляда. Она все еще сомневалась через неделю после захвата «Джойе», было ли это от страха или от уважения, но, тем не менее, она держалась подальше от их территории, вспоминая кровавые полосы на голой спине. Девушка не приближалась к оружейной комнате, в которой она чувствовала дискомфорт офицеров при ее присутствии.

Теперь она улыбалась и кивала, проворно обходя катушки веревок и уклоняясь от группы людей, которые, в ответ на крик команды, взбирались на мачты, как белки. Она не собиралась понимать их язык, все, что «растягивайте те верхние залы» и «ясно, что это хаус!». Она также не узнает разницу между «корпусом вверх» и «корпусом вниз», но она знала разницу между правым бортом и левым. «Афина» прекрасный корабль, особенно когда больше не воняла свежей краской. Элинон находила весьма приятным стоять на носу так близко, как только могла подойти к фигуре, которая действительно была богиней Афиной, и позволить ветру обдуть себя, как будто он пытался унести ее.

— Господин Болтон, — поздоровалась Элинон, когда добралась до места, — доброе утро.

Болтон остановился, пробегая пальцами по тому месту, где между более темными досками, пропитанной солнцем палубы, были установлены две более светлые доски.

— Доброе, мисс, — ответил тот. Сам Болтон был так же выветрен, как и корабль, его лысая голова загорела и отмечена созвездием коричневых веснушек, но он выглядел намного здоровее, чем когда они встретились, тогда его рвало в ведро, и он жаловался на боли в желудке. Моряк встал и потянулся, хрустя суставами. — Вы, похоже, собрались на берег?

— Собралась.

— Вам лучше не идти в Санта-Крус, мисс, это не место для молодой леди, — Болтон прищурился и посмотрел в безоблачное небо. — Не очень-то мне нравятся города, холодно и многолюдно. Открытый воздух и солнце — это то, что нужно каждому человеку.

Элинон проследила за его взглядом, но ничего не увидела.

— Я намерена сойти на берег, — сказала она. — Он очень похож на море в Брайтоне. Мы ездили только один раз, и это было так холодно и каменисто... Я не понимала, что берег моря может быть таким привлекательным.

Болтон кивнул.

— Великое дело — это море, настроение зависит от погоды, смертельно, как вам нравится, когда оно не улыбается вам, — он рассеянно подошел к грубой заплате на носовой балке с видом человека недовольного работой, которую сделал, и продолжал смотреть на небо. — Йон, — сказал он, выпрямляясь и указывая на корму.

Элинон высунулась через поручни, положив руку на такелаж, и посмотрела туда, куда он указал. Далекое пятнышко, не большее, чем укол, казалось, витало в небе на боковой стороне корабля, но оно росло и превращалось сначала в продолговатую форму, а затем в фигуру человека, выпавшего из неба, скользившего над волнами быстрее, чем ястреб, наклонившийся к своей добыче. Рамси, пронесся мимо них, по изящной дуге, ненадолго

завис на вершине кривой, затем метнулся мимо мачт и снаряжения к корме.

— Его полет заставляет меня дрожать от ужаса. Когда я наблюдаю, кажется, что так легко парить в воздухе, — сказал Болтон. — Это неестественно.

— Конечно, нет, — сказала Элинон, смеясь. — Если бы это было так, каждый мог бы это сделать.

— Неестественно, — повторил Болтон. — Но от этого еще красивее.

Элинон поддразнивала:

— Не как огонь?

— Огонь по-своему красив. И любой человек может разжечь пламя, мисс. Поджигателю не нужен кремь, это так. Но никто не летает, однако, они решают, что у них есть талант.

— Я думаю, вы просто привыкли к Поджигателям.

— Тес, моя дочь, любит меня. Почти окончила Академию, мы с ее мамой гордимся ей.

— Вы должны ей гордиться. Мне бы хотелось присоединиться к пожарной команде, если бы меня взяли.

— Вместо этого вы присоединились к Королевскому военно-морскому флоту? — Болтон забавлялся. -

Верно, что вас не останавливает общественное мнение.

— Это не совсем так, но я согласна с вами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Элинон расправила рукава и пожалела, что не осмелилась надеть платье с короткими рукавами. Никого здесь не заботило, как она выглядела, было бы неплохо если бы кожа загорела, но она представляла себе возвращение в Лондон... казалось, ее больше не волнует мнение социального класса. К тому же, если Рамси и его должностные лица переносят жару не снимая своих синих, тяжелых пальто, значит, она сможет ходить в муслиновом платье с длинными рукавами.

— Мисс Пемброук! Я сказал, мисс Пемброук!

Элинон поджала губы, услышав, как боцман вырубался, выдавила вежливую улыбку, и повернулся посмотреть, как неловко, одетая в черное фигура Стивена Селкирка пересекает палубу. Как ему удавалось сталкиваться с каждым матросом на палубе, оставалось загадкой, тем более что он подпрыгивал и уворачивался в попытке этого не делать.

Болтон сплюнул за борт, потом сказал:

— Извините меня, мисс, все обошлось, — и, обойдя стороной Селкирка мимо бушприта, проскользнул, чтобы вскарабкаться на фок-мачту. Он не пытался скрыть того факта, что сбегает.

— Мисс Пемброук, — сказал капеллан, тяжело дыша, — мне сказали, что нам разрешат покинуть берег сегодня днем. Я с нетерпением жду этого, а вы?

Его густые, темно-русые волосы были завязаны на затылке черной лентой, но некоторые из них свободно спадали на его лицо.

— Действительно, мистер Селкирк, я...

— Такой великолепный день. Не слишком жарко, не слишком холодно.

— Да, я могу...

— Мисс Пемброук, вы позволите мне сопровождать вас на берегу? Вам было бы неприлично бродить по городу без сопровождения.

Более неприлично, чем находиться с тремястами мужчинами, без сопровождения?

— Благодарю вас, мистер Селкирк, но я уже...

— Тогда решено. Я с нетерпением жду...

— Мистер Селкирк, — сказала Элинор, чувствуя отчаяние, — у меня уже есть сопровождающий, но очень благодарна вам за беспокойство, но действительно, не нужно.

Она глубоко вздохнула.

Селкирк удивился:

— Вы должны были сказать об этом, мисс Пемброук. Я не из тех, кто навязывается.

— Прошу прощения, сэръ, за недопонимание.

Он махнул рукой.

— Не важно. Не хотите составить компанию? Я нахожу полезными утренние прогулки по палубе. Надеюсь, мы продолжим разговор, который у нас был вчера? О происхождении божественности, выраженной в природном мире?

— Я буду рада это сделать, — сказала Элинор, с трудом удерживая улыбку.

Она взяла предложенную руку Селкирка и постаралась не отставать, пока он тащил ее, пьяно плутая среди смолистых веревок и казавшийся равнодушными, матросов отходящих с его пути. В первый раз, когда она приняла его за руку, она почувствовала себя неловко, ужасно сознавая, что контакт позволит ему почувствовать ее эмоции. Она чувствовала бы себя назойливой, даже если бы не боялась обидеть его чувства своей мягкой неприязнью к нему. Но Селкирк просто похлопал ее по руке и сказал:

— Конечно, дама с такой большой чувствительностью, как вы, будет испытывать отвращение к обстановке, в которой находится, — и с тех пор ни разу не осознал, насколько он раздражал ее.

Если бы она встретила его дома, Селкирк был бы легким раздражителем, которого можно было терпеть час или два за ужином или танцем. Здесь, в пределах «Афины», он был неизбежен и невыносим. Его проповеди проявляли искреннее благочестие, но его приглашения к откровенности, постоянного решения проблем, которые один из них не хотел или не хотел разрешить, сделал его кем-то, кого Элинор хотела избегать. Но, узнав, что девушка из Хартфордшира и что у них есть общие знакомые, он решил стать ее другом, а она была слишком вежлива, чтобы отклонить его предложение.

«Кроме того, — сказала она себе, едва поймав равновесие после того, как споткнулась о ведро, которое случайно возникло на пути ее спутника, — представьте себе, как неудобно это было бы, встречаясь друг с другом за ужином почти каждую ночь, открыто оскорблять его.»

Девушка сжала его руку немного крепче, и он улыбнулся. Ей удалось улыбнуться в ответ. Но, как приятно не являться объектом его внимания.

Глава восьмая, в которой происходит полет, появляется новый друг и неожиданное нападение

— Вам нужно только расслабиться, — сказал Рамси, — не сопротивляйтесь.

— Вы не можете переместить того, кто сопротивляется?

— Это намного сложнее, а иногда и вовсе не возможно, особенно если они сильны. Но вы же не будете сопротивляться?

Элинор скептически взглянула на капитана. Они безупречно выглядели, будто собирались на танцы, а не на побережье, в полумиле отсюда.

— Не мог бы мистер Херви меня перевести?

— Мистер Херви уже на выезде. Послушайте, мисс Пемброук, вы продемонстрировали свой талант для всех нас. Позвольте мне сделать то же самое для вас.

— Но я видела, как вы летали... ах!

Она почувствовала слабое давление на нижнюю часть туловища, невидимую подушку, которая сгибалась, когда она двигалась, а затем ее ноги оторвались от палубы на несколько дюймов, и она зависла в воздухе. Элинор немного нервничала, прежде чем поняла, что, в отличие от ее ожиданий, не чувствовала себя неловко или неустойчиво. Пнув невидимую подушку ногами, она осталась совершенно неподвижной.

— О, — сказала она.

— Назад, как будто вы никогда не видели этого раньше, — скомандовал Рамси и люди, которые открыто пялились, сделали вид, что вернулись к работе. — Вы боитесь высоты?

— Насколько мне известно, — теперь она плыла выше, дрейфуя к рельсу, и, несмотря на его слова, ее сердце стучало быстрее. Предположим, он бросит ее? Предположим, он потеряет контроль над обоими, и они упадут в океан? Предположим,

— Для начала сделаем это медленно, —

сказал Рамси, а затем он оказался рядом с ней, вытянув ноги так, будто он сидел на стуле.

Затем она перелезла через поручни и взлетела на двадцать футов над волнами и еще раз непроизвольно вскрикнула, вспомнив боцманскую беседку, но на сей раз чувствовала себя в безопасности, как будто сидела на диване в большой каюте. Даже более безопаснее, поскольку этот диван постоянно двигался и однажды, во время шторма, сбросил ее.

Ветерок, с его брызгами соли, пробирался сквозь волосы и ласкал ее щеки и руки. Она смотрела вниз, на волны под ней, вскрикнув:

— Нет! — попыталась схватить башмак, который устремился к белой вершине гребня волны.

Башмак резко остановился примерно в трех футах над волнами, потом резко изменил направление, а Рамси схватил его в воздухе и вернул ей с поклоном, что очень комично смотрелось в воздухе.

— Спасибо, — поблагодарила Элинор и присела на корточки, чтобы надеть его, осознав, когда закончила, что не подумала о пустом пространстве под ней. — На самом деле... это очень бодрит.

Рамси слабо улыбнулся:

— Я думаю, это как плавание, но, гораздо лучше.

— Вы умеете плавать?

— Более или менее. Я думаю, что на самом деле летаю по воде больше, чем плаваю, но пока это мешает утонуть, мне все равно, что это такое. Хотите побыстрее?

— Думаю, да.

Ветерок превратился в ветер, а потом она летела, скользя над волнами. Девушка запрокинула голову и засмеялась от восторга. Неудивительно, что Рамси летал каждый день. Если бы у нее был такой талант, она никогда не спустилась бы на землю. Это было почти так же чудесно, как давать огню свободу.

Едва она подумала, что берег близок, как темное золото мокрого песка стало бледно-золотым пляжем, за которым росли бесчисленные деревья разных пород, каких она никогда не видела прежде. Ветер доносил зеленый, влажный аромат, вдохнув который, к ней пришла мысль: «Они будут пылать достаточно высоко, чтобы разбудить вулкан», и похолодела, от того что могла подумать с такой легкостью.

— Начинайте идти, — посоветовал Рамси, возвратившись, чтобы лететь рядом. — Это помешает вам упасть, когда вы приземлитесь.

Она послушно начала двигать ногами, когда они спускались к пляжу, постепенно теряя скорость, а затем побежала по мокрому песку, оставляя маленькие следы, и, остановившись, постаралась отдышаться. Земля вновь вернулась. Земля качалась под ней, как если бы это была палуба «Афины». Элинор осторожно балансировала на полусогнутых ногах и молилась, чтобы не упасть.

— Капитан Рамси, я думаю, что вы хвастались, — сказала она, когда удержалась от падения.

Рамси все еще висел в двух дюймах над песком.

— Возможно. Но вы должны признать, что это удивительная вещь.

Элинор пнула мокрый песок, и комки подлетели примерно на дюйм, прежде чем упасть на землю.

— И это место чудесное.

— Некоторые из пляжей скалистые, и там водятся более интересные дикие животные, но я думаю, что ваша обувь не предназначена для этого.

— Я согласна. Капитан... — она колебалась.

— Мисс Пемброук?

— Вам не нужно было так себя изводить.

Рамси повернулся и зашагал прочь вдоль берега, недалеко от места, где вода поднималась и опадала на пляж. Волны разбивались об подошвы его ботинок. Элинор последовала за ним, несколько выше. Ее обувь не выдержала бы воды больше, чем на твердом каменистом берегу.

— Знаете ли вы, что в Королевском Военно-морском флоте много Необычных? — спросил Рамси, не поворачивая головы. -

Адмиралтейство рассредотачивает нас как можно шире, чтобы наилучшим образом использовать наши таланты, и редко бывает, чтобы на судне было больше одного. «Афина» может быть единственной на службе, у которой трое Необычных на борту, — волна окатила брызгами его брюки. — Перегрин, да благословит его сердце, скорее сосредоточен на своих научных занятиях. Я надеюсь, что он не станет настолько увлечен поисками этого неуловимого воробья, о котором все время говорит, что забудет вернуться вовремя. Хотя это будет не в первый раз, когда я должен буду искать его.

— И я Необычная.

— Я понимаю, что это слабый аргумент, чтобы завести дружбу, но... это больше, чем просто талант, быть Необычным. Между нами и обычным талантом такая большая разница, как между талантливым и неталантливым человеком. Артур — Оратор и мой самый близкий друг, и даже он не может полностью заполнить этот пробел, — он повернулся и встретился взглядом с Элинором, но продолжал идти спиной вперед, совершенно не заботясь о возможности споткнуться и упасть. — И если вам интересно, мисс Пемброук. Я думал об этом с тех пор, как мы познакомились.

Элинор покраснела и отвела глаза.

— Я... Капитан, я сожалею, что не извинилась перед вами за мои поспешные слова той ночью...

— Не нужно. Я поставил вас в неловкое положение, и вы отреагировали так, как смогли. Я не знал, кто вы... должен был спросить Пенелопу, леди Ормерод, и предположил, что вы, возможно, были напряжены в тот вечер из-за людей, которые ждали, что вы сгорите в пламени.

Элинор засмеялась и сказала:

— Это было бы действительно шоу. Огонь сожжет меня, как и любого.

— Я не понимаю, но, полагаю, это имеет смысл, — он посмотрел через ее плечо, затем к удивлению отступил на сухой песок, сел и снял сапоги. — Мы не видим «Афины», — сказал он на ее озадаченный взгляд, — и я могу позволить себе потерять часть своего достоинства. И мне нравилось ходить босиком с тех пор, как я был мальчиком, — он снял чулки, набросил на них пальто и побежал обратно к воде, пробираясь туда, где волны доходили до его лодыжек. — Вы могли бы попробовать, мисс Пемброук, — позвал он. — На данный момент вы вряд ли можете беспокоиться о своей респектабельности.

Элинор ахнула, затем рассмеялась.

— Думаю, что я очень респектабельная, — она сняла свои туфли и затихла, потом сняла один чулок, затем другой... — И я думаю, что доказательство этого в постоянной компании Селкирка, которого я не унижаю в целях самообороны, — она спустилась по берегу, чтобы присоединиться к Рамси, слегка приподнимая юбки, чтобы они не намокли.

— Если он мешает вам, я могу перестать приглашать его обедать за моим столом, — сказал Рамси. — Я сам едва выношу его, и неважно человек Бога он или нет, — он зарылся пальцами ног в мягкий песок, который как вейвлет¹ накрывал его босые ноги.

— Он слишком самоуверен, чтобы реагировать на любые, самые сильные сдерживающие факторы, и я не могу заставить себя дать ему это. Это не его вина, что он... э...э

— Недалекий, кретин, покрытый шпоном из искусственной святости?

— Это кажется ему несправедливым. По крайней мере, его вера кажется настоящей.

— Возможно. Но он думает, что его Проницательность дает ему большее окно в человеческую душу, чем просто способность чувствовать чужие эмоции.

— И он, кажется, перевирает то, что он воспринимает. Я думал, что Проницатели были, ну, более требовательными, чем этот.

— Некоторые из них просто более квалифицированные, чем другие, я полагаю. К счастью, он не Необычный Проницатель и должен коснуться людей, чтобы понять то, что они чувствуют, потому что он не может не знать, насколько я презираю его. Он, вероятно, хорошо говорит, но мне не нравится, что он пытается стать лучшим другом и доверенным

лицом для всех. Это навязчиво и неуместно. Я бы хотел, чтобы его переназначили, но боюсь, что никто другой его не возьмет. И правда в том, что он неплохой человек, и я чувствовал бы себя виноватым, давая ему такой решительный толчок, когда он всегда уважал меня. Хотя, боюсь, он видит меня язычником, нуждающимся в изменении.

— Он видит во мне родственную душу. Я совсем приуныла, меня он считает своей родней.

Рамси рассмеялся.

— Вы совершили колоссальную ошибку, признав, что вы из Хартфордшира. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь так старался найти общих знакомых, — он расплескал немного воды, забрызгав подол Элинора и заставляя ее отскочить назад. — Мои извинения.

— Молитесь, что вы не испортили мое платье, у меня их всего четыре.

— Вы путешествуете налегке, для благородной леди.

— Я взяла свои лучшие вечерние платья, капитан.

— Боюсь, я не могу предоставить вам развлечения такого рода, но думаю, что смогу устроить концерт, если вам нравится скрипка и флейта. Мистер Уорсли может сыграть большую часть Пятой сонаты Бетховена на носовой арфе.

— Умоляю, остановитесь, я задыхаюсь от смеха.

— Но это все правда! У нас есть несколько Уэльцев, вы знаете, как они поют, и Хоукс и Джинна, на борту за пятой пушкой, носят свои дудки все время. Конечно, они не играют для офицеров, но вы можете сесть на ступеньки и прислушиваться к их приятной музыке.

Элинора закрыла рот, чтобы удержать смех:

— Я полагаюсь на вас, капитан.

— С удовольствием. Я думаю, что мы должны высохнуть и вернуться на корабль. Даже весной послеполюденное солнце в этих широтах может быть жестоким.

Они улетали с гораздо большей скоростью, чем раньше, Элинора широко раскинула руки, словно притворяясь, что ветер подгоняет ее. Она чувствовала, что настроение тоже улучшилось, но не от ветра. Было хорошо иметь друга, и Рамси оказался прав: существовало разделение между ней и другими талантами на корабле, которых просто не было между ней и Рамси, или даже между ней и Хэйсом. Прошло много времени с тех пор, как ей стало так хорошо с кем-то, кроме Селины. Она посмотрела туда, где Рамси летел над головой, сконцентрировавшись, на ее удержании, и почувствовала, что с Селкирком нет родства. И почувствовала радость от наличия Необычного таланта.

Солнце полностью зашло, и лампа слегка покачивалась над столиком капитана, превращая окна в ряд зеркал, которые плохо отражали лицо Элинора. Сегодня ее брови выглядели особенно свирепо, хотя это могли быть тени. Она прочертила линию на стекле, затем отдернула палец, когда дверь позади нее открылась, и мужские голоса предшествовали появлению Рамси и его офицеров в огромной каюте.

— Добрый вечер, мисс Пемброук, — сказал капитан. — Не хотите ли присоединиться к нам?

Он вежливо отодвинул стул слева от себя, когда она села, раздался скрип стульев и мужчины присоединились к ней. Дольф и двое других моряков были одеты в парадную одежду и начали приносить блюда. Стол отличался особым разнообразием, но Дольф всегда подавал, по крайней мере, два блюда: простую, но вкусную еду.

— Спасибо, — поблагодарил Рамси, когда Дольф подал супницу и погрузил половник в бульон, чтобы поухаживать за Элинорой, но его прервал сдержанный кашель.

— Вы позволите мне произнести молитву, капитан? — спросил Селкирк, приподняв руку, как будто отвечал на вопрос школьного учителя. Он обратил одухотворенное лицо к Рамси, и капитан позволил половнику опуститься с небольшим всплеском, откинувшись на спинку стула и кивая в знак согласия. Селкирк сложил руки перед собой и склонил голову. Вокруг стола, другие офицеры приняли различные позы благоговения. Элино́р склонила голову, но искоса посмотрела на Рамси, который оперся локтями на стол и положил голову на сжатые руки. Элино́р каждый вечер видела эту драму с небольшим изменением. Селкирк присоединился к ним за столом, но она считала, что кажущееся безразличие Рамси к религии в большей степени связано с его презрением к Селкерку, чем к врожденному неверию.

— Отче наш, — громко начал Селкирк, и Элино́р обратила свое внимание на другое. Когда Селкирк начинал благословение с Отче Наш, затем всегда следовала проповедь, Элино́р была уверена, что это неуместно в благословении перед едой. Суп, вероятно, будет теплым, когда она, наконец, доберется до своей миски.

— Во имя твое, аминь, — закончил Селкирк. Элино́р пробормотала ответ с остальными. Рамси продолжал ухаживать за Элино́р, как если бы его не прервали.

— Надеюсь, вам понравилось в Тенерифе, мисс Пемброук, — сказал он, выглядя более официально, чем в тот же день на пляже. — Мы должны остаться в гавани еще на несколько дней, пусть все разомнется.

— А потом снова разминай их, когда мы соберем людей, — сказал Ливингстон, раздраженно. — Все они, наверное, уже пьяны.

— Пусть они будут работать на берегу, — сказал Рамси. — Дайте им возможность порадоваться, прежде чем начнется настоящая работа. Они будут лучше работать, если будут знать, что к ним относятся справедливо.

— Щедрый вы, капитан, — сказал Ливингстон и поднес свой бокал к Рамси, прежде чем выпить его, и налить себе еще один. Рамси с улыбкой ответил на приветствие и сделал глоток из своего бокала.

— Завтра я снова пойду на берег, — сказал Хейс. — Все еще на охоте за *Regulus teneriffae*. Нелепо, насколько хорошо маленькая тварь скрылась от меня. Это место должно кишить ими. Хотя Тенерифе уникален во многих отношениях, не только его фауна, так как у них есть действующие вулканы.

— Вы имеете в виду, что он может снова извергнуться? — спросил Гиббонс, чье худое лицо побледнело настолько, что красные пятна стали более заметными. Элино́р втайне думала, что он слишком молод, чтобы быть лейтенантом, не говоря уже об отряде морских пехотинцев.

— О, нет, — рассмеялся Хейс, — это маловероятно. И, даже если это произойдет, будет много предупреждений. Нечего бояться.

— Я не знаю...

— Давай, мужик, прояви твердость характера, — протянул Ливингстон. — Не позорься перед дамой.

Он подарил ленивую улыбку Селкерку, который покраснел. Щеки Ливингстона выглядели слишком красными. Элино́р не наблюдала за ним, но она была уверена, что он выпил больше, чем несколько бокалов вина.

— Мистер Ливингстон, вы не могли бы передать это блюдо рядом с вашим локтем? — сказал Сэмпсон Браун, который до этого сидел молча.

Мастер парусного спорта был круглый и с черными волосами, венчавшими его голову, что делало его похожим на средневекового монаха. Элинор не могла вспомнить, как он говорил раньше. Он общался с Рамси через систему мычания и кивков, что было понятно им обоим, и она думала, что должно быть они хорошие друзья, потому что Рамси часто приглашал его присоединиться к нему за едой.

Ливингстон выпрямился на сиденье и передал блюдо. Когда он передавал его, Хейс сказал:

— Возможно, придется пройти некоторое расстояние дальше вглубь острова, чтобы найти то, что я ищу.

— В этот раз это будет невозможно, мистер Хейс, но я буду помнить об этом, — сказал Рамси. — Сэмпсон, я бы хотел кое-что из этого, если бы вы передали блюдо сюда.

Браун хмыкнул и протянул его. Ливингстон налил себе еще бокал вина и сделал большой глоток.

— Не думайте, что остальные увидят гораздо больше, чем гавань, — сказал он.

— Много будет времени для этого, когда мы достигнем Бермудских островов, — сказал Бомонт. — Если вы знаете больше о наших приказах, чем о том, что написано на бумаге.

— Адмирал Даррант даст нам более подробные инструкции, — сказал Рамси, — хотя я не могу представить, какие они будут иметь отношения к Братьям Побережья.

— Простите, капитан, но кто такие Братья Побережья? — спросила Элинор, опуская вилку.

Ливингстон рассмеялся.

— Думал, что вы начитаны, мисс Пемброук. Вы никогда не слышали о них?

— Они группа людей, которые руководили деятельностью пиратов вдоль американских берегов и в Карибском бассейне, — ответил Рамси, перебив гневное восклицание Элинор. — Адмирал Даррант хочет захватить или убить кого-либо из них, и... они как кость поперёк горла.

— Я прошу прощения за свое невежество, капитан, — Элинор взглянула на Ливингстона, который ухмыльнулся, снова наливая бокал, — но я думала, что пираты независимы. Из того, что я слышала, они больше похожи на... на итальянских преступников, захватывающих богатых пленников с целью получения выкупа.

— Сто лет назад они были более независимыми. Быстрее всего к ним присоединилась группа пиратов Генри Моргана и другие каперы. Но теперь Райс Эванс, их лидер, контролирует почти все корабли, говорит им, куда плыть, какие суда взять, и как обращаться с пленниками. Его стратегия заключается в том, чтобы побудить торговые суда убедить свои правительства выплачивать постоянный откуп в обмен на то, чтобы пираты не атаковали.

— Это работает, — добавил Бомонт. — Испания сдалась около трех лет назад, и с тех пор пираты не атаковали их. Ну, не все братья-пираты этого не делают. На море еще работают независимые люди, но если Эванс их ловит, он подает им пример.

— Я думаю, это не приятный пример. Пожалуйста, не нужно подробностей!

Рами кивнул, его лицо стало мрачным.

— Эванс хотел бы стать вторым пришествием Генри Моргана, как для валлийцев, так и для всех. Именно поэтому он и взял себе имя Братья Побережья, хотя они и не такие сплоченные, как группа Моргана, которая по слухам плавала с Морганом... Адмирал разъярен из-за неспособности своего флота найти их штаб-квартиру, не говоря уже о захвате любого из лидеров Братьев, поэтому я предполагаю, что это станет нашим заданием.

— Таким образом, вы, возможно, захотите потренироваться в бросании огнем, — сказал Ливингстон. Он налил себе еще один бокал. Это был пятый или шестой? Элино́р подумала, что существует правило, возможно, даже статья, запрещающая пьянство, но Ливингстон, казалось, не заботился о своем состоянии.

— Мистер Ливингстон, я думаю, вы должны передать мне эту бутылку, — сказал Рамси, — Могу я предложить вам вино, мисс Пемброук? Разбавленное, конечно.

— Держу пари, она дала тебе больше, чем получила сегодня, — пробормотал Ливингстон, лукаво глядя на Элино́р.

Она ахнула. Рамси вскочил, опрокинув стул, хлопнул кулаком по столу, заставляя тарелку и трещотку Элино́р подскочить, а бутылку упасть на бок.

— Извинитесь перед дамой, сейчас же, — прорычал он.

Элино́р с широко распахнутыми глазами сжала салфетку в кулаке, чувствуя, как горят ее щеки. Из узкого горлышка бутылки вытекало вино. Ливингстон сел, его лицо стало белым, как у Элино́р.

— Мисс Пемброук, прошу прощения, — сказал он, хотя выглядел более испуганным, чем кающимся. — Я слишком много выпил, и мой рассудок помутнел. Я искренне прошу у вас прощения.

— Я... Я принимаю, — ответила Элино́р. Она почти не чувствовала, как рядом с ней Рамси дрожал от ярости. Она не хотела смотреть на Ливингстона, но боялась смотреть на других, опасаясь увидеть выражение их лиц.

— Вам повезло, что мне не разрешают вышвырнуть вас, Ливингстон, — прорычал Рамси, его голос был похож на заостренную сталь. — Делая такие заявления о моем характере. Мне все равно, кто ваш отец, вы вернетесь в Лондон так же быстро, как мистер Херви может вас понести. Убирайтесь из этой каюты, и я не хочу вас больше видеть, пока вы не достаточно трезвы, чтобы следить за своим языком.

Ливингстон отодвинул стул и встал, шатаясь.

— Сэр, — откланялся он, затем развернулся и покинул комнату, позволяя двери захлопнуться за ним.

— Я искренне прошу прощения, мисс Пемброук, — сказал Рамси, поставив свой стул и усевшись.

— Это не ваша вина, капитан, — произнесла она, гордясь, что ее голос оставался спокойным. Идея, что любой человек может думать, что она и Рамси... такая невинная вещь, потратив один час вместе... кто знал, что моя репутация может быть такой зыбкой, даже здесь? — Мистер Ливингстон явно не в своей тарелке, и я уверена, что он бы никогда не сказал таких слов, если бы был трезв.

— Это не оправдание, но вы более великодушны, чем я, — Рамси поставил пустую бутылку вертикально и попытался вытереть пятно салфеткой. — Дольф будет злиться, что я испортил скатерть.

— Уверю вас, мисс Пемброук, никто не поверил в то, что вы или капитан Рамси, — сказал Селкирк, протягивая руку через стол, чтобы погладить ее руку. Элино́р успешно сопротивлялась желанию вырваться.

— Ливингстон — осел, — произнес Браун, не отрываясь от тарелки. — Всегда так считал.

— Он — осел со связями, — ответил Бомонт и нервно взглянул на Элино́р. — Простите мой язык, мисс. Капитан.

Элино́р махнула рукой.

— Я думаю, что для него нет лучшего слова в английском языке, — сказала она, — и не понимаю, почему вы с ним миритесь. Разве его не могут перевести в другое место?

— Вест-Индия или нет, это отличная возможность продемонстрировать себя, — сказал Рамси, — и мы, скорее всего, получим много наград, прежде чем закончим, что означает возможную рекламу моих лейтенантов. Лорд Копли хочет великих подвигов для сына и черкнул несколько строк, чтобы отправить его на «Афину».

— Вы должны были отдать ему «Джойе», Майлз, — сказал Бомонт. — Это бы избавило вас от этой желчи.

— У меня были все основания не делать этого, — сказал Рамси, кратко взглянув на Элино́р. — И я думаю, что нелюбовь Ливингстона ко мне глубоко укоренилась настолько, что ничто не изменит его чувств.

— Должен ли я беспокоиться о мятеже? — сказал Гиббонс.

Рамси покачал головой.

— Враждебность Ливингстона не простирается дальше меня. Он хочет, чтобы его карьера процветала, и если у него есть мозги, то он работает над красивой речью, которая убедит меня не губить его карьеру.

— Вы можете это сделать? — спросила Элино́р.

— Он, наверное, верит, что могу. Я, безусловно, многое могу сделать, чтобы помешать его продвижению.

— Мальчик все еще осел, — сказал Браун.

— Следите за языком, мистер Браун. Но я согласен с вами.

Элино́р снова подняла вилку, увидела, как дрожат ее руки, и положила ее обратно, прежде чем та смогла выдать ее.

— Вы бы бросили ему вызов на дуэль, капитан?

— Дуэль запрещена, и вдвойне незаконна для Необычных, — сказал Рамси, похоже, что он откусил что-то острое. — Но... — он схватил горло бутылки, как шпагу. — Я заставлю его меня бояться, и он больше не будет беспокоить вас, мисс Пембрук.

Он встал с бокалом в руке.

— Господа, давайте тост за короля.

Элино́р никогда не знала, что делать во время этого маленького ритуала, но, казалось, сидеть спокойно было достаточно, потому что Рамси никогда не поправлял ее. Многие из того, что они делали было ей не доступно.

— Что ж, капитан, я должен сказать, что это самая увлекательная трапеза, которая у меня была за долгое время, — сказал Хейс, откидывая назад свой стул. — Я не думаю, что останусь пить, если вы не возражаете.

— И я думаю, что покину вас, — сказала Элино́р, — так что, добрый вечер, джентльмены. Они встали со стульев, и, сделав реверанс, она пошла в свою комнату, где села на кровати и уставилась в стену. Белое лицо Ливингстона стояло перед ее мысленным взором. Она не думала, что его комментарий появился исключительно из-за алкоголя. Должно быть, он уже об этом думал раньше. Воспоминание о ее приятной прогулке по пляжу померкло. Она часто бывала в компании Рамси. Их спальни расположены рядом — другие бы сделали такой же вывод?

«Я слишком беспечна, — думала она, — и я не могу позволить себе забыть, что я единственный хранитель репутации здесь, на корабле.»

Все же ее отношения с Рамси совершенно невинны. Что ей было наплевать, если низшие умы подумали иное? Пусть многие верят, что ваша добродетель... бесконечна... и вы будете терпеть больше, чем просто сплетни. Плохо, что вы не можете избегать господина Селкирка. Представьте себе, что вы пытаетесь не попадать в поле зрения кого-то, чьи намерения гораздо мрачнее. Капитан Рамси не может заставить замолчать всех на этом корабле.

Раздался стук в дверь.

— Мисс Пемброук. Вы не могли бы выйти сюда? — после паузы Рамси добавил: — Учитывая все обстоятельства, я, вероятно, не должен входить в вашу спальню, даже если поблизости нет никого, кто мог бы это увидеть.

Элино́р распахнула дверь. Рамси уже отвернулся и стоял, сжимая руки на спинке стула.

— Я прошу прощения, — произнес он, не глядя на нее. — Мне и в голову не приходило, что кто-то может подвергнуть сомнению мою честь, не говоря уже о вашей.

— Вы ничего не сделали, чтобы извиняться, капитан. У мистера Ливингстона есть повод желать нам обоим плохого, — сказала Элино́р. — Он говорит назло.

— И правдоподобно попал в цель. Сколько других думают так же?

— Разве это имеет значение? — напряженная, отдаленная позиция Рамси заставила Элино́р забыть, что у нее возникли такие же вопросы. — Капитан Рамси, у меня и так мало друзей на корабле, чтобы я могла позволить себе потерять одного. Неужели недостаточно, чтобы мы знали, что честны?

Он повернул голову, чтобы посмотреть на нее, его синие глаза засияли.

— Мисс Пемброук, вы серьезно полагаете, что ваше присутствие на этом корабле можно скрыть навсегда? Вы должны защитить себя от подобного дня. Артур или Перегрин будут ужинать с нами, и я закину гамак в фойе возле большой каюты...

— Вы никогда не будете спать, если сделаете это!

— Я никогда не засну, если буду беспокоиться о том, что люди подумают, что я делаю за закрытыми дверями. Простите меня, мисс Пемброук, но, полагаю, говорил вам, что нужно научиться принимать галантные жесты, когда их вам предлагают.

Он улыбнулся, но за этим не было никакого юмора.

— Я думаю, это неправильное решение, капитан.

— Это единственный выход, оставленный мне. Спокойной ночи, мисс Пемброук.

Он отодвинул стул, поклонился ей и вошел в ту каюту, которая больше не будет его спальней.

Элино́р стояла там на несколько секунд дольше, затем всхлипнув, отступила к своей каюте и снова села на кровать, уставившись на стену. Все ее невинное удовольствие, отравленное несколькими порочными словами. Разозлило ее то, что честь была такой хрупкой вещью в глазах всего мира, что она могла быть запятнана обвинениями в неправильном поведении. Рамси по-прежнему был бы дружелюбен, но при таких ограничениях они никогда не смогли стать настоящими друзьями.

Одиночество поразило ее, как это было в первую ночь на борту «Афины», когда она плакала по дому и упрекала себя за то, что выбрала свой третий путь. И они скоро отправятся через Атлантику, путешествуя почти три недели, которые, на данный момент, были похожи на три года. Ей хотелось пнуть Ливингстона или посадить его — нет, не поджечь его, не думать об этом, — но она могла радостно посмотреть, как бы его выпороли, если это означало, что ей разрешат быть другом Рамси.

Она надела ночную рубашку и легла на кровать. По крайней мере, господин Селкирк станет для тебя компанией. Она застонала. Это будут долгие три недели.

Глава девятая, в которой Элинор встречает адмирала

Отдаленный звук барабана вывел Элинор из задумчивости. В своих мечтах она бродила по полям близ дома ее семьи в Хартфордшире, она села и потеряла лоб, в том месте, где прижалась к оконной раме. Могли ли они встретить другой корабль, здесь, где не было ничего, кроме волн и солнечного света, нет, это была не птица, это просто невозможно.

Она вышла из большой каюты, и, когда приблизилась к лестнице, барабанная дробь окончательно превратилась в звук мужских сапог, бегущих через палубу и вверх по лестнице. Запах горячего дерева и смолистых веревок пронесся мимо, а также свист бойкого, морского ветра, который нес эти слишком знакомые запахи. Она остановилась у каюты капитана и смотрела, как матросы пробежали мимо, и, когда их поток уменьшился, она поспешила за ними, ослеплённая яростным полуденным солнечным светом.

В ее темные глаза отразились мужчины, оживленно взбирающиеся на такелаж с более чем обычной готовностью, и казавшиеся черными насекомыми с маленькими ножками. Большинство толпилось у рельсов, толкаясь за лучшее место, некоторые поднялись на лодку корабля, чтобы лучше рассмотреть что-то, затем прыгнули вниз, когда пронзительный свист и крик лейтенанта Фицджеральда привели их к порядку. Элинор зажмурилась от света и коснулась плеча ближайшего человека, сказав:

— Прошу прощения.

Мужчина повернулся, отпрянул от нее с удивлением, затем кивнул и начал расталкивать толпу.

— Дорогу для Миледи! Вы там, шевелите ногами, слышите меня? Я сказал, двигайтесь!

Проход к перилам получился достаточно широким, чтобы два человека могли идти со связанными руками, и Элинор прошествовала вперед. Команда отразила еще два нападения, направляясь к своим целям силами Провидцев и Ораторов Адмиралтейства, покидая Тенерифе, отпустив один и захватив другой. В обоих случаях она с успехом использовала свой талант против врагов, хотя ничего столь же впечатляющего, как с «Джойе» не было. У нее появились сторонники, хотя некоторые и боялись ее. Они называли ее Миледи, кланялись, когда она проходила, и уступали дорогу, чтобы успокоить ее. Рамси, наблюдал за этим, улыбался одной из своих слабых улыбок, но ничего не говорил. И Элинор, разрываясь между смущением и облегчением, остановилась на последнем и с дружеской благодарностью относилась к своим поклонникам.

Она улыбнулась мужчине, который кивнул ей.

— На что мы смотрим? — спросила она. Горизонт был таким же пустым, как в течение последних восемнадцати дней.

— Это земля, Миледи, — ответил матрос, — это Бермуды. Мы были здесь!

Элинор прищурилась и увидела, как на поверхности моря разрастается слабый пух, похожий на плесень.

— Земля, — выдохнула она. — Земля!

— Вы увидели всё, теперь возвращайтесь к работе, — приказал Бомонт, и люди рассеялись, бросая взгляды на горизонт за плечами, когда уходили.

— Мы все еще далеко, но с таким ветром это не займет много времени, — сказал он Элинор. — И мистер Херви скоро будет отправляться.

— Это важно?

— Вы должны отправиться прямо в Адмиралтейский дом с «Афины», а не брать экипаж с Ирландского острова, где находятся доки. Это минимизирует количество людей, которые захотят узнать, кто вы. Мистер Херви возьмет вас с капитаном.

— Почему мистер Херви не может уйти сейчас? Расстояние для него не является преградой.

— Мистер Херви никогда не был в Карибском море раньше и не знает подпись Дома. Ему придется зайти туда, узнать подпись и вернуться.

— Я не понимаю, что это значит.

Бомонт нахмурился.

— Я... мистер Херви, вы ответите на вопросы мисс Пемброук? Прошу прощения, но я должен вернуться к своим обязанностям.

Он кивнул, и Элинор стиснула зубы. Бомонт всегда был вежлив, но было также совершенно ясно, что он хотел бы, чтобы она находилась в другом месте. Он мог бы быть лучшим другом Рамси, но они были такими же разными, как огонь и лед.

Она посмотрела туда, где Херви стоял в дальнем конце квартердека, а другие матросы работали с навигационными расчетами, и увидела, что он повернулся в ее сторону, а затем оказался перед ней со слабым треском, словно вылетела пробка. Она отшатнулась в удивлении, и он засмеялся.

— Прошу прощения, мисс Пемброук, я не хотела вас напугать. Вы хотели узнать о моем таланте?

Она слабо рассмеялась вместе с ним, потому что он испугал ее, и в легких не осталось воздуха.

— Не могу поверить, что мы никогда не обсуждали это, — сказала она. — Полагаю, мы слишком заняты литературой.

— Думаю, это интереснее, чем талант, — сказал он. — Кроме того, говорить нечего. Я могу привязываться к месту, которое я не знаю, пока оно находится в пределах моего диапазона, и могу объехать все места в мире, если буду знать их подписи.

— А подпись...?

Херви прислонился к перилам и опустил руки. Одна ногой ударил по гамакам, нанизанным на сетку.

— Ограничители должны знать, к чему они стремятся, — сказал он. — Так много общественных мест, и некоторые дома, имеют Ограничивающие камеры. Вы увидите, когда мы отправимся в Адмиралтейский дом. Это те белые комнаты с символами, написанными на стенах, которые легко запомнить. «Афина» будет находиться рядом с бушпритом. Немного, но этого достаточно.

— Но вы должны знать «Афину» достаточно хорошо, чтобы вам не понадобилась комната Ограничения, верно?

Херви рассмеялся.

— Не желаю! С Ограничивающим вы должны хранить все детали места в вашей голове, такие сложные места, как гостиная моей двоюродной бабушки Фанни со всеми ее деролями... никто, кроме Необычного, не может быть связан с этим. И никакой Ограничивающий, Необычный или иной, не может быть привязан к месту под открытым небом, с движением и изменениями все время. Мне нужна простота символа Ограничителя. Лучшее, что я могу сделать, это переместиться с одного конца «Афины» на другой.

— Итак, — медленно произнесла Элино́р, — если бы я хотела, чтобы вы оставили меня в Ограничительном зале, который вы знали, я должна была бы изменить его так, как вы этого не ожидаете.

Херви смотрел на нее с восхищением.

— Вы коварны, — ответил он. — Это именно то, что они делают в армии, чтобы удержать вражеских Ограничителей.

— Но я не увижу, как вражеский Ограничитель может проникнуть в скрытое место, чтобы узнать его подпись.

— Вы должны иметь Провидца с талантом к рисованию. А это рискованно даже для Необычного Ограничителя, если чертеж не идеален. Вот почему мы не держим книгу символов Ограничителей для обучения. Лучше получить опыт из первых рук.

— Итак, каков ваш диапазон?

— Около пятисот футов.

Элино́р смотрела на зеленый пух вдалеке.

— Но мы обязательно попадем в порт, пока вы не окажетесь достаточно близко, чтобы отправиться туда.

Херви рассмеялся.

— Вот что значит Пропуск. Я привязываюсь, насколько позволяет мой диапазон, затем я делаю это снова и снова, снова и снова, пока не окажусь там, где я хочу быть.

— Но разве вы не упадете в море? Это кажется опасным.

— Надо быть быстрым. Как брошенный камень, подпрыгивающий по воде. Если идти достаточно быстро, ты не утонешь, — Херви усмехнулся. — Не волнуйтесь, мисс Пемброук, я хорошо делаю это долгое время. Вы должны посмотреть, как я уйду!

— Я думаю, что мне придется, хотя бы для того, чтобы успокоить себя, что вы просто не утонете, как скачущий камень, который достиг своего предела!

Десять минут спустя, Харви подошел к носу и засунул свою шляпу под мышку. Рамси протянул ему плоский пакетик.

— Не оставайтесь для ответа, — сказал мичман. — Адмирал Даррант захочет... обсудить эти приказы, а его может не волновать, с кем он обсуждает их.

— Понял, сэр, — сказал Херви, затем надел шляпу на Элино́р, и исчез. Она высунулась с носа и увидела крошечную фигуру, высоко поднявшуюся в небе на расстоянии нескольких сотен футов от них. Она только что взглянула на него, когда он начал падать, и она вскрикнула — и он снова исчез, и это было самое маленькое пятнышко, похожее на комара на расстоянии, а затем он исчез.

Элино́р повернулась к Рамси, который улыбался.

— Мой желудок скручивается в узел, когда я вижу, как он делает это, — сказал он. — Хотя я никогда не видел, как он исчезает на такое далекое расстояние.

— Могу я взглянуть на камеру Ограничения, пока мы ждем его возвращения, капитан? Мне интересно, что делает мистер Херви.

Рамси улыбнулся своей скромной улыбкой, и поклонился ей.

— Поскольку вы уже завладели вниманием половины команды, — ответил он, — я думаю, вы можете пойти куда угодно.

Некоторое время спустя, Элино́р читала в большой каюте, когда Рамси постучал в дверь. Кулаки Элино́р всегда сжимались, когда он стучал. Это не было необходимостью. Они не должны были позволять низшим умам разрушать их дружбу, и она не смирилась с

необходимостью.

— Мистер Херви вернулся, — сказал он, — и мы уйдем, как только вы будете готовы.

— Вы будете меньше думать обо мне, если я допущу некоторую нервозность в отношении такого способа передвижения? — спросила она с улыбкой.

— Поскольку мы знаем меньше о механизмах Ограничения, чем о любых других талантах, вы правы, нервничая. Могу только заверить, что я был пассажиром мистера Херви более десятка раз, и со мной ничего не случилось.

— И если я признаюсь в нервозности относительно встречи с адмиралом Даррантом?

Рамси развеселился.

— Я хотел бы сказать, что это необоснованно. Вы должны помнить, что Первый Лорд хочет, чтобы вы были здесь, и адмирал Даррант слишком послушен, чтобы не подчиниться прямому приказу. И, если он собирается спорить по этому поводу, он, скорее всего, будет спорить со мной, а не с вами. Если хотите, можете нервничать от моего имени.

— Я предпочла бы не нервничать вообще. Думаю, я сменю туалет и причешусь, если вы не против, капитан.

Рамси склонил голову.

— Мы будем ждать вас, когда вы будете готовы.

Элино́р одевалась с особой тщательностью в свое второе лучшее платье, в вечернем платье оставаться было бы совершенно неуместно. Она расчесала волосы, заколов их, надеясь, что не выглядит так, как чувствует себя на редкость разодетой. Если бы у нее было зеркало больше, чем ручное... Она вздохнула, разгладила ткань на бедрах и пошла открывать дверь в большую каюту.

Рамси и Херви были одеты в форму, хотя Рамси выглядел расслабленным, а Херви стоял, как одна из мачт, неподвижный и жесткий.

— Мы сделаем это здесь, потому что это неудобно и может показаться недостойным, — сказал Рамси. — Херви должен нести все, что он берет с собой, когда он Ограничивает, а это означает, что ему нужно будет нести каждого из нас в течение секунды, чтобы можно было проскользнуть между местами. Прошу прощения за унижение...

— Но ведь он не может поднять вас? — воскликнула Элино́р. Рамси был, по крайней мере, на четыре дюйма выше Херви и, конечно, тяжелее.

Губы Рамси дрогнули. Херви произнес:

— Он не такой тяжёлый, — и покраснел. — Я сильнее, чем кажется!

— Прошу прощения, мистер Херви, это было грубо с моей стороны. Я просто удивлена. Вы пойдёте первым, капитан?

— Я сделаю это, хотя бы для того, чтобы вас успокоить.

Рамси подошел ближе к Херви и обнял мичмана за талию. Херви, бросил косой взгляд на Элино́р, и его щеки ещё больше покраснели, обнял Рамси за талию. Рамси выглядел так, словно все это так же обыкновенно, как чистка яйца.

— На три, — сказал Херви, и они вместе посчитали. Когда они оба сказали «три», Херви поднялся, ноги Рамси оторвались от пола, и они исчезли. Элино́р обнаружила, что она затаила дыхание, и выпустила его с протяжным шипением.

О, мне придется обнять его тоже, и это будет так неловко для него. И для меня. Ох, я не понимаю, как капитан Рамси мог так много раз это делать и не стесняться.

Через несколько минут Элино́р услышала шаги, затем Херви открыл дверь, его лицо покраснело, как будто он бежал. Он протянул руки.

— Я не имею в виду неуважение, мисс Пемброук, — сказал он, — и вы знаете, что отношусь к вам, как к сестре, поэтому... не...

— Я твердо решила, что это не будет неудобно для нас обоих, — сказала Элинор и позволила ему обнять ее руками, обхватив его за плечи. — Разве вы не Ограничивали женщину?

— Нет.

Он был прав. Это походило на объятия брата, если бы у неё был брат.

— Досчитаем до трёх.

Они посчитали вместе...

...она была прозрачна, пуста, её тело сетчатая оболочка, которая может плавать, она забыла, кто она. Даже не могла чувствовать руки Херви вокруг неё, не было ни воздуха, ни света, хотя она не могла видеть свое тело...

...и она снова была собой. Херви отпустил её и быстро отступил.

— Это было не так уж и плохо, — сказал он.

— Это было очень странно.

Комната, в которой они находились, была немного больше шкафа и была освещена матовыми стеклянными лампами, за которыми горели крошечные, счастливые языки пламени. Его стены были покрыты белой штукатуркой; на французских дверях, также белых, был изображен сложный символ неправильных углов, красных и синих.

— Если вы считаете это просто, — сказала она, указывая на символ, — я поражена вашей способностью запомнить хотя бы один из них.

— Я знаю около сорока, — ответил Херви. — Это средне. Некоторые Ограничители знают до двухсот.

Он распахнул французские двери, и Рамси оторвался от разглядывания своих сапог.

— Подождите нас в передней, — сказал он Херви и протянул руку Элинор. — Хотя это не значит, что вам нужна моя помощь, — сказал он.

— Я не уверена в этом, капитан, — ответила Элинор, взяв его под руку. Земля под ней вздымалась, как палуба «Афины». — Такое ощущение, что Бермудские острова хотели бы сбросить меня в море.

— Все будет хорошо, — сказал он и направился по коридору, заставляя Элинор качаться рядом с ним, а Херви последовал за ними. Узкий зал и его стены со слегка потрескавшейся грязной белой штукатуркой, заставили ее догадаться, что они находятся в пристройке для слуг. Курица с морковью готовилась где-то поблизости, и она слышала голоса, бормотавшие, как сквозь воду. Запах супа заставил Элинор вздрогнуть от голода.

Из дверей перед ними показалась женщина, и Элинор изумленно открыла рот. Она никогда не видела ни у кого такой темной кожи, как растопленный шоколад без сливок, ни черные волосы, которые плотно сомкнулись вокруг лица. Женщина не подняла головы, хотя Элинор могла сказать по тому, как она так пристально смотрела на половицы, что она знала о них. Рабыня? Элинор полуобернулась, чтобы посмотреть, как идет женщина, ей пришлось ускорить шаг, чтобы не замедлять Рамси. Возможно, он так привык видеть рабов, что этот был обычным делом. Элинор снова оглянулась через плечо. Женщина исчезла.

— Когда мы встретимся с адмиралом Даррантом, не говорите ничего, как бы он ни разозлился, — тихо сказал Рамси. — Я буду говорить за нас обоих.

— Прошу прощения, капитан, но почему?

Они вышли в широкий коридор с высокими потолками и гладкими стенами,

выкрашенными в красный цвет и украшенными ржаво-красной лепниной. Свечи за стеклянными трубами прилипли к стенам, бросая мерцающий тени на пол и потолок, и освещали дорогу. Паркет был мельче и светлее того, к которому Элино́р привыкла. Тёплогоричневый цвет, который, казалось, был его естественным цветом. У девушки дрожали ноги, когда она шла, издавая звук, похожий на щёлканье жуков. Помимо портретов мужчин в военно-морской униформе на стенах, они были единственными в зале, ее шаги, и более тяжелые шаги Рамси и Херви эхом отзывались в коридоре.

— Адмирал Дюрран-хороший стратег и мужественный человек, но он женоненавистник, который не так умен, как он думает, — сказал Рамси, — он не считает, что талант Поджигающего, больше, чем дешевый трюк в этой войне. Если услышит вас, то будет надеяться, заставить выглядеть иррациональной и неуправляемой, так что он может оправдать отправку вас домой. Так что не реагируйте на его оскорбления.

— Но, конечно, адмирал должен быть джентльменом?

— Джентльмен, да. Хорошо воспитанный, нет. Не удивляйтесь его грубости. Как я уже сказал, он будет искать способы избавиться от вас.

Элино́р покачала головой.

— Я думала, адмирал должен следовать указаниям Первого Лорда.

— Следует. Он будет придерживаться слов приказа, но не выйдет за пределы их буквального значения.

— Но тогда как мы будем полезны?

Рамси протянул свободную руку и взял ее ладонь, прижав к голубому шерстяному пиджаку.

— Будем умнее, чем он.

Они прошли через зал с двойными дверями, достаточно большими, чтобы сквозь них могла проехать пушка, безлюдный, где Херви остановился и сел на одну из скамей, вырезанных из того же ярко-коричневого дерева, что и пол. Горшечные миниатюрные деревья с темно-зелеными, остроконечными листьями распространяли сухой солнечный запах.

— Где все? — спросила Элино́р. — Не могу поверить, что этот дом настолько велик, что все его офицеры могут просто затеряться в нем.

— Все ушли домой или ужинают, — ответил Рамси. — Адмирал Дюррант не хотел, чтобы нас видели. И если вам интересно, это потому, что он не хочет объяснять, зачем вы здесь, а не потому, что он заботится о вашей репутации. Ему не нравится, что Адмиралтейство может диктовать, что ему делать, здесь, в его собственных владениях.

— Вы, кажется, много знаете о нем.

— Я не первый раз на Карибском море.

Они прошли дальше по безрамным, пустынным, белоснежным коридорам с портретами, пока Рамси не остановился перед дверями с овальными железными ручками и с непроницаемым выражением лица взглянул на Элино́р. Затем он толкнул дверь и вошел. Элино́р последовала за ним, ее пульс бился в ушах, как удары барабана.

Солнце опустилось ниже горизонта в то время, когда Элино́р одевалась, и Херви привел их обоих сюда. К окну на одной из стен прижималась тисовая кустарниковая ветка, за которой лежала полоска лужайки, серая в тени, и на мгновение ей показалось, что она смотрит на сад матери и возвращается домой и вздрогнула. Вдалеке была густая роща деревьев, неясная в тусклом свете, но их очертания говорили ей, что они совершенно

незнакомы, несмотря на усилия сделать сад частью Англии.

Дом должен был быть частью этого усилия, и она была удивлена, увидев, насколько эта комната была похожа на комнату Первого Лорда в здании Адмиралтейства в Лондоне. Был тот же стол, поверхность зеркально сверкала, отражая люстру, висевшую над ней. Был камин, неосвещенный, хотя в этом климате, это было более разумно, чем в холодной комнате Первого Лорда. Там над камином висели цилиндры, висящие шнуры, которые позволяли бы им открываться для демонстрации, не снимая их со стены. Кирпично-красный ковер с замысловатым черным и золотым узором мог появиться из того же киоска на каком-то восточном базаре.

Даже та же картина: три человека собрались у дальнего конца стола, головы склонились над листом бумаги, покрывающим половину зеркальной поверхности. Двое мужчин подняли глаза, когда они вошли, третий продолжал прочерчивать линию вдоль бумаги тонкой указкой длиной около фута.

— Это ставит их здесь и здесь, — сказал он.

Рамси снял шляпу и взял ее под мышку, положил вторую руку на рукоять меча и перешел к некоему спокойному вниманию, внешне корректному, но с намеком, что он считает себя равным любому человеку в комнате, несмотря на звания. Элинор сложила руки перед собой и пристально посмотрела на третьего человека, чье невнимание к появлению выглядело оскорблением. Человек слева от него заерзал, бросая быстрые взгляды, надеясь поймать ответный взгляд, а затем бросил взгляд на Рамси, похожий на извинение.

Человек на против, поклонился Элинор, затем обратил на нее все свое внимание. Он был красив для мужчины, вероятно, возраста ее отца, его серебристо-коричневые волосы, завязанные черной лентой, с теплыми карими глазами и полными губами, которые изогнулись в неприятной улыбке. Его взгляд переместился с ее лица на грудь. Ей вдруг захотелось прикрыться руками, отвернуться, что угодно, чтобы он не смотрел на ее тело, как будто хотел бы использовать свои руки, а не глаза, чтобы рассмотреть ее контуры. Нежелательное внимание лорда Хаксли было гораздо более приятным, чем это.

Наконец, мужчина в центре поднял голову.

— Добрый вечер, капитан Рамси, — поздоровался он. Его голос был таким же сухим, как его кожа. Это был человек, которого море и солнце не пощадили. — Вы приносите интересные приказы...

— Адмирал Даррант, сэр, — ответил Рамси, но больше ничего не сказал.

— И это Поджигающий, — продолжил Даррант, не глядя на Элинор. — Тонкий тростник, чтобы вести стратегию.

— У вас есть мой отчет об успехе этой стратегии.

— Да, — Даррант сидел, а за ним стояли двое других, человек слева смутился снова, словно ожидая, что Даррант предложит своим посетителям кресла. — Всего три успешных раза.

— Отправляясь отсюда «Афина» увеличит это число.

— «Афина» все еще единственный корабль. Как вы предотвратите нападение пиратов, которые свободно бродят по этим водам, ударяя в нескольких местах одновременно?

— Это ваше дело, сэр. Я надеюсь, что понимая тактику, вы направите подкрепление.

— Хмф, — Даррант уперся подбородком в ладонь, разглаживая морщинистую кожу. — Мне это не нравится.

— Сэр.

— Адмирал, они уже здесь, и мы должны их использовать, — сказал беспокойный человек. Его гласные были странно акцентированы, и он продолжал разделять свое внимание между Даррантом и Рамси. — Колониальный флот имел большой успех с Поджигающим...

— И еще больше успеха с полным комплектом кораблей, Вуд. Нам не нужны таланты, нам нужны корабли. Нам не нужна девочка едва из школы, которая может упасть в обморок при первых признаках насилия.

Элинор открыла рот, а затем резко закрыла его, когда Рамси твердо наступил на ее ногу.

— Мисс Пемброук уже видела бой, — сказал он, — и она очень уравновешенна.

Даррант отмахнулся от этого.

— Я полагаю, мы увидим, правда ли это, — он поманил Рамси, чтобы выйти вперед, и как только его нога сдвинулась, Элинор последовала за ним. Только тогда изумленный мужчина обратил на нее какое-то внимание, и Элинор хотела почистить кожу наждачной бумагой, чтобы избавиться от маслянистых ощущений, которые его взгляд оставил на ее теле.

Она попыталась удержать Рамси между ними, но он подошел к столу, чтобы посмотреть на карту Карибского моря, а изумленный мужчина встал достаточно близко сзади, чтобы она могла почувствовать его горячее дыхание на мочке уха. И запах рыбы. Она попыталась сосредоточиться на карте, хотя контуры островов были скрыты крошечными печатными словами, исходящими от береговых линий, и кривые линии заполняли моря по тем же контурам. Она идентифицировала Бермудские острова, точную точку к северу и востоку от остальных островов. Адмирал произнес:

— Вероятно, вы не слишком разбираетесь в этой ситуации.

Рамси ответил:

— Не очень. Только за последние тридцать лет группа пиратов, которые, по-видимому, почитали Генри Моргана, назвали себя «Братьями Побережья», собрав отдельные корабли в единое целое, которое они используют, чтобы терроризировать города, получая откуп за защиту. И что Испания, сражаясь с Наполеоном на континенте и столкнувшись с восстанием в своих латиноамериканских колониях, три года назад капитулировала перед их требованиями, а это значит, что любые испанские порты являются потенциальными пиратскими оазисами. Вероятно, важно, чтобы они вели свою войну против нас, обращаясь с их захваченными экипажами торговцев с благородством. Поэтому эти торговцы будут оказывать давление на свои правительства, чтобы уступить и заплатить то, что требуют пираты. Конечно, они не поняли, что, как говорится, когда вы начинаете платить Данегельду, вы никогда не избавитесь от датчанина, но это означает, что мы ведем войну общественного мнения, а также буквальную войну. Но кроме этого, сэр, я мало что понимаю.

Элинор закусила губу. Даррант выглядел так, словно не уверен, что Рамси издевается над ним. Он прочистил горло и заметил:

— Разведка донесла, что несколько пиратских кораблей под командование Хью Бексли, одного из руководителей Эванса, отплывают из Гаваны завтра или послезавтра, чтобы приблизиться к американскому побережью, расположенному между Флоридой и Большим банком Багамских островов.

Он прочертил змеиную линию своей указкой, которая согнулась, когда коснулась карты.

— У нас не хватает кораблей возле Кубы, — и впился взглядом в Рамси затем в Элинора, — поэтому часть нашего флота покидает Бермудские острова и собирается здесь, в точке к северу от длинной цепи островов, которая параллельна побережью Флориды, перехватывая их. Вы будете дрейфовать к северу от Сен-Доминго, чтобы поймать любые корабли, пытающиеся воспользоваться нашими судами, плывущими на север.

— Адмирал, со всем уважением, это кажется пустой тратой ценных ресурсов, — сказал Вуд. — Вы никогда не видели Необычного Поджигающего в битве раньше. Я видел. Поверьте мне, вы захотите, чтобы девушка была как можно ближе к действиям.

Элинора стиснула зубы, чтобы не возразить против «девушки». Рамси сказал:

— Первый Лорд хочет, чтобы «Афина» играла более активную роль в этой войне.

— Первый Лорд не на этом месте, не так ли? — Даррант проткнул карту своей указкой. — Вы будете плавать там, где я вам скажу, и я считаю, что вы лучше всего будете служить нам в Сен-Доминго, охраняя наш фланг. Разве вы считаете, что ваши пять минут оценки ситуации превосходят мои семь лет успешной борьбы с этими паразитами?

— Нет, сэр, — сказал Рамси. — Мы рады отправиться туда, где мы нужны. Сэр, могу я спросить о тактике врага? Так мы будем готовы, когда встретимся с ними.

Даррант наклонился вперед, сложив ладони на карте, и теперь откинулся назад, улыбаясь, как будто он побил Рамси в какой-то игре, но никто из них не допускался к которой.

— Саллиард — историческая карта, — сказал он, и мужчина, стоящий слишком близко к Элинора, коснулся ее, когда подошел к камину и развернул еще одну карту Карибского моря, на которой показаны только острова в Карибском море. Черные X узоры располагались между островами, как бы отмечая океанские течения.

— Это рекорд всех побед, которые мы выиграли, — сказал Даррант. — Вы можете видеть, как модели показывают, что они следуют нашим торговым маршрутам и стараются отбивать слабые или неохраняемые цели. Мы привыкли сосредотачиваться на дежурстве конвоя, но поскольку в Испании появился пушистый белый хвост, мы попытались сразиться с пиратами. Они имеют меньшие, более легкие лодки и могут скользить по каналам, которые наши более тяжелые суда не могут пересекать. Мы заказали несколько бермудских шлюпок, и я надеялся на несколько фрегатов, но не дай Бог, я скажу Адмиралтейству, что делать.

Он обошел вокруг стола и шлепнул висевшую карту указкой.

— Так что следите за берегами, Рамси, следите за течениями и посмотрим, сможете ли вы принести некоторые из этих басов... — он как будто впервые заметил Элинора и снова прочистил горло, сильно кашлянув. — Примите трофеи, если хотите, но не позволяйте ни одному из них скрыться.

— Да, сэр. Какие слухи о пиратах донесла разведка?

— Какие слухи? Вы слушаете слухи?

— Нет, адмирал, но слова разлетаются. Правда ли, что у них есть Провидцы, отслеживающие движения наших кораблей?

— Это проклятая ложь, — закричал Даррант. — Если бы я мог найти мерзавца, который распространял эту ложь, я бы его привязал к точке в Порт-Ройяле своим телом — то есть, — поправил он себя, сердитое выражение не сходило, с его увядающих щек. — Подав пример. Это крамола, вот что это такое, стараясь деморализовать хороших людей. Не слушай слухи, Рамси, это слабость и трусость.

— Да сэр. Если вы дадите мне мои официальные приказы?

— Саллиард? — человек подошел к ряду ящиков за Даррантом и достал плоский пакет, перевязанный красной лентой, и передал его адмиралу, который бросил его в Рамси. Рамси поймал его аккуратно в воздухе и поклонился обоим адмиралам по очереди.

Элино́р быстро сделала реверанс и вышла из комнаты перед Рамси, который подождал, чтобы пропустить её вперед, прежде чем последовать по коридору так стремительно, что ей почти пришлось бежать, чтобы не отставать от него.

— Капитан...

— Подождите, пока мы вернемся, мисс Пемброук. Слишком много посторонних ушей.

Залы были совершенно пусты, так что Элино́р не могла представить, кто их подслушает, но она закрыла рот, когда Рамси прошел через залы и двери.

Херви поднялся на ноги и сказал:

— Капитан...

— Возьмите мисс Пемброук назад, а затем вернитесь за мной. Я встречу с вами в Ограничительной каюте, — сказал Рамси и ушел, не дождавшись согласия Херви. Элино́р была уверена, что ошарашенное выражение лица Херви совпало с ее собственным. Херви пожал плечами и обнял ее.

— На счет три, мисс Пемброук, — сказал он, и снова ощущение, что они совершенно бесплотны, а затем оказались в тесной, побеленной камере Ограничителя, освещенной одной лампой, с несколькими черными пречерными черными красками на передней перегородке. Элино́р едва восстановила равновесие, прежде чем Херви ушел. Она задержалась на мгновение, чтобы глубоко вздохнуть, затем поняла, что должна выйти из палаты, чтобы Херви мог вернуться к ней.

В этот час, буквально после девяти часов вечера, на нижней палубе было много людей, храпа и хрипов. Гамаки были так тесно связаны, что ноги одного человека коснулись головы другого человека, и было так жарко, что Элино́р не могла понять, как они вообще спали. Движение корабля под ее ногами было мягким спокойным, успокаивающее ее настроение после встречи с адмиралом. Она сложила руки на груди и стала ждать. Если Рамси думал, что она будет терпеливо ждать в большой каюте для объяснения, то он очень ошибался.

Прошло всего несколько минут, прежде чем хлипкая деревянная дверь открылась, и Рамси вышел, следом за Херви. Рамси взял ее за руку и провел рукой между гамаками и их обитателями, пахнувшими вьевшимся потом и духами. Он, казалось, не удивился, что она ждала его.

— Спасибо, что промолчали, — сказал он. — Я знаю, что это было трудно.

— Я верю, что моя нога никогда не будет прежней, капитан, — ответила она.

Рамси рассмеялся.

— Все было в пользу, мисс Пемброук, — он толкнул дверь в большую каюту и повернулся к Херви. — Позовите сюда лейтенанта и мистера Брауна. Кто бы ни был на палубе, вы заняты в течение следующего часа.

— Я, сэр? Да, сэр. Но... что я должен им сказать?

Рамси улыбнулся Элино́р, беззаботной усмешкой:

— Скажите им, что мы будем воевать.

Глава десятая, в которой им запрещают воевать, но они поступают по-своему

— Прошу прощения, капитан, — сказала Элино́р, — но это звучит так, как будто адмирал Даррант задумал не дать нам вступать в войну.

— Что я вам говорил, мисс Пемброук, о том, что мы умнее его? — Рамси распахнул перед ней большую дверь каюты, затем прошел мимо, чтобы открыть длинный шкафчик и взять два свертка. — Поможите мне разобраться с этим? — он развернул первый сверток на столе так, что края свисали вниз. Бумага могла соскользнуть и упасть, и Элино́р нашла поднос с серебряной солонкой с солью и придавила край.

Затем она обошла вокруг стола, пока не увидела что-то сверху. Это была карта Карибского моря, но гораздо мельче, чем у адмирала, и с меньшим количеством ярлыков вдоль берега островов. Так же была показана большая часть северных и южноамериканских береговых линий и обозначены границы страны, набросанные более бледно, чем чёрные контуры Исландии.

— Пожалуйста, не могли бы вы осветить немного сильнее? — попросил Рамси.

Элино́р достала подсвечники и зажгла свечи, чтобы рассмотреть карту. Та была окрашена в зеленый, синий и желтый цвета с несколькими фиолетовыми пятнышками с края. Большая часть принадлежала сплошному зеленому североамериканскому континенту. Желтый преобладал вдоль берегов материка, с двумя большими пятнами зелени, и один из островов был окрашен в синий и желтый цвета.

— Вы понимаете, на что вы смотрите? — спросил Рамси.

Элино́р прочертила контур желтого полуострова, выступающего с северного континента.

— Адмирал Даррант сказал, что это Флорида, которая является испанской территорией, поэтому я считаю, что все желтого цвета принадлежит Испании. А остальная часть — Северной Америке, это наши американские колонии, поэтому предполагаю, что зеленые — это британские владения, а синие — французские.

— Очень хорошо... господа, пожалуйста, присоединяйтесь к нам. Мисс Пемброук, вы присядете.

Лейтенанты заняли места вокруг стола, и Сэмпсон Браун встал позади Рамси. Никто из них не выглядел удивленным, когда их отстранили от работы или вытащили из кровати.

— Плохие новости, Майлс? — спросил Бомонт.

— О, нет, Артур, отличные новости, — ответил Рамси с улыбкой и быстро пересказал разговор в зале заседаний совета.

Когда он закончил, Ливингстон заметил:

— Прошу прощения, капитан, но я не понимаю, как наше попадание в полную задницу является хорошей новостью?

— Мистер Ливингстон, следите за своим языком. Адмирал Даррант считает, что это то, что он сделал, но он не думал о том, как мы туда доберемся, — ответил Рамси. — Более важным является подтверждение того, что пираты научились использовать Провидцев, чтобы находить наши корабли и избегать их.

— Я думала, он отрицает это, — сказала Элино́р.

— С горячностью человека, который хотел бы, чтобы неприятный факт был не верен.

Для Чрезвычайного Провидца, чтобы увидеть определенные места или объекты, он или она, прошу прощения, должны иметь что-то, на чем можно сосредоточиться. Подразумевается, что кто-то из Адмиралтейства передает информацию пиратам, и адмирал лично принимает это за обвинение в государственной измене. Поэтому он громко заявляет, что это невозможно.

— С другой стороны, Первый Лорд сообщил мне, что Провидцы Войны обнаружили что лидер Братьев Побережья — Чрезвычайный Провидец, который обнаружил, как направлять свое Видение без фокуса. Адмиралтейство пытается узнать секрет и повернуть его против Наполеона, или, во всяком случае, защититься от таланта Эвансона, но мы далеки от разгадки.

Рамси подошел к письменному столу и открыл ящик, взял карандаш и вернулся к столу. Он вытащил свой нож и начал затачивать наконечник, осколки дерева и свинца летели в свете свечей.

— Адмирал Даррант хорошо говорит, но он настроен по-своему, вы же знаете это, мисс Пемброук, и для того, чтобы передумать, требуется преобладание доказательств. Мы собираемся предоставить их, исключив пиратскую эскадрилью, доказывая, что «Афина» и ее резидент Поджигающий имеют гораздо больший потенциал, чем горстка фрегатов.

Тихий лейтенант Фитцджеральд подался вперед.

— Где, вы говорите, наш флот?

— Здесь, — Рамси нарисовал «X» на карте.

— И мы предполагаем, что пираты это знают.

— Да.

— Тогда... — Фицджеральд провел пальцем по пятну самого большого желтого острова и нарисовал невидимую линию вдоль побережья и мимо Флориды. — Это то, что адмирал считает маршрутом пиратов.

— Это разумно. У них есть преимущество преобладающих ветров, — сказал Бомонт.

— Правильно, — подтвердил Рамси. — Итак, вопрос, джентльмены, — какой маршрут позволит пиратам наиболее эффективно атаковать наш флот и застигнуть его врасплох?

Три лейтенанта наклонились к карте. Браун скрестил руки на груди и посмотрел через плечо Рамси.

— Если внимание флота будет направлено на юг, то этот путь через Багамские острова выгоден, чтобы они могли атаковать с севера, — заметил Ливингстон, его враждебность отступила на второй план.

— И наш флот будет биться против ветра все время, — сказал Бомонт. — У пиратов будет преимущество — неожиданность.

— И если они переплывут на канал между Провиденс и Элеутерой, а затем примерно к востоку от Абако и воспользуются этим рядом ключей... боже мой, они нашли дорогу в Англию! — ошеломленно заметил Фицджеральд. Рамси выглядел самодовольно.

— Теперь, джентльмены, и мисс Пемброук, мы должны помнить наши приказы, — сказал он. — Мы были отправлены на побережье Сен-Доминго, и я намерен следовать этому приказу. Таким образом, мы будем идти по этому пути, здесь, между Багамскими островами, и, если нам удастся столкнуться с какими-либо пиратами на этом пути, мы выполним свой долг, как было поручено самим адмиралом Даррантом. Все понятно?

Ошеломленный взгляд Фицджеральда сменился изумлением. Бомонт и Ливингстон выглядели почти такими же довольными, как Рамси. Браун фыркнул и протиснулся мимо

капитана, положив свой короткий палец на желтый остров.

— Не думаю, что вы знаете, когда они отправятся? — спросил он.

— Завтра или послезавтра.

Браун снова фыркнул:

— Справедливо. Достаньте другую карту и посмотрим, смогу ли я засечь наш перехват.

Но я могу сказать вам прямо сейчас, что, скорее всего, он покинет Нассау, что близко к поэтическому правосудию.

Рамси кивнул, затем объяснил удивленной Элиноор:

— Остров Провиденс был пиратской гаванью около ста лет назад. Мы выгнали их, сделав для них... невыгодным оставаться там.

Элиноор кивнула.

— Я вижу. Но, капитан, я не понимаю, как «Афина» может победить несколько кораблей, даже если они меньше ее.

— Ну, мисс Пемброук, — ответил Рамси, и улыбка сменилась кривой ухмылкой, — именно там вы вступите в игру.

Было легко поверить, что здесь, в открытом океане между Бермудами и остальным миром, «Афина» была единственным кораблем в зоне видимости. Как другие корабли могли пересекать пути через серо-зеленое пространство, было загадкой для Элиноор. Но Браун и Рамси, обдумывая местоположение два раза в день, казались совершенно беззаботными, уверяя, что они могут проплыть весь путь от Бермуд до Сен-Доминго, не встречая никаких других кораблей, не говоря уже о пиратах, которых искали. Но она была только Поджигателем, а не капитаном, поэтому ходила по палубе или делала вид, что читает в большой каюте, и старалась не думать о предстоящем сражении.

— Мы не можем позволить себе взять более двух трофеев, — сказал ей Рамси на следующий день после их импровизированного военного совета.

Они были одни в большой каюте, склонив головы над листом бумаги, и Элиноор почувствовала, что грубое замечание Ливингстона больше не мешает их дружбе. Тем не менее, она не комментировала правильность своего положения, не желая привлечь к нему внимание и рискуя тем, что Рамси решил, что он может нанести ущерб ее репутации.

— У нас просто нет рабочей силы, чтобы плыть больше, чем на трех кораблях, даже на такое короткое расстояние, как от Багам до Бермуд.

— Разве ближе вам не захватить трофеев?

— Порт-Рояль на Ямайке является единственной другой крупной гаванью, которая расположена здесь, и это намного дальше. Кроме того, — Рамси улыбнулся злобным оскалом, — я хочу, чтобы адмирал Даррант хорошо разглядел наш успех.

Элиноор снова улыбнулась.

— Со своей стороны, я разделяю это чувство, капитан.

— Во всяком случае, — продолжал Рамси, — мы не можем составить план нападения, пока не увидим, сколько кораблей нам противостоит, но можем выработать стратегию в целом.

Он набросал план большого корабля с одной мачтой и тремя парусами, грубой трапециевидной

формы, и план двух поменьше, треугольных.

— Это шлюпы² Бермуд. Мы заказали несколько таких, потому что у них достаточно мелкий проект, чтобы преследовать пиратов в прибрежных водах. «Афина» не сможет

проплыть. К сожалению, у пиратов есть несколько из них. Они быстрые, хорошо сконструированные и маневренные, и мы потеряем много снарядов, пытаясь их потопить.

— Теперь, пираты поплывут вдоль по побережью, чтобы нанести удар по колониальным целям, а это означает, что у них будут большие корабли для перевозки груза и шлюпы для защиты — насколько они малы, они все равно могут нанести много урона. Так что ваша основная роль будет заключаться в том, чтобы сжечь эти мачты и оставить шлюпы в воде. Мы заберем их после того, как захватим основные суда.

— Я не уверена, насколько быстро смогу это сделать.

— Вы та, кто знает свои способности, но если появится огонь на парусах, они будут заняты борьбой сразу с несколькими пожарами. Однако имейте в виду, что эти паруса, вероятно, будут огнестойкими.

— Мы нанесем на паруса какие-то вещества, чтобы они тоже стали такими?

— Да, и я должен был подумать об этом. Спросите мистера Эйреса об этом и о каком-нибудь полотне.

Элино́р вздохнула.

— Мистер Эйрес не любит меня.

— Ему придется научиться себя вести. Я думаю, он боится вас больше, чем не одобряет.

— Это не очень удобно, капитан.

Рамси откинулся на сиденье и провел руками по волосам, отодвигая их со лба.

— Я служил под командованием нескольких капитанов, которые управляли своими кораблями скорее из страха, чем из уважения, и я поклялся, что никогда этого не сделаю. Я думаю, что преуспел. Но на этом корабле есть люди, которые меня боятся.

— У вас есть сила жизни и смерти над ними, как их капитана. Мне это кажется пугающим.

Он удивился:

— Конечно, но вы же не боитесь меня, мисс Пемброук.

Элино́р подумала об отце, о холодных железных глазах и о том, как его грубая хватка сдавливает колено.

— Конечно, нет, — подтвердила она, так легко, как только могла. — Я просто понимаю, чего бояться. Хотя думаю, что те люди, которые вас боятся, никогда не служили с настоящим тираном.

— Чего вы боитесь? — Рамси было любопытно, как будто он раскопал древний предмет, который не мог определить.

— Ничего, теперь, когда у меня есть сила защищаться, — солгала Элино́р. — А вы?

Глаза Рамси затуманились.

— Вещей, которые я не могу предотвратить, — ответил он. — Потерять эту команду. Застрять в Англии на полуплате, ожидая другого корабля. Мне не нравится, что я подчиняюсь прихоти Адмиралтейства, поэтому делаю все, что могу, чтобы доказать, что мне стоит доверять. Как вы сказали.

— Итак, ваше желание получить трофеи, это не...

— Не, что?

Элино́р покраснела.

— Я собиралась сказать «наемник», но я знаю, что вы не такой.

— Неужели? Я признаю, что так же люблю деньги, как и любой мужчина, но нет. И я не жажду славы. Это только внешний вид того, что я действительно хочу, а это безопасность.

— Первый Лорд сказал, что вы одержали рекорд полученных трофеев.

— Это было преувеличением. Это не значит, что у кого-то есть счет.

— Из того, что я видела в Королевском военно-морском флоте, я считаю, что это неверно.

Рамси рассмеялся.

— Мисс Пемброук, вы преисполнены решимости найти истину. У вас нет никаких сомнений в том, чтобы оставить мужчине право на его личную жизнь?

— У вас есть право выбора отвечать на мои вопросы, поэтому я не могу представить, что вы ужасно беспокоитесь о своей конфиденциальности.

— Очень хорошо, я прошу вас ответить на несколько вопросов. Первый вопрос.

— Вы приводите меня в ужас, капитан.

— Почему вы пришли в Адмиралтейство в тот день?

Это был не вопрос, которого она ждала, и умная фраза застряла у нее в горле и душила ее.

— Я...

— Этот вопрос не может быть настолько сложным.

Она посмотрела на свои руки, потом снова на Рамси, улыбка которого противоречила серьезному взгляду в его глазах.

— Мое «я» столкнулось с необходимостью выбирать между двумя жизнями, ни одна из которых не нравилась мне. И у меня не было выхода для использования таланта в моем собственном мире.

— Они, должно быть, были более чем непривлекательными, заставив сделать такой отчаянный шаг. Вас не беспокоило, что вы никогда не сможете вернуться?

— К чему мне было возвращаться? — она хотела бы, ответить на эти слова, даже когда они сорвались с ее языка. Это был гораздо более интимный разговор, чем она когда-либо мечтала вести с кем-либо. -

Принудительный брак или жизнь, когда кто-то плохо относится к вам? Если это так, то моя хорошая репутация... я не могу больше думать об этом.

— Вы не можете выйти замуж против своей воли. Это закон.

Она рассмеялась коротким, горьким смехом.

— Замечательно, как много способов заставить человека принять решение, не приставляя ножа к горлу.

Рамсей кивнул.

— И поэтому вы выбрали флот.

— Да.

— Хорошо, я рад, что вы это сделали, — Элинор удивленно подняла глаза и обнаружила, что он улыбается, откинувшись назад на кресле. — Невзирая на волнение, увидев, что вражеский корабль занялся огнем, я оценил ваше присутствие.

— Достаточно для того, что вы рискуете испортить мне репутацию, оставаясь наедине со мной?

Он посмеялся.

— Я подумал, вы не заметите этого. Я понял, что пропустил ваш разговор, и, как вы отметили, мы оба достойные люди, и я подумал, к дьяволу Ливингстона и его низменный ум. И я оставил дверь приоткрытой немного.

Элинор рассмеялась вместе с ним, почувствовав, что ее сердце забилося от

неожиданности.

— Таковую власть может иметь открытая дверь. Я смирюсь с этим.

— Если Ливингстон снова станет проблемой, — сказал Рамси вполголоса, — вы всегда можете поджечь часть пути через гамаки и услышать удар.

— О, капитан, как вы смеете наводить меня на такие неприятные трюки! Я должна попробовать это немедленно.

Она улыбнулась Ливингстону, неуклюже раскинувшись на палубе, и Рамси рассмеялся над ее расчетливым выражением.

Потом девушка вышла из большой каюты и подошла к четвердеку, чтобы насладиться свежим, соленым воздухом. Рамси был прав, все эти недели назад: в Карибском бассейне не было ни одной непривлекательной перспективы. Элинора стояла у тафралья, ее зонтик защищал лицо — Рамси был прав: чепец не был достаточной защитой от тропических лучей, — и наблюдала, как мимо проплывает еще один совершенно зеленый берег, окружающие его бирюзовые воды, превращающиеся в ярко-голубые, где они встречались с безоблачным небом.

Корабль находился достаточно далеко от острова, и его деревья, кусты и травы были единым изумрудным пятном, но они выглядели так... пышно — лучшее слово, чтобы описать это, слово, которое звучало почти пошло, но в нем не было ничего правильного или ограниченного. Зеленый рост. Это заставило бы ее долго расстегивать платье и идти вдоль линии, где серф бил по золотому берегу.

Наконец, она решила не волноваться о том, что думают люди, и надела утреннее платье с коротким рукавом, которое, казалось, притягивало бризы, даже когда оно позволяло ей согреть руки на солнце. Болтон предупредил, чтобы она держалась в тени как можно больше, что солнечные лучи были сильны в этих широтах, а солнечный ожог болезнен, и до сих пор руки Элинора оставались бледными и не загорелыми.

— Разве вам не хочется, чтобы кто-то написал об этом, чтобы все, кто вернулся домой, могли знать, на что это похоже? — сказал Херви, подходя к ней. — Делая все эти готические ужасы похожими на сон.

— Или, возможно, кошмар. Кроме того, я считаю, что смысл читать что-то вроде «Замка Отранто» — это прожить свою жизнь не так драматично. Новый роман на Багамских островах непременно приведет к обратному эффекту, и я удивляюсь, насколько он популярен.

— Я прочитал бы это. Конечно, мы живем сейчас.

— Правда. Мне жаль, что мы не могли пройти вдоль этого берега. Песок выглядит таким мелким и белым.

— Он будет не только на ваших ботинках, но и в ваших волосах.

— Мистер Херви, я думала, вы романтик.

— Не в том, что касается песка.

— Мистер Херви, если это не слишком большая проблема, вы не против вернуться к своим обязанностям? — протянул Ливингстон. Херви коснулся шляпы лейтенанта, а затем ушел, не сказав больше ни слова.

— Я думаю, вы не должны отвлекать мужчин, мисс Пемброук, если действительно можете помочь себе сами.

— Вы имеете в виду, как вы отвлечены сейчас, мистер Ливингстон? Или в ваших обязанностях упрекнуть меня за то, что я невинно стояла здесь и наблюдала за красотами

природы. Она не была уверена, какое его оскорбление относилось к ней, но это вывело ее из себя, и она вспомнила комментарий Рамси о гамаках и огне и начала серьезно подумывать об этом.

— Вы не должны находиться на кватердеке³, когда мы не в бою, мисс Пемброук.

— Я считаю, что это решение капитана, а не ваше.

— Да, и решение капитана может скомпрометировать, если вас это беспокоит.

Элинор закрыла зонтик и сложила его.

— Мистер Ливингстон, возможно, у вас создалось впечатление, что я беззащитная цель для вашей злости? Мы оба служим Королевскому флоту, по-разному. Хотя я начинаю задаваться вопросом, какова ваша цель на этом корабле, когда рядом нет меня, чтобы выплеснуть свою злость. Я едва могу помочь таланту, и не понимаю вашей зависти к нему.

Ливингстон глубоко вздохнул.

— Я завидую? Вы ошибаетесь.

— Тогда приношу свои извинения за ошибку. Но я не ошибусь в том, что мы с вами не можем больше ничего сказать друг другу. Добрый день, мистер Ливингстон.

Ливингстон подошел ближе и зарычал:

— Скажи, что тебе нравится, я знаю, кто ты на самом деле, сука.

Элинор подняла руку и вlepила ему такую пощечину, что ладонь загорелась. Ливингстон заорал. Она собиралась накричать на него что-то ужасное, когда посмотрела на свою руку и присоединилась к его воплям, потому что рука пылала, выжигая белое золото по линиям ладони и по пальцам, как мерцающая перчатка. Слабый обугленный отпечаток руки обозначился на левой щеке Ливингстона, и его руки ощупывали ее, когда он плакал.

Элинор не чувствовала боли, ничего, кроме волнения и удовольствия, которое она всегда ощущала при обстреле, удовольствия, смешанного с ужасом, что она не могла выключить огонь. Она замахала рукой, как бы пытаясь избавиться от чего-то неприятно липкого, выбросила зонтик и похлопала себя другой рукой, но огонь только переместился, так что обе ее ладони горели. Еще один крик вырвался из ее в горла.

— Успокойтесь, — произнес Рамси из-за ее спины, — и делайте все, что вы делаете, когда гасите огонь.

Он обнял ее за плечи. Девушка закрыла глаза и попыталась перестать дрожать. Как и любой другой пожар, просто скажи, чтобы он утих, сказала она себе, и когда открыла глаза, огонь исчез, а Ливингстон стоял на коленях на палубе, сжимая лицо.

— Простите меня, — начала она.

Ливингстон посмотрел на нее и закричал:

— Ты смеешь...

— Замолчите, мистер Ливингстон, — приказал Рамси, отступив от Элинор и перебивая слова Ливингстона голосом, который разносился с одного конца «Афины» на другой. — Я не сомневаюсь в том, что мисс Пемброук сделала с вами, как бы неожиданно это не было, заслуженно. Господин Хейс может убрать этот ожог. Идите к нему немедленно.

Ливингстон вскочил на ноги и сделал два шага к капитану, который в ярости стоял на месте.

— Ты и...

— Мистер Ливингстон, я делаю скидку на то, насколько вас захлестнули эмоции, — сказал Рамси более спокойно, но с не меньшей силой. — Не говорите ничего, за что будете потом извиняться. Теперь спускайтесь вниз.

Ливингстон стиснул кулаки. Рамси перенес свой вес, словно готовясь нанести удар. В течение нескольких секунд они стояли так, пока Ливингстон не выругался и отвернулся, несясь по лестнице, сбивая всех, кто попадался на пути. Рамси смотрел ему вслед, не меняя своей позы, пока голова Ливингстона не исчезла полностью. Затем он повернулся к Элино́р.

— Можете объяснить, что только что произошло?

К своему огорчению Элино́р заметила, что из глаз потекли слезы. Она откашлялась и сказала:

— Мы спорили — мистер Ливингстон ужасно оскорбил меня — я не должна была бить его, но потом я... — она подняла руку, которая выглядела, как нормальная рука, которая никогда не думала о том, чтобы пылать.

— Вы должны уметь...

— Корабли, капитан!

Рамси вскинул голову, чтобы посмотреть на мальчика, цепляющегося за мачту, а затем он поднялся в воздух, его рука хлопнула по шляпе, паря рядом с наблюдателем. Он поднес подзорную трубу к его глазу.

— Пять... шесть кораблей! — закричал он. — С Юга на юго-восток, — он вылетел на палубу. -

Поднимите испанский флаг. Посмотрим, те ли они, кого мы искали, — закричал он. — Тормен на верх, и ждать приказов! Мистер Уинн, держите нас в курсе. У нас есть ветер, и если они повернуться и побегут, у нас все еще есть преимущество. Мы — одинокий испанский корабль, неподдерживаемая и легкая добыча. Никого здесь, чтобы увидеть пиратов, нарушающих соглашение.

— Капитан, шесть — это слишком много. Нам нужно бежать, — сказал Бомонт.

— Я не собираюсь принимать такое решение, пока мы не сможем более четко рассмотреть их. Если четыре из этих кораблей — шлюпы Бермуд, нам не о чем беспокоиться. «Афина» выведет из строя любой шлюп, который у них есть, и мы можем обогнать любой более крупный корабль, который может создать нам проблемы. Перестаньте беспокоиться, мистер Бомонт, -

Рамси улыбался, но Элино́р могла видеть его глаза, и они не выглядели такими уверенными, как его слова.

— Капитан, — сказала она тихим голосом, который могли услышать только он и Бомонт, — если это слишком много для нас, конечно, никто не станет обвинять нас в отказе от общения с ними.

— Две вещи, в которые я верю, мисс Пемброук, — сказал Рамси, его глаза все еще смотрели на горизонт. — Первая — это корабль и его команда. Вторая — это вы. Не дайте мне повода сомневаться в этом.

Щеки Элино́р пылали до тех пор, пока ее голова не почувствовала, как будто она может вспыхнуть, изображение, которое ее беспокоило, когда казалось возможным, что это может произойти.

— Капитан, это большая ответственность. Я все еще плохо проверена...

— Мисс Пемброук, идите, поднимитесь на мостик и ждите моей команды, — сказал Рамси. -

Помните, что мы обсуждали. Сначала шлюпы. Затем возвращайтесь на четвердек и ждите новых приказов.

— Я... — Элино́р посмотрела на Бомонта, чье лицо было непроницаемо, а затем снова в

сторону Рамси. — Да, сэр, — сказала она и оглядела палубу в оцепенении, заставляя матросов уйти с ее пути, пока не достигла мостика. Она стояла как можно ближе к бушприту, глядя на отдаленные белые мазки парусника на горизонте. Он верил в нее. Ей едва ли казалось, что она этого заслуживает, но он не мог отказаться от нее.

Она крепко взялась за рельс и смотрела на паруса, не моргая, пока ее глаза не стали сухими и болезненными. Обычные шумы парусов, доски и скрипы веревки, крики мужчин казались гораздо громче обычного. Она напомнила себе, что пираты слишком далеки, чтобы слышать такое.

Девушка взглянула на Рамси, который снова поднял свой бокал и понюхал. Что-то горит поблизости. Она опустила глаза и вскрикнула, потому что ее руки снова загорелись и оставили черные отпечатки ладоней на рельсе. Болтону было бы досадно, что она повредила его корабль. Она отдернула руки и попросила огонь уйти. Почему, почему это произошло, и почему сейчас, когда она не могла позволить себе эксперименты?

Минуты прошли, полчаса, час. Паруса превратились в корабли: все еще крошечные, но даже Элинор могла видеть их отчетливо. Её мочевой пузырь был полон. Ей отчаянно нужен был туалет. Она еще немного задержалась, затем бросилась в каюту, надеясь избежать взгляда Рамси. Облегченная, Элинор быстро вернулась на свой пост. Корабли не стали ближе. Как далеко она могла зайти? Не так уж далеко, решила она после некоторого внутреннего созерцания. И Рамси сказал ждатьего команды.

Она повернулась, прислонившись к спасительному рельсу, наблюдала за людьми за рулем. Бомонт встал, откинув назад голову, показывая, что он разговаривает с кем-то. Рамси шагал по квартердеку, иногда консультируясь с Брауном, разговаривая с рулевым или глядя в подозрную трубу. Ожидание приводило к тому, что ее желудок свернулся, хотя ему нечего было свертывать, потому что полдень пришел и ушел без еды. Она была голодна.

Прошло много времени. Теперь корабли подплыли достаточно близко, и она была уверена, что при необходимости может сжечь их. Элинор оглянулась на Рамси, но он не обращал на нее никакого внимания. Скоро, скоро, скоро. Чего он ждал? Пираты не нападали на них — предположим, что это просто купеческий конвой? Нападение на них преждевременно может быть катастрофическим. Ожидание их атаки может быть фатальным. Она снова вцепилась в поручни и стала ждать, когда руки снова загорятся, но ничего не произошло.

Среди четырех бермудских шлюпов находились два больших корабля, оба меньше, чем «Афина», но все еще значительных. У них были закрыты порты с пушками, потому что борты корабля были отделаны сплошными белыми досками, окрашенными красным цветом. Были ли эти пиратские цвета? Разве пираты не ходят под черными или красными флагами с ужасающими изображениями на них? Почувствовав запах дыма, Элинор выругалась, а затем прижала горящую руку ко рту. Огонь не повредил ее лицо. Это было ужасное время для таланта проявить новый и тревожный аспект.

Внезапно на палубах других кораблей загорелись вспышки света, затем раздался пушечный залп. Ядра свистели по воздуху, не дотягивая до кормы «Афины», но фок-мачта загорелась. Черные флаги с белыми черепами и песочными часами взмыли вверх над двумя большими кораблями, когда открылись порты, открывая зияющие рты рядов пушек.

— Поднимите флаг! — закричал Рамси, — Мисс Пемброук! Сейчас!

Элинор поднялась на сцену перед ней, устремила взгляд на свои цели и охватила море огнем.

Глава одиннадцатая, в которой Элинор демонстрирует свой талант невольной аудитории

Все четыре мачты шлюпов загорелись сразу, превратившись в золотисто-красные столбы огня, устремившихся в безоблачное небо. В течение почти минуты их не тушили. Затем Элинор почувствовала напряжение, отвлекающее ее внимание, и поняла, что экипажи пытаются убрать огонь. Она потушила фок-мачту «Афины» и попыталась увеличить силу своего огня, но быстро обнаружила, что не может одновременно контролировать все четыре пожара, а также тушить тех, кого пытался сжечь вражеский Поджигающий. Элинор едва могла защитить свои огни от ведер воды и брызг странной жидкости, которая выталкивала то, чего касалась.

Поэтому она изменила тактику. Элинор оставила три огня, не контролируя их, а все свое внимание уделяла защите «Афины». Остальной частью сознания сосредоточилась на четвертом корабле, ближайшем к ним. Она заметила, на палубе было восемь орудий, что выглядело абсурдно большим для тонкого, элегантного корабля. Жаль, что их придется потопить. Она провела огонь по мачте, будто поглаживая пальцами мех, и нашла место над головами отчаянной команды.

Когда, будучи ребенком, она проводила время на кухне и наблюдала за миссис Брантон, та готовила всевозможные блюда, то была очарована, увидев, что ее кусочек сыра похож на тонкую полоску.

— Это растягивание, малышка — сказала ей миссис Брантон. — Нажимай достаточно крепко, и он будет срезать то, что нужно.

Она сняла длинную струйку огня и завязала ее вокруг мачты, пересекая концы и изображая проволочную сетку, плотно натянутую. Девушка чувствовала, как огонь понимает ее намерения и вливается в паз, который горит в мачте, пожирая лес, словно собираясь увидеть, как скоро пламя может достичь центра.

Мачта упала еще до того, как это произошло. Съеденная со всех сторон, как яблоко, поддерживаемое только хрупким ядром, мачта треснула и упала, как древняя сосна, раскачивая корабль и выбрасывая многих матросов за борт. У Элинор не было времени жалеть их. Ее внимание вернулось к остальным трем кораблям, обнаружив, что один экипаж сумел полностью уничтожить ее огонь.

«Это неприемлемо», — подумала она и снова зажгла мачту, на этот раз протянув пламя через паруса, чтобы они занялись.

Она практиковалась в течение нескольких часов, научившись сжигать тонкую смолу, пропитавшую холст и делающую ее гибкой, но почти невозможной воспламениться. Теперь она наклонилась к огню и радовалась зелено-голубому пламени смолы, цвет которой напоминал мелководье, окружавшее близлежащие острова. Два быстрых шарика стремительно налетели на палубу «Афины» с обеих больших кораблей, и Элинор заставила их исчезнуть, как туман. Она рассмеялась над изумительным оживлением силы, которая пробежала по ней, пульсируя в такт ее сердцебиению.

Кто-то схватил ее сзади. Другой мужчина занялся ее ногами. Она была в ярости перед тем, как услышать, что они говорили спуститься вниз и остаться там. Пушечное ядро пробило рельс в пяти футах от того места, где она стояла, осыпая их троих градом колючих осколков. Неожиданно в мире раздались крики и свист пушечных ядер, оглушительный

контраст с тишиной, которая окружила ее в сосредоточенности.

Она крикнула:

— Я еще не могу уйти!

Матросы проигнорировали ее и наполовину потащили, наполовину отнесли к месту, где передали Рамси. Он толкнул ее к корме и крикнул:

— Стойте! Я приказал вам вернуться, когда позову!

— Шлюпы еще не уничтожены!

— Так сделайте это. И оставайтесь здесь.

Элинон стояла достаточно долго, чтобы рассмотреть сражение. Корабль, мачту которого она сожгла, качался на волнах. Экипаж карабкался по упавшему снаряжению и плыл в тщетной попытке вернуться в бой. Вражеские Поджигающие, где бы они ни находились, все еще пытались сжечь мачты и паруса «Афины», но умение Элинон переключить свою концентрацию с тушения пожаров на их запуск росло, и «Афину» лишь немного опалило.

Один шлюп все еще горел зелено-голубым. Одному из них почти удалось погасить огонь. Она щелкнула, и он вспыхнул сильнее, чем прежде. Пламя поглотило третий шлюп, и люди кричали и прыгали из него в море, где исчезали из поля зрения. За это Элинон не чувствовала ни вины, ни сожаления; У нее не было времени на такие индульгенции.

Один из кораблей получил удар из орудий «Афины». Его паруса были измельчены, а носовая часть треснула, но он все еще мужественно пытался нацелить свои пушки. Когда она заметила это, два из этих орудий взлетели с палубы и упали в море, одно тащило с собой кричащего пирата. Очевидно, они были достаточно близки для того, чтобы Рамси использовал свой талант против врага. Другой корабль находился в гораздо лучшем состоянии и прокладывал себе путь, чтобы поставить «Афину» между собой и ее спутником.

Палуба «Афины» была завалена упавшими предметами и щепками древесины, а несколько человек лежали окровавленные и без сознания там, где до них не могли добраться товарищи. Судно содрогнулось, когда его орудия снова дали залп по поврежденному кораблю. Элинон потушила очередной пожар на главной верхушке «Афины» и приложила усилия к поджиганию паруса вражеского корабля.

— Мисс Пемброук! — крикнул капитан.

Элинон очнулась и поняла, что один из шлюпов, тот, чья команда почти погасила огонь, плыл к ним, несмотря на залпы стрелкового оружия «Афины». Это было хорошо для правого борта, убрать с дороги обоих пиратских кораблей. Элинон не думала, что стоит тратить свой талант, чтобы сделать больше, чем держать палубу в огне. Теперь его неуклонно сносило ветром к «Афине». Либо его капитан был храбрым, либо безрассудным, но Элинон узнала в нем умного противника, который потребовал бы, чтобы она изменила тактику. Она уверяла себя, что два других огня горели устойчиво: тот корабль, у которого палуба была в огне, тяжело перекосясь в одну сторону и больше не представлял угрозы, а затем обратила внимание на последний шлюп.

Они что-то сделали с палубой — ох, они полили ее смолой, и огонь не мог распространиться по ней. Умно. Элинон надеялась, что никто другой не придумает такое решение. Они подходили ближе, и она не смогла бы зажечь обработанные паруса вовремя. Оружие... она смогла бы растопить оружие? Протянула руку, чтобы огонь ласкал медную бочку, и поняла, что может заставить его побежать как жидкость, но опять же слишком долго. Конечно, они могли нанести небольшой урон «Афине», но Элинон не могла вынести

мысли о том, что потеряет даже те немногие жизни, которые мог отнять шлюп.

Ей потребовалась всего секунда, чтобы понять, что нужно делать, еще одна секунда, чтобы оттолкнуться, и третья, чтобы вызвать огонь и превратить каждого человека на палубе шлюпа в кричащую огненную колонну.

Ей даже не пришлось поддерживать контроль. Они пошатывались и махали руками, и некоторые из них падали за борт, оставляя судно тлеть позади них. Другие упали на палубу, сотрясаясь и вскрикивая. Она смотрела, бесстрастно, потому что ничего не имело смысла. Кричащие люди, похожи на ночных зверей.

Тогда один из мужчин, плывущий в океане, казалось, посмотрел на нее, хотя он едва мог увидеть именно ее с такого расстояния, а его лицо было почерневшим и непохожим на человеческое. Она дернулась, словно просыпаясь от кошмара, прикусила кулак, чтобы не закричать, и погасила оставшиеся человеческие огни. Затем ее вырвало прозрачной жидкостью и желтой желчью на кормовые окна.

Она попыталась не представлять, как должно пахнуть на той палубе жареное мясо, растопленный лак, сгоревшая краска и дымный, обугленный лес, и ее снова вырвало, пока девушка не почувствовала, что в желудке ничего не осталось. У нее болела спина, как будто ее избивали, позвоночник представлял собой острую боль, и измученный живот все еще пытался вывернуться наизнанку. Она сплотнула, задыхнулась от горького привкуса слюны и откинула волосы с глаз. Она видела перед собой это почерневшее лицо, и хотела стереть эти воспоминания из памяти.

«Это не конец. Я должна спасти «Афину». Это стоит того!»

Она превратила зелено-голубые паруса в пепел, который просыпался над несгоревшими пиратами, запустила на мачту огонь и опустила его на палубу шлюпа, а затем развела пламя, чтобы покрыть каждый дюйм доски, заставляя себя не слушать крики, когда люди прыгали с горящего корабля в неприветливые воды Карибского моря. Она прожгла дыру возле ватерлинии шлюпочного шлюза, чтобы он тихо опустился, и некоторое время наблюдала, как вокруг него бурлила вода. На палубе не осталось никого.

Элинор огляделась, чтобы посмотреть, чем заняты осиальные. Рамси исчез. Все лейтенанты пропали. Казалось, пушки смели экипаж с палубы, чтобы унести их в море или, возможно, на окружающие их Багамские острова. Рулевой господин Уинн был все еще там, невозмутимый, как блок из гранита, и несколько матросов укомплектовали 12-фунтовые на носу, а горстка других пыталась делать те же непостижимые вещи, что и всегда.

Разрушенный пиратский корабль покачивался в стороне, и Элинор слышала отдаленные крики, звон металла об металл и эхо выстрелов из стрелкового оружия. «Афина» была привязана к другому кораблю, но Элинор не слышала шума.

Она положила ладонь на бизань-мачту⁴ и обнаружила, что нуждается в поддержке, потому что у нее болела спина, как будто девушка сорвала ее, и на неё тяжело опираться, когда она спросила:

— Мистер Винн, что случилось?

— Ха взял ун, — сказал он, кивнув на корабль с бортовым кораблем, — Не все равно, но скрап. Йон Гив'ун 'т цвета, как серо-коричневый, — он указал на безмолвный корабль по правому борту.

Элинор еле разобрала два слова.

— Это значит... мы победили?

Винн кивнул.

— Аюх.

Элинон сделала несколько шагов в сторону более близкого корабля, взглянула на другой, и ее ноги подкосились. Она опустилась на палубу, так сильно вздрагивая, что подумала, что может удариться об доски.

— Скажите капитану Рамси, что я спустилась вниз, — произнесла она в сторону и поползла по трапу, пока не встала и не пошла, продолжая трястись уже на кровати.

Мисс Пемброук легла, но не собиралась спать. Когда она закрыла глаза, все еще могла видеть палубу шлюпа, обвѣтую короткими огненными столбами, которые крушили и сжигали.

«У меня не было выбора, это была их вина, я должна была спасти корабль, что я наделала?»

Это почерневшее лицо, плывущее в серо-зеленой воде, смотрело на нее.

«Я убила его. Я убила человека. Милостивый Бог, я убила десятки людей.»

Сколько столбов? Она не могла удержаться от подсчета, затем сбилась и начала снова, прежде чем сдаться. Как минимум, шестьдесят. Как они могут посадить так много мужчин на эти крошечные корабли? И всех тех, кто утонул, потому что они не умели плавать, разве они тоже не были на ее счету? Она была дурой, проклятой дурой, так беспечно идти на войну, не понимая, что основной целью войны было убить врага, чтобы он не убил вас.

Она прижала колени к груди.

Она поступила правильно.

Она защитила корабль.

Она была не единственной, кто убивал.

Пулеметные бригады тоже убили врага. Если она вообще поняла Винн, некоторые из офицеров и экипажа «Афины» находились на этом избитом корабле прямо сейчас, сражаясь и убивая пиратов, чтобы взять под свой контроль корабль и не дать им убивать кого-либо еще. Была ли она невиновнее, чем они; убийство в защиту корабля и страны было ниже ее достоинства?

Но это не было прямым убийством, или все-таки было? Она сделала это огнем. Ее драгоценный, прекрасный талант, который наполнял ее такой радостью, превращал людей в груды костей, пепла и жира.

Она отвела руку подальше от кровати и поджигала ладонь. Это все еще не вредило. Это было как золото, лазурит, рубин и дюжина других драгоценных камней.... огненно-красные пальцы.... и это было так прекрасно, что нельзя и думать о том, что его используют для уничтожения, или все-таки это и была цель огня — разрушать? Даже огонь, который давал тепло дому, должен был уничтожить уголь или лес, чтобы сделать это. Она согнула пальцы, и капли огня отдалились от ее руки, замирая и выходя наружу, прежде чем ударились о пол. Ярость охватила ее, она порвала одежду и отшвырнула её, пока не оказалась голая рядом с кроватью и не расслабила тело.

Дым поднялся с пола; и она подтянула огонь, пока не оказалась в огне, как в пылающих брюках, пусть липнет на нее, на лицо, волосы, грудь, и ноги. Огонь поглотил ее страдания и страх и наполнил ее до предела. Для этого и был нужен огонь. Это сильное, прекрасное чувство, которое никого не обижало, и с этой мыслью она снова почувствовала вину и отчаяние и начала всхлипывать.

Слезы зашипели, когда упали на ее огненные щеки, такие горячие, что даже не оставили следов пара. Она плакала, рыдания едва были слышны в треске обжигающего огня, когда тот

горел, горел и не поглощал ее. Позже Элино́р вскрикнула, погасила огонь и пошатнулась от усталости и боли во всей спине. В конце концов, это было не совсем безопасно. Но она могла вытерпеть любое количество усталости, если бы только могла чувствовать это снова.

Она оделась, надела туфли и села на край кровати, ожидая. Кто-то должен был видеть, что она сделала, а это означало, что Рамси знает, и, хотя Элино́р не думала, что он будет ненавидеть ее за это, — он был слишком рассудителен и великодушен — он никогда не сможет обращаться с ней так, как раньше. И это будет концом дружелюбия команды. Насколько вероятно, что эти люди поверили бы, что она не может использовать свой талант против них?

Кто-то постучал в дверь, напугав ее.

— Мисс Пемброук?

— Да, капитан?

— Вы исчезли довольно неожиданно. Я думал, что вы все еще с нами.

— Думаю, должна спросить, хотите ли вы, чтобы я осталась с вами.

Молчание. Потом Рамси произнес:

— Мы захватили оба корабля, хотя, к сожалению, Бексли убил себя, но не попал в плен. Один из кораблей сдался без боя. По-видимому, вид людей, горящих как факелы, заставлял их думать о преимуществах не проверять наше терпение.

— Я рада слышать это.

— Вы должны быть рады. Сегодня вы блестяще выступили и спасли много жизней.

— За счет других. Вот почему я здесь, капитан.

Она услышала, как он издал нетерпеливый звук, а затем открыл дверь и вошел. Его рукав был черным от крови, и у него был запачканный кровью носовой платок, надежно перетягивающий плечо.

— Прекратите это, — сказал он.

— Капитан, ваша рука.

— Хейс исправит это позже. Вам нужно перестать жалеть себя. Вы живы. Они нет. Это все, что имеет значение, — он закрыл дверь и сел на пол, чтобы опереться на нее.

— Прошу прощения, капитан, но вы не знаете... черт возьми.

— Язык, мисс Пемброук. Вы думаете, что я не знаю?

Элино́р закричала:

— Как ты можешь понять?

Рамси откинул голову назад и закрыл глаза.

— Я убил человека, когда мне было пятнадцать, — произнес он.

Элино́р, готовая снова закричать, с удивлением закрыла рот. Он казался таким утомленным и все же очень серьезным, что она не могла придумать ответ.

— На самом деле убийство не является ни чем иным, кроме убийства. У меня было первое назначение, и был один гардемарин, который раздражал меня — подробности не важны. Я... не умел контролировать свой темперамент...

Элино́р скептически фыркнула, и Рамси улыбнулся, не открывая глаз.

— Ничто не сравнится с убийством кого-то в ярости, это научит вас обуздывать ваши эмоции. Однажды он зашел слишком далеко. Я ударил своим талантом, бросил его изо всех сил на бушприт и пробил ему череп. Парень упал в воду, и, когда я вытащил его, он был мертв.

— Если это было... убийство... вы не были наказаны?

Он снова улыбнулся.

— В тот день проявился мой необычный талант. Я взлетел, чтобы вытащить его из воды, а затем как можно быстрее помчался к ближайшему Необычному Целителю. Служба — не говоря уже о правительстве — не может позволить себе тратить Необычных, наказывая их, даже если они этого заслуживают. Так что это было спокойно замято и названо случайностью. Они сказали, что я слишком силен и не знаю степени моей способности передвигаться. Это было правдой, но не совсем. Если вы понимаете, что я имею в виду.

— Я думаю, да.

Рамси открыл глаза и посмотрел на нее, неловко сложив руки на коленях.

— Вас больше беспокоит использование таланта для убийства этих людей, чем мысли об их смерти.

Элинор уставилась на него. Он добавил:

— У меня есть этот великолепный, прекрасный талант. Движение — это, как если бы вы чувствовали эти течения все вокруг, и вы перемещаете вещи через них, и это невероятно на сколько хорошо это ощущается. И летать в сто раз лучше. И я использовал его, чтобы взять жизнь без причины, потому что устал от оскорблений. Так что, да, я знаю, что это такое. И, честно говоря, я не могу сказать, что с этим делать. В конце концов, огонь должен уничтожать. Но это не позорит вас или ваш талант тем, что вы использовали его для убийства. Клянусь вам, это правда.

Так много из того, что он сказал, отражало собственные мысли Элинор, что на мгновение не могла найти ответа. Наконец, она сказала:

— Все будут бояться меня.

— Это имеет значение? То есть, это меняет то, какой вы являетесь на самом деле?

Элинор покачала головой.

— Но это неприятное чувство.

— Ну, не волнуйтесь об этом. Вы забыли, что половина этих людей уже плавала в Карибском море и знала, что делают пираты с моряками, когда они их захватывают. Это гораздо менее красивые поступки, чем смерть в пожаре. Остальной половине рассказывают истории об этом. К настоящему времени каждый человек на этом корабле полагает, что ваши действия окупили в равной мере все, что пираты когда-либо делали с нами. Возможно, они попытаются придать лицу торжественное выражение, когда мы говорим.

Элинор ахнула, а затем рассмеялась, закрыв лицо обеими руками.

— Это гораздо хуже, чем страх.

— Это хорошее отношение, — Рамси встал и, поразмыслив, протянул ей руку. — Сегодня вы принесли огромную жертву, и я хочу, чтобы вы знали, что я ценю это. Не хотите присоединиться ко мне за ужином? Только двоим, к сожалению, Ливингстон и Фицджеральд находятся на призовых кораблях, а остальные заняты сохранением «Афины».

Его рука была теплой и твердой, и его улыбка заставила все ее беспокойство исчезнуть.

— Я не называю это жертвой, капитан, — сказала она.

Глава двенадцатая, в которой происходит неприятное событие

Несмотря на знание того, что трофеи были под их контролем, даже если одним из контролирующих был Ливингстон, в чьих способностях она сомневалась, Элино́р не могла не беспокоиться. Ее воображение предоставило сценарии, в которых пираты могли вырваться из своих тюрем, взять контроль над своими кораблями и направить свое оружие против «Афины», беспомощно плавающей между ними.

Она провела много часов на палубе, шатаясь из стороны в сторону и планируя, как она будет уничтожать корабли, если это станет необходимо, пока Рамси не догадался, что она делает, и ограничил ее передвижения в пределах большой каюты.

— Вы заставляете людей нервничать, — сказал он ей, — и это влияет на корабль. Так что оставайтесь здесь. Читайте книгу. Напишите в своем дневнике. Все, что убережет вас от штурвала.

— Я теперь пленница?

— Я думаю, что было бы трудно держать вас взаперти в том, что по сути является плавающей деревянной коробкой. Так что я предлагаю вам выгодное соглашение.

Элино́р сердито фыркнула, но сделала, как попросили. Ей нужно было написать в свой дневник, который она маскировала серией писем Селине, и найти способ объяснить, что произошло в битве. Сложнее было осознать, что в первый раз она скрывала вещи от своей сестры — хотя и вымышленной версии ее сестры.

Кто мог сказать, что она не передаст их когда-нибудь? В конце концов, Элино́р просто замазала смерть и написала только о сожжении корабельных мачт, чтобы судна не могли маневрировать, что было отчасти правдой.

«Капитан Рамси, — писала она, — оказался настоящим другом, который меня удивляет, поскольку я не ожидала, что когда-либо назову мужчину «другом». Полагаю, это потому, что все мужчины, которых я знала, кроме папы, не испытывали ко мне интереса, потому что у нас не было ничего общего, или были слишком заинтересованы во мне, как в потенциальной невесте. Частично это связано с талантом, который мы разделяем, и, частично, я думаю, потому что у нас есть много общего, хотя наши статусы сильно отличаются. Его мать мертва, его отец фермер-арендатор, который был в восторге от того, что его сыну удалось избежать этой тяжелой жизни. Какова бы ни была причина, я рада, что у меня есть друг, потому что это место совсем не то, к чему я привыкла.»

— Элино́р? — Херви просунул голову в комнату и одновременно постучал. — Мы будем на Бермудах до наступления темноты. Капитан хочет, чтобы вы отправились в Адмиралтейский дом вместе с ним через четыре часа.

— Спасибо, Стратфорд.

Теперь они были такими хорошими друзьями, что называли друг друга по христианским именам, хотя только наедине.

«Как странно, что мы с капитаном остаёмся в формальных отношениях, несмотря на нашу дружбу. Полагаю, это было бы плохо для дисциплины, если бы я относилась к своему командиру неформально.»

— Я признаюсь, что нервничаю. Адмирал Даррант кажется странным. Он все равно может решить, что мой вклад не нужен.

— Это была довольно решительная победа, Элино́р. Я думаю, даже адмиралу будет трудно утверждать, что вы не пригодились.

— Надеюсь, вы правы, — Элино́р закрыла дневник. — Возможно, мне скоро понадобится новая одежда. Я разорвала и сожгла свое платье во время битвы, а с длинными рукавами просто невыносимо на жаре, остаётся одно утреннее платье и мое бедное, ненужное вечернее платье.

Стратфорд вытащил стул и сел за стол.

— Ну, на Бермудских островах много дам. Они должны где-то одеваться.

— Или они сами шьют себе. Я ужасная швея. И всегда была благодарна, что моя семья могла позволить себе платить другим за эту услугу, хотя чувствую, что это ужасная расточительность.

— Что за ужасная расточительность? — Рамси вошёл в каюту, положил шляпу на стол и провёл обеими руками по волосам. — Если бы я мог выбирать, то носил бы карибскую форму, которая включает хлопчатобумажные бриджи и льняную рубашку.

— Мы говорили о платье, капитан, — ответила Элино́р, — потому что я боюсь, что мне придётся шить свою собственную одежду, и я ужасно шью.

— О, на Бермудах есть швеи. Вы думаете, жена адмирала Дарранта сама шьёт себе одежду? Едва ли.

— Адмирал женат? — Элино́р закрыла рот, едва сдерживая изумление.

— И хорошо, что вы можете быть шокированы. Она прекрасная женщина и хорошая хозяйка. У адмирала, несомненно, есть прелести, которые не демонстрируются ничтожным капитанам и Поджигающим в двусмысленном статусе.

— Я должна пойти с вами?

Рамси насмешливо посмотрел на нее.

— Да, вы должны, потому что я хочу, чтобы адмирал Даррант был вынужден положить конец уничтожению. Ему должно быть ясно, кому он обязан большей частью этой победы. В противном случае «Афина» — не более чем особо эффективный военный корабль.

— Вы льстите мне, капитан.

— Это не лесть, это правда.

Бомон распахнул дверь с силой, превышающей необходимую.

— Я разговаривал с Адмиралтейским Домом, — сказал он, — и они хотят, чтобы вы были там сейчас.

Рамси нахмурился.

— Они сказали в четыре часа.

— Можете спорить, если хотите. Просто попросите другого Оратора передать ему. Они были недовольны.

— Отлично. Мисс Пемброук, вы готовы?

— Пять минут будут слишком большой задержкой?

— Я тоже должен сменить форму, поэтому нет. Мистер Херви, подождите здесь.

Элино́р сменила туалет и была готова к приходу Рамси, который, наконец, вышел из своей уютной каюты, выглядев элегантно, за исключением хмурого лица. Он взял пакет бумаг, засунул его в куртку и сказал:

— Поехали.

Ограничительная каюта, конечно, не изменилась с первого посещения. Служебный зал вне камеры, однако, был значительно более шумным. Темнокожие мужчины в коротких

штанах и вязаных рубашках и женщины в ярких юбках, следуя указаниям, разносили стопки постельного белья или тапки, а иногда вообще ничего. Они избегали взгляда Элинора и кружились вокруг Рамси. Голоса, которые раньше звучали так, будто они проходили сквозь воду, теперь стали более ясными, хотя Элинора до сих пор не могла найти их источник.

Когда они подошли к входу в комнату, она нашла ответ на свой вопрос: мужчины в мундирах с различными знаками бродили по комнате группами по два или три, сидели на скамейках или стояли, любуясь картинами, украшающими стены. Их разговоры звучали так же, как гогот гусей, собравшихся вокруг берега озера, — каждый человек перекрикивал, пытаясь быть услышанным всеми остальными.

Один или двое мужчин взглянули на Рамси и Элинора, затем отвернулись, не впечатленные. Рамси проигнорировал их всех и прошел через комнату в серию залов с арками, которые они видели раньше. Какие-то мужчины в форме принесли и передали документы, не поприветствовав, хотя несколько из них взглянули на Элинора, и к ее удивлению, они бросали восхищенные взгляды. Это так ее смутило, что она перестала обращать внимание на то, куда они шли, и была удивлена, увидев железные ручки и дверь, которую Рамси раскрыл без стука.

На этот раз к адмиралу Дарранту, адмиралу Вуду и Саллиарду присоединились два капитана. Один, казалось, был ровесником Дарранта. Но, будучи таким же подтянутым, как адмирал, невозможно было догадаться о его истинном возрасте. Другой, со светлыми волосами, которые свисали вокруг лица и таким пустым выражением лица, которое должно было быть намеренным, моложе, возможно, на пять лет старше Рамси.

Даррант, сидящий во главе стола, не сделал попытки не заметить на Рамси на этот раз.

— Добрый день, капитан, — сказал он, похоже, что слова вырываются из него. — Ваше сообщение.

Саллиард вышел вперед, его глаза были прикованы к Элиноре, и принял пакет, который Рамси передал ему. Даррант взял его у Саллиарда, щелкнул сургучной печатью и раскрыл ее. Он читал, губы слегка двигались, в то время как люди вокруг него пытались увидеть написанное. Вуду было неловко, но Элинора рассудила, что это скорее нервный, чем физический дискомфорт. Двое незнакомых людей выглядели так, словно пытались прочитать через плечо Дарранта. Элинора решительно избегала взгляда Саллиарда. Рамси был так же собран и безразличен к задержке, как всегда. Она переминалась с ноги на ногу и жалела, что у неё нет обуви удобнее.

— Интересно, — сказал Даррант, расправляя бумаги перед собой, — какое удачное стечение обстоятельств — встреча с пиратской эскадрой, когда вы отправлялись на свой пост.

— Да сэр. Это был мучительный опыт.

— Могу представить. Я не обрадован, что вы не смогли привести этого проклятого Бексли живым.

— Мы не ожидали, что он убьет себя, а не сдастся в плен, сэр. Я беру на себя ответственность за это.

— Естественно, — Даррант перевел взгляд на Элинору, поразив ее. — Четыре корабля, молодая леди.

— Да, сэр, — сказала Элинора, недоумевающая, в какой манере он собирается с ней разговаривать.

— Везение, я полагаю. Раньше вы никогда не были в бою?

— Нет, сэр. То есть, это не везение, сэр.

— Невозможно, — ответил пожилой человек. — Нет Поджигающего способного уничтожить четыре шлюпа за час.

— Прошу прощения, — сказала Элино́р, — но нас не представили, капитан...?

— Вогхан — сказал мужчина, будто выплюнув слова.

— Капитан Вогхан, я уверена, что вы не намерены называть ни капитана Рамси, ни себя лжецом. Я понимаю, что вы не знакомы с возможностями Необычного Поджигающего, но заверяю вас, что уничтожила четыре шлюпа... вы сказали, что за час? Время летит, когда ты в битве... но это, конечно, выше моих сил.

Она оттолкнула ногу от сапога Рамси, но он не сделал попыток, чтобы наступить на нее.

— Никто не ставит под сомнение вашу правдивость, — ответил адмирал Вуд. — Кажется, вы хорошо использовали свои силы и невежество пиратов, — это звучало, как подготовленная речь, но Элино́р надеялась, что может быть полезной. Вуд мог быть только адмиралом колоний, но она считала его важным союзником.

— Я думаю, они были так же удивлены, как и мы, — сказал Рамси, — так как я уверен, они думали, что канал будет не занят.

Даррант нахмурился. Элино́р закусилa губу, чтобы сдержать улыбку.

— Возможно, у вас было тактическое преимущество, — сказал он, — но вам все равно повезло, что вы с ними столкнулись

— Это верно для многих встреч с пиратами, сэр.

— Возможно, — Даррант снова взял бумагу и протянул ее Саллиарду, не глядя на него. — Поздравляю, -

сказал он, — это ваш успех.

— Спасибо, сэр.

— Спасибо, адмирал Даррант, — не могла не добавить Элино́р. Даррант взглянул на них обоих.

— Я найду новые задания для вас в течение нескольких дней, капитан Рамси, после того, как мы пересмотрим ситуацию. В то же время, держите своих людей под контролем, это не Портсмут. Вогхан, Кроуфорд, это касается и вас. Теперь все вы свободны.

Элино́р позволила Рамси придержать ей дверь, затем снова взяла его за руку.

— Это... — начала она.

— Не здесь, мисс Пемброук.

— Рамси, — они обернулись, чтобы увидеть других капитанов, следующих позади. Вогхан прошёл мимо них, не говоря ни слова, но другой мужчина, Кроуфорд, подошел, чтобы присоединиться к ним. — Довольны победой, а?

— Я просто выполнял свой долг, Кроуфорд, — ответил Рамси, в его голосе звучало напряжение, и его мышцы напряглись под ее пальцами.

— О, мы все хотим исполнить свой долг с таким успехом, какой преследовал вас, — сказал Кроуфорд. Он коротко взглянул на Элино́р и отвел глаза. — Я верю, если мы бросим тебя в кучу дерьма, то когда ты в него попадешь, оно покроется бриллиантами.

— Пожалуйста, следите за своим языком перед дамой, — сказал Рамси.

— Приношу свои извинения, мисс. Я предполагал, что вы привыкли к этому, будучи весь день окруженной матросами. Я удивляюсь, что вы можете сохранять хоть малейшее... благородство.

Элино́р сильно сжала руку Рамси.

— Для меня большая честь служить с такими храбрыми людьми, как на борту «Афины», — сказала она. — Первый Лорд сказал, что это лучший фрегат в королевском военно-морском флоте.

Улыбка Кроуфорда исчезла.

— Так себе комплимент.

— О, нет, я верю, что он очень точен. Он не показался мне кем-то, кто раздает уважение просто так.

— Кроуфорд, рад снова вас видеть, но у меня есть дела, — встрял Рамси, плавно обрывая все, что собирался сказать Кроуфорд. — Мисс Пемброук?

Элино́р должна была бежать рысью, чтобы не отставать от него.

— Капитан, сбавьте обороты!

— Нет, если есть шанс, что Кроуфорд попытается последовать за нами. Мистер Херви, пойдёмте.

— Но я наслаждалась....

— Позже, мисс Пемброук. Между мной и Кроуфордом нет симпатии, и, поскольку я наслаждался вашей маленькой битвой умов, к которой, кстати, он не был готов, то предпочёл бы не давать ему ещё больше оснований ненавидеть меня, — он увёл её от Стратфорда и толкнул дверь в камеру. — Вернёмся на корабль.

Но Стратфорд, когда белые стены Ограничивающей камеры «Афины» поднялись вокруг них, схватил Элино́р за руку, прежде чем она успела выйти.

— Это было из-за женщины, — сказал он тихим голосом. — Они оба ухаживали за ней, и капитан завоевал её сердце.

— Но... Разве он женат?

— Нет. Она стала плакать через месяц после того, как они объявили о помолвке. Сейчас она вышла замуж за богатого гражданина, капитан никогда не говорил об этом, но зачем ему это? Но именно поэтому капитан Кроуфорд ненавидит его.

Он вытолкнул её из комнаты и закрыл дверь. Элино́р смотрела на него. Как давно это было? Он, конечно же, не вел себя как мужчина, который был влюблён, хотя, она не знала, как это выглядело.

Дверь отворилась, напугав её.

— И теперь мы ждём, сможет ли Даррант научиться использовать нас более эффективно, — сказал Рамси, зажав шляпу под мышкой. — Мы, вероятно, дали Вуду больше рычагов, что превосходно. Он хороший человек, если немного знать о его статусе подчинённого.

— Значит, он подчинённый? Я считала его высокопоставленным офицером колониального флота, учитывая его комментарии.

— О, да, он американский адмирал. Он должен быть равным адмиралу Дарранту, но адмирал тот, кто он есть, эта охота на пиратов стала больше британской операцией, которой помогают наши колониальные силы. Вуд — умный человек, и вы можете быть уверены, что он манипулирует адмиралом, чтобы лучше использовать ваш талант.

Он держал дверь огромной каюты открытой, их приветствовал запах жареной свинины, смешанный с более сладким, зеленым ароматом свежего горошка.

— Ужин и как раз вовремя. Встреча с Кроуфордом всегда вызывает у меня чувство голода.

Мичман Сен-Мор сопроводил Элино́р в Гамильтон на следующее утро. Стратфорд

занялся кораблем. Четверо из команды «Афины» гребли по большому проливу между Ирландским островом и тем, что Элино́р называла материком. Это был долгий путь для лодки, и Элино́р почувствовала некоторую жалость к людям, хотя они, казалось, совсем так не думали.

Они наняли старую карету, чтобы отвезти их. Плохо сделанное приспособление, которое пахло влажной гниющей древесиной, с потрепанной кожей и подушками на сиденьях, твердых как скала. Это была тихая поездка, когда они оба смотрели в окна кареты. Элино́р, потому что она была очарована множеством растений и деревьев во всех оттенках ярко зеленого, Сен-Мор, потому что он не мог заставить себя взглянуть на нее. После столкновений с ним примерно полдюжины раз в Атлантическом плавании Элино́р поняла, что гардемарин находится в муках подростковой страсти, что изменило ее чувства к нему от раздражения до забавной жалости. Она сожалела об этом, немного, Рамси собрал их вместе сегодня, но, возможно, близкое общение поможет молодому человеку преодолеть свою безответную любовь.

Гамильтон был красивым городом, укрытым в изгибе одного из голубых и песчано-золотых заливов, которые Элино́р начала, к ее ужасу, считать само собой разумеющимся. Здания были тропическими, построены из ослепительно белого камня с большими окнами, чтобы пропускать ветер, дующий из гавани. Но построенные широкие улицы, выложенные прямыми линиями, стиль крыш и дверей, были современным британским дизайном. Это был молодой, буйный, процветающий город, его улицы заполнены мужчинами и женщинами, в основном цветными, и Элино́р должна была перестать смотреть на них, задаваясь вопросом, сколько из их свободны и сколько рабов.

Она открыла окно кареты и позволила морскому бризу обдуть шею. Солнце не слишком палило тем утром, но день был влажным, а воздух прилипал, как вторая кожа.

Сент-Мор что-то пробормотал.

— Прощу прощения? — переспросила Элино́р, наклоняясь вперед.

— Я сказал, что мы в Пемброукской волости, — ответил Сент-Мор. — Новость, которая может быть интересна для вас.

— Это интересно, мистер Сен-Мор, может ли основатель быть связан со мной?

— Названо в честь третьего графа Пемброука.

— В самом деле? Тогда, вероятно, нет. Моя семья старинная, но не титулованная. Вы, кажется, много знаете об этом месте.

— Я родился здесь.

— Мистер Сен-Мор! Не имела представления! Я полагаю, у вас есть желание навестить родителей?

Сент-Мор покраснел во время этого разговора.

— Не сегодня, мисс.

— Родиться на Бермудских островах. Как здорово!

Он пожал плечами и отвернулся к окну.

— Полагаю.

Элино́р прикрыла улыбку ладонью. Они проезжали по прохладной, ровной, тенистой кедровой роще, со сломанными каменными стенами, которые были по пояс людям, прогуливающимся вдоль них. Ни один из пешеходов, казалось, не собирался спешить в своем путешествии. Она чувствовала себя немного ленивой. Не было никакой спешки, теплое солнце и влажный воздух расслабляли. Она закрыла глаза и наслаждалась мерцанием света,

падающего через листья, и просачивающегося через веки.

В городе она купила платье в крохотном магазине, где работала женщина с черной кожей. Волосы которой были завернуты в узорчатую ткань, хотя ей потребовался почти весь ее маленький запас денег, чтобы убедить женщину продать его. Это не соответствовало бюджету Элинон, но она не могла позволить себе продать что-либо. «Афина» могла не оставаться в порту достаточно долго, чтобы ее забрать.

Затем она заставила Сент-Мора взять ее с собой в тур по Гамильтону. Было не так много времени, чтобы осмотреться. Сент-Мор объяснил, что столица в Сент-Джордже, его родном городе, имеет гораздо более красивую и более сложную архитектуру, но Элинон была очарована простотой домов и дружелюбием граждан. В конце концов, они оказались в гавани, где Элинон подразнила Сент-Мора, прогуливаясь босиком по пляжу.

Корабли всех размеров, от одномачтовых лодок до судов размером почти с «Афину», стояли на якоре в гавани. Иные лежали на берегу, а корпуса наклонялись к небу, в то время как мужчины чистили их днища. Она увидела, как один корабль, маневрируя, пересекает гавань, держась по ветру, и смотрела вслед ему, пока его рыжие паруса не превратились в точку.

С ногами, изнемогающими от непривычного хождения, и потом, заливавшего ее спину и подмышки, она пошла к Сент-Мору в баркас и вздрогнула, когда поняла, что он держался более чопорно, чем обычно, а его руки

были сжаты. Элинон проглотила смешок и извинилась перед молодым человеком, который все еще был мрачен. Она наклонилась и запустила пальцы в теплую воду, наблюдая за тем, как силуэт «Афины» растет. Когда они подплыли к ней, девушка подумала о том, что они могли бы поужинать, и как приятно было бы одеть новое платье.

Но, когда она добралась до постели, она нашла письмо, плотную толстую бумагу, запечатанную черным воском, лежащую на грубом, слегка сморщенном одеяле. Она бросила свою посылку на кровать и взяла послание. Ее имя было написано на сгибе.

Она не могла разглядеть печать в тусклом свете лампы, поэтомухватила письмо в большую каюту, где запах жареного цыпленка и розмарина обещал вкусный ужин, и поднесла бумагу к окну, чтобы поймать затухающий солнечный свет, когда солнце начало опускаться, как ярко-оранжевый мяч, за горизонт, который был похож на якорь, но был слишком размыт, чтобы разглядеть полностью. Она повернула его и снова посмотрела на свое имя. Почерк она не узнала, ее семья не знала, где она, но кто еще ей пишет?

Она сломала печать и развернула письмо. Послание на гладкой изогнутой медной пластине не совпадало с подчеркиком на внешней стороне конверта. Элинон была настолько поражена красотой подчеркика, что пробежав глазами половину послания, поймала себя на мысли, о том, что она не понимает содержания. Девушка начала заново, читая медленнее. По мере того, как слова доходили до нее, пальцы онемели, и она знала, что все еще держит послание только потому, что видит, как ее побелевшие пальцы держатся за него. Она стояла, глядя на слова, не читая их целую минуту, прежде чем снова прочесть все это, все еще едва понимая послание.

Она услышала, как открылась дверь.

— Ах, мисс Пемброук. Вам понравилась прогулка? — спросил Рамси, снимая шляпу и кладя ее на маленький шкаф между кушетками.

— Капитан, — сказала Элинон и, увидев его лицо, поняла, что она говорила так тихо, он не мог ее услышать, поэтому она громче повторила: — Капитан, какой из этих кораблей

«Славный»?

Рамси начал расстегивать пиджак.

— Это корабль капитана Кроуфорда. Почему вы спрашиваете?

Она протянула ему письмо.

— Потому что мне было приказано немедленно явиться туда.

Глава тринадцатая, в которой обстоятельства Элинор меняются не в лучшую сторону

Рамси недоуменно уставился на нее. Он выхватил письмо из ее рук и молча прочел его. Она могла точно сказать, когда он закончил, потому что его глаза на несколько секунд остановились где-то в центре страницы. Элинор вынуждена была перевести дыхание, потому что бесстрастный взгляд на его лице был намного страшнее, чем ярость.

— Капитан? — позвала она.

Рамси сунул ей письмо и вышел за дверь, крича:

— Херви!

Элинор бросилась за ним, смятая бумагу в руке, и ее толстые складки врезались в ладонь. Она бегом поднялась по ступенькам, почувствовав, как ее волосы коснулись пальцев, и свободной рукой дернула их так сильно, что скальп вспыхнул болью.

— Капитан Рамси, что мне делать?

Рамси обернулся, положив руку на бизань-мачту.

— Оставайтесь здесь, пока я разберусь с этим, — ответил он. — Мистер Бомонт, сядьте за стол. Мистер Херви, Адмиралтейский дом.

Стратфорд с широко открытыми глазами и ртом схватил Рамси за талию и скрылся. Бомонт, изумленный, как и Стратфорд, но лучше скрывая это, позвал:

— Мисс Пемброук?

Элинор попыталась разгладить скомканную бумагу, затем протянула ее Бомонту, который читал медленнее, чем Рамси. Единожды он взглянул на Элинор, прежде чем дошел до конца.

— Я не знал, что вы подчиняетесь таким приказам.

— Я тоже, — сказала Элинор, — но, полагаю... мне казалось, что Первый Лорд рекомендовал находиться под командованием капитана Рамси, и я подумала, что это значило... мистер Бомонт, неужели мне нужно будет покинуть «Афину»?

Бомонт пожевал нижнюю губу.

— Не волнуйтесь. Майлз не позволит этому случиться, — он не выглядел уверенным, несмотря на сказанное. — Почему бы нам не пойти поужинать?

— Без капитана?

— Он настоял, чтобы все было как всегда. Я не стал бы идти против его указаний, какой бы ни была ситуация.

К ним присоединились Селкирк и лейтенант Фитцджеральд, но с отвлеченным Бомонтом и нервничавшим в присутствии Элинор Фицджеральдом ей оставалось беседовать с Селкирком, который, казалось, не замечал напряжения, испытываемое Элинор. Его Проницательность может быть или не была сильной — он никогда не был настолько невежливым, чтобы комментировать свое эмоциональное состояние после того, как она впервые взяла его под руку, — но его наблюдательность была удивительно плоха для всех, хотя он считал себя знатоком человеческих сердец. Мужчина увлекся болтовней, не замечая, неполных и отвлеченных ответов Элинор.

Она взяла в руки кусок жареной курицы, а он заговорил о чем-то, связанным с кошками или черепахами. Запах розмарина вызвал отвращение. Это напомнило о письме, ей пришлось бы отказаться от всего знакомого и дорогого.

Удивление пронзило ее сознание, насколько она полюбила «Афину», стесненную и темную. Она даже любила страшный запах рома, который пронизывал корабль, когда они открыли новый ствол, чтобы смешать очередную партию грога для мужчин. Мысли обо всех вещах, которые она любила, о корабле, заставили ее рассердиться. Она сражалась и убивала за «Афину», и теперь адмирал Даррант хотел отобрать корабль у нее? Девушка была почти уверена, что указания Первого Лорда не давали Дарранту право назначать ее в другое место. Рамси должен поставить его на место. Это была бы ужасная ошибка.

— Мисс Пемброук, я могу соблазнить вас еще одним кусочком курицы? — Селкирк положил больше мяса на тарелку, не дожидаясь согласия. Она слабо улыбнулась ему и попыталась поесть, но пища на вкус была горькой и слишком соленой, как слезы. — Вы не в духе, дорогая. Может быть, я могу позже почитать вам? Мы так и не закончили эту книгу проповедей Кэтринга, которую вы так любили.

— Благодарю вас, мистер Селкирк, но я думаю не сегодня. Боюсь, что из-за солнца у меня разболелась голова, — солгала Элино́р. Фактически, она чувствовала себя удивительно энергичной, учитывая, что ее желудок сводило от беспокойства. Снова пахнет розмарином. Она схватила апельсин и начала снимать кожуру, держа ее близко к лицу и глубоко вдыхая запах цитрусовых.

— Вы ужасно несчастны, мисс Пемброук. Может, вам стоит сходить к доктору Хэйсу?

— Я считаю, что отдых — это все, что мне нужно. Спасибо.

— Тогда позвольте мне принести вам лимонную воду, чтобы промокнуть лоб. Она творит чудеса с головной болью и успокаивает даже самых нежных...

— Мистер Селкирк, — ответила Элино́р, не в силах себя контролировать, — я не желаю ни лимонной воды, ни доктора Хейса, ни чего-либо кроме комфорта моей кровати. Я прошу вас, не беспокойтесь.

— Понятно, — сухо сказал Селкирк. — Я прошу прощения за свое неуместное внимание, — он положил салфетку и встал из-за стола. — Я иногда слишком заботлив, когда меня волнуют те, кто мне близок, но вижу, что моё внимание не выносимо для вас.

— Мистер Селкирк... — она чувствовала на себе взгляд всех присутствующих в комнате и хотела растаять, как воск от свечи.

— Нет, вы правы, мисс Пемброук, я не могу предложить вам что-нибудь, что облегчит ваши страдания, — он небрежно поклонился и подошел к двери, закричав от удивления и боли, когда та стукнула его по лицу.

— Прошу прощения, — сказал Рамси совсем не покаянно. Голос его был ровным, без эмоций. Но Селкирк, положив ладонь на руку Рамси, когда тот потянулся, чтобы успокоиться, выдохнул, дернулся и выбежал из большой каюты, будто его ударило воображаемой железной дверью.

Рамси осторожно закрыл за собой дверь и постоял немного, глядя на свою ладонь на дверной ручке.

— Капитан, — начала Элино́р.

— Вы должны собрать вещи и немедленно явиться на «Славный», — сказал он, — я имею в виду, после ужина. И это уступка — единственное, на что у меня хватило власти.

Капитан подошел к столу и тяжело опустился на стул.

— Но это чудовищно несправедливо! Капитан...

— Мисс Пемброук, — произнес Рамси все еще ровным тоном, — вы подчиняетесь приказам, как и все мы. Адмирал Даррант решил, что вам лучше служить флоту под

командованием капитана Кроуфорда. «Славный» должен быть укомплектован отрядом Поджигающих, вы и еще три человека, для миссии, которую адмирал не счел нужным обсуждать со мной. Последние полчаса я спорил с ним, и все, что я сделал, это добился обвинения в неуважении и неповиновении. Итак, мы все должны исполнить свой долг, — он выплюнул последнее слово, словно выплюнул песок.

Элино́р посмотре́ла на людей, стоящих вокруг стола.

— Но я уверена, что это не то, чего хотел Первый Лорд, — сказала она.

— Я тоже, но ничего не могу поделать, пока Уайтхолл не проснется. Артур, я хочу, чтобы вы поговорили с вашими знакомыми в семь часов — это должно дать им время выпить утренний кофе. Мистер Фицджеральд, найдите мистера Херви и скажите ему, чтобы он был готов к встрече, которая у меня назначена. Мисс Пемброук... — Рамси взял ее за руку и взволнованно сжал, почти причиняя боль. — Я решу это. До тех пор, ну, Кроуфорд может быть ослом, но он не плохой капитан, и уверен, что он будет относиться к вам хорошо.

— Ваше лицо говорит о том, что это ложь, — ответила Элино́р.

Он отпустил ее.

— Что я должен вам сказать? Я понятия не имею, куда Кроуфорд собирается или какие указания ему дал адмирал Даррант. Я даже не знаю, понимают ли они ваши возможности!

— Я уверена, что смогу вынести все, что это новое... приключение... принесет, — произнесла Элино́р с кривой ухмылкой, и он горько засмеялся.

Элино́р отодвинула стул подальше от стола, побуждая мужчин встать, и Рамси спросил:

— Вы уже закончили?

— Я нахожу, что не так уж хочу есть, как должна была. Прошу меня извинить, джентльмены.

Рамси выглядел так, будто хотел возразить, и Элино́р пришлось бежать в свою комнату, потому что могла расплакаться.

Она закинула свой потрепанный чемодан на кровать и бросила в него одежду, включая новое платье, все еще обернутое бумагой. Посмотрела на свое вечернее платье, провела пальцем по розовой фигурной белой марле на темно-розовом шелке и оставила его висящем в шкафу, как обещание, что она вернется. Затем потушила фонарь и вернулась в большую каюту, где Рамси сидел один, поедая курицу и отварной картофель так, как если бы они были вражескими кораблями, которые он мог рассекать и потреблять.

— Я... лодка готова?

Рамси кивнул, не поднимая головы.

— Вы возьмете мою шляпку. У рулевого есть приказ. «Славный» не далеко. Полагаю, адмирал ожидает, что вы отправитесь утром.

Элино́р опустила свой чемодан.

— Тогда почему они не могут позволить мне остаться на ночь?

Рамси положил нож и вилку на свою тарелку, аккуратно перекрестив их, и, наконец, посмотрел на нее.

— Подозреваю, что это все из-за силы, — сказал он тихим голосом, словно боялся подслушивающих устройств. — Ваши действия убедили адмирала Дарранта, что он нуждается в вашем очень ценном таланте, и он не хочет, чтобы я принимал всю его славу, когда его племянник — да, Кроуфорд его племянник, — может принести пользу. Этот «Поджигающий союз», который он предложил, звучит благородно и тактически звучно, но на самом деле, это повод для продвижения интересов Кроуфорда и, кстати, дать мне

метафорический оттенок в глазах. Мисс Пемброук, я искренне приношу извинения за то, что вы оказались в политической битве.

— Я не понимала, что я пешка, — сказала Элинор, поворачиваясь к окну. Солнце зашло полностью, и воздух был темно-синей дымкой, смешанной с темной синевой воды. — Я думала, имея столько власти, что у меня есть некоторый контроль. Но я вижу, насколько была наивна.

— Я боюсь, что Первый Лорд намеревался сделать все это. Клянусь вам, мисс Пемброук, я верну вас на «Афину», если это будет в моих силах.

— Я верю вам, капитан.

Он снова рассмеялся коротким, горьким смехом.

— Кто-то должен, — Рамси отодвинулся от стола и подкинул ее чемодан в воздух. — Могу я сопроводить вас на шлюпку, мисс Пемброук?

Она взяла его за руку и, как будто пошла на похороны, поднялась по лестнице и проследовала через палубу, может быть в последний раз. Моряки вышли из глубины нижней палубы и толпились близко к тому месту, где был открыт попутчик, с серьезными лицами. Шепот перешел в полный голос, а затем люди прощались. Элинор не могла остановить себя, проливая слезы, пытаясь удержаться от потопа.

Она повернулась и помахала, когда шлюпку опустили в воду. Теперь они кричали: «Гип — гип ура», и рулевой и экипаж карабкались за борт, затем сам Рамси помог ей сесть в кресло боцмана, и ее опустили в лодку. Она решительно смотрела вперед, на этот раз не из страха, а потому, что не смела посмотреть на друга, которого покидала. Элинор заняла свое место, ее чемодан был уложен, и гребцы начали плыть с длинными, гладкими взмахами весел, доставляя ее к новому судну, которое никогда не станет ее домом.

Корабли в новой, частично законченной гавани, были видны мерцающими огнями высоко над поверхностью океана.

— Хо-хо, лодка, — кто-то крикнул с первого.

— «Афина», — ответил рулевой, но шлюпка капитана не замедлилась. Элинор наблюдала за ними, когда лодка скользила мимо каждого мерцающего созвездия, думая: «Это тот, а затем, нет, этот,» — когда проплыли мимо первого.

После того, как они пропустили три корабля, каждый из которых окликнул их и получил тот же ответ, гребцы повернулись к огонькам более многочисленным и расположенным выше, чем другие, огонькам, которые превратились в корабль, намного больше, чем «Афина» с надписью «СЛАВНЫЙ». Едва различимый в сиянии от кормовых фонарей.

— Привет, лодка! — позвал кто-то.

Гребцы подтолкнули лодку к корпусу, и один из них крикнул:

— «Афина» возле «Славного»!

Через мгновение на них опустилась тень головы.

— Кто здесь?

— Мисс Пемброук с «Афины» хочет попасть на борт!

— Подожди немного, — голова исчезла.

Элинор подняла голову, чтобы уклониться от летящего пучка, который приземлился на сиденье рядом с ней: кресло боцмана. С помощью гребцов она распутала веревки и устроилась. Когда кресло дернулось, и ее потянули вверх, она закрыла глаза и глубоко вдохнула теплый соленый воздух, наполненный уже знакомым запахом смолы и лака, и еще

более отдаленно — затхлый запах влажного полотна. Это было временно. Рамси должен был вернуть ее на «Афину», и Даррант будет поставлен на свое место. Она сможет выдержать несколько дней или неделю.

Она вовремя открыла глаза, чтобы увидеть рельс и сетку, полную скатанных холстов, затем оказалась над палубой и вышла так же легко, как если бы каждый день сидела на стуле Боцмана.

— Добрый вечер, — поздоровалась девушка с матросами, в полосатых рубашках и коричневых брюках.

Запах «Славного» отличался от запаха «Афины», хотя Элино́р не могла полностью осознать это из-за того, что кто-то готовил капусту где-то внизу. Вся верхняя палуба не была видна. За три шага по обе стороны от правого борта и вдоль него виднелся кварталдек с колесом, расположенным в центре перед бизань-мачтой. Палуба была тихой, почти пустой, за исключением горстки моряков, которые подняли ее. Все остальные ужинали. Теперь эти люди стояли в полукруге вокруг нее, переступая и глядя, как будто они никогда не видели женщину раньше.

— Не могли бы вы, пожалуйста, отвести меня к капитану Кроуфорду? — спросила Элино́р и вспыхнула, дежа-вю, когда она вспомнила, как тот же самый вопрос задала на «Афине» несколько недель назад.

Мужчины обменялись краткими взглядами, и, как только Элино́р решила, что каждый из них пытался передать неприятную задачу кому-то другому, лейтенант быстро спустился с кварталдека, немного запыхавшись.

— Прошу прощения, — извинился он, — мы не ожидали вас так скоро.

Элино́р вспыхнула. Он настаивал на том, чтобы разрушить ее жизнь, но был не готов к ее приезду? Это был еще один способ, которым Кроуфорд навязал ей свою власть.

— Капитан Кроуфорд? — уточнила она, не заботясь о вежливости. Лицо лейтенанта покраснело. Он взмахнул шляпой и показал, что она должна следовать за ним.

Палуба сильно напоминала «Афину».

«Сколько времени мне понадобится, чтобы прекратить сравнивать этот корабль с ней?

Как долго я здесь пробуду?»

Но вход в каюту капитана располагался дальше, чем на «Афине», и дверь была менее искусно обработана. Элино́р смутно чувствовала удовлетворение от превосходства «Афины». Лейтенант послал предупредить дежурного морского пехотинца и постучал в дверь большой каюты, но не получил ответа. Украдкой взглянув на Элино́р, он постучал еще раз.

На этот раз Кроуфорд распахнул дверь и крикнул:

— Какого дьявола... — прежде чем узнать ее. — Вы, — сказал он менее сердито. — Полагаю, вы должны войти, — он повернулся и пошел, не дожидаясь ее. Элино́р закрыла за собой дверь. Кроуфорду она не нравилась раньше, и она не нравилась ему еще больше, когда он стал исполнителем плана Дарранта.

— Капитан Кроуфорд, — начала она, Кроуфорд перебил ее: — мисс Пемброук...

— Пожалуйста, продолжайте, капитан, — сказала Элино́р. — Я уверена, что вы ответите на все мои вопросы.

Кроуфорд растянулся на угловом трехстороннем диване под окнами. Главная каюта была больше, чем на «Афине», хотя ее окна были такими же, и стены оставались пустыми, за исключением мечей капитана, висевших на правой стороне у раздвижной двери четвертой кабины. Остатки ужина капитана были на столе. Он ел один, но по количеству оставшихся

блюдо Элинора догадалась, что он поглощал пищу за двоих. То, что он оставался подтянутым, было тайной.

Капитан был привлекательным мужчиной, с прекрасными, сильными скулами и четко очерченным ртом, с прямым носом, хотя в уголках глаз появились морщины, выгравированные на лице, а мундир обляпан пятнами жира. Элинора прекрасно понимала, чем Рамси завоевал ее сердце, в отличие от Кроуфорда. Кроуфорд мог бы быть объективно более красивым, но самоуверенность и спокойный авторитет Рамси сделали его, в целом, привлекательнее.

— Я не знаю, как Рамси мирился с женщиной на борту, -

пробормотал Кроуфорд, затем громче добавил: — Я ожидаю, что вы подчинитесь приказам, когда их вам дадут. Здесь особого отношения не будет. Не рассчитывайте, что я предложу вам свою руку. Мне не нужны изысканные наряды на моем корабле. Вам будет выдана униформа, и вы с другими Поджигателями станете обедать совместно и займете койку в оружейной. Утром я объясню, что приказывал нам адмирал.

Элинора пропустила последнюю часть этой речи, потому что ее ум овладел ключевой фразой.

— Выдать мне мундир, капитан?

— Вы теперь член моей команды, и у вас, как у Поджигателя, будет своя собственная форма, что-то, что отделит вас от остальных. Приказ Дюрранта. Кроме того, вы слишком заметны в этом платье.

— Прошу прощения, капитан, но я не стану жертвовать своей благопристойностью!

— Вы будете делать то, что вам говорят или страдать от последствий, — рявкнул Кроуфорд.

— И что, скажите, за последствия будут? Капитан, вы не можете меня выпороть!

— Нет, — процедил он, его голос стал низким и злым, — но я могу заставить вас отправиться домой, уволенной без оплаты. Я не думаю, что вы этого хотите.

Элинора побледнела:

— Вы бы не поступили так.

— Поступил бы. А теперь идите в оружейную и поговорите с лейтенантом Фишером. Я ожидаю, что вы будете одеты соответственно приказу, когда увидимся утром. Свободны.

Разъяренная, Элинора молча поспешила прочь, боясь, что она, возможно, не сможет контролировать свой язык. Да, Кроуфорд наверняка отправит ее домой, если она откажется подчиниться, и Элинора начала понимать, сколько власти у адмирала Дарранта над ней. Дом, в котором нет никого, чтобы понять ее — ее репутация не может быть разрушена, но она снова окажется в ловушке медленного удушения. У нее не было выбора.

«Ох, капитан Рамси, действуйте побыстрее».

Она нашла лестницу, ведущую на нижнюю палубу, где навстречу ей поднялся шум ужина. Ступени были разрушены, стерты от лет службы, в отличие от «Афины». Но время их сгладило от прохода сотен футов, и она на мгновение остановилась, чтобы вдохнуть запах капусты и успокоиться. Она не сделала бы себе никаких поблажек, будучи сердитой и непокорной.

Элинора продолжила свой спуск медленнее, двигаясь тихо, чтобы не привлекать внимание говорящих, кричащих и смеющихся мужчин, стучащих по столам. По крайней мере, все казалось знакомым. Сейчас ужинали и команда на «Афине», а после этого должна была быть музыка. Она заставила себя не думать об этом, сосредоточить свои мысли на

изношенных досках, которые скрипели под ее весом.

В кают-компании не было двери, только большой проход, через который Элинор увидела стол и лестницу, и горстку мужчин, смеявшихся за напитками после ужина. Все замолчали и вскочили на ноги, когда она появилась на краю света от лампы над столом.

— Мисс, — произнес один из лейтенантов, не глядя на нее, — добрый вечер, мисс, — он был немного полноват, с седеющими волосами.

— Мне сказали доложить лейтенанту Фишеру, — сказала Элинор.

— Это я, мисс, у меня есть каюта для вас, и я куплю вам одну из новых униформ, — он не сдвинулся с места.

— Она сможет разделить со мной гамак в любое время, — сказал один из мужчин, не слишком мягко, своему соседу, который усмехнулся. Сердце Элинор упало. Как она прошла так далеко без угрозы нападения со стороны своих коллег?

— Благодарю вас за комплимент, сэр, — сказала она, протягивая руку, словно предлагая пожать её, — но я боюсь, что вы найдете меня... слишком теплым компаньоном, — она зажгла свою ладонь, на которой тут же вспыхнули разноцветные языки пламени и поднялись до локтя.

Мужчина выругался и опрокинулся со стула, пытаясь убежать от нее. Остальные вздохнули в унисон, издавая звук, похожий на ветер, пронизывающий паруса. Элинор поддержала огонь несколько секунд, а затем потушила его.

— Мистер Фишер, кажется, вы упомянули каюту?

— Ох, — произнес Фишер, его глаза были широкими, как пластина в левой руке, и сделал жест руками, который Элинор интерпретировала как «следуй за мной». Он открыл одну из дверей, которая была на самом деле прямоугольником холста криво висящего в рамке и показывающее пространство, в котором была только «голова» в углу, и гамак в комплекте, и небольшой неосвещенный фонарь, свисающий с потолка. Элинор перевела дыхание.

«Я не смогу спать в гамаке».

Она открыла рот, чтобы возразить, вспомнила довольную, злобную улыбку Кроуфорда и снова закрыла его.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Я удивлена, что вы держите запасную одежду на борту. Я полагала, что мужчины должны были обеспечить себя.

— Ох, нет, мисс, капитану очень, э-э, нам дали мундиры, для Поджигающих, — ответил Фишер. — Я скоро вернусь, мисс, — он закрыл дверь, оставив Элинор в темноте.

Вздыхнув, она снова зажгла огонь и зажгла фонарь, чье прозрачное стекло пропускало более яркий свет, в отличии от того, к которому она привыкла. Руками она ощупала гамак. В потолке был еще один крючок на некотором расстоянии от первого, и, стоя на цыпочках, она едва могла дотянуться до него.

Она принялась расстегивать и распутывать кусок веревки и полотна, пока гамак не свис со своего крючка, тугой, как парус, когда воздух неподвижен. Элинор подняла средний холст, который был жестким и тяжелым, и выглядел не очень уютно, потом нашла конец веревки и попыталась перекинуть их через второй крючок.

«Я не верю, что когда-нибудь смогу его повесить, я сверну его обратно в эту связку. И капитан Кроуфорд не оказал никакого особого обращения. Интересно, насколько моя неприязнь к нему увеличится?»

Фишер толкнул дверь ногой. Он принес ворох одежды, поверх нее лежала пара

неуклюжих ботинок и бесформенная широкополая шляпа, на которую Элинор с отвращением посмотрела.

— Вот, пожалуйста, мисс, — сказал он, сунув кучку Элинор. Затем заметил клубок гамака и просветлел. — Вам нужна помощь?

— Не могли бы вы, мистер Фишер? Я сделала все, что могу, но боюсь, что это первый раз, когда я вешаю гамак.

Фишер показал ей, как связать безопасный узел и прикрепить его к крючку.

— Я помогу вам уложить его утром. Ещё что-нибудь?

— Нет, благодарю вас, мистер Фишер, — он стал уверен, когда дело касалось морских вопросов. Может быть, он мог бы подумать о ней, как о несчастном, неуклюжем человеке — теперь она была всего лишь оружием, частью арсенала «Славного», как и его пушки. -

Доброй ночи.

Фишер кивнул и закрыл за собой дверь. Элинор положила на гамак свою грудку новой одежды, которую быстро развернула и бросила на пол. Вздохнув, подняла их по одному и осторожно положила на полотно. Казалось, что ее мундир являл что-то среднее между костюмом офицеров и формой мичмана. Девушка почувствовала презрение Дарранта к Поджигающим в решении сделать их ни тем, ни другим.

Были брюки, а не штаны, как у лейтенантов. Белая рубашка, более тонкая, чем она ожидала. Жилет, который, вероятно, окажется слишком большим. Туфли, которые были явно слишком большими. И, разумеется, огромная шляпа, с бесформенными очертаниями и внутренняя часть полей изъеденных, как она надеялась, соленой водой. Она подобрала ее и не обнаружила ни вшей, ни гнид, ни другой фауны, которая могла бы переселиться на ее голову. Поскольку Элинор забыла свой зонтик на «Афине», а Кроуфорд, несомненно, запретил бы ей использовать его в любом случае, этого было бы достаточно.

Там было и тонкое красное шерстяное одеяло, которое доходило до прозрачности местами, и подушка, на которой ползали нежелательные существа. Она отбросила её в сторону, задаваясь вопросом, есть ли способ сжигать насекомых, не портя подушку.

Она сложила новую одежду так аккуратно, как могла, потом выскользнула из платья и сорочки и надела ночную рубашку перед тем, как застелить свою постель. Затем обратила свое внимание на гамак... Полотно было изношено, но (когда она провела носом вдоль него, понюхав) мочей или еще что-нибудь неприятным не пахло.

Она глубоко вздохнула, повернулась спиной к гамаку, взяла веревки с обеих сторон и попыталась залезть в него. Она перевернулась через него, и соскользнула, тяжело приземлившись на ноги, ночная рубашка, разорвалась на ней. Элинор выпрямилась и попыталась снова. И опять. Потребовалось дюжина попыток, прежде чем она удержалась, прыгнула и оказалась в колыбели холста, а затем снова выпала, когда она попыталась повернуться боком.

Через десять других попыток она обнаружила, что осторожно лежит в гамаке, а ноги свисают с края. Медленно, боясь, что гамак поймет, что она делает, и снова скинет ее, она подтянула ноги и осталась неподвижной, отдохнув нескольких минут и не упав.

Затем осознала, что оставила одеяло в углу.

Она глубоко вздохнула, подождав пока ее расстройство и гнев уйдут, затем выкатилась из гамака, достала одеяло и без проблем вернулась на свою новую кровать. Мысль о том, что она смогла справиться с тем, что, несомненно, является второй природой даже для самых грубых моряков, ослабило ту ярость, от которой она не могла избавиться. Девушка

сдвинулась на один дюйм, пока полностью не оказалась в гамаке и накрылась одеялом. Движение корабля придало гамаку нежное качание, более заметное, чем у кровати, что было, на самом деле, довольно приятным.

Она лежала, слушая шепот и смех офицеров возле ее двери, вдыхая знакомый запах теплого влажного дерева, который характеризовал палубу на «Афине», слезы, с которыми она боролась весь вечер, скользнули по ее щекам. Она безжалостно вытерла их. Это было временно. Рамси решит это. Он мог бы даже решить эту проблему до того, как «Славный» отправится в плавание утром. Но, предположим, что нет? Предположим, что Первый Лорд его не увидит? Слезы покатились сильнее. Она ненавидела свою слабость. Плач ничего не решит. Один корабль был очень похож на другой, и она могла использовать свой талант против врага независимо от того, на каком корабле оказалась. Элинон и Кроуфорд могут даже стать друзьями.

Ей нужно было перестать лгать самой себе.

Девушка погасила фонарь и лежала в теплой темноте, наслаждаясь движением гамака и непонятым бормотанием голосов, которые были так же хороши, как колыбельная, и, в конце концов, уснула.

Глава четырнадцатая, в которой Элинор больше не единственная Поджигающая

Звук колокольчиков и топот бегающих ног разбудил Элинор, ей пришлось ухватиться за гамак, чтобы не упасть на пол. Кто-то стукнул о стену рядом с дверью.

— Завтрак! — позвал мужчина.

Элинор зажмурилась, чтобы избавиться от смятения. Она на «Славном», куда назначена в команду Кроуфорда. Девушка должна была надеть брюки. Она выкатилась из гамака, немного спотыкаясь, и зажгла фонарь. Нет, это не был ночной кошмар. Она все еще была в своей крошечной каюте на «Славном».

Она сняла ночную сорочку и оделась в новую одежду. Застегивать молнию брюк было сложнее, чем она себе представляла, но кроме этого, мужскую одежду оказалось гораздо легче надеть, чем платье, и, конечно же, легче, чем пытаться влезть в нижнюю рубашку.

Она надела шляпу на голову, обула ботинки — те, что Фишер передал ей, будто ноги зажали в кожаные коробки, — и постояла немного с закрытыми глазами, пытаюсь расслабиться. Грудь сдавило тяжелой тканью слишком большого жилета, ноги, выставленные на всеобщее обозрение, — она почувствовала себя униженной. Это было частью плана Кроуфорда, чтобы держать ее слабой, чтобы она была более восприимчива к его приказам? Ей захотелось выйти из каюты в своей одежде. Она потерла ладони о ноги, обтянутые грубой, толстой тканью, которая была, конечно, сделана не из ее нижнего белья, и, сделав еще несколько глубоких вдохов, открыла дверь.

Утром было меньше офицеров, чем прошлой ночью, и только половина из них взглянула на нее. Один из них молча предложил ей миску и протянул большую ложку, лежащую в горшке с густой овсяной кашей. Раньше она никогда не пробовала этого, хотя видела, как мужчины едят на борту «Афины». Элинор положила себе маленькую порцию, и была очень удивлена, когда тот же самый человек зачерпнул большую ложку из горшка.

— Позже вы проголодаетесь, — произнес он грубым голосом, сел и начал заталкивать кашу в рот, как бы опасаясь, что кто-то может попытаться отобрать у него.

Элинор села и начала есть более изысканно. Это была клейкая и мягкая, слегка солоноватая, усеянная кое-где шелухой, превратившаяся от длительной варки в пасту, каша. Она съела и постаралась не думать о завтраке, который был у нее на «Афине», и решила, что никогда не находила антагонизм Дольфа в неприязни. Тишина, в которой эти люди ели, была гнетущей, и ей было трудно поглощать пищу.

Когда в миске осталось всего несколько ложек, Фишер появился в дверях и сказал:

— Мисс Пемброук, капитан хотел бы видеть вас сейчас.

Элинор с благодарностью оставила свою миску и последовала за ним вверх по лестнице на главную палубу, где их встретил пожилой мужчина в очках, прикрепленных к ленте, которая крутилась вокруг его шеи и спускалась сверху. Он взглянул на Элинор сверху вниз, нахмурив брови, затем пожал плечами и толкнул Фишера вперед, чтобы войти в большую каюту перед ними.

Это было серое утро. Солнечный свет, рассеянный тяжелыми облаками, слабо проникал в большую каюту, которую тускло освещали фонари. Кроуфорд сидел на трехместном диване так же, как и накануне вечером, словно никогда не покидал его. Перед ним стоял низкий столик, на котором лежали документы, капитан подписывал некоторые из них и сортировал

в аккуратные стопки на сиденье справа от него. Он проигнорировал их появление, и Фишер не пытался привлечь его внимание, поэтому Элинор предположила, что он знает об их присутствии и просто демонстрирует свою власть.

Элинор украдкой наблюдала за пожилым мужчиной, который подошел к окну и смотрел вдаль, сложив руки за спину. Может ли он быть другим Поджигающим? Ей еще предстояло встретиться с ним лично. Столкновение с кем-то в бою не считается. Волосы мужчины были седыми и спускались со лба, создавая образ кита, поднимающегося из глубин. Он был одет в такую же темно-серую одежду, как и Элинор, но его жилет застегивался на одну пуговицу.

Дверь снова открылась, впуская еще двух мужчин одетых, как и Элинор. Один был моложе ее со спутанными ярко-рыжими волосами, спадающими на спину. Девушка еле удержалась от того, чтобы предложить ему расческу. Другой был полнее и старше, с массивными челюстями и каштановыми бакенбардами, которые практически закрывали его рот. Они оба уставились на Элинор, хотя юноша быстро отвернулся, а пожилой человек поджал губы. Она настороженно смотрела на него. Он выглядел и двигался, как человек с такой самоуверенностью, что ему даже в голову не приходило, что кто-то может не согласиться с его мнением. Он считал, что у него есть право делать всем замечания, которые всегда были, неизменно истинными. Элинор знала, что держится с достоинством. Она научилась этому от отца.

— Ну, — сказал Кроуфорд, наконец, подняв голову, — давайте посмотрим на вас.

Старик отвернулся от окна и поправил очки на носу, но не сделал ни единого движения, чтобы присоединиться к ним. Кроуфорд не обратил на это внимания.

— Адмирал Даррант думает, что вы четверо лучшие, и он назначил вас на этот корабль в качестве эксперимента с новой тактикой, — капитан встал и прошелся мимо, чтобы дотронуться пальцем до ножи одного из мечей на стене, затем повернулся лицом. Элинор не сводила с него взгляда, но знала, что внимание пожилого человека по-прежнему сосредоточено на ней, и это заставило ее нервничать.

— Он тебе не отец, — сказала она сама себе, — он не имеет власти над тобой. Он всего лишь еще один Поджигающий, и даже не Необычный.

— Наш флот создал систему секретных агентов в городах на всех островах, которые, как мы считаем, являются пиратскими, — продолжил Кроуфорд. — Каждый из этих Ораторов имеет прямую связь с Адмиралтейским Домом, чтобы сообщать о прибытии любого пиратского судна, а также любую информацию, которую он может собрать об ее экипаже, оружии и, при удаче, о слабых сторонах. Отчеты будут переданы на этот корабль, чтобы мы могли преследовать любые цели, которые наиболее желательны. Вы четверо должны быть готовы разбить врага под руководством Фортескью, — он махнул рукой в сторону пожилого джентльмена, и сердце Элинор заколотилось еще сильнее. — Я ожидаю, что вы будете следовать его указаниям и не будете тратить мое время на встречи и разговоры с моими офицерами для какой-либо помощи. Есть вопросы?

Он не говорил так, будто действительно приветствовал вопросы, но рыжий парень поднял робко руку и спросил:

— Капитан, мы должны уничтожить все корабли?

— Тэтчер, у вас какие-то проблемы?

Тэтчер сглотнул и покачал головой.

— Нет, но мой предыдущий капитан хотел трофеев и...

Кроуфорд сказал:

— Я скажу Фортеस्कью, когда нужно будет взять трофей. Адмирал Даррант решил, что пришло время послать более сильное послание этим паразитам, поэтому чаще всего мы будем сжигать корабли до ватерлинии. Еще вопросы? — все молчали. -

Очень хорошо. Фортеस्कью, отведите своих людей в оружейную комнату и объясните им свою тактику. Через пару часов мы отплываем с приливом.

Два часа. У Рамси еще оставалось достаточно времени, чтобы освободить ее. Рыжий Тэтчер отступил, чтобы пропустить Элинора, но пожилой мужчина практически отпихнул ее, словно ее там не было. Она прошла за ним и Фортеस्कью обратно в оружейную и села за стол, изящно скрестив руки на коленях и держа спину прямой, подбородок был высоко поднят. Остальные последовали за ней. Ее можно заставить одеваться как мужчина, но она все еще должна вести себя как подобает истинной леди.

— Надеюсь, вы все понимаете, что я почувствовал, узнав, что мне оказали честь, назначив вашим лидером, — произнес Фортеस्कью, улыбаясь с притворным смирением. — Я уверен, что любой из вас был достоин занять это место. Но случилось именно так, и я ценю ваше уважение к моему назначению.

— Перестань трепаться и переходи к делу, — сказал старик, его шотландский акцент был достаточно понятлив, чтобы Элинора могла понять. — Ты главный, мы куклы, так что расскажи нам, что делать.

— Если вы так считаете, Росс, но я бы предпочел думать о нас, как о коалиции равных.

Росс фыркнул и хмуро посмотрел на поверхность стола. Улыбка Фортеस्कью не дрогнула.

— Поскольку никто из нас раньше не работал вместе, я предлагаю начать с того, чтобы поделить своими сильными сторонами. Мой диапазон поджигания составляет полторы тысячи футов, я могу сжечь площадь в три сотни квадратных футов, и я могу поддерживать свой талант в течение получаса, прежде чем исчерпать себя. Росс?

Росс снова насупился и снял очки. Он вытащил кончик рубашки и стал их полировать.

— Двенадцать сотен футов, площадь пятьсот квадратных метров, двадцать минут.

Элинора и Тэтчер переглянулись.

— Я... — Тэтчер наклонил голову. — Я могу достичь двух тысяч футов и думаю, что мой диапазон около пятисот. Обычно я ослабеваю примерно через час.

Элинора глубоко вздохнула. На самом деле, это было довольно захватывающе, обсуждая ее талант с... коллегами, должно быть.

— Боюсь, я могу вас огорчить, — сказала она. — Я не уверена в степени своего таланта. Я знаю, что мой диапазон составляет, по меньшей мере, две трети мили, и я еще никогда не уставала от огня. И область, которую я могу поджечь... Какая длина главного паруса наверху?

Выражение лица Фортеस्कью стало пустым, а его лицо словно окаменело.

Тэтчер ответил слабым голосом:

— Это около одиннадцати сотен квадратных футов.

— Тогда это, по крайней мере, очень много. Опять же, я прошу прощения, господа, но я сражалась только в четырех битвах на сегодняшний день. Надеюсь, не буду слишком тяжелым бременем.

«И надеюсь, я не буду драться рядом с вами».

— Мы... сделаем скидку на вашу неопытность, Пемброук, — процедил Фортеस्कью. Он откашлялся. Росс фыркнул, ухмыльнувшись. — Я думаю, мы понадеемся на ваш талант в

тушении пожаров, чем начинании их, во всяком случае. Наша тактика проста: прямые огни на палубу — и матросы впадают в панику, сжигаем паруса, если их не облили...

— Прошу прощения, мистер Фортескью...

— Просто Фортескью, Пемброук. Давайте, будем обращаться друг к другу по-простому.

— Очень хорошо... Фортескью... Я прошу прощения, если это глупо прозвучит, разве вы не можете поджечь обработанные паруса?

Фортескью подарил ей покровительственную улыбку, которая почти заставила ее отшатнуться, как это походило на ее улыбку отца.

— Цель обработки парусов — помешать нам сжечь их, Пемброук. Вы знаете, у нас есть пределы. Даже у вас.

Элино́р взвесила про себя слова о том, что их тактика была настолько сильной, насколько это возможно, против оскорбительно тщеславного взгляда и заметила:

— Вообще-то я сжигала обработанные паруса. Это требует определенных усилий, но результат очень радует.

— Это невозможно, — сказал Фортескью.

Элино́р ласково улыбнулась ему.

— Я бы вряд ли сделала такое заявление, если бы не смогла доказать это, не так ли? Если вы предоставите нам полотно и некоторые из антипиренов, я смогу продемонстрировать это.

Фортескью выглядел так, будто он съел что-то горькое в слишком большом количестве.

— Я хотел бы, чтобы вы это показали, — ответил он. — Конечно, я не сомневаюсь в вас, но это кажется маловероятным. И я сражался в гораздо большем количестве битв, чем вы, моя дорогая.

«Хах. Эта «коалиция равных» для вас более удобна, не так ли?»

— Конечно. И, если я смогу научить вас этому секрету, это даст нам еще одно оружие, от которого они не могут защищаться, правильно?

Желчь в слишком большом количестве пыталась вылиться из Фортескью.

— Действительно. Но я надеюсь, что вы, Пемброук, сосредоточитесь на тушении пожаров и защите корабля. Сгоревшие паруса вторичны. Ваш... уникальный талант будет нашим секретным оружием.

— Я понимаю, Фортескью.

Итак: Тэтчер неуверенный, Росс угрюм, а Фортескью высокомерен. Элино́р прочитала молчаливую молитву о том, чтобы Рамси спас ее поскорее.

«Славный» покинул доки по расписанию; ни слова и ни звука ни от кого, связанного с «Афиной». Элино́р стояла на корме, где она едва могла видеть свой любимый корабль среди всех других в гавани, и молилась, чтобы произошло чудо, чтобы Стратфорд появился на горизонте и схватил ее, или Рамси вышел бы на палубу и потребовал ее возвращения.

Ничего не произошло.

Прошла неделя, и Элино́р ничего не услышала об «Афине». Конечно, как она могла? Стратфорд, вероятно, не знал подписи в Ограничительной комнате «Славного», и она даже не знала, кто был Оратором Кроуфорда, или, знал ли Бомонт его достаточно хорошо, чтобы поговорить с ним. Кроуфорду, конечно, не хотелось посвящать ее в свои планы. Она была просто Поджигающей, чей талант способствовал его карьере и заставил Рамси выглядеть слабым. Она забыла взять книги, а Кроуфорд не был читающим. Другие офицеры не проявляли интереса к заведению друзей, а ее товарищи Поджигающие, когда собирались,

говорили главным образом о своих талантах и практиковали огни, которые Элино́р тушила.

Элино́р проводила свое время или в узкой, душной комнате, или на палубе, пытаясь найти место, где она могла бы оказаться в стороне от моряков. В конце концов, она остановилась в пустом месте на баке возле носа, между основным снаряжением и передними крышками, и это стало ее привычным местом. Матросы, казалось, никогда не обращали на нее внимания, хотя они и ходили мимо, и она часами стояла, глядя на море, не думая ни о чем конкретно. На борту не было никаких зеркал, или, по крайней мере, ни один из офицеров не был склонен делиться с ней. Девушка видела, как ее руки становятся коричневыми, и была уверена, что лицо, несмотря на шляпу, стало таким же.

Она сказала себе, что не ждет, чтобы «Афина» проплыла за горизонтом. Через пять дней это стало правдой.

На десятый день у них была своя первая битва — легкое дело, в котором она ничего не делала, кроме того, что сбрасывала огненные шары с воздуха. Они сожгли и разрушили пиратский корабль и ушли в океан. А после того, как Фортескью начал рассказывать о событиях битвы и предлагать улучшения, Элино́р почувствовала, что ее совесть проснулась. У нее не было сожаления о гибели этих пиратов — она уже слышала некоторые из историй, о которых говорил Рамси, и они взволновали и напугали ее, но она думала, что должна хотя бы что-то почувствовать, какое-то признание того, что забрала жизни, хотя бы косвенно. Девушка отчаянно хотела, поговорить с Рамси об этом.

«Ты, вероятно, никогда не увидишь его снова», — поняла она, и эта мысль отдалась болью в груди.

В течение третьей недели они сражались еще в двух боях, первый из которых занял более трех часов и заставил Элино́р играть активную роль, когда ее коллеги достигли конца своей выносливости. Когда команде «Славного», наконец, удалось разбить грот-мачту пирата и подняться на борт корабля, чтобы убить экипаж, (приказ Дарранта состоял в том, чтобы они не брали пленных, кроме любого из лидеров Братьев, которых они могли бы найти) Элино́р была еще свежа и бодра, ее кровь пульсировала огнем, призывая превратить захваченный корабль в погребальный костер.

Затем она встретила взгляд Фортескью и чувствовала себя так, словно он ее погасил. Он был зол, ревновал и сразу смутился, хотя старался не показывать этого, у Элино́р был слишком большой опыт чтения выражений лица своего отца, чтобы знать, что происходит внутри предполагаемого командира. Она делала вид, что не видит ничего дурного, и вела себя естественно, когда обсуждала битву и как могла бы улучшить свою стратегию.

— Думаю, Пемброук должна атаковать чаще, — сказал Тэтчер, когда все собрались вокруг стола с оружием, мужчины держали кружки грога или рома. Элино́р никогда не пила. — Мы могли бы быстрее заканчивать наши битвы.

— Сегодня Пемброук отлично поработала, но я думаю, что она по-прежнему лучше подходит для защиты корабля, — ответил Фортескью, поднимая чашку за Элино́р, но, не пытаясь скрыть враждебность во взгляде. — Разве ты открыл Необычный талант, Тэтчер?

Тэтчер наклонил голову, потер руки о брюки и сказал:

— Вы правы.

Росс выпил ром парой быстрых глотков, сильно моргнул и заметил:

— Я не думаю, что мы все должны атаковать сразу. Мы можем рассчитывать на Пемброук, чтобы усилить атаку, если мы будем выжаты до того, как выиграем битву.

— Согласен. Мы будем атаковать, по очереди и, возможно, продлевать нашу

выносливость таким образом. И, возможно, Пемброук может дать нам передышку, а?

Элино́р кивнула в знак согласия, но уступка Форте́ськью не обманула ее. Он не собирался позволять ей забрать славу себе, сжигая корабли до ватерлинии. Ей было стыдно ненавидеть свои победы, потому что они сделали Кроуфорда успешным. Не важно, кто победил пиратов, потому что победа Кроуфорда была победой для флота. Но она не могла убедить себя в этом.

Четыре недели, и они испытывали недостаток в поставках, особенно в пресной воде. Кроуфорд приказал им отплыть в Порт-Ройял, что вытолкнуло Элино́р из тупой апатии, в которой она постоянно находилась. Она слышала очень много историй о бывшей пиратской гавани и о землетрясении, которое опустошило город в 1692 году и превратило его в серию островов. Королевский флот построил доки там, где они могли наблюдать за любым судном, прибывающим в Кингстон. В Порт-Ройяле флот, высоко повесив пиратов в цепях и оставив их там, где проплывающие корабли, многие из которых были пиратскими, могли видеть судьбу любого, кто поднял черный флаг против Великобритании. Было бы неплохо на час или два сойти в Кингстон, посмотреть достопримечательности, что угодно, чтобы уйти со «Славного» и, возможно, одеть платье даже на некоторое время.

— ...до дальнейшего уведомления, — говорил Кроуфорд, когда она вышла на трассу и прошла мимо рулевого колеса с рулевым. Они оба остановились и посмотрели на нее, их лица были пусты и неприветливы, но Элино́р все равно вышла вперед.

— Капитан, позвольте спросить, нам разрешат выйти на берег в Порт-Ройяль?

Кроуфорд усмехнулся:

— Что вам делать в дока́х, Пемброук.

— Кингстон. Я бы с удовольствием прогулялась по земле.

— Думаю, нет.

Его отказ был настолько резким, что Элино́р решила забыть, что он держит ее будущее в своих руках.

— Почему нет, капитан? Я не сомневаюсь, что вы позволите мужчинам некоторое время побыть на берегу. По крайней мере, вы знаете, что я не стану пьянствовать и общаться с распутными женщинами.

— Я не могу защитить вас на берегу. И я не собираюсь просить об этом ни кого из моих офицеров.

— Тогда я пойду с другим Поджигателем.

— Они тоже не захотят отвечать за вас. Вы можете остаться на корабле и играть в прятки, как всегда. Что ты ожидаешь увидеть на горизонте? Рамси приплывшего, чтобы похитить тебя?

Элино́р открыла рот.

— Прошу прощения, капитан?

Кроуфорд обернулся и отошел, заставив Элино́р следовать за ним.

— Он бы это сделал, если бы решил, что ему это понравится, — сказал он. — Он сделает почти все, если это принесет ему славу. Эгоистично с его стороны, действительно, пытаться удержать тебя на своем маленьком-премаленьком корабле.

— Это неправда. И «Афина» не маленький корабль, что бы вы ни говорили.

— Подойдите, Пемброук, вы на корабле достаточно долго, чтобы знать «Славный», его выходы и входы. Королевскому Военно-морскому флоту гораздо больше пользы от того, что вы здесь.

— Где я могу сыграть свою роль в том, чтобы покрыть вас славой?

— Меня волнует только служение королю и стране, Пемброук. Я не тот, кто безрассудно напал на эскадру шести пиратских кораблей, чтобы заставить адмирала выглядеть неудачником.

— На самом деле, все произошло совсем не так.

Кроуфорд пожал плечами.

— Я знаю Майлса Рамси уже много лет, и я уверяю вас, что его репутация в Королевском флоте — это честолюбивая, самоуверенная собачья слава, которая получена скорее удачей, чем мастерством. Считайте, вам повезло, что теперь вы служите на «Славном». Рамси мог бы погубить вас в одном из своих безумных планов.

— И я заверяю вас, капитан, — сказала Элино́р, забыв все предостережения, — что я узнаю зависть, когда вижу это. Капитан Рамси также гоняется за славой, как вы... являетесь джентльменом. Я не сомневаюсь, что его успехи на вкус похожи на пепел во рту, потому что вы знаете, что он всегда будет в десять раз превосходить вас. По крайней мере, ему не нужно было бежать к адмиралу Дарранту, как вы, ища преимущество, которое гарантировало бы вам успех, потому что ваши собственные способности были недостаточными!

Рот Кроуфорда распахнулся, и теперь он пришел в ярость.

— Ты мегера, — сказал он, — мне следовало бы тебя выпороть, и к черту последствия!

— Выпороть Необычного под вашим командованием? И в самом деле, были бы последствия!

— Убирайся с глаз моих, — прорычал Кроуфорд, поднимая руку, словно пытаясь ударить ее.

Элино́р твердо стояла и смотрела ему в глаза. Ее собственная рука сжалась в кулак. Чем спорить с командиром, она могла бы просто уйти, но, применив талант против него, это может фактически привести к тому, что ее повесят, Необычная она или нет. Кроуфорд резко отвернулся и шагнул к тафрелу, сжимая его обеими руками, как будто он собирался вырвать его и избить ее до смерти.

Элино́р, не торопясь, спустилась вниз и подошла к своей каюте, где села на чемодан и попыталась успокоиться. Она была душой. Рамси не нуждался в ней, чтобы защищать ее от этого хлюпающего, ревнивого комка. Ей удалось только навлечь на себя неприятности.

Она откинулась на тонкую перегородку, отделявшую ее каюту от другой, закрыла глаза и сосредоточилась на дыхании, вдох, выдох в такт с биением своего сердца. После нескольких вдохов она была достаточно расслаблена, чтобы впасть в задумчивость. Всплыл знакомый и утешительный образ, в котором она ужинала с офицерами на борту «Афины», и Бомон рассказывал шутку, из-за которой губы Рамси сложились в маленькую улыбку, по которой она так скучала...

Кто-то постучал в дверь.

— Пемброук! Обед!

Девушка устало встала и прибрала волосы. Некоторое время ей нужно держаться подальше от Кроуфорда. Она не могла заставить себя извиниться перед ним, но, возможно, время позволило бы им притвориться, будто ничего не было. Может быть.

После обеденного перерыва Элино́р рискнула подняться на палубу и занять свое место у правого борта. Оттуда виднелся один из маленьких островов, большинство из которых были не заселены, посреди вод Карибского моря, как зеленые бугры, как и все остатки земли в этой части мира. Дальше впереди появился еще один корабль, размером с муху, плывущую

по воде. Она огляделась. Никто, казалось, не беспокоился об этом.

— Разве мы не должны быть готовы к тому, что это пираты? — спросила она одного из матросов. Он сплюнул за борт и дружелюбно улыбнулся ей.

— Не о чем беспокоиться, — сказал он. — На «Летящем» наши цвета. Совпало, наши цифры. Капитан установил курс для них.

— Но... разве это не может быть уловкой?

— Нет, не может, — ответил он. -

Четверо, как «Славный». Может быть Сандрингем или Бретон. Мы узнаем, когда увидим такелаж. Мы остановимся и узнаем новости.

— О, — произнесла Элино́р и вернулась к наблюдению за встречным судном, стараясь не дать надежде завладеть ею. Каким бы кораблем это ни было, оно не могло чудесным образом принести приказы, которые освободили бы ее от командования Кроуфорда и вернули бы ее на «Афину», которой она принадлежала. Нет, это заняло бы час, и затем они продолжили бы путь в Порт-Ройял.

Не в первый раз она пожелала, чтобы Даррант оставил свою стратегию сбора пиратских кораблей по одному, а вместо этого пытался найти и искоренить логово Братьев. Если бы они могли уничтожить лидеров, это сломало бы оставшуюся часть пиратского консорциума, и флот мог бы легко победить остальных. И затем она могла... что она могла сделать? Отправиться домой? Получить свое вознаграждение и создать новую жизнь для себя?

Впервые она поняла, что никогда не думала о том, какой будет ее новая жизнь. Если бы Первый Лорд сдержал свое обещание, у нее была бы финансовая независимость, пусть даже в небольшом масштабе, но что еще ей оставалось? Брак на ее собственных условиях? Бизнес? Она, вероятно, наполнила бы свои часы такими же скучными делами, которые оставила дома. Нет. Она хотела большего, но что еще она могла желать, ей было нечего сказать.

Минуты прошли, и корабль скользнул ближе. Элино́р зевнула и надела шляпу. Ей хотелось вздремнуть, но инстинкт удерживал ее на корточках. Она не хотела уходить, пока не увидела, что принес с собой корабль. Теперь они были достаточно близко, чтобы видеть, как над ним взвивается британский флаг. Она наклонила голову назад и прищурилась, чтобы посмотреть на флаг «Славного». Команда подняла сигнальные флаги их королевства. Было бы интересно читать сигналы, хотя Кроуфорд, конечно, отказался бы учить ее.

Она с напряжением прислонилась к перилам и следила за приближающимся кораблем. Скоро они поднимут свои сигнальные флаги, отвечая «Славному». Вскоре... нет, это было неправильно. Они должны были немедленно послать сигналы. Но матрос сказал, что числовые сигналы верные...

Элино́р огляделась. Все еще никто не казался взволнованным. Должно быть, это ее ошибка. Даже так... Она оставила свой пост и отправилась к сходному трапу. Она могла предупредить Фортескью, что им, возможно, нужно быть готовым к нападению.

Грохот ударил с чистого неба. Элино́р упала на палубу, когда та поднялась и затрещала вокруг нее. Щепки взлетели в воздух, впиваясь в ноги и спину и запутываясь в волосах. Гром снова, и что-то пронзило ее рукав и послало укол боли в левую руку. Она поднялась в оцепенении и вырвала из своей руки шестидюймовый острый зубчик дерева и тупо уставилась на него. Ей показалось, что она под водой, ее конечности медленно двигаются, у нее все онемело и скачет пульс. Острый запах пороха заполнил ноздри.

Она подняла голову, затем пошатнулась. Вокруг нее лежали окровавленные мужчины, их рты были открыты, как будто они плакали или молили о помощи. Девушка все еще

слышала только стук своего сердца. Неприятельский корабль проплыл к правому борту, виднелись пушечные орудия, похожие на голодные пасти, некоторые из них дымились. В тишине все это казалось кошмаром, когда она очнулась.

Затем левый борт загорелся, и Элинон чувствовала себя так, как если бы проснулась, попав из одного кошмара в другой. Она затушила пламя и увидела, что оно вспыхнуло в другом месте, снова и снова, всегда что-то новое, как будто их Поджигающий насмехался над ней.

— Фортескью, сюда прямо сейчас! -

кричала она ни на кого не глядя, и пыталась сконцентрироваться. Им нужно было ускорить атаку, и ей нужны были все четверо, потому что этот вражеский Поджигающий был умным и жестоким, и Элинон больше всего хотела найти его и превратить в пепел. Она потушила еще один огонь и с благодарностью подумала, что он, по-видимому, не знает, как сжечь обработанный парус. Пытаясь управлять огненным шаром, он должен был позволить, чтобы тот рухнул, когда шпиль начал гореть.

— Отойди, Пемброук, — прокричал Фортесью и поднял руки. Он любил драматические жесты и поощрял их всех к этому, но Элинон никогда так не делала. В перерыве, когда вражеский корабль начал маневрировать вокруг «Славного» для очередного сближения бортами, участок палубы начал гореть. Тэтчер двинулся назад, чтобы защищать борт — это означало, что Росс, которого она не видит, скорее всего, находился на носу.

Затем пламя погасло.

Через секунду на палубе «Славного» вспыхнул огонь, когда Фортескью превратился в кричащий столб пламени. Элинон, не задумываясь, погасила его, и Фортескью упал, все еще крича. Шпиль снова начал гореть. Элинон проигнорировала это и заставила всю палубу вспыхнуть огнем. Это должно быть ошибкой. Фортескью ошибся.

Был момент, когда огонь обрушился на палубу другого корабля, и затем огонь исчез. Элинон выпустила огненную струю, ее сердце болезненно стучало.

— Никаких жестов! — закричала она, пригнулась и двинулась вперед, чтобы помочь Фортескью, который казался более шокированным и испуганным, чем раненым. У нее тоже закружилась голова от шока. Не просто Поджигающий. Необычный Поджигающий. И гораздо более опытный, чем она. Возможно, они уже обречены.

Глава пятнадцатая, в которой Элинор обнаруживает еще одного Необычного и очень долго плавает

Лицо Фортескью почернело и покрылось волдырями, одежда была в саже. Элинор попыталась не вдыхать запах сожженной плоти, поднимающийся над его телом.

— Это Необычный! — закричала она ему, предполагая, что его жертвенность не позволила ему понять, с чем они столкнулись. Глаза Фортескью широко раскрылись, и, казалось, он не понял, что она сказала. Элинор потрясла его, не получив рационального ответа, и отпустила рубашку, позволив ему упасть назад на палубу. Это была ее битва.

Она ничего не понимала в шуме и криках, которые наполняли воздух на палубе «Славного», будь то приказы или крики о помощи, и только безумный мог карабкаться по такелажу и парусам — все это не имело никакого смысла для Элинор, когда она гасила один огонь за другим. Все, что она могла сказать, это то, что на стороне врага был ветер, и это было плохо для «Славного».

Меньшие пожары появлялись на палубе пиратского корабля, каждый из которых тух так же быстро, как появлялся. Этот Поджигающий мог погасить пожар, одновременно зажигая его...

«Не паникуй. Ты такая же сильная, как он. Может быть, сильнее. Думай.»

Как бы он ни умел, делать сразу две вещи: огни его были намного меньше ее, поэтому либо он не мог справиться с большим огнем, разделяя ее внимание, либо он не был способен на что-либо большее. Если бы он мог создать больше огня, он бы это сделал.

«Вступи в бой с ним».

Элинор пошатнулась, когда «Славный» сдвинулся, тяжело повернулся к правому борту и пошел в лобовую атаку, что Рамси называл «скрещиванием носов», объясняя, что это может быть особенно разрушительным ударом. Когда их орудия начали палить в пиратский корабль, Элинор проигнорировала огни, горящие на «Славном», и сосредоточилась на парусах пиратов, чувствуя, как боль пронзает ее, как будто она сильно надавливает на дверь, которую кто-то подпирает. Когда она преодолела сопротивление, четыре грота занялись прекрасным зелено-голубым пламенем.

«Сколько квадратных метров это? И я знаю, что могу больше».

Зеленый огонь вспыхнул, попытался исчезнуть, затем вернулся, не так полно, как прежде, но все еще горел ярко. Элинор потушила оставшиеся огни на палубе «Славного». Никаких новых не возникло.

— Атакуй палубу! — кричала она Тэтчеру, который был единственным Поджигающим ее поле зрения. Фортескью не было, уполз или унесли, а Росс мог оказаться под кучей упавших деревьяшек, когда верхняя часть фок-мачты упала, увлекая за собой несколько матросов. У нее не было времени узнать его местонахождение.

К ее ужасу вражеский Поджигающий продолжал гасить огни Тэтчера, прежде чем они могли нанести какой-либо урон. Зеленые огни мерцали теперь ярче. Элинор сконцентрировалась сильнее, чувствуя себя так, будто она сражается с Поджигающим один на один, причем оба составили завещания; сначала один набирал обороты, затем другой. Пот тек по ее глазам, а позвоночник был в мучительной агонии, причиняя боль гораздо больше, чем копьё дерева, которое распоролo большую часть руки, и...

Ее огонь погас.

Она рухнула на четвереньки, тяжело дыша, чувствуя, будто ее позвоночник был разбит осколками, которые обрушиваются друг на друга и рвут ее тело. Никакие новые огни не расцвели на палубе «Славного», возможно, вражеский Поджигающий был так же измучен, как и она.

Залп пушек предупредил как раз вовремя, она успела закрыть руками голову, затем впился еще один осколок, но уже не такой большой, как первый, хотя и жалищий, как крапива. Она услышала еще крики и мольбы о помощи и огляделась вокруг, обнаружив, что большая часть рельса и все его сетки исчезли, запутались и висели над бортом корабля. Тэтчер лежал рядом с широко раскрытыми, пустыми глазами, левую руку оторвало, а левая нога сломалась под тяжестью упавшего дерева, Элинор сунула в рот кулак, чтобы не плакать и не реагировать на то, как ее поразил вид тела.

Она огляделась, все еще не видя Росса, хотя облака дыма, катящиеся по палубе, могли просто скрыть его из виду. Или он бежал. Она заставила себя встать прямо, несмотря на боль, и махнула рукой перед лицом, тщетно пытаясь убрать туман. Вспышки света на расстоянии сигнализировали о новых летящих пушечных ядрах, но они свистели выше, один пробил грот над ее головой. «Славный» сокращал дистанцию между собой и пиратским кораблем, и это было безумием, предоставляя врагу превосходную возможность снова их атаковать. Или Кроуфорд считал, что у них больше шансов высадиться и пойти на абардаж?

Огонь, маленький и слабый, вспыхнул возле носа, и Элинор устало отбросила его. Если бы только она смогла найти этого Поджигающего... Она попыталась произвести собственный огонь и вскрикнула от резкой вспышки боли, которая пронзила спину. Нет. Она не сдастся так легко.

Девушка сконцентрировалась, сказав себе, что это ничего, что боль была в ее разуме, и на этот раз она вызвала огненный шар, почувствовав тупую боль, а не агонию. Она послала свой вращающийся огонь через щель и увидела, как люди отбегают в сторону, когда серые облака, окружающие их освещаются огнём.

Нет, не все мужчины. Одна фигура стояла, коротко освещенная огнем, и просто нырнула, когда огненный шар проскользнул мимо него. Быстро, прежде чем она могла потерять его из виду, она подожгла его, а затем охватила себя треском, дымом пламени. Они причиняли боль только ненадолго, а затем мозг вспоминал, что ее нельзя было обжечь и потушить раньше, чем ее одежда начала тлеть. Вражеский Поджигающий сделал то же самое, и теперь исчез в тумане, или, возможно, это она исчезла. Ветер утих, и корабли вяло маневрировали друг к другу, изредка обмениваясь залпами, которые редко попадали цель.

Элинор двинулась через палубу, глаза щипало от горького остатка пороха, который заполнил нос, глаза и рот, когда она не осторожно открыла их, чтобы вдохнуть глубже. На вкус он был горьким, едким и дымным сразу, и она сплюнула, чтобы прочистить рот, а потом снова плюнула, когда в первый раз не вышло. Этот Поджигающий все еще где-то там, и, хотя он, возможно, невосприимчив к огню, она все равно могла отвлечь его. Она понятия не имела, как идет бой, не представляла, какой ущерб нанесен двум кораблям, но поскольку враг все еще был на плаву, ее долг — уничтожить.

Огненный шар вылетел из дыма, направленный куда-то над ее головой. Дурак. Она бросила свой более точный залп, а затем снова оказалась охваченной пламенем, который тотчас же погасила, а затем отошла по палубе к корме, когда другой огненный шар ударил туда, где она стояла. Видимо, Поджигающий был не единственным дураком.

Элинор отказалась от охоты за ним и снова ударила по парусам. Огни сожгли зеленую

сигнальную башню, через минуту этим воспользовались оружейные бригады «Славного». Элино́р наблюдала за огнем, слишком уставшая, чтобы сделать что-то еще, вскоре после того, как Поджигающий погасил его. Это была не битва за власть, а соревнование в выносливости. Кто из них свалится первым? Ей казалось, что ее спина пылает, это невозможно, но не было другого слова, чтобы описать боль, которая пыталась заставить ее сложиться пополам.

Было так много шума, что она едва могла сконцентрироваться: удары пушек, скрипы парусов, треск разрушаемого дерева, взорванного смертоносной силой, крики умирающих людей. Кто-то отдавал приказы. Если бы она могла видеть пиратский корабль, то сожгла бы их снаряжение. Матросы редко приближались к такелажу, потому что огнезащитный состав делал веревки липкими и опасными при температурах выше семидесяти градусов.

Она прошла мимо мусора, засоряющего палубу, споткнулась, когда кто-то схватил ее за лодыжку, умоляя о воде, и пошла взглянуть на пиратский корабль в море, этому прекрасному кораблю ВМФ четвертого курса, который был замаскирован, чтобы запутать их. Его предыдущие владельцы, благодаря некомпетентности Кроуфорда, преуспели. Она не знала, на какой стороне корабля находилась, но была так запутана от боли, шума и смятения, что вспышка света и визг другого пушечного ядра подсказывали ей, о близости врага.

«Славный» выпустил еще один залп, который, казалось, ничего не сделал. Пираты открыли ответный огонь, а затем «Славый» содрогнулся и накренился, подкинув Элино́р вперед и через ограждение. Она вскрикнула и зацепилась за край, забираясь обратно на борт, разрывая ногти и ладони и прижимаясь к палубе, ее сердце бешено колотилось. Корабль снова пошатнулся, а затем палуба снова стала наклоняться, и Элино́р пришлось сильнее вжаться в доски, потому что тело пыталось сползти вниз, вперед головой. Она была в смущении, они что, тонули?

Тонем. «Славный» тонет.

Элино́р повернулась лицом к носу, встала на четвереньки и поползла. Наклон был еще не так велик, чтобы отбросить ее назад. Это была борьба за продвижение вперед, учитывая ее истощенное болезненное состояние. Ползти, было единственным, что ей оставалось. У нее не было сомнений, что оставшиеся в живых будут группироваться на носу (или на корме), а корабельный Ограничитель перенесет их в безопасное место. Она могла доползти так далеко.

Девушка заставила свои руки и ноги двигаться дальше, перелезть через мертвые и умирающие тела, от которых пахло кровью и порохом, и поняла, что плачет от боли и качает головой, чтобы вынести это. «Славный» продолжал погружаться в воду, скрипя громче, словно кричал, прося о помощи, но спасти корабль было больше некому, как и некому было спасти умирающих членов экипажа, которые вместо этого проведут последние минуты, борясь за то, чтобы уберечь легкие от морской воды.

Правый борт, ближе к квартердеку, вырисовывался в ее тускнеющем сознании, и она улучила момент, чтобы сориентироваться: правая сторона, колесо где-то справа от нее. Ее разум помутнел, она цеплялась за ступеньки и пыталась дышать, не задыхаясь, пока головокружение не прошло. Затем поднялась по ступенькам, согнувшись пополам, пытаясь скрыться от острой боли, исходившей от позвоночника. Крик позади нее сменился звуком кого-то, разговаривающего почти на обычном уровне громкости. Мгновенная путаница уступила место прозрению. Это был Кроуфорд, в нескольких футах впереди, давая кому-то указания.

Она попыталась встать, упала лицом вниз и вернулась к своим рукам и коленям.

— Капитан, помогите мне! -

закричала она, но не могла говорить так громко, она даже не могла слышать себя. Она снова попыталась сделать глубокий вдох и почти закричала, когда вскарабкалась вперед.

Туманные пороховые облака начали исчезать, когда оба корабля прекратили стрелять, и Элинор могла ясно видеть лицо Кроуфорда, его светлые волосы в беспорядке и кровь, покрывающая его кожу и лоб. Рядом с ним стояли только двое мужчин, и, когда она смотрела, первый взял второго за талию и скрылся. Элинор вздохнула с облегчением, затем задохнулась и закашлялась, чтобы избавиться от дыма в ее легких. Звук, наконец, привлек внимание Кроуфорда. Его глаза расширились, но в остальном она не заметила реакции на ее появление почти у его ног.

— Капитан, пожалуйста, помогите мне встать, — просила она, балансируя, чтобы дотянуться до него.

— Конечно, — ответил он, но не сдвинулся с места.

Первый человек вернулся, шатаясь и стараясь не упасть от усталости. Он не заметил Элинор. Кроуфорд обнял Ограничителя, все еще глядя на Элинор с нечитаемым выражением, а потом они исчезли.

Элинор подождала. Ограничитель не вернулся. Она приподнялась на корме, прижалась к тафрелу и подумала: «Он не вернется», и посмотрела вниз, туда, где едва видны были волны.

«Он не вернется».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ее мысли исчезли, на мгновение закрывшись от боли, усталости, страха и ярости на Кроуфорда.... ублюдок, ненависть к которому была так велика, он позволил ей умирать на покинутом корабле. Разве капитаны не должны были тонуть со своими кораблями? Нет, это казалось необоснованным, но тогда не было разумным оставлять человека, который даже не был смертельно ранен. Он оставил.

И она должна была покинуть этот корабль.

У нее было смутное подозрение, что она просто ждет, когда корабль уйдет под воду, а затем плыть будет небезопасно, хотя она не могла вспомнить, почему. Возможно, обломки спасут ее. Это вызвало еще одну проблему: она не умела плавать. Но ей нужно будет узнать это, очень быстро, потому что, будучи захваченной пиратами... она знала, что они сделают с ней, вдвойне проклятой, потому что она была на флоте, и была женщиной, утонуть было бы предпочтительней. Поэтому ей нужно найти что-то, что позволило бы ей плавать и попытаться уплыть от обоих кораблей под прикрытием этого тумана, прежде чем пираты поймут, что она была там.

Она чуть соскользнула, и поползла вниз по склону палубы, лихорадочно ища то, что поплывет. Корабль был сделан из дерева, и дерево плавало, поэтому ей просто нужно было найти кусок дерева, который был взорван во время боя и достаточно большой, чтобы выдержать ее вес.

Она пнула по доскам и не нашла ничего свободного, ничего больше, чем щепка, которую вырвала из руки. Осознав, что рана все еще болит, она потянулась, чтобы коснуться пятна на левой руке, рана кровоточила, но не сильно, и она сжала ее, пока не пришлось отпустить обе руки, чтобы перелезть через груды веревок.

Элинор добралась до места, где рельс с правого борта был сдвинут и посмотрела через

край. Море было слишком близко теперь, возможно, десять футов от того места, где она стояла. «Славный» повернулся так, что вражеский корабль оказался по левую сторону, поэтому все, что она видела, — это обломки, плывущие по волнам, тусклые в быстро рассеивающих пороховых облаках. Была висячая сетка, половина которой плыла по волнам, сотни осколков, несколько подпрыгивающих досок, слишком маленьких, чтобы поддерживать ее, а в нескольких футах от корабля слегка изогнутая часть корпуса, покрывающая площадь около пяти футов.

Элинор сжала то, что осталось от рельса, и наклонилась вперед. Неужели до нее было слишком далеко? Но корабль сейчас тонул заметно быстрее, и не было времени найти лучшую альтернативу. Она попятилась как можно дальше от расщепленного зазора, поблагодарила Кроуфорда за то, что она надела брюки, прокляла его за то, что он поставил ее в такое положение, и побежала, прыгнув, как можно дальше от корабля.

Волна ударила по ней, как пощечина, по всему телу, холодная и твердая, на мгновение ошеломила ее. Соленая вода залилась в нос и обожгла ее пазухи, больше воды затекло в горло, и она дважды закрывала рот, прежде чем уйти под волну. Шок от погружения в воды Карибского моря, от того, насколько они были холоднее, чем она могла себе представить, вернул ее к действительности и она начала бултыхать руками и ногами, пока ее голова не оказалась на поверхности.

Отмахнувшись от горящих щепок, она лихорадочно бросилась к своему спасению, увидев кусок доски всего в нескольких футах от нее, и снова ушла под воду. Отчаявшись, она забарахталась сильнее, сильно подгребая под себя, и оказалась ближе к доскам, но они уплывали по волнам, уходя из-под ее рук, она выгнулась, нашла что-то твердое под ногой, оттолкнулась от него и схватила край доски кончиками пальцев.

Элинор приподнялась, всхлипнула и легла, раскинув руки, схватившись за края самодельного плота, выплевывая соленую воду и втягивая больше воздуха в легкие, слегка наполненные вонью пороха.

Она перевернулась, чтобы рассмотреть, от чего оттолкнулась ногой и, нахмурившись, увидела бочку, отплывавшую от нее на волнах, как бы прощаясь с ней. То, что пустая бочка делала достаточно близко палубе «Славного», чтобы ей помочь, было тайной, к разгадке которой она не стремилась. Может, Бог смотрел на нее и думал, что она неблагодарна за Его дар. Девушка откинулась на плоту и обнаружила, что легкая кривая доска значительно расслабила ее спину. Но у нее не было времени отдыхать. Ей все же нужно убежать от пиратов.

Она перевернулась на живот и сползла вниз, пока только грудь не осталась на плоту, схватившись руками за края досок. Затем она начала грести ногами. У нее не было иного намерения, кроме как уплыть подальше, и она знала, что шансов найти землю или чудесным образом дружественный корабль почти не существует, но девушка была полна решимости не умереть в руках пиратов. Она болтала ногой и ударила по воде, и один ботинок соскользнул с нее, это придало легкость. Элинор стала болтать другой ногой, ожидая, пока другой ботинок не соскочил и не уплыл от нее.

Элинор быстро поймала ритм, когда гребла ногами до тех пор, пока ее ноги не заняли так же сильно, как и спина, затем немного дала себе отдохнуть, пока не почувствовала, что может плыть дальше. Мыслей в голове не было. Волны нахлынули на ее самодельный плот, заставив почувствовать тепло, что, вероятно, означало, что тело привыкло к температуре, и это был небольшой комфорт. Ее пальцы стали белыми и онемели, когда она вцепилась в

плот, поэтому во время отдыха она отпускала по одной руке за раз, и сгибала пальцы, чтобы восстановить кровообращение.

Время перестало иметь значение. Не было ничего, кроме прерывистых ударов ногами и отдыха на сыром дереве, размышляя, в какой момент она просто соскользнет в волны, измученная и бессознательная? Было больно утонуть во сне? После слишком многих перерывов, потеряв счет, она выплыла из тумана и оказалась под пасмурным небом. Казалось, что скоро может пойти дождь. Она не слышала криков с пиратского корабля, только волна ударяла по плоту, а ветер скользил по ее усталому телу, как свист невидимого гиганта.

Через некоторое время ветер стих, и начался дождь, теплые капли которого вскоре превратились в поток, намочив волосы и тело, смывая солоноватую корку, покрывающую каждый ее дюйм. Пресная вода собралась на изгибе плота, и она с жадностью набросилась на нее, не замечая немного смолистого, деревянного вкуса, переданного досками. Даже этот маленький поток оживил ее, и она начала грести сильнее, покачивая головой, чтобы отбросить волосы с глаз и лица. Она могла бы умереть сегодня, но не собиралась сдаваться.

Сквозь дождь она увидела облако, которое, казалось, висело прямо на волнах, зеленоватое, густое и вздымающееся.

Интересно, она несколькими толчками направила плот в этом направлении и увидела, что оно стало больше и зеленее, пока ее измученный мозг окончательно не признал в нем остров. Он был слишком мал, чтобы быть Кубой или Ямайкой, оба из которых были рядом с путями «Славного», но он был достаточно большим, чтобы на нем была пресная вода и, возможно, какая-нибудь еда.

Подумав о еде, Элинор поняла, как голод лишал её сил. Ноги болели так сильно, что они почти онемели, спина все еще была как в огне. Но она была жива. И, может быть, пробудет еще долго, чтобы кто-то мог ее спасти.

Элинор машинально начала бить ногами, в то время когда думала о спасении. Кроуфорд непременно скажет всем, что она мертва. Она должна была умереть, когда он ее оставил. Поэтому Королевский флот не будет искать ее. Рамси... она перестала грести и прижалась лбом к мокрому дереву. Это никогда не случилось бы с «Афиной». Он бы этого не допустил. Если бы она была... но это были лишь размышления, которые ни к чему не приведут.

У нее оставалось только два варианта надежды на спасение. Один из них заключался в том, что она могла встретить проплывающий мимо корабль. Это маловероятно. «Славный» шел по малоиспользуемому судоходному пути между Сент-Доминго и Порт-Роялем. Другой — заключался в том, что на острове может быть отрегулирована связь, и моряки помогут ей добраться до города, где она может связаться с военно-морским флотом. Это также маловероятно, учитывая размер острова. Несмотря на свое больное, избитое тело, она почувствовала надежду. На самом деле, она может пережить это. И если бы она это сделала, то увидела бы, как Кроуфорда повесят, потому что была уверена, что это военное преступление.

Ее ободренные пальцы натолкнулись на что-то, что двигалось, и когда она коснулась этого, то вскрикнула и поджала ноги, прежде чем поняла, что это песок. Элинор встала на ноги и вытолкала плот на мягкий, красивый, солидный пляж, пока не прошла мимо отметки прилива, усеянной водорослями, затем упала животом на плот и стала молиться самой пылкой Благодарственной молитвой, которую она когда-либо произносила. Затем, между словами, потеряла сознание.

Глава шестнадцатая, в которой Элинор делает много открытий

Элинор проснулась в сумерках, слыша гомон птиц на деревьях, трель звуков, которые она никогда раньше не слышала. Ветер снова поднялся, и шелест листьев, соприкасающихся друг с другом, почти заглушил крики птиц. Она встала на колени, все ее мышцы дрожали от напряжения. К носу прилипли песчинки, и она протерла глаза, осторожно стряхнув песок, и моргнула, чтобы слезы смыли остальное. Когда нос снова стал чистым, она с облегчением вздохнула.

Воздух был наполнен сотнями запахов растений, сладкими, зелеными и влажными, запахом дождя, каплями, покрывающими ее кожу, как влажное теплое одеяло. Без солнечных лучей влажность легче переносилась, меньше раздражала, и она чувствовала, что силы возвращаются, и смогла встать. К сожалению, ее одежда была все еще мокрой, особенно под мышками и в промежности брюк, и когда она двигалась, они раздражали ее. Тем не менее, она была жива, и спине больше не болела, а ноги дрожали, но держали ее. Ей действительно не на что было жаловаться.

Элинор посмотрела на пляж, где песчаный берег уступил место черным скалам и в конечном итоге исчез в начале скалы. В другом направлении песок изогнулся вдоль мыса за деревьями, которые росли в головокружительном разнообразии. Пальмы с их странной кольчатой корой, деревья, названий которых она не знала, с прямыми стволами и широкими зелеными листьями, и дюжина других — все растут вместе в диком изобилии каждого оттенка зеленого.

Она приблизилась к линии деревьев и отошла, когда звук ее шагов испугал стаю маленьких коричневых и красных птиц из кроны. Их полет был похож на порыв ветра, сотрясающий деревья, когда они улетели. Осторожно она продолжила осматривать пальмы. Некоторые из них были кокосовыми, их плоды не совсем созрели, но теперь ее желудок был настолько пуст, что ей было все равно.

Элинор обошла одно из деревьев и задумалась. Она не могла забраться на шершавый ствол пальмы, вспомнив, что похожие видела на Бермудских островах, и встряхнула дерево, это напоминало попытку потрясти грот-мачту «Афины». Было уже слишком темно, чтобы видеть. Элинор создала огонь на кончиках пальцев и подняла руку, как факел, вглядываясь в далекие, затененные, округлые плоды, а потом появилась идея. Девушка осторожно зажгла огонь в том месте, где кокосовый орех прикреплялся к дереву, и быстро отскочила назад, когда плод со щелчком оторвался и тяжело упал на землю у ее ног.

Элинор схватила свою добычу. Гладкая скорлупа ореха была еще зеленой, и она не чувствовала своеобразного кокосового аромата. Девушка постучала по нему костяшками пальцев и услышала эхо. Как же его открыть? Она спустилась по пляжу, пока не добралась до каменистого берега, внимательно осматриваясь. Все камни выглядели гладкими, но была опасность порезать ногу, наступив на острый камень, что могло иметь последствия, без возможности обработки пореза. Это заставило ее задуматься, не возникнет ли заражения от раны на ее руке, но она отогнала эту мысль.

В дальнем конце, где начинался скалистый хребет, находилась мелкая заводь, которая была ниже отметки прилива, сглаженная вековыми волнами. Она подняла кокос над головой и бросила его на камень так сильно, как только могла.

Кокосовый орех подпрыгнул и покатился к волнам. Элино́р вскрикнула и нырнула, чтобы вытащить его, прижав к груди. Изучив кокос, обнаружила тонкую трещину, которая немного расширилась, когда она потянула ее ногтями. Но солнце уже село, и если она попытается снова бросить его, то почти наверняка потеряет плод. Вздохнув, Элино́р взяла кокос подмышку и поплелась обратно к пальме. Она отломала большую ветку и потащила обратно ее вниз по пляжу, а затем подожгла.

Треск и тепло огня успокоили ее разочарование и страх, и на мгновение девушка забыла о своем голоде настолько, что захотела лечь нагишом в середину огня и позволить всем ее переживаниям сгореть. Но, встряхнув головой, отогнала эту мысль. Оглядевшись еще раз, Элино́р заметила скалу, чуть выше её талии. Девушка заметила, что верх камня находился выше отметки прилива и был зубчатым, а местами имел острый узкий край, как топор. Элино́р высоко подняла кокосовый орех, а затем стукнула его об один из этих зазубрин.

На сей раз образовавшаяся трещина расширилась на столько, что можно было вставить пальцы и раздвинуть края. Она победоносно разорвала оболочку, чтобы обнаружить вторую, более твердую.

Элино́р уставилась на орех, затем, крича, била его о камень, снова и снова, пока с громким треском он не раскололся, пролив тонкую струю водянистой жидкости вниз по скале. Она схватила его, вылизывая и высасывая внутренности, с облегчением сплотив то, что осталось от сладкой воды. Затем вгрызлась в мягкие, почти студенистые внутренности и съела столько, сколько смогла. Это не вызвало чувства насыщения, но облегчило глубокую боль в животе и появилось желание уснуть.

«Нет, я не должна спать. Мне нужно послать сигнал.»

Она вернулась к деревьям и в свете горящей ветки осмотрела пальмы. Их было так много. Она выбрала самую высокую, с толстыми зелеными листьями размером с ее руку, отступила назад и подожгла ее. Пламя медленно распространялось над лесом, пока дерево пылало высоко и ярко, наполняя воздух облаками дыма. Ей потребовалось некоторое усилие, чтобы пламя не распространилось на другие деревья, но, в конце концов, она нашла форму для огня, которая держала его изолированным на этом единственном дереве. Элино́р позволила ему гореть, пока искала убежище и не находила ничего по-настоящему подходящего. Ей просто нужно переночевать под открытым небом в течение одной ночи, а утром можно продолжить исследовать остров.

Она зажгла огонь на другой ладони и села на берегу возле горящего дерева, любуясь его красотой. Воздух был наполнен запахом древесного дыма и сладким запахом, который исходил от уникального дерева. Элино́р надеялась, что оно не было каким-то особо ценным видом — нет, ему не позволили бы разрастись, если бы кто-то мог получить прибыль.

Она поймала себя на том, что стала засыпать и начала ходить, чтобы не уснуть, потирая руки и постанывая от боли, когда вновь затронула рану на руке. Кровотечение остановилось, отчасти потому, что ее рукав прилип к порезу. Элино́р разорвала материю, пока не освободилась от рукава, морщась, когда отрывала ее от раны, затем неловко забинтовала руку, используя зубы, чтобы помочь закрепить узел.

Она повертела рукой, проверяя повязку. Это напомнило ей о том, как Рамси вошел в ее спальню после битвы, его рукав был в крови, и рассказал об убийстве и таланте и о том, что все это значило, и ей хотелось, чтобы он был рядом с ней, чтобы она не была так ужасно одинока. Одиночество, страх и боль поразили ее, как нарастающий поток, пытаясь раздавить, и девушка сжалась в комок и плакала, пока не кончились слезы, онемев от

усталости и засыпая.

Она потушила оба огня, потом увидела дерево с широким стволом и корнями, переплетенными так, чтобы можно было свернуться калачиком, и попыталась успокоиться. Ее одежда высохла, когда она стояла у горящей пальмовой ветви, но ночной воздух был прохладным, а ветер достаточно сильным, и его порывы раздражали ее. Наконец, Элинор сдалась, вернулась на берег и потащила свой плот к дереву, подползла под него и заснула.

Она проснулась в тусклом дневном свете, просачивающегося сквозь пасмурное небо; звуки сотен птичьих крыльев оглашали и без того неприятно влажный воздух. Слабый запах костров прошлой ночи все еще висел поблизости, обостряя голод. Ей нужно было бы найти что-то более питательное.

Она облегчилась, смутно чувствуя неловкость за то, что сделала это на открытом воздухе, а затем отправилась в лес на охоту за едой и водой. У нее было представление, что воду, скорее всего, можно найти около скалы, поэтому она пошла к ней, поднимаясь вверх и углубляясь в лес. Почти сразу же Элинор поняла, что никогда не сможет найти дорогу к пляжу, если не начнет делать отметки, и минуту волновалась, прежде чем посмеяться над собой и выжечь несколько тонких линий в виде стрелы на стволах ближайших деревьев. Она теперь сможет вернуться на пляж. Девушка не была уверена, в выбранном именно северном направлении, поскольку не исследовала остров, чтобы добраться до северного берега, который, почти наверняка, должен оказаться в проходе между Ямайкой и Кубой, где проплывали торговые суда. Где был отличный шанс — подать сигнал кораблю, чтобы спастись.

Она пошла дальше вглубь острова, ославляя метки и восхищаясь красотой природы. Так много диких, смело растущих цветов, розовых и красных, привлекающих насекомых. Так много птиц, похожих на крошечные летающие драгоценности, которые сбегали от нее. Так много деревьев пахло зеленью и водой, что ее жажда крепла с каждым вздохом.

Элинор осторожно наступала, так как нужно было защищать босые ноги от камней и упавших веток, но иногда она была настолько очарована, что забывала беспокоиться о своем нынешнем положении. Тишины не было. Когда птицы переставали перекрикиваться, что случалось очень редко, был слышен шум ветра сквозь деревья, предвещавший очередной ливень. Ей хотелось бы, перевернуть свой плот так, чтобы она смогла собирать капли дождя, если бы она не нашла другой источник воды.

Когда она подумала об этом, то поняла, что, шелест ветра изменился, принесся влагу. Вода была где-то впереди, слева от нее. Она с жадностью поспешила вперед и вскоре обнаружила узкий ручей, текущий по камням, которые на протяжении столетий вырезали канал, спускавшийся с другой стороны скалы в серии водопадов. Элинор опустилась на колени и стала пить прохладную, вкусную воду, глотая ее, пока не наполнила живот до боли.

Она вытерла подбородок и присела на корточки, ее сознание прояснилось. Сначала вода, потом еда. Матросы на «Афине» всегда утверждали, что никто не может голодать в Карибском бассейне, потому что на каждом дереве была еда. В тот момент Элинор ничего не видела, но, возможно, она просто была не в том месте. Она решила пойти на запад, отойти от хребта и обойти вокруг пляжа.

Элинор начала замечать особенности в расположении деревьев. Пальмы росли у берега. Деревья с круглыми листьями размером с руку — выше, и теперь она видела высокие деревья с низкими ветвями, которые кое-где доставали до ее головы. Их листья были глянцевыми и огромными, с глубокими лопастями, и по наитию Элинор поднялась и

сломила один. Он был настолько широк, что она могла использовать его как временную шляпу, судя по небу, казалось, что это будет еще один облачный, возможно, дождливый день. Ей понадобилось бы больше одного листа, чтобы защитить себя от шторма.

Она выглянула из-под листвы, пытаясь сориентироваться по облакам, но вместо этого увидела несколько зеленых плодов висящих высоко над ней. Хлебное дерево. Это было хлебное дерево! Она повторила свой трюк с кокосовой пальмой, и вскоре два зеленых плода, размером с ее голову, лежали у ее ног. Один раскололся, она взяла его и повертела в руках.

— Не ешь его сырым, — говорил Стратфорд, — от него только заболит живот.

Ну, это, конечно, не будет проблемой. Элинор держала его на расстоянии вытянутой руки, и огонь перекинулся от нее на шершавую зеленую поверхность, которая начала чернеть практически сразу.

Ее пальцы задрожали. Сколько времени было нужно? Она повернула плод и, все еще пылающими руками, сделала щелочку, чтобы посмотреть на внутренности. Они выглядели обугленными и совсем не аппетитными. Девушка погасила огонь, вытащила кусок и съела его. По вкусу было похоже на не сильно подгорелый картофель, вытащив внутренности, съела все. Она была более осторожна со вторым, который достаточно прожарился, и когда она закончила, то почувствовала себя сытой и оживленной, способной принять любые вызовы, которые этот остров бросит. Вытерев руки листьями хлебного дерева, она продолжила свой путь.

Как только она поняла, на что обращать внимание, то обнаружила множество деревьев хлебного дерева, а затем огромную папайю. Сняла жилет и использовала его для хранения своих припасов. Элинор видела следы животных, когда поняла, что виноградная лоза, накинутая на ветку, была огромной змеей, но она проигнорировала ее и обошла стороной. Быстро привыкнув к мелким существам в подлеске и выяснив, что они больше интересуются не ей, а змеей. Несмотря на это, она оставалась начеку. Следующее животное, с которым она столкнется, могло быть более враждебным.

Дождь начался ближе к вечеру. Элинор прижалась к одному из вечнозеленых растений, ветки которых росли близко к земле, а под ней был толстый мягкий ковер из иголок, которые не кололи ноги, если она была осторожна. Она съела папайю и обдумывала свой следующий шаг. Ей придется зажечь большой костер и надеяться, что кто-то его заметит. Потом она начнет исследовать побережье острова и выяснять, было ли оно заселено. Это была самая вероятная возможность спасения. Элинор задремала под деревьями; утешительный звук дождя шелестел сквозь листья и падал огромными каплями с ветвей.

Когда она проснулась, то начала придумывать, как ей вечером разбить лагерь. Хотя Элинор и была измучена, но нашла себе силы, сберечь припасы и отметить площадь для костра. Девушка чувствовала себя немного виноватой за уничтожение стольких прекрасных деревьев на острове, но других вариантов не было, если она хотела выжить там. Элинор была уверена, что не смогла бы выдержать диету из тропических плодов в течение более чем нескольких недель. Она старалась не заикливаться на слове “недель”.

Костер горел высоко и выбрасывал в воздух большие облака дыма. Она сидела на сухом песке, который прилипал к ней, и восхищалась красотой огня. Одна ее часть стремилась войти в него и позволить ему течь через нее и сквозь нее. Это наполнило ее радостью, и заставило ее почувствовать себя непобедимой, ибо какая человеческая сила могла погасить огонь, сильный, горячий и свирепый? Ну, кроме нее и этого Необычного Поджигающего противника. Схватка с ним была ужасающей, но девушка радовалась, что ее талант не

уступал ему по силе.

Она была недовольна тем, что он пират. Они должны были быть товарищами, друзьями. Элинон вспомнила, что сказал Рамси о различии Необычного и обычного таланта. Он стал ее самым близким другом, и она не могла сообщить ему, что жива. Как было бы чудесно, если бы ее спасли и вернули на «Афины». Даже Даррант не смог бы оправдать предоставление Кроуфорду другого корабля, когда тот был ответственен за уничтожение «Славного», и не было причины, чтобы она больше не служила с Рамси.

Пылающая пальмовая ветвь упала на песок, следом раздался резкий треск и глухие удары, когда за ним последовало несколько кокосовых орехов. Было бы интересно узнать, какой вкус кокоса, когда он был зажарен в духовке. Она потушила ветку и откинулась на песок. Солнце село после того, как деревья горели всего полчаса. Какой сигнал лучше, дым или пламя? Ну, теперь она сделала то и другое.

Через огонь было трудно увидеть звезды, но она хорошо их знала, проводя много времени на палубе «Афины» с Рамси или Стратфордом или Хейсом, рассматривая созвездия. Элинон не предполагала, что будет искать путь домой. Когда она оставит Королевский военно-морской флот, то не станет обосновываться в Лондоне, где недавно установили газовые лампы. Девушка обратила взор от небес на свой костер. Она протянула руку и проследила очертания Малой Медведицы, Дракона, Кассиопеи. Кто-то должен иметь достаточно воображения, чтобы увидеть в простых образах такие фигуры.

Элинон моргнула, и звезды резко изменились. Она вскочила, в ужасе, что найдет лес в огне, но он едва начал распространяться по избранному периметру. Пришло время спать. Кто-то увидит ее маяк и придет за ней. Возможно, теперь, когда у нее было достаточно еды, она могла бы завтра попробовать создать более крупный и дымный маяк.

Элинон потушила огонь и нашла место более удобное для сна на холме возле скал, где упавшие ветви вечнозеленых растений образовали крышу, а место под горой было идеальным для ее припасов. Она втянула ноги, накрылась плотом и заснула.

На следующее утро девушка проснулась поздно и лежала несколько минут, не двигаясь, потому что ей было комфортно, и она знала, что при движении все ее измотанные мышцы будут ныть. Её мочевой пузырь, в конце концов, заставил встать и приступить к выполнению потребностей, к тому времени, когда она закончила, не было смысла ложиться снова.

Элинон все еще не придумала, как хранить воду, поэтому пошла вверх по холму к ручью, где сделала небольшую дамбу со свободными камнями, накрыв их жилетом. Теперь она смогла вычерпать воду из бассейна, сделанного плотиной, и пить ее, не проливая больше на себя. Не то чтобы несколько капель заставили бы выглядеть хуже, чем она выглядела. Ее одежда смотрелась так, словно ее пропитывали в водах Карибского моря, тащили по песку, по холмам и через заросли деревьев, а на колене брюк зияла дыра, она порвала их о пень. Ее жилет был едва узнаваем как таковой.

«Я так благодарна, что не надела платье».

Она сделала один последний глоток, вытерла рот и встала. Поджарить кокос, а потом прогуляться вдоль берега вокруг мыса, чтобы посмотреть, что находится в том направлении.

Пробиваясь сквозь густо растущие деревья, она последовала вдоль обрыва к пляжу. Когда нашла плоские, широкие места, где камни расширялись, то вскочила на них, всматриваясь в горизонт, в поисках того, кто мог видеть ее маяк. На море было пусто, ни единого паруса, и она пыталась убедить себя, что это нормально. Следовало ожидать, что это займет некоторое время, чтобы ее сигнал заметили. Несколько слез и разочарований

были непрактичны, потому что она вскоре будет спасена.

Элинор осмотрела остальную часть моря, ее взгляд скользнул по пляжу, и она пошатнулась, увидев, что полуразрушенная лодка, зеленая от краски или водорослей направлялась к берегу. Девушка собиралась спуститься с холма, не обращая внимания на возможность падения и травмы черепа, когда крошечный голос сомнения привлек ее внимание: если поблизости не было корабля на якоре, откуда взялась лодка?

Этого было достаточно, чтобы заставить ее остановиться, затем медленно, незаметно уйти, пока она не доберется до своего убежища. У нее не было причин предполагать, что тот, кто приплыл в лодке, был враждебно настроен, но она была одна и, насколько можно было судить, незащищена, и имело смысл спокойно посидеть и понаблюдать за новичками, прежде чем показать себя.

Она услышала их до того, как увидела. Девушка не могла их видеть, потому что это означало, что они могли бы заметить ее. Двое мужчин, она догадалась по звуку их шагов, шли вдоль берега, два голоса — один тенор, один баритон — продолжали разговор, она была все еще слишком далеко, чтобы разобрать слова. Элинор крепко держалась за вечнозеленое дерево, чтобы не сползти, не сдвинуться с места или сделать что-нибудь, что могло привлечь внимание.

— ... возьму ее сегодня в мою кровать, — это был тенор.

— Так, ничего особенного. Ее ноги раздвигаются для тех, кто заплатит правильную цену, — ответил баритон.

— Мне не отдадут ее, потому что она непростая леди.

— Не делай больше, чем приказали. Не хотел бы, чтобы твою любимую часть укоротили.

— Ты не знаешь, что такое ждать. Здесь следы.

Тишина, за исключением шлепанья шагов по мягкому песку.

— Именно так ветер дул, — ответил баритон. — Никаких следов.

— Ну, нет, их не было бы, если бы Поджигающая ушла ниже уровня отлива. Их бы смыло, — сказал тенор. Он, казалось, занял оборонительную позицию.

— Никогда не доказывай это, пока сам не убедишься. Может быть, это все-таки естественно возникший пожар?

— Дал столько дыма и не сжег больше горстки деревьев? Эванс никогда бы не поверил в это.

— Что ж, я не вижу Поджигающего, и думаю, что тут нет никого, кого можно было бы увидеть, — проворчал баритон раздраженным голосом. — Они же все сумасшедшие, они, возможно, приплыли сюда, подожгли костер.

— Ты идиот, — ответил тенор самодовольным голосом. — Если бы это сделал не Необычный Поджигающий, лес был бы грудой золы.

Элинор обнаружила, что затаила дыхание и медленно выдохнула. Они стояли в пятнадцати футах от нее. Это было чудо, что они еще не слышали, как стучит ее сердце.

Около полуминуты была тишина.

— Ты думаешь, это был Дьюдни? — спросил баритон.

— Ты знаешь, каких-нибудь других Необычных Поджигающих, бегающих вокруг?

— Никого не видел с тех пор, как вошли в Олимпию, похоже, на него набросился сам Бог, и Дьюдни чуть не погиб от ещё одного Необычного.

— Может быть, кто-то другой сделал это. Ублюдок королевского флота.

— Этот корабль пошёл ко дну, со всей командой, — сказал баритон. — Может, это сигнал Дьюдни.

Еще одна пауза.

— Эвансу это не понравится, — заметил тенор.

— Мы не виноваты в этом, мне наплевать, что ему нравится.

— Ты говоришь громкие слова, когда его нет рядом, не так ли?

— Давай вернемся. Я не хочу, без Дьюдни мне будет одиноко.

— И я не хочу. Эванс может отправить Перемещающего или кого-нибудь еще. Уже не сегодня.

— Если бы старина Эванс выделил для этого Ограничивающих, он не отправлял бы нас.

— Не виноват ли Кричтон в том, что его застрелили?

Их шаги отдалялись. Элино́р крепко прижалась к дереву, отсчитывая секунды, пока не достигла одной тысячи. Затем выскользнула из-под веток и вовремя вернулась к хребту, чтобы увидеть, как лодка проходит вокруг мыса. Ее руки дрожали. Она села там, где стояла, пока страх не исчез, и не смогла ясно мыслить.

Кто-то видел ее сигнал, но не флот. Пираты. Пираты, чей корабль был поставлен на якорь на западе, или... Но зачем отправлять лодку, когда они могли просто переместиться на северную сторону острова? И так, пираты, которые расположились лагерем на острове. Пираты с лидером по имени Эванс, имя которого звучало так знакомо. Кто-то сказал ей, нет, Рамси сказал это однажды, вспомнив, как он держал свой бокал в этих длинных умелых пальцах, откидываясь на спинку стула во время ужина... Эванс, Рис Эванс.

Рука Элино́р подскочила к губам, и ей пришлось вытереть с них горько-сладкий сок дерева, с отвращением сплюнув. Рис Эванс, лидер Братьев побережья. Рис-Эванс, который послал этих людей, чтобы разжечь огонь, контролируемый Необычным Поджигающим, с которым она сражалась всего несколько дней назад. Рис Эванс, который был достаточно близко, чтобы эти люди доложили ему.

Она наткнулась на секретную крепость пиратов.

Глава семнадцатая, в которой есть пираты

Чтобы успокоиться, ей понадобилось несколько минут. Это было смешно. Этот остров должен был быть в нескольких милях от Ямайки. Королевский флот патрулировал эти воды постоянно. Это было невозможно, что пираты могли оставаться здесь все это время скрытыми. Она поднялась на ноги и спустилась с холма, прежде чем опомнилась. Девушка совершенно не могла следить за этими людьми. У нее не было опыта скрываться, двигаться тихо. Ей просто повезло, что она скрылась от пиратов.

Она стояла на опушке, в тени кокосовой пальмы, и терла руки о брюки, чтобы избавиться от пота. Если бы Рамси был здесь, он не думал бы дважды о преследовании этих людей до места, где они прятались. Это его долг, как офицера Королевского Военно-Морского Флота. Ну, она была...не совсем офицером, но она была под присягой. Она должна была знать, был ли рядом корабль Эванса, или где прятались Братья Побережья и отдавали свои приказы для каждого пирата в Карибском море.

Элинор поджарила плоды хлебного дерева и быстро поела, затем начала идти по берегу к мысу, лихорадочно планируя. Ей пришлось скрываться среди деревьев до тех пор, пока она могла, низко прижавшись к земле. Может быть, лучше подождать до ночи — нет, небо все еще моросило дождем, и, возможно, пасмурная погода останется после захода солнца, это сделало бы почти невозможным найти дорогу, так как она не могла зажигать огонь. Она не могла взять с собой еду, ничего из того, что может помешать ей убежать, если это понадобится. Девушка надеялась, что вражеский Поджигающий Дьюдни, не появится. Если ей потребуется поджечь некоторых мужчин, его вмешательство может привести к ее гибели или еще чему-нибудь похуже.

Она остановилась у мыса, закрыла глаза, сжала кулаки и отругала себя. Это было полным безумием. Если они поймают ее, они станут мучить, изнасилуют, и, в конечном итоге, убьют, и никто не узнает, чтобы прийти на помощь. Она была просто Элинор Пемброук, нежно воспитанная дочь Иосии Пемброук, совершенно неподходящая для путешествия по тропическому лесу, с целью выследить возможную крепость пиратов. Элинор Пемброук... которая жгла корабли и убивала людей, с талантом, не имеющим себе равных, возможно, даже другими Необычными Поджигающими. С тех пор, как уехала в это путешествие, она сделала так много, что в прежней жизни ей казалось невозможным. Это была еще одна невозможная вещь. Она глубоко вздохнула, открыла глаза и продолжила путь на запад.

Элинор, не спеша, шла вокруг мыса, не уверенная, что найдет этих двух пиратов, которые ушли, но там был просто пляж, песок и деревья, простирающиеся дальше на запад. Она пошла под пальмами, что значительно замедлило передвижение, но лучше скрывало ее. Опавшие пальмовые ветви, сухие и шелестящие, служили против нее и без того ушибленных и порезанных ног, заставляя углубляться в лес, чтобы обходить их, но вскоре девушка научилась распознавать, где безопасно наступить, и идти стало лучше.

В конце концов, она оставила в стороне густые заросли этих крепких деревьев с листьями размером с руку, которые пахли прохладным древесным соком и свежескошенной травой. Так было легче маневрировать, и Элинор смогла двигаться еще быстрее. Пиратов все еще не было видно. Она не слышала ничего, кроме звуков своих шагов по земле, ветра и птиц, к которым она так привыкла, что всякий раз, когда они замолкали, настораживалась.

Остановилась, чтобы облегчиться, затем продолжила путь, заметив, что берег едва искривлен, и что вдалеке был другой мыс, похожий на прыгающего дельфина, после чего остров, казалось, резко изогнулся влево.

Когда добралась до прыгающего дельфина, было раннее утро, и она остановилась, чтобы отдышаться, прежде чем осторожно пробраться мимо него в бухту без признаков человеческой жизни. Здесь деревья быстро отступали от берега, и вокруг линии деревьев и белых песков на пляже было множество кустарников и крошечных цветов. Сам берег был в форме совершенной буквы С, вычерченной из берега и заполненной этой голубой прозрачной водой, которая стекала по берегам каждой гавани в Карибском море.

Ей захотелось сбежать на берег и броситься в теплую воду. Затем она отступила назад, по сень деревьев, и продолжила свой путь к линии скал, простирающихся далеко в голубую воду, образуя верхнюю кривую С. Камни поднимались острым хребтом, закрывающим вид, резко возвышаясь над крутым утесом, увенчанным большим количеством этих вечнозеленых растений.

Когда она шла, то рассматривала сложившуюся ситуацию. Попытка обогнуть мыс по кромке воды глупа, потому что она была бы видна с суши, и этот хребет не позволил бы ей увидеть то, что было за ним. С другой стороны, место, где она была сейчас, начало довольно круто спускаться к хребту и могло бы стать слишком крутым для подъема. Потребность в укрытии победила в этот раз и Элинор с трудом поднялась по склону, опираясь на стволы деревьев.

Наверху она немного отдохнула, ожидая, пока ее пульс и дыхание восстановятся, прежде чем дальше ползти по хребту, подтягиваясь на крутом подъеме. Деревья росли слишком часто, чтобы увидеть что-то кроме проблесков синего моря далеко внизу, поэтому она пробилась вниз по склону, пока не добралась до линии деревьев. Скрываясь за стволом, она смогла разглядеть пейзаж под ней.

Это была еще одна бухта, тоже совершенно круглая, но гораздо крупнее первой. В ней стояли на якоре пять кораблей, два из них — узнаваемые корабли Королевского флота. На одном из этих кораблей пропала топовая мачта, а паруса были рваные и перекошенные, на палубе лежала груда расщепленного дерева. Вид кораблей ВМФ на службе пиратов привел в ярость Элинор. Сколько военнослужащих флота погибло! Ужасно, что эти пираты могли плавать с помощью этих гордых кораблей, чтобы запугивать других и заставлять выполнять их требования? Ни один из судов не был готов к плаванию, хотя знания Элинор по-прежнему были ограниченными, и она могла ошибаться в своем предположении, но их свернувшиеся паруса были ненадежны, и они говорили о неготовности к отплытию.

В гавани высились два шатких пирса, за которые были привязаны несколько лодок, раскрашенных в яркие цвета, в том числе зеленый, который она видела раньше. Одна из лодок была поднята на берег и перевернута вверх дном, и пара мужчин, казалось, что-то делали с дном, возможно, конопатили его. Элинор не могла сказать этого. Оба были бородатые, и оба были одеты одинаково в рваные брюки, свободные рубашки и сапоги, головы, обвязаны шарфами, что делало их немного комичными. На талии каждого висели мечи, а пистолеты, свисавшие с шеи, казались гораздо более угрожающими. Они думали, что им оружие пригодится во время ремонта лодки? Для чего?

Возможно, они просто чувствовали себя более комфортно, вооружившись.

Деревья кончались как раз возле хребта, обнажая скалистый склон и придавая бухте голый вид. Песчаный пляж немного протянулся от воды, а затем переходил в каменистый

склон, упиравшийся в отвесную скалу, которая поднималась на несколько сот футов, словно ее тоже выкопали из горы, как бухту. Разглядывая это несколько минут, Элинор поняла, что склон вытащили из скалы, на которой находились надписи, как если бы она была сделана из дерева. Утесы, составляющие уклон, выглядели так, как если бы они были отслоившимися кусками. У того, кто это сделал, было очень много Перемещающих в команде, чтобы изменить ландшафт так резко.

Укрытые в скалах пять деревянных хижин, которые были построенными из какого-то материала, выброшенного на берег. Над ними расположилось то, что Элинор могла описать только как крепость. Девушка вжалась в скалу так, что никто не мог подкрасться к ней сзади. Черепицы на крыше были не состыкованными, но без пробелов, вероятно, защищенные от самых сильных штормов, которые Карибский бассейн мог бросить на них. Плотнo подогнанные, строганные доски следовали по контурам скалы, и маленькие, узкие окна выходили на единственную тропу к единственной двери, где стоял огромный мускулистый мужчина, вероятно, Целитель с двумя мечами, пистолетами на поясе, и двумя пистолетами, висящими спереди и сзади через плечо, осматривающий всю бухту. Пока Элинор наблюдала, три пирата вышли из одной хижины и подошли к двери крепости, где их обезоружил огромный телохранитель, прежде чем впустить.

Элинор скользнула по хребту в укрытие деревьев. Она поняла, что крепость пиратов Даррант никогда не пытался обнаружить. Если бы она могла передать эту информацию Рамси, он бы знал, что с ней делать. По словам этих пиратов, у Эванса не было Ограничителя. Возможно, они могли захватить корабли в бухте, и не дать Эвансу сбежать. Или...

Нет. Это безумие. Но она здесь, на месте, чтобы разрушить крепость и полностью остановить Эванса. Она могла бы сжечь все в этой бухте, возможно, даже на кораблях. Но у нее не было доказательств, что сейчас там был Эванс. И их Необычный Поджигающий может быть где угодно, даже достаточно близко, чтобы противостоять ее нападению. Лучше, чтобы она передала информацию Рамси. Если она когда-нибудь выберется с острова.

Она скользнула вниз по склону, пока он не стал достаточно пологим, чтобы она могла идти. Вернуться к пляжу — о, нет, она не сможет снова сделать большой костер, без возвращения этих пиратов, и в следующий раз их будет больше. Тогда маленький костер с меньшим количеством дыма. Зажечь, может быть, сухие пальмовые ветви на пляже, а не заполненные соком живые деревья.

Она почувствовала голод. Был уже полдень, и к тому времени, как она вернется, будет, вероятно, ночь. Она будет...

Она поздно услышала громкий шум, и уже через секунду оказалась лицом к лицу с пиратом. Он держал мешок, из которого выглядывала пара зелёных хлебных плодов, и у него был меч с широким клинком, окрашенным каким-то соком, и пистолет, заправленный в веревочный ремень. Шокированное выражение на его грязном, бородатом лице в точности отразило ее. Она знала, как только он понял, что перед ним женщина, его потрясение сменилось похотливым ожиданием. Он уронил мешок с хлебными плодами, и Элинор подождла пирата.

Он упал, крича, а она побежала, через холм и прочь, прочь так быстро, как могла, поскольку все еще должна была следить, куда наступала. Подлесок поранил ступни и бил ее по ногам и лицу, но она услышала выстрелы и поняла, что они идут за ней. Ей некуда было деваться, не было никакого преимущества, эти люди были обуты и вооружены лучше. Ей

нужно было где-то спрятаться, потому что, будучи на всеобщем обозрении, она не сможет их сжечь.

Она едва осознавала звук своих шагов и свистящее, тяжелое дыхание, когда бежала, но отчетливо слышала изредка раздававшиеся выстрелы и крики позади и слева нее, под горой, ведущей к морю. Пираты уже перекрыли путь в этом направлении. Она повернулась и побежала в гору. Если бы они не видели ее, если бы все, что они знали, заканчивалось тем, что она была Поджигающим, она могла бы использовать это в своих целях и ускользнуть куда-нибудь, то они бы поверили, что ей слишком тяжело и слишком страшно.

Она перешагивала ручьи, заросшие густыми вечнозелеными растениями. Ветви деревьев опускались до земли и были слишком толстыми, чтобы кто-нибудь мог что-то разглядеть среди них, крики приближались. Элинор не думала, что сможет подняться даже на одно из этих деревьев, прежде чем ее поймают. Ей нужно было исчезнуть, как Ограничивающему, но это было невозможно. И у них, конечно, нет его, иначе её уже бы схватили.

Теперь она бежала более медленно, ее ступни горели от напряжения, были изрезаны и кровоточили. Скоро ей придется повернуться и бороться, надеясь, что ее огня хватит, чтобы убить их всех, с ужасом осознавая, это может быть не так.

Элинор достигла горного хребта, который выглядел знакомым, хотя она никогда не видела его с этой высоты. Это был тот хребет, откуда был виден дым, шедший с пляжа. Если бы только кто-то увидел ее маяк!

Она споткнулась и покатилась, ужас от того, что ее могут поймать, наполнил ее. Элинор поняла, что споткнулась о расщелину в скалах, узкую щель, которая была почти невидимой в вечерних сумерках. Идея поразила ее, и она с трудом вернулась, чтобы осмотреть трещину, которая оказалась входом в крошечную пещеру, и была достаточно большой для того, чтобы она могла поместиться внутри, идеальное укрытие. Девушка колебалась. Если залезть в нее сейчас, то пираты увидели бы, как она внезапно исчезла, и стали бы внимательнее присматриваться к земле и нашли бы ее, пойманной в ловушку. Ей нужно найти способ заставить их поверить, что она все еще убегает.

Она остановилась на мгновение, отчетливо вырисовываясь на фоне синих облаков, заполняющих восточное небо, а затем провела рукой по горизонту. словно в ответ, ряд деревьев между ней и пиратами вспыхнул ярким светом. Быстро, она заставила гореть еще одну линию деревьев в том направлении, в котором, якобы, направилась, если бы продолжала бежать, и быстро забралась в расщелину, оцарапав лицо и руки краями. Затем забила в угол и молилась, чтобы они не пошли её маршрутом.

Вскоре она услышала проклятия и крики, когда люди приблизились с двух сторон. Пираты, похоже, больше не бежали. Они могут быть такими же усталыми, как и она. Кто-то крикнул:

— Идите по обеим сторонам, но идите быстрее. Поджигающий может снова выкинуть этот трюк.

— Ты видел Мортон! Не хочу, чтобы меня поджарили, как жаркое!

— Ты будешь делать, как я говорю, или, черт возьми, я сам поджарю тебя! А теперь двигайтесь!

Звуки преследующих приближались к укрытию Элинор, и она сильнее сжалась в комок, стараясь не дышать.

— ... проклятые Поджигающие и их проклятый талант... — произнес человек, который жаловался на то, что его поджарят, как жаркое, а потом он прошел мимо, через пару минут

шум стих, а Элино́р продолжала крепко обнимать себя, потому что не могла поверить, что они действительно не заметили её.

Как только они пройдут вторую линию огня и не увидят ее, они могут подумать, что нужно более тщательно исследовать эту область. Или они могут поверить, что она спряталась на дереве, и потратят некоторое время на то, чтобы попытаться обнаружить ее. В любом случае, она не могла позволить себе перепрятаться, потому что ей больше некуда было идти, чтобы снова скрыться. Она будет ночевать здесь и горячо молиться, чтобы пираты, в конце концов, сдались и отправились домой.

В расщелине было сыро и холодно, и она пахла как мокрый камень, и ей пришло в голову, что, возможно, в ней кто-то жил, и ее сердце снова забилося. Пока ей крупно везло, так что она надеялась, что Бог не посчитает это достаточным и решит не посылать корабль на ее пути. Они должны были прийти. Она не могла больше ждать.

Прошло несколько часов. Солнце село, и тьма наполнила укрытие Элино́р, как влажная черная шерсть, которая прижалась к ее горлу и векам. Она все еще могла слышать крики, хотя это было далеко и один или два раза выстрелил пистолет, но затем звуки стихли. Она задремала, а проснулась в ужасе от того, что она храпела, и они нашли ее, задремала снова, а затем слишком сильно замерзла, чтобы заснуть.

Когда темнота превратилась в серый рассвет, а затем в розовый, ей понадобилось несколько минут, чтобы понять, что настало утро. Элино́р едва смогла выбраться из расщелины, нырнув в укрытие за деревьями, и притаилась в течение длительного времени, прежде чем убедилась, что пиратов на самом деле нет.

Она ползла и ползла вниз по горному хребту, пока не наткнулась на ручей, окунув лицо в воду, чтобы освежиться. Девушка была измучена, но с просветлевшей головой, а тело болело так, как будто эти пираты всю ночь напролет трясли ее за босые ноги. Вода помогла очистить разум, чтобы она смогла найти свои продовольственные запасы и съесть несколько папай, выплюнув горькие семена, чувствуя себя слишком слабой, чтобы вскрыть что-то с более крепкой скорлупой.

Наконец, она откинулась назад на ствол вечнозеленого растения, закрыла глаза, и отчаяние сокрушило ее. Она оказалась в ловушке на этом острове, и в какой-то момент пираты найдут ее, и это будет концом. Даже если бы она могла благополучно зажечь другой маяк, никто бы его не заметил. Больше ей ничего не оставалось. Рамси и остальные матросы «Афины», возможно, продолжат оплакивать ее, а потом забудут, и никто не узнает о крепости пиратов, потому что Даррант был слишком упрям, чтобы искать что-то скрытое в пределах досягаемости.

Элино́р с трудом поднялась на ноги и, спотыкаясь, побрела по пляжу. Она была обречена. Она могла также наслаждаться красивым пейзажем в теплом прибое. Девушка закатала штанины, хотя не знала, зачем так сделала, ткань была так плоха, что, намокнув в воде, ничто бы ее не испортило еще больше.

Она вспомнила, как разговаривала с Рамси в тот день, когда они шли по пляжу на Тенерифе, в тот день, когда началась их дружба, и остановилась по лодыжки в волне. Ее порезанные и ушибленные ноги жалило от соленой воды, ее пальцы на ногах увязли в мягком мокром песке. Она позволила себе заплакать. Это была полный провал. Элино́р ощущала себя почти мертвой женщиной, и если это не давало ей права плакать, тогда ничего не давало.

В конце концов, ее слезы закончились, и она вытерла глаза, поморщившись от песка,

который попал в них. Девушка наклонилась, чтобы ополоснуть руки в прозрачной воде, и прикрыла глаза, которые могли вытерпеть еще немного соли, потом вздохнула и посмотрела на пустой горизонт.

Вдалеке, подобно птице, севшей на воде и размахивающей крыльями, стоял корабль, его паруса вздымались на ветру.

Элинор закричала, хлопнула ладонью по губам, а затем сделала десять шагов к кораблю, прежде чем здравомыслие вернулось и напомнило ей, что она не может плыть до самого корабля. Было бы настоящим чудом, если бы это была «Афина», но все, что она могла сказать, было то, что это был один из фрегатов ВМФ. Она откинулась на берег и побежала по пляжу, ища самое высокое дерево, которое смогла найти среди линии деревьев, а затем заставила его гореть горячим и ярким пламенем на холодном зеленом фоне, а затем потушила его. Она снова зажгла его, потушила его снова и снова, чтобы его мигающий свет и дрейфующий дым попались команде на глаза.

Корабль подошел ближе, а затем, опустил лодку. Элинор побежала к краю воды, махала руками и кричала, а затем в ее памяти всплыло изображение двух кораблей ВМФ, стоящих на якоре в пиратской бухте. Никто никогда не говорил ей, сколько кораблей ВМФ пираты захватили, а не уничтожили. Эванс был умным. Он мог послать этот корабль, чтобы обмануть, заставить раскрыть себя, чтобы он мог ее захватить. Она только что совершила огромную ошибку.

Она побежала за деревьями, затем остановилась, положив руки на два ствола, не обращая внимания на сок, прилипающий к ее ладоням. Было слишком поздно. Если они были пиратами, а не флотом, они знали, где она, и они захватят ее, куда бы она ни пошла. Она не могла жить в этой расщелине всегда. Лучше смотреть в лицо всему, что может произойти, и если это было фатально, это было все, что она могла сделать после того, что пережила в последние несколько дней. Элинор снова подошла к краю воды и наклонилась, чтобы смыть сок с пальцев. Если бы они были пиратами, то она убьет столько, сколько сможет, пока они ее не схватят.

Она встала, наблюдая приближение лодки, стараясь не надеяться. Большинство моряков носили тряпье, что было удобно, поэтому они и пираты, которых девушка видела, были похожи по внешнему виду, и она не могла различить их на таком расстоянии. Шлюпка подошла ближе, дюжина мужчин гребли с кем-то, сидящим в... он был в темно-синем пиджаке с белыми оборками, на плече была эполета лейтенанта, у него даже была шляпа, он был офицером, и теперь Элинор вышла навстречу им, не в силах ждать. Они достигли ее, когда она стояла по пояс в воде, покачиваясь на волнах, которые покатались на берег и потянулись к лодке. Лейтенант снял шляпу и поклонился, не вставая.

— Мисс Пемброук? — спросил он. — Мы искали вас.

Глава восемнадцатая, в которой Элинор возвращается домой

Корабль назывался «Сирена» — Колониальный фрегат в Порт-Ройяле, и это было все, что Элинор узнала, прежде чем ее подняли на корабль, и проводили в отличную каюту, идентичную на «Афине», предоставив воду для мытья и чистую, но слишком большую форму (очевидно, у них не было платья для нее). Ее поврежденную руку перевязали. И накормили обедом, в котором вообще не было каких-либо морепродуктов.

В конце трапезы капитан Гораций присоединился к ней за столом. Это был круглый краснощекий мужчина лет пятидесяти, с тщательно расчесанными черными волосами и веселыми глазами цветом черной смородины.

— Я не могу поверить, что военно-морской флот увидел мои маяки, — сказала Элинор, и ей пришлось прикрывать рот салфеткой, потому что она говорила с полным ртом. Достаточно ли трех дней, после кораблекрушения, чтобы она полностью забыла о своих манерах?

— Маяк? Мы не видели маяка. Необычный Провидец в Адмиралтействе нашел вас, — ответил Гораций, его колониальный акцент делал странные вещи с долгими гласными. — К сожалению, это заняло много времени, но Видения не всегда легко интерпретировать.

— Я не понимаю. Почему кто-то подумал о моих поисках? Разве вы не были уверены, что я мертва?

Гораций усмехнулся, заставляя щеки раскачиваться.

— Все кроме одного. Я слышал, что Майлс Рамси изводил себя, пока не привлек внимание Провидца, а потом то, что произошло в Адмиралтействе было возмутительным, могу вам сказать.

Сердце Элинор забило чаще. Разумеется, Рамси не мог поверить в это. По-видимому он верил в нее, точнее не верил в ее смерть.

— Полагаю, потеря меня была бы большой утратой.

— Вы очень ценная, привлекательная молодая леди. Определенно не хотелось бы потерять вас, — Гораций улыбнулся и погладил ее по щеке, жест в котором, к удивлению Элинор, не читалась опека. Она была благодарна мужчине за свое спасение. Она решила не обращать внимания на этот жест.

— Куда мы плывем, капитан?

Пожалуйста, скажите, что это «Афина».

— Сначала Порт-Рояль, и, думаю, что кто-то встретит нас там, чтобы отвезти вас в Адмиралтейство. У «Сирены» нет Ограничивающего, стыдно, но это не займет много времени. Сейчас около полудня, возможно, прибудем через тридцать шесть часов, но мы постараемся сделать путешествие для вас максимально комфортным. Надеюсь, вы не возражаете против мундира. Все понимают, специфика войны и тому подобное, но я думаю, мы сможем найти в Кингстоне что-то получше, прежде чем вам придется встретиться с адмиралом Даррантом.

— Спасибо, капитан, я ценю это. Кто-то, встречавший ее, может быть Стратфорд, позаботится о ее комфорте. Она собиралась идти на прием к Дарранту, чтобы осудить Кроуфорда и настоять на возвращении на «Афину».

— Итак, юная леди, мне бы очень хотелось услышать, что с вами случилось, но я

полагаю, что адмирал Даррант должен услышать это первым, — произнес Гораций.

— Подождите, капитан, вы должны немедленно отправить письмо адмиралу Дарранту. У Братьев Побережья есть своя крепость на этом острове, и, если он будет действовать быстро, они могут быть побеждены!

— Братья? — капитан Гораций нахмурился. — Вы, должно быть, ошиблись. Этот остров находится на главном судоходном пути. Они не могли остаться незамеченными.

— Уверяю вас, это правда, капитан. Пожалуйста, заставьте Оратора сообщить в Адмиралтейство. У пиратов не должно быть времени, чтобы сбежать.

— Успокойтесь, мисс Пемброук. После перенесенного вами испытания вы не должны переживать. Конечно, я отправлю письмо.

Теперь она чувствовала себя под опекой. Он не верил ей. Он мог бы отправить письмо, но делает это не сразу, и пираты не будут захвачены. Если бы только «Афина» пришла за ней!

— Мы устроим вам как можно скорее встречу с адмиралом Даррантом, — добавил Гораций, поглаживая ее руку, — и вы можете предоставить ему отчет.

Она почти рассказала ему, что сделал Кроуфорд, но вовремя поняла, что это может быть что-то, с чем флот должен был бы разобраться сам, и сказала вместо этого:

— Будет ли это формальный прием?

— О, они примут вас, и вы расскажете свою историю. Совсем не похоже на военный трибунал, о котором вам не придется беспокоиться. Не то, что бедняге Кроуфорду.

— Подвергнут ли капитана Кроуфорда военному трибуналу?

Прорицатель обнаружил его предательство?

Гораций кивнул, откинулся назад и почесал за ухом.

— Каждый раз, когда капитан теряет корабль, собирают военный трибунал, чтобы определить, виноват ли он в этом. Формальность. Есть много свидетелей, доказывающих, что Кроуфорд сделал все, что мог, и теперь, когда вас спасли, он будет рад узнать, что ошибался, когда думал, что вы мертвы.

О, я уверена, что это не так.

— Я знаю, он удивится, — сказала она.

— Мы все удивлены, кроме, может быть, Рамси. Ну, моя дорогая, давайте найдем вам место для отдыха. Вы выглядите так, как будто очень нуждаетесь в нем. К сожалению, я не могу предложить вам исцеление, но, вероятно, в Адмиралтействе есть кто-то, кто может что-то сделать с вашими травмами.

Элинор подумала о ране на руке, которая все еще болела, когда она поднимала ее слишком высоко, порезы и синяки на ногах, грубые царапины на руках и на левой щеке, и кивнула.

— Мне будет хорошо и в гамаке, сэр, — сказала она.

— Я не могу заставить леди спать в гамаке. Вы займете мою кровать, и больше ни слова об этом.

— Нет, я привыкла...

— Юная леди, у меня есть дочери старше вас, и вы будете делать то, что вам говорят. Честно говоря, я не знаю, что думал Королевский Военно-Морской флот, втянув вас в это, обладаете вы Необычным талантом или нет.

Что-то, что волновало Элинор, наконец, привлекло ее внимание.

— Много ли людей узнало, кто я?

— Может быть, несколько. Со всем поднятым шумом Рамси открыл тайну только для таких людей, как я, так как собирался найти вас и все такое. Но не волнуйтесь. Никто не думает о вас плохо, только потому, что вы служите своей стране, женщина вы или нет.

Больше людей, которые знали... и если кто-то из них провел правильную (или неправильную) связь..., это не потребовало бы многого, чтобы слух дошел до отца. Она сжала челюсти. Секрет не может длиться вечно. Ей просто придется терпеть, когда её найдут.

— Еще раз спасибо, капитан.

— Не думайте об этом, моя дорогая. Теперь, если вы хотите пройти на палубу или вздремнуть, или у меня есть книги — все, что вам может понравиться. Это звучит, как будто у вас был тяжелый период. Но в книгах Робинзон Крузо всегда разводил огонь, это было самое сложное, но думаю, у вас не было никаких проблем с этим!

Он рассмеялся своей шутке, и Элино́р, несмотря на раздражение, засмеялась к его удовольствию. Она чувствовала себя свободнее, чем месяц назад.

Девушка успела хорошо провести время на «Сирене», прибыв в Порт-Рояль через два часа после восхода солнца на следующий день. Элино́р стояла на носу, призывая судно двигаться быстрее вместе с ее мыслями, когда они проплывали знаменитые виселицы, на которых два пирата висели в цепях, почерневшие и все еще пахнувшие. Элино́р с восхищением наблюдала, как большая черная птица приземлилась на одну из клеток и клюнула в какую-то часть тела. Хотя ей было немного отвратительно, она не ужаснулась при таком зрелище. Но, сказала она себе, я убила многих людей, и мне не стыдно за это, так что я полагаю, что сама смерть уже не страшна и не ужасна для меня.

Они проплыли мимо обрыва на острове, который прежде был городом Порт-Ройяль, и вошли в доки Королевского флота. Через залив Элино́р могла видеть коричневые и красные крыши Кингстона. В его гавани было так много деревянных доков, которые выступали вперед, что это напоминало зубы морского чудовища, украшенных бахромой коричневых крыш домов, примостившихся возле берега. Десятки одно- и двухмачтовых лодок гребли или переплывали через залив, некоторые из них проплывали мимо «Сирены» и скрывались из вида на побережье Ямайки.

Военно-морская застава, напротив, имела небрежный вид. Элино́р вспомнила, что все попытки представить это место после землетрясения, в конечном счете, потерпели неудачу. Это отдавало дань британскому упорству, они смогли жить в месте, где фундамент мог сдвинуться и сбросить их в море в любой момент.

Она стояла на носу, положив руку на поручни, когда «Сирена» подошла и бросила якорь. Элино́р посмотрела через гавань, и ее сердце тяжело и болезненно стукнуло, когда она увидела на некотором расстоянии корабль с изображением гальюнной фигуры⁵, мачты и лонгбот, подвешенный над палубой, был ей знаком так же, как ее собственные пальцы.

Она сильно наклонилась над рельсом и увидела маленькую фигуру. Приближаясь к ним, становясь все больше и больше, та превратилась в Стратфорда, который сделал последнее движение и подбежал к Элино́р, чтобы поднять ее за талию и окружить. Пока она не обняла его очень крепко.

— Вы, без сомнения, подорвали мою репутацию, — сказала она ему на ухо, — или, возможно, мое здравомыслие.

Слезы пролились по щекам, и она была уверена, что глаза Стратфорда увлажнились.

— Не волнуйтесь, — сказал он, сжимая ее, прежде чем отпустить. — Месяц без

весточки, а потом известие, что вы мертвы... Элино́р, я должен сказать вам, как хорошо видеть вас живой.

— Я надеялась, что вы встретите меня здесь, Стратфорд, — произнесла девушка, стирая слезы. — Могу ли я вернуться на «Афину», вы не знаете? — она наклонилась, чтобы еще раз взглянуть на любимый корабль поближе. Краска была другой, черная с белой отделкой, как будто такая вещь могла обмануть ее.

— Думаю, я должен потребовать объяснений или, возможно, введения в курс дела, — крикнул Гораций, подходя к ним, протянув руку. Он сделал вид, что хмурится на Стратфорда, и добавил: — И каковы ваши намерения, молодой человек?

— Это мой хороший друг мичман Стратфорд Херви, и он иногда увлечен своим энтузиазмом, —

сказала Элино́р. — Мистер Херви, капитан Гораций.

Стратфорд пожал капитану руку.

— Очень вам благодарен, сэ́р, и мои поздравления капитану Рамси. Я должен доставить мисс Пемброук прямо в Адмиралтейство.

— Вы не должны делать ничего подобного, мичман, — ответил Гораций. — Как сказала Элино́р, я не могу появиться в Адмиралтейском Доме в этом наряде!

Стратфорд удивленно посмотрел на нее.

— Я не могу поверить, что вы способны думать о том, как одеты, после того, что произошло, Эль... мисс Пемброук!

— Тем не менее, я была вынуждена носить мужскую одежду слишком долго, и я настаиваю на том, чтобы быть одетой должным образом, прежде чем поприветствую адмирала.

— Я думаю, вы отлично выглядите, — пробормотал Стратфорд и вздохнул. — Отлично. Мы можем отправиться в Кингстон, но вы купите первое платье, которое мы найдем, а потом мы уйдем. Многие хотят увидеться с вами.

Ее собственное беспокойство грозило задушить ее.

— Мы поторопимся, — ответила она.

«Мне нужно поблагодарить кого-то за то, что я выжила.»

Потребовалось некоторое время, чтобы найти приемлемое платье. Кингстон не был настолько восприимчив к чувствам англичан, как Гамильтон, и Элино́р должна была зависеть от очарования Стратфорда, чтобы убедить лавочника помочь им. И, в конце концов, Элино́р была одета, хотя и несколько необычно, в строгое коричневое хлопчатобумажное платье и надлежащее нижнее белье. Хотя купленная ею сорочка не позволила чувствовать себя уверенно и заставила пожалеть о потере старого гардероба.

Она почувствовала неожиданный укол сожаления, сняв одолженную униформу и вспомнив, как ее старая стала защитой во время кораблекрушения. Элино́р была полна решимости больше никогда не надевать подобное, так как большая часть воспоминаний была связана с Кроуфордом и «Славным». Она собиралась противостоять ему и заставить заплатить за то, что он отказался ей помочь в минуту смертельной опасности. Эта мысль наполнила ее неистовым удовольствием.

Она вышла из большой каюты, чтобы найти капитана Горация, который ждал ее, засунув большие пальцы рук за пояс, и Стратфорда нетерпеливо расхаживающего взад и вперед.

— Я не знаю, почему женщины так долго одеваются, — сказал он.

— Я не сомневаюсь, это загадка века. Прощайте, капитан Гораций, и еще раз благодарю вас за мое спасение.

Гораций сжал ее протянутую руку и поклонился.

— Не думайте об этом, моя дорогая. Желаю удачи у адмирала.

Элино́р едва успела забрать свою ладонь, прежде чем Стратфорд обнял ее за талию, и в мгновение ока они оказались в ограничительной комнате на «Афине».

— Но, — Элино́р удивилась, — вы сказали, прямо в Адмиралтейство.

— Ну, это были приказ Адмиралтейства, а приказ капитана должен был привести вас сначала сюда, — ответил Стратфорд с дерзкой улыбкой. -

Не думал, что вы будете сильно огорчены.

— Нет, действительно, — сказала Элино́р, ее сердце колотилось без всякой причины доступной для понимания. Ей захотелось снова увидеть Рамси и поблагодарить его за то, что он не потерял веру в нее, но как она могла выразить свою благодарность?

Вот и все. Благодарность. Она не возражала против его присутствия в своей жизни, но это слово заставило ее кожу пылать. Этого ее отец всегда требовал от нее. Испытывая благодарность к своему дорогому другу, хотя были преграды между ними, но именно это заставило ее почувствовать себя неловко, увидев его снова. Ей просто нужно было притвориться, что этого не было. Она не позволила бы благодарности разрушить их дружбу. Сердце Элино́р не переставало колотиться.

Она шагнула через столовую за Стратфордом так быстро, как позволяла узкая юбка. Возможно, в конце концов, смена формы на платье, было ошибкой... но нет, показывать ноги всем, кто хочет посмотреть, не стоило свободы передвижения. Нижняя палуба, дверь в оружейную, лестница на верхнюю палубу — они пережили больше схваток, прежние чистые доски настила были покрыты шрамами от оружейных кареток, отскакивающих от взрыва, но все это было так знакомо, что она хотела заплакать снова.

— Миледи! Мисс Пемброук!

Она не могла определить, кто закричал первым, но в одно мгновение палуба задрожала от криков десятков мужчин, а потом она действительно заплакала. Ноги стучали, и люди толпились на дорожке, размахивая руками и смеясь, и она махала им и вытирала слезы счастья, а затем смеялась над собой за то, что была так тронута приветствием и радостью моряков.

— Пойдемте, Элино́р, — сказал Стратфорд, потянув ее за руку, и она в последний раз помахала офицерам рукой и позволила провести ее через вестибюль в большую каюту, где стоял Бомонт, выглядывающий из окон, а Рамси сидел за столом, над какими-то бумагами с ручкой в руке. Он поднял глаза, когда они вошли, и она не знала, что почувствовала, когда он приветствовал ее одной из этих кривых улыбок.

— Мисс Пемброук, — сказал он, — добро пожаловать обратно.

— Это так... приятно видеть вас, капитан, — сказала Элино́р, чувствуя слез на щеках. Она протянула ему руку. — Я понимаю, что вас я обязана благодарить за спасение.

Он сжал ее руку, обняв своими ладонями, коротко сжал, а потом отпустил. Его твердое, теплое рукопожатие дало ей больше тепла, чем в тот момент, когда «Сирена» виднелась на горизонте, и она не хотела отпускать ее.

— Я знал, что вы не погибли. Все остальное было просто мелочью. Садитесь, пожалуйста. Мистер Херви, спасибо вам за ваши услуги. Вы свободны.

— Сэр, — откликнулся Стратфорд, затем повернулся на каблуках и ушел, но не раньше,

чем подать шляпу Элино́р.

Рамси посмотрел на него с недовольным видом.

— У этого молодого человека слишком много энергии, — сказал он.

— Вероятно, это к лучшему, если вы можете использовать его, — сказал Бомонт.

— Несомненно, — Рамси встретил взгляд Бомонта, и Элино́р не могла прочесть эти взгляды.

Бомонт снова оглянулся в окно и сказал:

— Дайте мне знать, как это происходит, если эти списки сработают.

И вышел из комнаты.

— О каких списках идет речь? — спросила Элино́р.

Рамси пожал плечами.

— Магазины, принадлежности. Проверка журнала преследователя, двойная проверка списка часов. Иногда все это нужно делать сразу. Это неважно.

Он отодвинул бумагу и откинулся на спинку стула. Его глаза выглядели усталыми, как будто он провел последние три дня без сна.

— Как Провидец нашел меня, Капитан? Вы говорили, что ему нужно на чем-то сосредоточиться.

Он усмехнулся.

— У меня остался ваш зонтик. Затем я преследовал Необычного Провидца адмирала, пока он не получил полезное видение вашего местоположения. Хотя я полагаю, что самое полезное видение первое, которое доказало, что вы не умерли, и я не терял время зря. Похоже, на это потребовалось полжизни.

— Я чувствовала то же самое. Это были долгие три ночи, и... о, капитан, я нашла крепость пиратов! — она подошла к тому, чтобы забыть о своем беспокойстве, вернувшись домой, и теперь это было единственное, о чем она могла думать.

Рамси посмотрел на нее прищуренными глазами.

— Какую пиратскую крепость?

— Место, где Рис Эванс и Братья Побережья составляют свои планы и откуда отправляют свои приказы. Я нашла его, капитан. Это прямо здесь, под боком адмирала Дарранта, и едва ли он что-то предпримет, чтобы уничтожить их! Разве капитан Гораций не сказал адмиралу?

— Пиратская крепость, — Рамси провел руками по волосам. — Мисс Пемброук, вы уверены, что ваши испытания не...

— Вы верили, что я не мертва, и теперь вы не можете доверять тому, что я узнала? Подлое поведение, капитан.

— Я... нет, вы правы, — он встал и пошел туда, где стоял Бомонт. -

Кроуфорд был ужасно настойчив, говоря, что вы мертвы, понимаете, — сказал он, как будто это был разговор, который они вели. — И было очень приятно доказать, что он не прав, но я действительно удивлялся его уверенности, а затем его испуганному виду, когда он узнал правду.

— Это потому, что капитан Кроуфорд — крысиный ублюдок, который оставил меня умирать на тонущем корабле, — сказала Элино́р. Воспоминание снова ее разозлило.

Рамси повернулся к ней, глаза пылали, и сказал:

— Что он сделал?

— Он говорил со мной, смотрел мне в глаза, когда Ограничивающий увел его, и не отослал его назад, хотя знал, что я жива и лишь слегка ранена. Уверена, что это против какого-то военного или другого закона, не так ли? Потому что я бы с радостью увидела, как его повесили...

Рамси вернулся и взял Элинора за плечи, довольно грубо.

— Он оскорблял вас?

— Нет, капитан, мы просто недолго любили друг друга, и это переросло в ненависть, и он говорил вещи, которые я не смогла стерпеть. И тогда он оставил меня умирать.

Рамси отпустил ее и сказал:

— Прошу прощения, мне не следовало бы спрашивать у вас, но я... Вы знаете, я не люблю Кроуфорда, но я предположил, что он не воспользуется вами.

— Нет, он не воспользовался. Я думаю, что жалею, что он не умер, когда «Славный» потонул, и теперь я чувствую себя виноватой за такие кровожадные мысли.

— Тогда мы оба виновны в этом, — Рамси снова повернулся к окну и тяжело опустил руки на подоконник. — Мисс Пемброук, — сказал он, — мы не сможем выдвинуть против него это обвинение.

Элинора вскочила и опрокинула стул.

— Как? Но... разве он не несет ответственности за то, что он сделал? Я совершенно готова свидетельствовать.

Рамси повернулся к ней лицом, прислонившись к подоконнику, скрестив руки на груди.

— Ваше слово против его, и он по-прежнему использует своего дядю.

Элинора тяжело стукнула о стул подошвой башмака, заставляя его скользнуть на дюйм или два в сторону двери.

— И все же он должен столкнуться с военным судом за то, что потерял свой корабль. Думаю, что я, по крайней мере, столь же ценное оружие, как и «Славный».

— Вы не оружие, — сказал Рамси. -

Хотя адмирал Даррант мог бы ответить на этот аргумент, мне больно это признавать.

— Тогда это аргумент, который мы используем.

— Мисс Пемброук, я не думаю, что хорошо объяснил. Вы обвиняете Кроуфорда в покушении на убийство. Вот что это такое. Он, конечно, будет отрицать все, и адмирал примет его сторону, даже зная правду о том, что произошло. Учитывая это, адмирал Даррант и Кроуфорд предстанут перед гражданским судом за соучастие в покушении на убийство Необычного. Все это означает, что если вы или я попытаемся затронуть этот вопрос, мы можем столкнуться с какими-то фатальными происшествиями, которые раскроют ваш секрет. Так что нет никакого способа увидеть, как Кроуфорд получает справедливое наказание за то, что он сделал с вами.

— Я не верю, что не будет военно-полевого суда, по крайней мере, можно доказать, что он был небрежен в бою?

Рамси покачал головой.

— Возможно. Ему следовало знать, что «Олимпия» захвачена пиратами. О каждом из наших кораблей, который пропадает без вести, сообщается флоту. Кроме этого, я не могу ничего сказать. Я не слышал никаких слухов о халатности.

— Но он... он проигнорировал их отсутствие сигналов! Он позволил им поступить неправильно...

— Ничего, мисс Пемброук. Ни одного слова. Я утешаюсь тем фактом, что у адмирала

Дарранта нет корабля, чтобы его отдать.

— Но я могу свидетельствовать на военном суде, не так ли? Я все поняла, капитан!

Рамси протер глаза, как будто они болели.

— Ваш статус на флоте неоднозначен. Адмиралтейство станет утверждать, что вы не можете давать показания, потому что вы не офицер или потому, что вы не мужчина. Первый Лорд может даже подумать, что он делает вам одолжение, сохраняя ваше существование в секрете, а не то, что сейчас имеет значение.

Она почувствовала, как холодок пробегает по её спине.

— Что вы имеете в виду?

— Боюсь, это моя вина. Спасти вас, означало, что больше людей должно было узнать вашу личность, и почему было так важно, чтобы мы вас нашли. Капитан Гораций, Необычный и два других Провидца в Адмиралтействе... их не много, но вы знаете, как трудно сохранить тайну, как только люди ее узнают.

Теперь она чувствовала себя больной, как же холодно. Так она была оружием, в конце концов.

— Я полагаю, что я достаточно ценна, чтобы компроментирование моей личности того стоило, — сказала она.

— Так думает адмирал Даррант. Уверю вас, ваше спасение было важным для... каждого человека на этом корабле.

Она вспомнила приветствие, которое дарили ей моряки, улыбка, с которой он встретил ее, и сразу почувствовала себя лучше.

— Я так сильно скучала по вам, — сказала она и наклонилась, подходя к своему стулу, садясь и скрепя пальцы коленях. — Капитан Рамси, — сказала она, глядя вниз на ее руки, — почему вы не вернули меня сюда сразу?

Рамси молчал так долго, что ей стало интересно, возможно, она недостаточно громко говорила. Она подняла голову и увидела, что он снова повернулся к окну, склонив голову.

— Я пытался, мисс Пемброук, — тихо произнес он. — Бог знает, сколько я пытался. Я аргументировал это всем, кого знал в Адмиралтействе. Я спорил с Первым Лордом. Лорд Мелвилл был чрезвычайно добр, но отказался отменить приказ адмирала Дарранта на основании... Я не помню, какая-то чепуха или что-то о юрисдикции, я уверен, что Первый Лорд игнорировал ее многое количество раз, когда это устраивало его.

— Тогда...

— С чем это связано, так это то, что Первый Лорд назначил вас на «Афину», потому что мне было удобно, а не потому, что она была превосходным кораблем, наиболее приспособленным к вашим способностям или чему-либо еще, вот что он сказал в тот день. Вы были столь же взаимозаменяемы, как и любой из нас, и я никогда не должен был побуждать вас верить в иное.

Элинор сжала руки так крепко, что они онемели.

— Я понимаю, что мне приказывают служить там, где адмиралтейство укажет, — сказала она, — но я не вещь, и не верю, что я взаимозаменяема. На этом корабле мои способности всегда будут наиболее эффективно использоваться. Если бы это была «Афина», а не «Славный», который столкнулся с тем пиратским кораблем, даже если бы у нас не было других Поджигающих, кроме меня, это сражение закончилось бы теми пиратами на дне моря, потому что я знаю и доверяю вам и всем, находящимся на этом корабле. И я бы не стала бороться за недостатки моих товарищей. И вас бы не обманули такой простой уловкой.

Кроуфорд дурак, и он достоин, чтобы у него не было корабля, хотя я не могу этого желать, — она подошла к Рамси и положила руку ему на плечо. — Я не позволю адмиралу снова отстранить меня от «Афины», — сказала она.

Он слегка повернул голову, достаточно, чтобы его глаза могли встретиться с ней.

— И что заставляет вас поверить, что у вас есть эта сила?

— Потому что я думаю, что он боится меня, и думаю, что могу использовать это. Потому что я заставляю его увидеть причину. Я выживала три дня на этом острове, капитан. Меня преследовали пираты, и я спала в трещине в скале, когда они охотились на меня. Адмирал Даррант даже рядом с этим не стоял.

Рамси отвернулся, когда она произнесла слово «пираты», и теперь он издал длинный вздох, который звучал так, словно он исходил из глубочайших глубин его души.

— Мне хотелось бы услышать эту историю, — сказал он, — однажды в далеком будущем, когда мы сможем смеяться над тем, как близко вы были к смерти. Но сейчас я думаю, что вы должны увидеть Хейса, и тогда мы должны поговорить об том, что вы обнаружили, и тогда мы сможем решить, как вы должны говорить с адмиралом.

Глава девятнадцатая, в которой Элинор боится адмирала в его логове

Элинор почувствовала нехватку своего гардероба в тот момент, когда она вышла из камеры ограничения Адмиралтейства. Многие слуги и рабы, проходящие по коридору, обходя вокруг нее с опущенными головами, носили платья или юбки, сделанные из того же коричневого хлопка, что и ее наскоро купленная одежда. Волосы у нее были собраны в прическу только теми булавками, которые она смогла отыскать в своей спальни на «Афине». Смущенная своей небрежностью: ей пришлось заплести волосы в косы, как перед сном, не оставляя же их распущенными, как у ребенка. Она хотела — нуждалась — раздавить адмирала Дарранта, отбросив шутки в сторону.

— Но... вы должны меня сопровождать! — воскликнула она Рамси.

— Меня не вызвали. И я не ваш командир, пока дело не коснулось адмиралтейства.

— Я... — во всех ее фантазиях, когда она сталкивалась с Даррантом, Рамси стоял рядом с ней. Теперь все ее гордые слова о том, чтобы встать перед адмиралом, вылетели из окна вслед за соленым бризом.

Рамси крепко взял ее за плечи, его голубые глаза сосредоточились на ее лице, руки словно якорь.

— Мисс Пемброук, вы более чем равны ему, и, более того, правда на вашей стороне, и это всегда, кажется, дает вам уверенность. Это не может быть хуже, чем входить в зал заседаний Адмиралтейства в Лондоне и говорить лорду Мелвиллю, что вы хотите служить на флоте, не так ли?

Она смеялась.

— Нет, я полагаю, нет. Но, если Кроуфорд там, мне будет трудно не плюнуть ему в лицо.

Он отпустил ее и еле заметно улыбнулся.

— Если сделаете это, я буду очень сожалеть, что не увидел.

Теперь она шла к прихожей впереди Стратфорда следующего сзади, ее шаги были медленными и тихими. Смелые слова в сторону, она не ожидала этой встречи. Если она не сможет убедить Дарранта в необходимости напасть на пиратов, в ее жизненно важное значение и возвращение на «Афину»... ей просто нужно было бы убедить его, вот и все.

— Я заберу вас обратно на «Афину», даже несмотря на то, что скажет адмирал, — пробормотал Стратфорд.

— Не надо, если он назначит меня куда-то еще, я не хочу увидеть, как вы устраиваете мятеж, — прошептала Элинор.

— Это не мятеж. И вряд ли он произойдет, если вы вернетесь туда, где должны были быть.

— Стратфорд, я не допущу, чтобы вы или кто-то с «Афины» пострадали из-за меня. Капитан найдет решение, если уж на то пошло. Но я надеюсь, что вернусь с вами с благословения адмирала Дарранта.

Они добрались до вестибюля, как всегда пробираясь сквозь толпу людей в форме. Капитан, стоявший у двери, заметил ее, удивленно вздрогнул, подтолкнул товарища и указал тайком. Разговоры прекратились, за исключением нескольких шепчущихся комментариев, поскольку те, кто не знал ее, были просвещены теми, кто знал. Рамси оказался прав: ее

анонимность раскрыта.

Если раньше сердце Элиноор стучало, как у кролика, убегающего от лисы, то теперь ускорилося, чтобы трепетать, как крылья колибри. Почти двадцать человек находилось в комнате, и каждый из них знал правду: Необычный Поджигающий оказался женщиной. А сколько человек знали, что она Элиноор Пемброук, дочь Иосии Пемброука? Девушка сделала самый скромный реверанс всем, и повернулась на каблуках, сжав руки на платье, в отчаянной попытке не дать им трястись.

Ее шествие по залам к кабинету адмирала была похожа на прогулку к виселице. Каждый человек оставил то, что он делал, чтобы посмотреть, как она проходит. Она понятия не имела, кого они видели в ней, потому что боялась встретиться с ними глазами. Элиноор надеялась, что они застыли от ее безмолвия и безразличия к их вниманию, отчужденности и молча молились о такой спокойной силе присутствия, которую всегда имел Рамси, независимо от того, с кем он говорил. Когда она положила руку на железную дверную ручку, ее пальцы едва задрожали. Элиноор глубоко вздохнула, повернула ручку и толкнула дверь.

Кроуфорд стоял у камина, прислонившись к каминной полке и глядя вниз на чистую, пустую решетку. Его голова повернулась к входу. Дарранта нигде не было видно.

Элиноор почувствовала, как кровь прилила к лицу в изумлении, и на мгновение иррациональный страх поднялся в ней, прежде чем здравый смысл взял верх. Кроуфорду нужно ее бояться. Отказаться от члена своей команды, даже преднамеренно, можно было бы принять, как неотложные обстоятельства, но теперь она знала — покушение на убийство Необычного может означать тюрьму или даже смерть. Должно быть, поэтому Кроуфорд — что по этому поводу говорил Бомонт? — рассматривал свои брюки, гадая, что она может сделать.

«Если вы попытаетесь надавить на проблему, вы можете столкнуться со смертельным исходом», — говорил Рамси, но соблазн атаковать Кроуфорда был таким большим, что Элиноор должна была сжать свои губы, чтобы не кричать об обвинениях, прежде чем заполнить решетку пеплом.

— Я рад, что вы выжили, — сказал Кроуфорд слишком формально, и его челюсть сжалась.

— Я тоже, — ответила Элиноор, чувствуя, как ее тело поет о желании наполнить себя огнем.

— Это была... случайная ошибка... что вы остались.

— Ошибка, я уверена, что вы сожалеете.

Кроуфорд кивнул, слишком сильно.

— Надеюсь, вы не держите на меня зла.

Брови Элиноор поднялись. Ей захотелось рассмеяться над его наглым, лысым лицом. Не держу зла?

— Я не вижу причин, почему я должна, если это была... случайная ошибка.

Кроуфорд напрягся. Элиноор продолжала:

— И я жива, несмотря на все испытания, поэтому не думаю, что у нас будет хоть что-то хорошее в этом отношении.

Теперь Кроуфорд выглядел так, словно не был уверен, что она говорит. Элиноор улыбнулась и подошла к нему, протягивая руку и говоря:

— Пойдемте, капитан, мы должны стать друзьями.

Моргая от неожиданности, Кроуфорд потянулся, чтобы взять ее за руку, затем отдернул

с проклятьями, когда на пальцах Элино́р вспыхнуло пламя. Она задохнулась от сильного шока и встряхнула руку, заставив капельки жидкого огня забрызгать форму Кроуфорда.

— Прошу прощения, капитан, — произнесла девушка с искренними извинениями. — Иногда глубокие чувства заставляют меня проявить свой талант неожиданно. Надеюсь, вы не пострадали.

Она заставила драгоценный огонь исчезнуть и демонстративно вытерла руку о свои юбки.

Кроуфорд отряхнул борт мундира, на котором теперь были следы от огня.

— Я... нет, Пем... я имею в виду, мисс Пемброук, — сказал он, и мужчина скорее испугался, чем рассердился, что удовлетворило Элино́р до глубины души.

Дверь за Кроуфордом открылась, и вошел Даррант.

— Вы рано, — поздоровался он с Элино́р и Кроуфордом, — надеюсь, ты извинился. Это было очень печально.

— Да, сэ́р, и я верю, что мисс Пемброук... не держит на меня зла, — сказал Кроуфорд, его лицо было неподвижно.

— Хорошо. Нет смысла держать злобу, когда злого умысла не было, — сказал Даррант.

Элино́р была уверена, что он ничего не знал о том, что на самом деле происходило на «Славном» с погибающим квартере. И так, Кроуфорд боялся сказать правду Дарранту, а это означало, что он вдвойне испугался, что Элино́р может открыть свою тайну. Пока он больше всего боялся, что Элино́р может сделать с ним лично, маловероятно, что он попытается заставить ее замолчать.

— Полностью согласна, сэ́р, — сказала она и ласково улыбнулась Кроуфорду, который побледнел, как когда-то ее сестра Амелия.

— Теперь, мисс Пемброук, я хотел бы услышать ваш рассказ, — продолжил Даррант, усевшись, но предлагая стула ей. Элино́р была рада: стоя, она чувствовала себя увереннее, как будто имела какое-то превосходство над адмиралом.

— Что ж, адмирал Даррант, я не умела плавать до...

— Нет, мисс Пемброук, я имел в виду сражение. Я хочу знать, каковы были ваши действия, чтобы мы могли определить, были ли вы небрежны.

Ее рот раскрылся:

— Я? Небрежна?

— Вы действующий офицер и связаны статьями. Если бы вы проявили трусость, вы могли бы предстать перед военным судом.

Ей захотелось сжечь его. Ей хотелось сжечь комнату и все прочее. Трусость? Она проявила почти всю свою выносливость, пока ее спина чуть не раскололась, спасла Форте́скую от огня вражеского Поджигающего... хотя это считалось храбростью, когда он почти наверняка утонул?

— Полагаю, я не стану чувствовать себя оскорбленной обвинением в трусости, — сказала она, ее голос задрожал от ярости.

— Это формальность, — ответил Даррант, его глаза приоткрылись.

Элино́р увидела ловушку. Они представят ее виновной, отправят обратно в Англию. Они не могут позволить ей обвинить их независимо от того, что она сделала или не сделала. А Кроуфорд не будет осужден военным судом, потому что они не позволят ей давать показания против него. И она, казалось, станет единственной, кто знал правду о том, как он потерпел неудачу.

— Я думаю, — ответила она, — и я говорю это со всем уважением, адмирал Даррант, но я думаю, что вы не можете судить, насколько я, Необычный Поджигающий, выполнила все возможное. Я могу сказать, что смогла сжечь три тысячи квадратных футов огнестойкого паруса, и вы не поймете, как... необычайно... это. Я могу сказать, что сражалась с другим Поджигающим, который разделял мои способности, и вы не знаете, что такое действие было бы невозможным для любого из моих товарищей Поджигающих на «Славном». Я могу рассказать о любом событии, включая спасение мистера Фортеस्कью от самосожжения, и вы не узнаете, могу ли я сделать еще больше. Поэтому я считаю, адмирал, что такие вопросы следует отложить.

Даррант побелел, так же как Кроуфорд.

— Вы смеете...

— Адмирал, вы тот, кто обвинил меня в возможной халатности. Я должна спросить вас, как вы смеете.

Глаза Дарранта метнулись к ее талии, и Элинор поняла, что ее рука снова загорелась. Как странно, что моя ложь Кроуфорду должна быть правдой. Она погасила огонь и снова встретилась с глазами Дарранта, пытаясь изобразить прохладное безразличие Рамси, когда огонь бушевал внутри нее.

С видимым усилием, Даррант взял себя под контроль.

— Я так понимаю, вы не имели в виду никакого оскорбления, — проскрежетал он.

— Не больше, чем вы, сэр. Я считаю, что мы просто неправильно поняли друг друга.

— Действительно, — он положил руки на ровную зеркальную поверхность стола и широко расставил пальцы. — Я убежден, что вы действовали в полную силу, мисс Пемброук. И не вижу смысла в дальнейших вопросах.

— Благодарю вас, адмирал Даррант. Теперь, сэр, я хочу обсудить с вами пиратскую цитадель на острове, где я потерпела кораблекрушение.

Даррант неприятно улыбнулся ей.

— Капитан Гораций передал ваше послание. Вы ожидаете, я поверю, что одинокая женщина обнаружила то, что не мог найти весь Флот Америки?

Это не так, как если бы вы смотрели в нужную сторону. Элинор захотела рассказать ему о своем презрении. В конце концов, он не прислушался к ее предупреждению.

— Пожалуйста, послушай мою историю, — сказала она вместо этого и рассказала подробности своего приключения, начиная с прибытия двух пиратов на ее пляж.

Выражение лица Дарранта менялось от презрения к удивлению и расчетливой хитрости, которая волновала Элинор. Когда она закончила, он спросил:

— Вы видели Эванса?

— Я не узнала бы его, если бы увидела. Но я увидела захваченный корабль ВМС, который атаковал «Славный», так что даже если бы не слова этих двух пиратов, я бы все же пришла к выводу, что это секретное место важно для Братьев.

— Оно не может быть достаточно большим, чтобы приютить каждого пирата на флоте Эванса, — вставил Кроуфорд.

— Этого и не должно быть, — сказал Даррант. — У пиратов, преданных Эвансу, есть порты по всему Карибскому региону. Но сами Братья — руководители, им нужно где-то встречаться, чтобы выработать свои стратегии. Несколько мест, чтобы они ускользали от нашего поиска так долго.

— Неужели вы верите в эту дикую сказку?

— Я сомневаюсь, что мисс Пемброук с ее малым опытом в морском деле могла придумать такие детали, которые рассказала.

Даррант оценивающе уставился на Элинора.

— К сожалению, ее информация не имеет значения.

— Прошу прощения, адмирал, но как это? — возмутилась Элинора.

— Не испытывайте мое терпение, молодая леди. Пираты не смогли поймать вас. Вы вражеский Поджигающий, поэтому Эванс понимает, что его местоположение было раскрыто, и уже переместился в новую крепость. У нас нет способа узнать, где это.

— Но... но я не могу поверить... — Элинора была поражена внезапно возникшей идеей. — Конечно, наши Провидцы могут использовать то, что он оставил, чтобы найти Эванса!

Даррант махнул рукой.

— Он уничтожит все полезное. Нет смысла.

— Адмирал, это, безусловно, стоит обследовать! В Порт-Рояле много кораблей — один из них может посетить это место и провести расследование. Это потребует очень мало усилий.

— Это пустая трата времени, мисс Пемброук.

— Было ли пустой тратой времени поиски меня, когда не было оснований полагать, что я жива? — огонь начал расцветать на пальцах Элинора, и она изо всех сил пыталась контролировать свой гнев и расстройство. — Адмирал, подумайте, какое из преимуществ это даст вам, если Эванс небрежен. Ваши стратегии будут еще более эффективными, и вы будете лучше знать, как управлять флотом. Если ничего из этого не выйдет, хуже не станет, правильно?

Даррант пристально посмотрел на нее, затем вздохнул.

— Хорошо, но я не ожидаю, что мы найдем что-нибудь. Капитан Гораций может остановиться на пути в Сен-Доминго. И я поставил Ораторов наблюдать за странными маневрами кораблей. Это вас удовлетворит?

— Меня не волнует мое удовлетворение, я просто хочу обнаружить Братьев.

— Эванс лукавит, — заметил Кроуфорд. — Мы искали его в течение семи лет и ничего не нашли. Что заставляет вас думать, что это будет более успешным?

— Я верю в способности Королевского флота, — сказала Элинора, — и, возможно, разве нет, что Эванс совершит ошибку сейчас, если он был обнаружен однажды?

Даррант пожал плечами.

— Как вы говорите, это стоит расследовать, — казалось, он забыл свои прежние возражения против ее плана. — Теперь мы должны решить, где вам будет назначено служить. У нас есть только полставки, правда... «Славный» был тяжелой потерей.

— Я вернусь на «Афину», — ответила Элинора.

Даррант откинулся на спинку стула и сложил руки перед собой.

— У вас нет полномочий диктовать ваши условия, мисс Пемброук.

— Я вернусь на «Афину», потому что это единственный разумный выбор, адмирал, — ее тон был спокойным, руки не дрожали, и она чувствовала присутствие Рамси, слышала, как его голос сказал: «Вам нечего бояться».

— Прямо сейчас.

— Да, сэр, — она сделала шаг вперед и сложила руки за спиной. Ее прическа стала

распадаться, но она проигнорировала это. — Вы сказали, что у нас мало кораблей четвертого ранга, но я не верю, что корабль такого размера подходит для моих способностей. Большинство пиратских кораблей слишком маневренны, чтобы успешно сражаться, а это значит, что я буду почти бесполезной, потому что не смогу эффективно воздействовать на врага, — она сжала кулаки, надеясь, что его недостаток знаний о ее таланте помешает ему увидеть несоответствия в этом заявлении.

— Все, что меньше фрегата, не будет иметь огневой мощи, чтобы противостоять более крупным пиратским кораблям, это означает, что я буду единственным оружием, и это было бы пустой тратой моего таланта. Следовательно, остаются фрегаты пятого ранга. Если меня назначить на кого-то из них, кроме «Афины», мне придется терпеть дни или даже недели обучения экипажа, чтобы они не боялись меня. Мне известны офицеры и экипаж «Афины», и мы доказали, насколько хорошо сработались. Итак, адмирал, я настаиваю, что мое возвращение на «Афину» — единственно правильный вариант.

Глаза Кроуфорда сузились.

— И ваша привязанность к капитану не имеет значения.

Элино́р покраснела.

— Это правда, что капитан Рамси мой друг, — ответила она, — но я надеюсь, что вы не подразумеваете, что я поставила бы под сомнение доверие флота ко мне, предлагая служить, там, где я буду наиболее эффективна.

Даррант поджал губы. Его язык двигался в его рту, как будто он пытался удалить остатки еды из-за зубов.

— Очень хорошо, — сказал он. — Ваша логика победила. Рамси скоро получит распоряжения. И я не должен буду об этом сожалеть.

Элино́р пыталась не улыбаться, как дура.

— Вы не пожалеете, адмирал Даррант, я уверяю вас, что вы этого не сделаете.

Даррант кивнул.

— Вы свободны, мисс Пемброук.

Она сделала реверанс Дарранту и после короткого колебания присела Кроуфорду. И быстро вышла, прежде чем адмирал смог передумать.

«Возвращение домой, возвращение домой, возвращение домой», — пел глупый хор в ее голове.

Она выиграла. Она встала перед Даррантом и склонила его своей волей. Было трудно не пропустить нужный коридор, словно она стала ребенком, мчащимся домой ради обещанного удовольствия.

Элино́р пришла в главный зал и позвала:

— Мистер Херви.

Мужчина, который стоял рядом с входной дверью, был единственным человеком в комнате, не одетым в униформу, резко повернулся.

— Элино́р, — произнес он, приближаясь к ней.

Элино́р замолчала, а все ее тело мгновенно онемело.

Это был ее отец.

Глава двадцатая, в которой Элинор ждет неприятный сюрприз

— Ты непослушный ребенок, — произнес отец, его голос был низким и суровым. — Ты хоть представляешь, что ты сделала с нашей семьей? С твоей матерью?

Он схватил ее за плечо и сжал.

Элинор вскрикнула и рефлекторно попыталась отстраниться, но безуспешно. Она едва ощутила сильное давление его руки. Девушка онемела от шока и страха. Он не мог найти ее так скоро. Он не мог быть здесь. Одетые в форму солдаты смотрели на эту сцену и шептались, но никто не вмешался.

— Папа, — начала она.

— Не обращай ко мне. Я не хочу ничего слышать от тебя. Ты немедленно вернешься со мной, и мы попытаемся смягчить причиненную беду, которую ты навлекла на себя. Все знают о тебе, Элинор. Они знают, что ты провела много времени в компании с самыми худшими отбросами, которые флот может предоставить. Сам лорд Копли с большим удовольствием рассказал мне, где ты была. Можешь ли ты представить себе мое унижение? Твоя репутация разрушена. Ты покрыла позором имя Пемброук своим поведением — подумай о том, что сделала с сестрой, — веришь, что какой-нибудь мужчина захочет жену, которая может быть такой же неуправляемой и бесконтрольной как ее родная сестра?

Она сбросила его тяжелую руку. Но отец с силой сжал ее кисть.

— Папа, я ничего не сделала, чтобы испортить свою репутацию, я...

— Я приказал тебе молчать, — он потащил ее к одному из коридоров, ведущих от парадного выхода. — Мы найдем Ограничивающего, который вернет нас в Лондон. Я не могу заставить себя назвать это твоим домом, так как твои действия доказывают, как ты мало думаешь о тех, кто воспитал и заботился о тебе.

— Нет!

Где же Стратфорд? Он, должно быть, был отозван. Он не мог знать, что будет нужен ей.

Она начала бороться, привлекая еще больше внимания к себе, но все равно никто не сказал ни слова. В отчаянии она ударила по руке отца, понимая, что было слишком поздно; ее собственная рука загорелась. Мистер Пемброук оттолкнул ее от себя, прижав обожженную руку к груди.

— Как ты смеешь! — закричал он. — Ты осмелилась использовать свой гнусный талант против собственного отца!

— Это... это был несчастный случай, папа, прости меня. Прости меня!

Он внимательно рассмотрел свою руку. Элинор не думала, что она выглядит ужасно обожженной, но ярость в его глазах сказала, что для него это было то же самое, если б она полностью сгорела.

— Неуправляемая, неблагодарная дрянь. Я благодарю Бога за то, что мистер Хаксли по-прежнему готов предложить тебе защиту от своего имени. Тебе придется продемонстрировать свою благодарность ему. Согласись, и когда-нибудь я смогу простить тебя за твой наглый эгоизм.

— Нет, — прошептала Элинор, ее глаза наполнились слезами. — Я не вернусь с тобой.

— У тебя нет выбора. Я твой отец, и ты будешь делать, как я говорю.

— Прошу прощения, — сказал знакомый, совершенно спокойный голос, — но мисс

Пемброук никуда не пойдёт.

— Кто вы, черт возьми, чтоб вмешиваться в личный разговор? — сказал мистер Пемброк.

— Капитан Майлс Рамси, — представился Рамси, подходя к Элино́р. Его теплое, сильное присутствие у нее за спиной, было как якорь, спасая ее от страха, который отец всегда внушал ей. — Я капитан мисс Пемброук. И я так понимаю, вы мистер Пемброук.

— Мысль о том, что моя дочь является членом флота Его Величества, просто смехотворна, — прорычал мистер Пемброук. — У нее нет капитана. Она обязана слушаться меня.

— Мисс Пемброук совершеннолетняя и Необычная, и поэтому ей разрешено заключать контракты от своего имени. Она отважно сражалась в нескольких битвах. Военно-морской флот считает ее одной из нас.

— Я пришел сюда, чтобы поговорить с адмиралом Даррантом. Он прислушается к разуму, или я подам против него иск за похищение.

— Я сама выбрала этот путь, папа.

— Если ты не замолчишь, я сам тебя заткну!

— Не смейте угрожать мисс Пемброук, — вставил Рамси, его спокойный тон превратился в гнев.

Элино́р не нужно было видеть Рамси, чтобы знать, что он станет бороться за нее так же уверенно, как и раньше, но она не могла этого допустить. Она посмотрела на лицо отца, искривленное от ярости, и вспомнила долгую ночь, проведенную свернувшись в расщелине скалы, и не смогла понять, почему она когда-либо боялась его.

— Я не буду молчать! — закричала девушка. — Вы унижали меня, насмехались надо мной и сказали, что должна быть благодарна за ваше внимание, что я ничто, поэтому я вам ничего не должна. Я не вернусь с вами, отец, я не выйду замуж по вашему приказу, я не буду вести себя так, как вы требуете, ради того, чтобы вы купались в моей славе. И я не испытываю угрызений совести за то, что сделала!

— Как ты смеешь говорить с отцом...

Элино́р рассмеялась.

— Отцом? Если бы вы когда-нибудь поступали со мной так, как отец должен относиться к своей дочери, мы бы сейчас не разговаривали. Я могла бы остаться дома, кроткой и послушной, жить пустой жизнью. Поэтому я должна поблагодарить вас за тот толчок, приведший меня в место, которое я люблю, в окружение людей, которые уважают меня и мой талант.

Она схватила его за запястье и подняла его обожженную руку, держа без сопротивления, между ними.

— Мой талант, папа. Вы думали только о моем таланте в абстрактном понятии, не так ли? Как главу в вашем текущем тезисе? Вы никогда не понимали, что мир подумает обо мне. Знаете ли вы, если мне грозит опасность, то мой нападающий будет привлечен к ответственности перед судом независимо от того, что я скажу в защиту? Вот как я ценна, папа, и если вы осмелитесь снова поднять на меня руку, я уничтожу ее, и никто, никто, не вступится, чтобы защитить вас.

Она оттолкнула его руку от себя.

— Поговорите с адмиралом, если нужно. Я ему не очень нравлюсь, и я уверена, что вам обоим есть о чем побеседовать в отношении моего характера. Но он никогда не

удовлетворит вашей просьбы, потому что я здесь нужна.

Лицо мистера Пемброук стало цвета старого кирпича, губы приоткрылись, и челюсть отвисла. Он потер запястье, как будто Элинон уже выполнила свою угрозу.

— Ты для меня ничто, — прошептал он. — Я отрекаюсь от тебя. Никогда не возвращайся, слышишь? Я больше не хочу видеть тебя. С этого момента у меня только две дочери.

— Я думаю, что в некотором смысле это всегда так и было, — произнесла Элинон.

У мистера Пемброук дернулась челюсть. Он протиснулся мимо Рамси, как слепой, и направился обратно в вестибюль.

— Господин Херви, возьмите мисс Пемброук обратно на корабль, — тихо сказал Рамси. — Я думаю, позабочусь, чтобы он не причинил больше беспокойства.

Капитан коротко сжал плечо Элинон и пошел за мистером Пемброук.

— Аплодисменты, — сказал Стратфорд, наступил момент нереальности, и она снова оказалась на борту «Афины». Ей не нужно было видеть уникальный символ ограничительной комнаты. Она чувствовала запах приготовленной пищи Дольфа и то, как корабль качался на волнах гавани. Элинон была дома.

— Я не знала, где вы, — сказала она.

— Я поспешил за капитаном, как только увидел, что начались проблемы, — сказал Стратфорд. -

Это действительно был ваш отец?

Элинон горько рассмеялась.

— Разве вы не слышали? Он отрекся от меня. У меня больше нет отца.

Она распахнула дверь комнаты и прошла через пустую столовую, испытывая путаную смесь эмоций. Ее семья оттолкнула ее. Она, наконец, восстала против своего отца. И Рамси пришел, когда он был нужен. Элинон вернулась на «Афину», на этот раз навсегда.

«Куда мне идти, когда эта война закончится? Селина презирает меня?»

Мыслей было достаточно, чтобы превратить все эмоции в слезы, и она пошла быстрее, игнорируя вопросы Стратфорда.

— Я не могу, — сказала она, — не спрашивайте меня, — зная, что это не имеет смысла, и убежала туда, где снова была ее спальня.

Казалось, что Рамси не нуждался в ее обществе, после того, как она ушла. Должно быть, он был уверен, что когда-нибудь Элинон сама выйдет из каюты, чтобы составить ему компанию и избавить от одиночества, длившегося более месяца, когда поймет, что ей нужно его общество. Она села на кровать и закрыла лицо руками, но слез больше не было. Конечно, нет. Зачем они? Сегодня она выиграла две битвы, даже три, если считать запугивание Кроуфорда, который все еще заставлял пытаться яростью ее сердце.

Она представила лицо своего отца, потрясенного ее внезапным и сильным взрывом. Наверное, так чувствует себя лиса, когда курица поворачивается и начинает нападать. Девушка ни о чем не жалела. Она была абсолютно права во всем, кроме, возможно, своего утверждения, что она может сжечь его безнаказанно. Хорошо, что Рамси не обвинили в убийстве... кроме того, что ее талант был гораздо более ужасающим, чем его, и возможно, что правительство действительно могло бы предать ее смерти, если они думали, что она была способна к беспорядочным убийствам. Она позволила своей руке загореться и повернула ее, удивляясь цвету. Ей просто нужно было избежать убийства любого, кто не был пиратом. Это была такая абсурдная мысль, что она засмеялась.

— Если вы способны смеяться, я предполагаю, что вы не поглощены угрызениями совести, — приглушенно произнес Рамси из-за двери.

— Я никогда не буду испытывать угрызений совести за сказанное мной, — сказала Элинор, открывая дверь, чтобы встретить улыбающегося Рамси. Что-то в нем изменилось, возможно, его прическа? — Я должна была сказать это многие годы назад.

— Херви был в расстроенных чувствах, когда вернулся, и я думал, что мне может понадобиться спасти вас от дракона, — сказал Рамси. — Но, похоже, вас не нужно было спасать.

— Я никогда не смогла бы противостоять ему, если бы вас не было там. Вы придали мне мужества.

— Тогда я счастлив, что был, в конце концов, полезен, — он снова улыбнулся и поклонился.

Вот и все. Все его зубы были совершенно ровными. Почему он все это время ходил с кривым зубом? Но Элинор понимала, что это такое, и, в конечном итоге, вынуждена решить проблему, с которой другие прожили годами.

— Ваш отец вернулся в Лондон, насколько я могу судить, — продолжал Рамси. — Он не разговаривал с адмиралом. Я предполагаю, что он серьезно отнесся к своей угрозе отречься от вас.

— Он всегда серьезно относится к своим угрозам. Именно так он делает их убедительными.

Рамси прислонился к дверной раме.

— И он угрожал заставить вас выйти замуж?

— Да. Но я отказываюсь вступать в брак просто для того, чтобы быть размножающимся животным, — ладони Элинор взлетели вверх, закрывая рот. — Не могу поверить, что я сказала подобное вам!

Рамси засмеялся.

— Ну, вы проводите много времени среди моряков. Скоро вы будете пить грог.

— Этого никогда не случится, уверяю вас, капитан.

— Я испытываю некоторое беспокойство по поводу того, о чем сейчас спрошу, но мистер Херви насильно привел вас?

Элинор покачала головой, чувствуя щемящее чувство в груди.

— Меня назначили на «Афину», капитан, — сказала она.

Рамси закрыл глаза и преувеличенно вздохнул с облегчением.

— Я рад это слышать, потому что сказал Дольфу поставить вам прибор за столом, а вы знаете, как я ненавижу выглядеть глупо.

После полуденного обеда она рассказала о своем разговоре с Кроуфордом и с Даррантом. Что заставило Рамси чуть не задохнуться от смеха, подавившись бараниной. Стратфорд отвез ее в Гамильтон на очередную прогулку по магазинам. Элинор выбрала платье и ночную рубашку, прежде чем поняла, что у нее недостаточно средств для оплаты. Униженная, она собиралась отдать их лавочнику, когда Стратфорд сунул руку в маленький кошелек и положил несколько монет.

— Стратфорд! — воскликнула она. — Я не могу принять! Вы не должны тратить свои деньги на меня.

Стратфорд покачал головой.

— Это ваша зарплата.

— Это не так. Но, так как уже оплатили все, я приму ваше пожертвование.

— Это не благотворительность. Капитан сказал, что он должен бы выдать вашу зарплату несколько недель назад, вероятно. Но отдал её мне, со словами: «Не позволяй ей пропить все».

— Стратфорд!

— Мысль, которая отвлечет вас. Я придумал это в последний момент, но все остальное верно. Я просто забыл дать вам это раньше, — он шлепнул кошелек ей в руки.

— Я... но это кажется слишком много.

— Не знаю, кроме того, я слышал, что они очень хорошо платят Необычным.

— Но я... у меня другой вариант для получения вознаграждения.

Стратфорд пожал плечами.

— Я ничего не знаю об этом.

Элинор снова взвесила кошелек. Она была уверена, что Адмиралтейство считало ее возможную выплату в 15 тысяч фунтов вместо ее зарплаты, а также ее призовых денег. Эта «плата» пришла прямо из кармана Рамси.

С горящим лицом она наблюдала, как лавочник завернул покупки в коричневую бумагу. Еще большая благодарность создаст барьер между ними. Что он должен о ней думать? Что она такая беспомощная? И все же не было бы смысла противостоять ему. Он настаивал бы с беспредельным спокойствием, что это было ее жалованье, что она не должна была ему ничего, кроме благодарности за покупку необходимых ей вещей. Она протянула руку, чтобы принять светок, и его забрал Стратфорд, который издевался над ней, что она не позволяет ему быть рыцарем, а затем вернул их на «Афину», прежде чем она смогла возразить.

Она сложила платье в новый сундук, некоторое время смотрела на него, затем закрыла крышку и встала, положив руку сверху. Элинор не могла понять, почему это так ее беспокоило. Если ситуация изменится... она представила себе, что платит за форму Рамси, и улыбнулась, несмотря на то, что она сама была не рада. Она просто чувствовала, какой... интимной, была ситуация, как будто он стоял в магазине и сам заплатил за платье. Она просто не могла принять. Ей было неприлично принимать такой подарок даже от своего друга.

«Альтернатива заключается в том, что ты продолжишь носить это потрепанное коричневое платье, которое, без сомнения, заставляет тебя выглядеть, как полоска грязи, с этими загорелыми руками и лицом», — сказала она себе.

Как злой дух отвергнет дружбу из-за чего-то столь незначительного. Девушка открыла сундук, сняла новое платье и переделалась. Если бы Рамси мог солгать о деньгах, она могла бы притвориться, что верит. Элинор больше не хотела беспокоиться впустую.

Она провела остаток дня, вновь знакомясь с «Афиной», весело приветствуя моряков, которые отвечали ей, проведя полчаса, наблюдая за тем, как Болтон и его помощник восстанавливают урон от их последнего боя (Быстрее ушли бы вы отсюда, мисс). Притворяясь, что наслаждается приветствием Селкирка. Она избегала Ливингстона, хотя выражение его лица беспокоило ее, заставляло тянуться к воспоминанию, которое она не могла выбросить из головы. Хейс был безмерно рад снова увидеть ее и рассказать о своих путешествиях на холмах Ямайки, разыскивая *Nesopsar nigerrimus* и *Euphonia jamaica*.

Она села ужинать с Рамси, Бомонтом, Ливингстоном и Сэмпсоном Брауном, парусным мастером, и наслаждалась даже компанией Ливингстона, хотя он неприятно ухмылялся, когда встречал ее взгляд. Ей все еще казалось, что она что-то забыла, когда посмотрела на

него. Она все еще думала об этом, когда Рамси отодвинулся от стола и сказал:

— Дольф, уберите это, мистер Бомонт, вы будете так добры, чтобы вынести большую карту.

Элино́р встала, чтобы сдвинуться с места, пропуская Дольфа, и столкнулась с Ливингстоном.

— Прошу прощения, — сказала она, и услышла в ответ: — Прошу прощения.

Мужчина отошел в сторону, неприятная улыбка застыла на его губах. Элино́р сделала вид, что не заметила. У него был вид человека с отвратительным секретом, который ждал, что кто-то заплатит ему, чтобы он не раскрыл его. Ну, какие секреты он имел для нее.

«Сам лорд Копли с большим удовольствием рассказал мне, где вы были», — сказал отец, его слова всплыли в памяти.

Рамси сказал, что лорд Копли хочет больших успехов для своего сына.

Воспоминания повторялись так громко, что она была поражена, когда Рамси реальный спросил:

— Мисс Пемброук, вы не присоединитесь к нам?

Она кивнула, слишком ошеломленная, чтобы говорить, и села, наклонившись вперед, чтобы осмотреть карту Карибского моря, разложенную на столе.

— Это тот остров, где вы обнаружили пиратов, мисс Пемброук, — сказал Рамси, постукивая по карте у восточного побережья Ямайки. — Адмирал Даррант прав, что Эванс не оставил ничего, что можно было бы использовать, чтобы увидеть его местонахождение, вдвойне потому, что он сам Необычный Провидец. Артур?

Бомонт сидел, слегка склонив голову назад, и его глаза широко раскрылись, но не видно, что он говорит с кем-то. Они все ждали, Элино́р несколько нетерпеливо, пока Бомонт не опустил голову и сказал:

— Это был Харрис в Монтего-Бей. За последние двадцать четыре дня неизвестных судов не было. Если Эванс там проплывал, они бы его видели раньше.

— Он, возможно, не плывал в поле зрения с земли, — сказал Ливингстон.

— Возможно, мистер Ливингстон, — сказал Рамси, — поэтому я не исключаю, что пираты отправились в Картахену или Маракайбо. Важно то, что Эвансу пришлось спешить, и это должно было заставить его совершить ошибки.

— Таким образом, есть два пути, которыми мы можем его отследить. Возможно, все Братья остались в конвое, это означает, что мы будем искать четыре или пять кораблей, путешествующих вместе вместо одного корабля, и это сделает их гораздо более заметными. К несчастью для нас, Эванс умный, и, скорее всего, он велел своим людям идти собственным путем туда, где находится новое укрытие.

— Что делает его практически невозможным для поиска, — заметил Ливингстон с насмешкой.

— Но, благодаря мисс Пемброук, — продолжил Рамси, — мы кое-что знаем о кораблях Братьев, а именно: один из них захватил судно ВМС, один из наших пятого ранга таких, как «Афина». Флот Америки невелик, и наши движения корабля видны в обзоре Оратора, чтобы облегчить сбор информации. Это означает, что наш второй метод отслеживания Эванса и более вероятный метод — это поиск кораблей ВМФ в тех местах, где корабль ВМФ не должен быть.

— Я думала, что адмирал Даррант сделает это, — сказала Элино́р.

— Он делает. Он тоже не пойдет так быстро, — Рамси откинул волосы с лица. —

Адмирал Даррант превосходный тактик, и, несмотря на наши разногласия, я всегда уважал его успехи в этой войне. Тем не менее, он может быть чересчур осторожным, и ему не нравятся инновации. Он пошлет в поле зрения Оратора, чтобы тот не спускал глаз с неизвестных кораблей, и, если они что-нибудь выяснят, он атакует пиратов, но он не будет прилагать к этому больше никаких усилий. Если мы сможем найти новую цитадель Эванса, как бы мы ни справлялись с ней, он выставит символическое сопротивление, а затем подействует на него так, как будто это его собственная идея.

— Вы надеетесь. Сэр, — вставил Ливингстон.

— Я в этом уверен, лейтенант, — ответил Рамси, его голос стал холоднее.

Элинор, внимательно наблюдала за Ливингстоном и быстро взглянула на его губы, прежде чем он кивнул в знак признания авторитета Рамси.

Бомонт снова откинул голову, и Рамси и Ливингстон замолчали, ожидая. Элинор не сводила глаз с Ливингстона, ее руки сжались у нее на коленях под столом. Он посмел...

— «Дюрхам» в Сантьяго-де-Куба, — сказал Бомонт, и он улыбнулся. — Внеплановый фрегат ВМФ прошел точку наблюдения, направляясь на восток вчера вечером ровно на закате.

Рамси ткнул пальцем в карту.

— Прямо туда, на восток. Джентльмены, какие-нибудь прогнозы?

Все они наклонились над картой. Элинор выглянула из-под их рук, слегка раздраженная.

— Может быть где угодно на побережье Кубы, — сказал Бомонт. — Любой испанский порт предоставит пиратам убежище.

— Это сделает невозможным продолжить поиск, — вставил Ливингстон.

— Давайте предположим, что это не невозможно, — сказал Рамси. Он прочертил линию на карте. — Большая часть Сан-Доминго до сих пор в смуте. Эванс мог бы воспользоваться этим. Есть огромное количество бухт вдоль побережья.

— Могли бы они доплыть до Порт-о-Принс? — спросил Ливингстон. — Основываясь на том, как быстро они плыли... да, — сказал он, отвечая на свой же вопрос.

— Никто не видел их там, но как сказал капитан, они... извините, — произнес Бомонт и наклонил голову назад.

— Я все еще предполагаю, что мы должны осмотреть кубинское побережье, — сказал Ливингстон. — Разве там нет никого?

— Не думаю, что мистер Бомонт знает их Оратора, к сожалению, — сказал Рамси. — Если его другие контакты ничего не знают, мне нужно будет утром посетить Адмиралтейство и посмотреть, что я могу узнать. Тем не менее, мистер Ливингстон, мы исключили Запад, как их возможное место назначения, и я называю это успехом.

— Мол Святого Николая, капитан, — сказал Бомонт, — они увидели, что в семь утра на восток идет неизвестный фрегат.

Рамси и Ливингстон обменялись взглядами, их взаимная неприязнь была забыта на данный момент.

— Сент-Доминго? — спросил Ливингстон.

— Они быстро плывут, — сказал Рамси. — Они могут дойти до Пуэрто-Рико.

— Мы никогда их не найдем. Сеть Ораторов не простирается полностью на восток вдоль северного побережья Сен-Доминго.

— Не теряйте надежды, мистер Ливингстон. Артур, как насчет Порт-де-Пэй?

— Вестин не отвечает, Майлс. Я думаю, у него ночь, и он не проснется еще час.

— Понятно. Полагаю, это означает, что мы подождем. Мистер Ливингстон, вы не могли бы подменить мистера Фитцджеральда на квартердеке? Мы позовем вас, когда появятся новости.

Ливингстон, хмыкнул, будто насмехаясь, не будучи покорным, но он кивнул и удалился из каюты. Когда он вышел, Рамси закрыл глаза и сказал:

— Если бы я ругался матом, а я не ругаюсь, я бы мог сейчас же смыть краску со стены.

Элинор хихикнула. Он посмотрел на нее, поднял брови и сказал:

— Принести вам кружку грога, мисс Пемброук?

— Пока нет, если вы действительно поклялись передо мной, капитан. Я начинаю думать, что мое упущение делает меня нескромной.

— Майлс, вам придется что-то с ним сделать, — произнес Бомонт. — Остальные начали замечать, и у них разыгралась честь. Они подумают, что вы слабы.

— Если у вас есть предложения, я бы хотел их услышать.

Бомонт покачал головой.

— Отправьте его на мачты. Лишите звания на несколько недель. Или месяцев. Ограничьте его до четвертин. Попросите его выпороть.

— Со всеми этими предложениями есть политические проблемы.

Элинор отодвинулась от стола.

— Прошу меня извинить, джентльмены, я думаю, что совершу короткую прогулку, если мы будем ждать час для дальнейшей информации.

Она поднялась на палубу и постояла немного, вдыхая ночной воздух, смешанный с характерным запахом «Афины». Холст и смола, и что-то неопределимое, так никогда не пахло нигде. Казалось, в этот день произойдет еще одно противостояние.

Она прошла мимо колеса и бизань-мачты, чтобы присоединиться к Ливингстону, где тот стоял возле рельса.

— Мистер Ливингстон, добрый вечер, — сказала она.

Ливингстон продолжал смотреть на перила.

— Я полагаю, вы в восторге от того, что вернулись на эту посудину.

— Я хотела бы задать вопрос, состоящий из двух слов, я испытываю к вам огромную благодарность и не могу сейчас спорить о семантике.

Он смущенно посмотрел на нее.

— Благодарность?

— Да. Разве вы не слышали? Сегодня утром мой отец пришел в Адмиралтейство. Кто-то сказал ему, где я, и он приехал, чтобы забрать меня в Лондон.

Ливингстон с досадой улыбнулся ей.

— Он приезжал? Я уверен, что это было неприятно.

— О, только на мгновение. Видите ли, я никогда не могла сопротивляться своему отцу. Только сегодня. И это освободило от дальнейшего беспокойства.

Отвратительная улыбка исчезла.

— Я не понимаю, почему вы благодарите меня? — спросил он.

Элинор положила руку ему на плечо.

— Это было то, что сказал мой отец, — сказала она ему. — О том, как лорд Копли был очень услужлив, чтобы сказать ему, где я. И я подумала: почему виконт заботится обо мне вообще? Тогда я вспомнила — он ваш отец, не так ли? Значит, вы, должно быть, сказали ему.

Ливингстон вырвал у нее руку.

— Я думаю, вы смущены, — сказал он.

— И я думаю, что вы не дурак, — сказала Элино́р. — Вы ненавидите меня. Вы думали унижить меня, рассказывая миру, где я была. Вы преуспели, мистер Ливингстон. Моя репутация разрушена и не подлежит восстановлению. Когда я вернусь в Англию, как и должна, это будет почти всеобщее недовольство. Поэтому вы можете поздравить себя с тем, что преуспели в своей цели.

— Я... я ничего не признаю.

— Вы ничего не понимаете, мистер Ливингстон, — Элино́р поднялась на цыпочки, чтобы шептать ему на ухо. — Мы оба знаем, что вы сделали. Вы не понимаете, что мне теперь нечего терять. Больше ничего общество не может мне сделать. Я свободна, мистер Ливингстон, свободна от страха, и я хочу поблагодарить вас за это.

— Вы злитесь.

— Почему? Я могу поблагодарить вас за то, что я злюсь. Может быть. Но думаю, что я в здравом уме. Мы попросим капитана Рамси принять решение относительно нашей ситуации?

Теперь Ливингстон выглядел немного испуганным.

— Это не имеет никакого отношения к нему.

— Не думаю. Видите ли, мой отец собирался отвезти меня обратно в Лондон, что лишило бы капитана мощного оружия. Я считаю, если бы он знал, какую вы несете ответственность за такое положение дел, он бы разозлился. И я думаю, ему было бы интересно обратить свой гнев на вас.

— Он ничего не может мне сделать.

— О, да ладно, лейтенант, мы оба знаем, что это неправда. Я думаю, что вы дали ему повод, чтобы окончательно избавиться от вас. Интересно, будет ли счастлив ваш отец, если обнаружит, что вы уничтожили собственную карьеру?

Ливингстон схватил ее за руку, точно так же, как ее отец сделал этим утром.

— Ты ничего не скажешь об этом...

Элино́р обхватила его другой рукой, вызвав огонь, и схватила его за запястье, заставляя вскрикнуть от боли и отпустить ее.

— Ты забываешься, — холодно сказала она. — Тронь меня еще раз, и ты почувствуешь себя хуже.

Неосознанно подражая ее отцу, Ливингстон сжимал свою травмированную руку на груди.

— Не говорите ему, — сказал он, тяжело дыша. — Мой отец, я сделаю все, что угодно...

— Прекратите унижать капитана Рамси, — сказала Элино́р. -

Смиритесь и дайте понять, что у него есть ваше уважение и послушание. Не надо больше насмехаться или говорить плохо о нем за его спиной. «Афина» — мой дом, лейтенант, а вы пытаетесь разорвать его на части. Начинайте вести себя как мужчина, а не как испорченный ребенок, и я никому ничего не скажу. Продолжите вести себя по-прежнему, и капитан узнает о вашей... неосмотрительности. Мы пришли к пониманию?

Ливингстон быстро кивнул.

— Прошу прощения, — начал он.

— Пожалуйста, не извиняйтесь передо мной, — сказала Элино́р, — за то, что вы сделали. Я действительно благодарна, что этот меч не висит над моей головой. Спасибо.

Она спустилась по трассе, чувствуя себя странно. Так мало часов прошло с тех пор, как она утром вступила в Адмиралтейство, и все же, сколько произошло, сколько бремени упало с её плеч. Ливингстон был ничто по сравнению с Даррантом, который был ничто по сравнению с её отцом, и она столкнулась со всеми тремя и победила, хотя и думала, что перемена в душе Ливингстона не будет длиться вечно. Тем не менее, это была победа. Элинор придержала юбку. Он никогда не узнает этого, но она по-своему оплатила подарок Рамси.

Фицджеральд открыл дверь в большую каюту, едва Элинор коснулась ручки.

— Извините, мисс Пемброук, — сказал он и придержал перед ней дверь, прежде чем уйти.

Рамси, Бомонт и Браун все склонились над столом, намереваясь осматривать карту.

— Вы к чему-то пришли, господа? — спросила она.

— Возможно, — ответил Рамси. — Бомонт говорил с Вестиним из Порт-де-Пэкса несколько минут назад. За последние двадцать четыре часа там не было никаких неизвестных кораблей.

Он улыбался.

— Вы, кажется, взволнованы, хотя это не похоже на хорошие новости. Разве вы не хотели, чтобы Ораторы отслеживали корабли Эванса?

— Не менее важно то, чего они не видят. Господа, присоединитесь к нам? — он сказал это последним Фицджеральду и Ливингстону, которые толкали друг друга, пытаясь войти в комнату одновременно. Элинор оказалась зажата между Рамси и Брауном, глядя на красочную карту.

— Порт-де-Пэкс здесь, на побережье Сент-Доминго, — сказал Рамси, указывая. — Это Мол Святого Николая, здесь, на западе. Корабль Эванса был замечен с этой точки, идя на восток, что поместило его вдоль северного побережья, и это означало, что он проплыл Порт-де-Пэкс до полудня сегодня. А Вестин передал, что они его не видели.

Все остальные люди переглянулись.

— Я чувствую, чего-то не хватает, — сказала Элинор.

— Если пиратский корабль не прошел Порт-де-Пэкс, есть только одно место, куда он может поплыть, — заметил Рамси. Он указал на пятно на карте, которое Элинор считала пятном. — Они на Тортуге.

Глава двадцать первая, в которой много планирования

— Прошу прощения, но они могли обойти северную часть острова, чтобы их не заметили с Порт-де-Пэкса, сэр, — сказал Ливингстон, не глядя на Элинора.

Рамси открыл рот, чтобы ответить, бросив Ливингстону подозрительный взгляд, и сказал:

— В Форт-Сент-Луисе и Ле Кап есть еще два наблюдательных пункта, но мистер Бомонт там никого не знает. Нам придется подождать до утра, чтобы узнать, что Адмиралтейство может нам рассказать. Я ненавижу ждать.

— Пираты, вероятно, никуда не денутся, — заметил Фицджеральд.

— С Необычным Провидцем, как их лидер? — спросил Рамси. — Каждая минута — это минута, в которой он мог бы увидеть, что мы планируем.

— Прошу прощения, джентльмены, но что это значит? — уточнила Элинора. — Конечно, у нас должно быть более конкретное доказательство, чем это, я прошу у вас прощения, основанное на аргументации, а не на прямых доказательствах. Не то, чтобы я имела в виду оспорить вашу работу, и я определенно убеждена в ваших выводах, но я осмелюсь предположить, что адмирал Даррант не начнет наступление, не имея больше фактов, чем это.

— Он захочет визуального подтверждения, — согласился Бомонт, — и, честно говоря, это займет некоторое время, чтобы доказать, что они находятся на Тортуге.

Все мужчины кивнули или пробормотали в знак согласия.

Элинора сказала:

— Боюсь, я не понимаю. Я думала, что Тортуга была пресловутой пиратской крепостью.

— Акцент на «была», — сказал Фицджеральд. — Пираты с Тортуги были вычищены к концу семнадцатого века. Сейчас все владельцы плантаций и фермеры. Франция убедилась, что все было сделано так, как они того хотели, и это может стать толчком к подъему в пиратской деятельности после появления Эванса. Но теперь, когда она принадлежит свободным гражданам Сен-Доминго... может быть, землевладельцы на Тортуге не получили выгоду от предоставления укрытия людям Эванса.

— Я не знаю, — вставил Ливингстон. Бутовщики перебрались в еще большее незаконное место. Правда, но я думаю, что в Порт-де-Пэксе заметили бы такой поток. Гавань Тортуги почти прямо напротив него.

— Могут ли пираты использовать другую гавань? — спросила Элинора.

— Ничего другого там нет, — ответил Браун, который хмурился над картой, как будто планируя курс для «Афины». — Северный берег скалистый вплоть до ватерлинии. Нет места даже для шлюпа для стыковки, не говоря уже о горстке военных кораблей.

— Но он мог сделать гавань, не так ли?

Все мужчины, кроме Рамси, который отошел к окну, посмотрели на нее, словно пытались не поддаваться насмешкам.

— Мисс Пемброук, это не так просто, как вырыть дыру в песке, — любезно заметил Бомонд, не заметив раздражения Элинора, пока она не вспомнила, что остальные не были знакомы с содержанием разговора с Рамси о пиратской бухте.

— Я забыла, что вы, джентльмены, не знаете, что я видела, — сказала она и коротко

объяснила, что заметила на своем острове. Их взгляд от тщательно скрытого неверия перерос в удивление.

— Это кажется невозможным, чтобы не противоречить вам, мисс Пемброук, просто трудно представить, сколько Перемещающих понадобилось для этого, — воскликнул Фицджеральд. — Трещина в камне... это просто ошеломляет.

— Я согласна, — сказала Элинор. — Но я слышала, что пираты ссылаются на Эванса, посылающего своих Перемещающих, чтобы переносить Дьюдни, и я предполагаю, что у него должно быть много людей, если он ожидает, что они убьют Необычного Поджигающего, не говоря уже об одном. И мы понятия не имеем, сколько лет назад он мог начать раскопки. Это может быть старый оплот.

— У них есть Необычный Поджигающий? — воскликнул Ливингстон, а затем захлопнул рот, как будто вспомнил, что боится говорить при Элинор.

— Я думала, что капитан рассказал всем, и не стала делиться с вами, — ответила Элинор, взглянув на Рамси, но он продолжал смотреть в окна на док, поэтому она рассказала остальную часть своей истории. Ее время на острове, ее ужасающий полет и ночь, проведенную в трещине.

Фицджеральд тяжело опустился на стул, пока она не закончила половину рассказа. Бомонт и Ливингстон смотрели на нее, первый в изумлении, второй в каком-то испуганном страхе. Браун продолжил изучение карты, видимо, не обращая на нее внимания, но когда она закончила, он сказал:

— Всегда знал, что вы человек военно-морского флота в глубине души.

Это заставило Элинор улыбнуться и покраснеть.

— Необычный Поджигающий, армия Перемещающих, некоторые из которых могут быть Необычными. И кто еще знает, какого черта, прошу прощения, капитан, что еще он может иметь, — сказал Ливингстон. — И это все после того, как мы вытащили его из искусственной, вероятно, укрепленной гавани. И нам, скорее всего, придется отбиваться от его кораблей, прежде чем мы сможем даже дойти до этого. Я прошу прощения за то, что я так пессимистичен, но это выглядит не просто. Единственное преимущество, которое мы имеем, заключается в том, что у него нет никаких Ограничителей, и это кажется почти счастьем.

— Таланты распределены неравномерно, — заметил Браун. — У нас почти нет Поджигающих, но у нас много Ораторов. Не исключено, что у Эванса не так много Ограничителей.

— Будем надеяться, что это все еще верно, когда дело касается нападения, — сказал Ливингстон.

— Если бы мы могли уговорить адмирала Дарранта напасть... он хороший стратег, — произнес Фицджеральд.

— Хороший в морских сражениях. Я сомневаюсь, что он когда-либо планировал нападение на укрепленную крепость.

— Ливингстон, — позвала Элинор, заставляя Ливингстона вскочить от удивления, — почему вы уверены, что Эванс укрепит свой оплот? Я не видела укреплений в том месте, за которым наблюдала.

— Ох. Ах, мисс Пемброук, я не оскорбляю ваши наблюдательные способности, — ответил Ливингстон. Казалось, он не привык к идее, что она не собирается нападать на него с обвинениями. — Они были бы выше береговой линии и, вероятно, скрывались. Вы сказали,

что есть скала, верно? Лучшее место для размещения было оправданным. Если у него было достаточно Перемещающих, чтобы вырезать эту сторону скалы, ему их хватило для того, чтобы построить каменные укрепления и установить в них несколько больших пушек.

— И береговая батарея смертельно опасна для кораблей... они могут легко найти свой радиус действия, не компенсируя движение палубы, не говоря уже о поддержке более крупных пушек, которые имеют больший радиус действия, чем наши.

— Вы меня пугаете, мистер Ливингстон, — Элинор почувствовала тревогу, что «Афина» попадет под огонь. — Как защищаться от таких вещей?

— Грубая сила, — ответил Фицджеральд. — Или рейдерская вылазка, чтобы вытащить пушки со стороны берега.

— Это то, о чем я думала, — заметила Элинор. — Я не понимаю, почему не могу повторить свой путь туда и установить...

— Вы не будете устанавливать рейды одна, мисс Пемброук, вы же женщина, — произнес Рамси, все еще глядя в окно.

— Но я уверяю вас...

Он повернулся к ней лицом, и в этих голубых глазах не было и тени юмора.

— Этого не произойдет, вы меня понимаете? Даже вы не можете сжечь камень, и если вы столкнетесь с этим Дьюдни, вы будете слишком заняты, сражаясь с ним, чтобы сделать что-нибудь полезное. Так что перестаньте рассматривать этот вариант. Нет смысла планировать стратегию нападения, когда мы не знаем, с чем мы сталкиваемся.

— Утром я отправлюсь в Адмиралтейство с... мистером Ливингстоном, — он бросил на Ливингстона косой взгляд, — проверить, что флот Эванса не продолжает плыть вдоль побережья Сен-Доминго. После этого... У меня есть несколько идей, в зависимости от доступных талантов адмирала, но мы можем обсудить это утром. Поэтому я предлагаю вам всем отправиться в кровать или понаблюдать, а завтра после завтрака мы поговорим. Мисс Пемброук, если вы не возражаете, задержитесь?

Элинор села за стол, лейтенанты ушли, а Браун свернул карту и убрал ее, повторив:

— Военно-морской человек.

Кивнул Элинор и вышел.

Рамси молчал, пока комната не опустела, молчал, снова глядя в окно, пока Элинор не потеряла терпение и не сказала:

— Вы просили меня остаться, потому что вы хотели, чтобы я задумалась?

Он усмехнулся и покачал головой, затем подошел к ней.

— Я пытался решить, как спросить вас, что вы сделали с Ливингстоном. Нет, я догадываюсь, что вы станете все отрицать, но я точно знаю, что вы что-то сделали.

— Я? Думаю, вы ошибаетесь, капитан. Я ничего не сделала с мистером Ливингстоном.

Правда.

Он поднял брови.

— Ливингстон выходит из комнаты, вы следуете за ним, он возвращается и внезапно, необъяснимо вежлив и почтителен. И не уверен, что могу сделать другой вывод.

— Я прогулялась по палубе и вернулась. Была приятная ночь, и это заставило меня почувствовать себя спокойнее. Возможно, у мистера Ливингстона был подобный опыт.

— Вы не скажете мне, не так ли.

— Потому что нечего сказать.

Рамси закатил глаза и встал, чтобы вернуться к окну.

— Хорошо, я благодарен, если окажется, что у него была полная смена взглядов.

— Я, очень на это надеюсь, капитан.

— Я мог бы приказать вам, как ваш командир. Чтобы вы тогда ответили мне.

— Вы могли бы, капитан, а я ослушалась бы, и вам пришлось бы приказать, чтобы меня выпороли. Экипаж бы поднял мятеж, и вы закончили бы свои дни, заброшенные на какой-то крошечный карибский остров, ничем не питаюсь, кроме сырых хлебных плодов и незрелых кокосовых орехов.

— Сырые хлебные плоды не усваиваются.

— Тогда кокосы должны.

Рамси рассмеялся.

— Мисс Пембрук, хорошо, что вы вернулись на борт.

— Я счастлива быть здесь, капитан Рамси. Я скучала по нашим разговорам.

— Я тоже, — их взгляды встретились, и его улыбка исчезла, сменившись более серьезным выражением. — Я... — начал он, затем несколько раз моргнул и криво улыбнулся, — надеюсь, у меня завтра будет успех в Адмиралтействе. Адмирал Даррант до сих пор не доволен мной, потребуются много неопровержимых доказательств, чтобы заставить его согласиться с моим планом. Нет, лучше планом Ливингстона, поскольку я намерен быть его рупором. Адмирал уважает лорда Копли... К сожалению, это бессмысленное уважение адмирала Дарранта к титулам, которое поставило нас на эту должность. Отец господина Ливингстона виконт. Адмирал Даррант хочет, чтобы Кроуфорд был облагорожен. Я всего лишь выскочка с большим талантом...

— Я не понимаю, как лорд Ормерод может быть вашим двоюродным братом, если вы не благородны.

— Третий кузен. Наш... позвольте мне пояснить... у нас был один и тот же прапрадед, какой-то ремесленник или что-то в таком роде, не богатый, но способный хорошо поддерживать семью. У него было два сына, один из которых проявился как Перемещающий. Этому сыну дали титул и собственность, вы знаете, как это происходит, или, может быть, вы не...

— Конечно, знаю. Мой отец провел свою жизнь, отслеживая пересечения талантов с благородством. Предки две трети талантливых дворян в Англии получили свои титулы на службе у Карла II. Я удивлена, что вам не предложили титул, поскольку король, а теперь и принц-регент, настолько расточительны с ними.

Рамси содрогнулся.

— Регентский законопроект должен был отрицать власть Регента, чтобы награждать пэров. Как бы я хотел, чтобы это положение сохранилось, но талант должен быть вознагражден, и кто знает, как долго король может быть лишен своего Необычного Проницателя? Я не могу представить, как это может ощущаться, чувствовать, что думают все вокруг, не в силах различать свои эмоции и эмоции других... Я не должен жалеть моего короля, но трудно чувствовать что-либо, кроме сострадания к его состоянию.

— Во всяком случае, мне удавалось держаться подальше от Англии последние семь лет, от кого-либо, кто мог бы подумать, что мой военно-морской ранг и призовые деньги не являются вознаграждением за Необычный талант. Я бы стал когда-нибудь адмиралом, но графом или маркизом... нет. Мне трудно представить себя в статусе лорда. Гарри любит это, так пусть у него будет. Во всяком случае, я превзошел брата, который не проявился. В этой ветви семьи не было таланта, пока я не родился, и я имею... — все стулья, кроме стула

Элино́р, сразу поднялись в воздух и аккуратно выстроились вдоль стола, — больше таланта, чем заслуживаю, с точки зрения адмирала.

— Полагаю, если бы вы были лордом, адмирал Даррант прислушивался к вашим словам.

— Это правда. Хотя я не уверен, что цель оправдывает средства.

— Итак, каков ваш план? Или я не должна спрашивать?

Рамси пожал плечами и подошел, чтобы сесть рядом с ней, стул отодвинулся от стола не коснувшись капитана.

— Я собираюсь доказать, что пираты находятся на Тортуге. Я попрошу одного из шпионов Ограничителей адмирала прокрасться и получить какой-нибудь предмет для Необычного Провидца, чтобы тот смог сосредоточиться и произвести схему цитадели Эванса и его укреплений. И тогда я собираюсь отдать все это адмиралу Дарранту или попросить мистера Ливингстона и последовать его совету, — он улыбнулся ей. -

Маленькая покорность открывает дверь к адмиралу.

— Тогда, я думаю, у вас должны быть большие трудности в отношениях с ним.

Брови Рамси брови поднялись практически к его волосам.

— Мисс Пемброук! Вы не должны говорить такие вольности о характере вашего командира.

Элино́р улыбнулась, смутившись.

— У меня есть трудности, капитан, поэтому я не думаю, что это большая часть недостатка характера.

Рамси рассмеялся и ударил по столу ладонью, один громкий хлопок.

— Я предлагаю вам поспать, мисс Пемброук. Как только мы убедим адмирала, что действие необходимо и возможно, я хочу, чтобы вы присутствовали на совете по планированию. Уверен, что адмирал Даррант захочет, чтобы вы сыграли свою роль в штурме.

Элино́р изредка видела Рамси в течение следующих трех дней. Не имея новых приказов, офицеры проводили большую часть времени, пытаясь сохранить дисциплину среди почти трехсот человек. Хотя морякам платили, и им разрешалось бывать в Кингстоне небольшими группами, чтобы тратить деньги, они все еще находились на борту большую часть времени; артиллеристы тренировались, чтобы улучшить свою скорость, другие занимались своими обязанностями, красили корабль или чистили медное дно. Когда они были свободны, то пили, ели, музицировали и рассказывали истории. Элино́р была уверена, что они также играли в азартные игры, хотя Рамси не одобрял этого.

У Элино́р, однако, не было выхода для практики ее таланта, так как сжигание гавани и других кораблей ВМФ было запрещено, и ей часто становилось скучно. Стратфорд был занят тем, чтобы переносить людей в Адмиралтейство и из других мест, так что он не мог приносить ей новые книги. Прогуливаясь по гавани в Порт-Ройал, так как ей не разрешалось ехать одной в Кингстон, прогулки часто потеряли свою привлекательность примерно через пять минут после того, как она касалась твердой земли. Большая часть домашнего скота была забита, поэтому у нее не стало даже небольшого развлечения наблюдать, как они едят и опорожняются.

Наконец, она нашла себе занятие стоять на таффраиле и бросать огненные шары вдаль, пытаясь увеличить дальность и точность. Это развлечение приобрело популярность, и моряки начали искать предметы, которые могли бы быть целью. Когда шум становился слишком громким, тот, кто был дежурным офицером в тот день, разгонял всех, и Элино́р

возвращалась в большую каюту, высовывалась из одного из окон, бросая горстки жидкого огня в океан и пытаясь его вскипятить.

На третий день, когда она занималась развлечением экипажа, спокойный голос произнес:

— Я и не подозревал, что вы хотите быть исполнителем. Возможно, вы сможете выйти на сцену, когда ваша морская служба будет закончена.

Она погасила огонь, который держала, и ответила:

— Капитан, мне никогда не было так мучительно скучно за всю мою жизнь.

Рамси хихикнул.

— Вернемся к работе, — крикнул он, и толпа рассеялась, бормоча. — У них скоро будет что-то интересное, — сказал он, — как и у вас. Мы собираемся в Адмиралтейство, чтобы обсудить стратегию.

— Вы убедили адмирала?

— Господин Ливингстон убедил адмирала. Мистер Ливингстон стал уважительным, послушным, полезным и исполненным всеми другими достоинствами, которые меня пугают, так как я жду, когда он вернется к прежнему поведению.

Он сделал паузу и поднял брови, предлагая ей возможность ответить. Когда она невинно посмотрела на него, он покачал головой в отчаянном жесте.

— Я высоко оценил его выступление у адмирала, и, честно говоря, он заслуживает большей части этого. Я не понимал, что он действительно может так думать. Благодаря тому, что он внес такой ценный вклад, и я был самым убедительным с Провидцами, нам удалось получить немало схем крепости Эванса.

Элино́р с облегчением вздохнула.

— Тогда все получится.

— Это так, — но Рамси не выглядел счастливым.

— Что-то не так.

— Я лучше не буду вдаваться в подробности, пока вы не увидите сами чертежи, но... это будет нелегко.

— Я все еще думаю, что я...

— Если вы собираетесь сказать, что хотите идти в одиночку и сжечь все дотла, я не собираюсь слушать. Это было бы самоубийство, мисс Пемброук, и, поскольку у нас есть другие варианты, мы не станем развивать этот.

— И я должна сыграть роль в этих «других вариантах»?

— Я надеюсь. Пойдемте, давайте присоединимся к другим и посмотрим, что имел в виду адмирал Даррант.

Еще пять капитанов ждали в зале Совета адмирала Дарранта, когда они прибыли, среди них был Гораций, который улыбнулся и кивнул Элино́р. Она не знала никого из других капитанов. Кроуфорда не было. Мужчины стояли вокруг стола в разной степени неловкой тишины, все они, кроме Горация, не желали встречаться с ней взглядом.

Элино́р сжала края юбки в руках и крутила, пока те не смялись, а затем попыталась сгладить их. Рамси стоял рядом, так же спокойно, как будто он был на пикнике, только руки сзади сжали головку трости. Это была плохая идея, что она пришла сюда, они не нуждались в ней.

— Господа, мисс Пемброук, присаживайтесь, — сказал Даррант, входя в комнату и опускаясь в кресло во главе стола, не дожидаясь, чтобы кто-нибудь последовал его

указаниям. Он выглядел усталым и сердитым, небрежно одетым, а на лице застыла маска равнодушия. В желудке образовался узел страха. Он не был похож на человека, который ожидал победы.

Рамси подвинул кресло Элинора для нее, а затем сел рядом. Элинора наклонилась и прошептала:

— Адмирал...

— Молчите, мисс Пемброук, или я выпорю вас, — сказал адмирал, хлопнув кулаком по столу. Она удивленно отстранилась от него. — Вы все здесь, потому что ваши корабли либо закреплены в Порт-Рояле, либо находятся рядом с Сент-Доминго, и это будет иметь значение в этих маневрах. Благодаря добросовестной работе лейтенанта Джорджа Ливингстона мы обнаружили секретную цитадель Райса Эванса — его голос охрип, и Элинора почти подумала, что он мог заплакать, если бы она была уверена, что он способен на слезы.

Даррант щелкнул пальцами Саллиарду, который прошел в комнату, и мужчина двинулся вдоль стола, кладя листы бумаги перед каждым капитаном и Элинором. Его рука коснулась ее затылка, когда он проходил мимо, и девушка отклонилась от него, яростная и униженная. Он осмелился прикоснуться к ней!.. Конечно, осмелился, потому что она не могла обжечь его, чтобы не заметил адмирал и не выкинул ее из собрания, или еще хуже. Его рука скользнула по ее шее вниз, лаская спину, и она развернулась на своем месте, молясь, чтобы он поскорее ушел.

Затем Саллиард зашипел от боли и согнулся, отдернув руку от ее спины, схватившись за стопу. Рядом с ней Рамси изучал свои документы и не обращал внимания на странное поведение Саллиарда.

Элинора посмотрела на изящные туфли Саллиарда, сшитые из тонкой кожи, и неоправданно высокий каблук. Посмотрела на крепкий гессенский сапог Рамси, вовремя скользнувший под стул, и не удержалась спросить:

— О, мистер Саллиард, я думаю, что эти туфли неудобны. Возможно ли это? Наверно, вы должны были выбрать более удобную обувь.

Саллиард выпрямился, безмолвно взглянул на нее и продолжил движение.

Импульсивно Элинора протянула кисть и обнаружила руку Рамси, опущенную на колено под столом, и коротко сжала ее в благодарность. Его глаза ни на минуту не оторвались от бумаги, лежащей перед ним, но его пальцы пожали ее руку, сжав ее на долю секунды, когда она отодвинулась.

В комнате вдруг перестало хватать воздуха. Все командиры собрались в одном месте. Окна прикрыли от яркого солнца Бермуд. А когда он отпустил ее ладонь, она прижала ее к щеке, задаваясь вопросом, не выглядела ли она такой раскрасневшейся, как себя ощущала. Элинора все еще чувствовала его пожатие. Она занялась бумагами, которые положил Саллиард перед ней, желая, чтобы ветер охладил ее щеки.

Она разложила все четыре листа, чтобы сразу посмотреть их всех. Первый — это карта, изображающая береговую линию, на которой была сосредоточена круглая бухта с входом с восточной стороны. Второй — схема маленького поселения с грубыми хижинами и более крупным зданием из неотесанных бревен, напомнившую крепость, которую она видела на острове, и четыре корабля, стоявшие в огромной гавани.

Третий показал то же изображение, что и на втором, но издалека. Как если бы наблюдатель находился в лодке и хорошо видел бухту. Высоко на стенах скалы по обе

стороны от поселения были грубые каменные ящики, из которых выступали пушки, по меньшей мере, шесть пушек с каждой стороны. Художественность исполнения всех трех рисунков была изящной, заставив Элинор удивиться, что рисование было умением, которым все Провидцы должны были владеть. Четвертый рисунок был намного более грубым и, казалось, являлся схематичным изображением фрегата. Элинор могла различить сигнальные полотнища вдоль обеих сторон и странно удлиненную корму.

— Крепость располагается почти полностью на западе на северном берегу, — продолжал Даррант, — и, проклятье, Саллиард, где чертова карта?

Элинор воздержалась от комментариев.

«Замолчите, или я выпорю вас!» Ее взгляд не дрогнул перед этими мужчинами, но гнев Дарранта начинал пугать. Она никогда не видела его в таком состоянии, чтобы он потерял контроль. Девушка с осторожностью отвела взгляд, представив, что в такой ярости адмирал может решить отказаться от ее присутствия, и сосредоточилась на карте, которую Саллиард разматывал над камином.

— Тортуга, — сказал Даррант, показав на карте и стукнув деревянной тростью. — Вот где бухта. Он разместил огневые позиции на внешней и на внутренней стороне. Посмотрите на рисунки, и вы увидите, что своды бухты прикрывают его с севере так, что гавань невозможно заметить, даже если вы будете проплывать мимо.

Он указал тростью места на карте.

— Вот у этой северной стены лицом к морю стоит артиллерия с пушками, и я не знаю как, черт побери, он с этим справился. Другая артиллерия находится к востоку от устья бухты. Затем еще одна, береговая, расположена внутри бухты и обращена на восток. Пушки указывали на вход. Бухта достаточно широкая, чтобы он смог разместить внутри четыре корабля, а то и больше. К тому же, он сам выкопал эту хрень, вернее со своими Перемещающими, как говорит Ммисс Пемброук, — он свирепо посмотрел на нее, но она заставила себя спокойно и равнодушно выдержать его взгляд.

— Прямо сейчас, Эванс скрывается внутри с некоторыми или, если нам повезет, всеми его капитанами. Хорошее, безопасное место, но это ловушка для крыс, для этих проклятых крыс. Мы собираемся, заблокировать их там и уничтожить корабли, таким образом, они не будут иметь никакого способа, чтобы спастись. А потом послать отряд морских пехотинцев, чтобы закончить работу.

Даррант прочертил кривую на северном побережье Тортуги.

— Течение проходит с востока на запад здесь, поэтому мы будем плыть вокруг южной стороны Тортуги, что приведет нас прямо в устье залива Эванса. Нет ничего проще.

— Прощу прощения, адмирал Даррант, — сказал один из капитанов, — но как насчет огневых позиций?

— А что с ними?

Капитан посмотрел на ближайшего соседа.

— Хм... они позволят атаковать нас, когда мы нападём на пиратский флот.

— Мы никогда не настигнем западную артиллерию. К восточной мы отправим морскую пехоту на «Бретоне», чтобы снять ее со стороны утеса. По поводу внутренних позиций внутри бухты, их собственные корабли сами станут им препятствием, но если нет, то мисс Пемброук будет продолжать палить по ним, так что они не смогут вести огонь по нам.

Элинор стало неуютно, она смутилась, так как каждый взгляд в комнате был установлен на нее. Девушка посмотрела на чертежи.

— Прошу прощения, адмирал Даррант, — произнесла она, — но я не могу сжечь камень, и я не верю...

— Вы будете следовать приказам, или, о мой Бог, я отправлю вас обратно в Англию! — взревел

Даррант.

Элинор резко замолчала. Стремление припугнуть его огнем стало настолько велико, что ей пришлось сжать руки под столом. Рамси рядом с ней напрягся. Что-то было не так.

— Да, сэр, — сказала она, когда она взяла себя в руки.

— Кто-нибудь еще хочет высказаться? — спросил Даррант.

— Сэр, но хватит ли всем места для маневров перед входом в бухту? — спросил другой капитан. Элинор ждала гневной тирады, но этого не случилось. Она разозлилась. Видимо, ему было разрешено кричать лишь на нее, когда она интересуется подробностями его плана, но любому из его драгоценных капитанов, его людей, можно было выражать беспокойство...

— Места много, — ответил Даррант. — У нас будут люди, сообщающие, где и когда вы будете совершать переходы. Хотите что-то добавить, Каррутерс? — последние слова были адресованы крепкому, рыжеволосому капитану, который казался невозмутимым, несмотря на агрессивный тон Дарранта.

— Эванс Необычный Провидец, — заметил тот густым басом. — Он смог отслеживать наши корабли все время. Как мы узнаем, что он не увидит нас?

— Один из Необычных Провидцев Лиссабона научился делать то же самое, что и Эванс, — ответил Даррант. — Эванс использует захваченные корабли ВМФ в качестве... обобщенного фокуса или того, что, черт возьми, он называет, и четких видений всех кораблей, соответствующих этой форме. А затем анализирует то, какое видение важно. Мы знаем, что у него находилась «Олимпия», до того, как «Славный» отправился к семи кругам ада. Капитан Горация нашел судно брошенным на том острове, где нашли мисс Пемброук. У них также есть корабли четвертого ранга «Тарсус» и «Мельпомена» и два фрегата.

— Хочу сказать вам, что этот человек — какой-то проклятый ученый, распределяющий видения нашего флота с остальных кораблей таких же классов по всему миру, но сортируйте их так же, как и он. Таким образом, мы будем менять линии ваших кораблей, прежде чем отправимся. Это должно помешать Эвансу в отслеживании. Также мы рассчитываем на огромное количество информации, которое ему придется исследовать, чтобы скрыть тот факт, что мы исчезли.

— Теперь вернитесь на свои корабли и приготовьтесь. Попросите ваших плотников внести указанные изменения. Не обязательно, чтобы было красиво, просто чтобы было понятно. Мы должны сделать это быстро, прежде чем Эванс увидит, что мы делаем. Я присоединяюсь к Уолтерсу на «Бретоне». Мы покинем Порт-Ройал завтра в полдень, чтобы встретиться с остальной частью флота в Порт-де-Пэкс первого июля.

Он поднялся и вышел из комнаты, прежде чем кто-то еще успел встать. Капитаны начали обмениваться взглядами, некоторые даже смотрели на Элинор с извинениями. Поведение Дарранта было странным, и это не было игрой ее воображения.

Рамси предложил ей свою руку, и ей пришлось почти бежать, чтобы успевать за ним.

— Думаю, мы сделаем остановку, прежде чем вернемся на «Афины», — сказал он.

Сжимая чертежи, он потянул ее через дверной проем в длинную комнату с высокими потолками. Казалось, что когда-то это был бальный зал. На потолке были крючки, с которых, возможно, свисали люстры. По трем из четырех стен тянулись медные

подсвечники, а прекрасный паркетный пол напоминал переплетенные прутья решетки. Четвертая стена представляла собой высокие окна в белых рамах, которые выходили на те же лужайку и сад, которые она мельком видела из зала заседаний адмирала.

Каким бы ни было изначальное предназначение зала, теперь он был полностью заставлен рядами деревянных стульев, большинство из которых занимали мужчины в униформе: в светло-голубых пальто с цепочками медных пуговиц, в белых рубашках с высокими воротниками и галстуками, слабо завязанными из-за жары, царившей в Карибском бассейне, и в нанковых, желтоватых брюках, заправленные в светло-коричневые кожаные сапоги. Каждый стул стоял у маленького столика, который выглядел почти как игрушечный, но был при этом заставлен большими кипами некачественной серой бумаги. Везде стояли медные чернильницы и баночки, полные ручек.

Большинство мужчин немного откинули головы, с кем-то разговаривая. Кто-то быстро писал на листах, размахивая ими в воздухе, чтобы высушить, затем складывали их пополам и писали что-то на внешней стороне. Молодые мальчики, одетые в укороченную версию формы Ораторов, ждали эти сложенные листы, а потом либо складывали их в один из ящичков, стоящих вдоль длинной стены, либо бегали через северную или южную дверь так, словно за ними кто-то гнался.

В комнате стояла пугающая тишина, за исключением скрипа перьев и случайного стука шагов по решетчатому паркету. Из-за яркого, летнего солнца Бермуд, заливавшего закрытые окна, было жарко, а также пахло немытыми телами и чернилами. На ладонях Элинора начал проступать пот.

У северной двери стоял лейтенант в форме Оратора в треугольной шляпе с голубой кокардой, также присущей Ораторам. Рамси пересек комнату, чтобы поговорить с ним, и потянул за собой Элинора, будто забыл, что она тоже тут.

— Адмирал получал сообщение из Уайтхолла за последний час? — спросил он.

— Я не могу рассказывать вам о личных сообщениях, Рамси, и вы не сможете вывести их у меня, — ответил мужчина.

— Я не хочу знать подробности. Мне только нужен ответ «да» или «нет», Митчелл. Одно слово.

Митчелл нервно задергался. Он взглянул на Элинора, оглянулся на Рамси, а затем вновь перевел взгляд на Элинора.

— Она Поджигатель? — спросил он тихим голосом.

— Да, она...

— Капитан, я все еще рядом. Прошу прощения, лейтенант Митчелл.

Митчелл смутился:

— Она или нет?

Элинора раздраженно фыркнула

— Это она, — ответил Рамси, забавляясь.

Митчелл украдкой осмотрел комнату.

— Покажите мне? — попросил он, обращаясь к Элиноре.

— Прошу прощения, лейтенант, но... показать что?

Митчелл взмахнул руками.

— Сделайте что-нибудь огненное.

Рамси издал приглушенный звук, который, вероятно, был подавленным смехом. Элинора повторила:

— Что-то... огненное?

Митчелл кивнул. Элино́р вздохнула и подняла одну руку, позволив пламени течь по ней. Его яркий цвет тотчас уменьшил ее раздражение. Она чувствовала на себе взгляды многих в комнате, потому что люди, которые не занимались разговорами, наблюдали за происходящим зрелищем.

— Вы это имели в виду?

Казалось, Митчелл был ошеломлен от увиденного. Элино́р погасила пламя, опустила руку, и мужчина перевел дыхание.

— Как прекрасно, — произнес он. Такое простое выражение восхищения в его голосе заставило Элино́р постыдиться за то, что она некогда была в нем разочарована.

— Спасибо, — сказала она.

Митчелл очнулся от увиденного и подошел ближе к Рамси.

— Адмирал получил два сообщения из Уайтхолла около сорока — сорока пяти минут назад, — произнес он низким голосом. — Не могу сообщить вам, от кого они были, но... могу сказать, что Харкинс принял их.

— Я ваш должник, Митчелл, — сказал Рамси.

— Просто приведите леди еще раз, — ответил Митчелл и дружелюбно и с восхищением улыбнулся Элино́р, из-за чего она почувствовала себя взволнованной.

Мужчины редко смотрели на нее с таким выражением. Она знала, что не была страшной, но, конечно же, и не такой красоткой, как Амелия, и, в любом случае, большинство мужчин, с которыми она встречалась в эти дни, смотрели на нее больше со страхом, чем с романтическим интересом. Тем не менее...

Рамси кивнул Митчеллу и вышел из комнаты так же быстро, как и пришел, потянув за собой Элино́р.

— Привести леди ему еще раз, — пробормотал он.

Элино́р удивленно спросила:

— Что-то не так, капитан?

— Нет. Ну, да, но подождите минутку.

Они вошли в парадный зал, и Стратфорд вскочил на ноги.

— Мистер Херви, пожалуйста, перенесите нас обратно на корабль. Мы обсудим это, — ответил Рамси Элино́р.

Вернувшись в большую каюту, Рамси бросил шляпу на диванчик и прошелся перед окнами.

— Пожалуйста, скажите мне, что вас беспокоит, капитан? — спросила Элино́р, садясь за стол и снимая шляпку.

— Харкинс знает только несколько человек в Адмиралтействе, — наконец ответил Рамси, остановившись на полпути, — а те немногие, которые... я думаю, что адмирал Даррант получил известие о военно-полевым суде над Кроуфордом, и это не есть хорошая новость.

— Вы имеете в виду, капитан Кроуфорд был осужден?

— Это единственное, что приходит мне на ум о том, от чего адмирал потерял самообладание. Либо кто-то видел, что вы делали на «Славном», либо его привлекли к ответственности за непризнание «Олимпии» в качестве захваченного судна, или же... это может быть что угодно. На самом деле, я удивлен, потому что все это звучит так, словно Кроуфорд сражался так же, как мог любой другой... Но я не тот человек, перед которым он

должен был отчитываться.

— Так... его могут повесить.

— Возможно.

Элинонр поняла, что изначальная ее беспощадность по отношению к судьбе Кроуфорда рассеялась.

— Что это будет значить для нас? По поводу атаки на пиратов?

— Надеюсь, что ничего. Но это может поставить под угрозу решение адмирала. Расстроить его, — Рамси пробежался пальцами по своим волосам, убирая их с лица. — Большая часть его плана кажется надежной, за исключением того, что он ожидает, что вы сожжете позиции. Я не знаю, о чем он думал.

— Капитан, я уверена, что смогу хоть что-то сделать. Я буду знать больше, когда увижу все собственными глазами. Хотя эти чертежи очень хороши.

— Им лучше быть. Мы ставим на кон нашу жизнь, — ответил Рамси.

Глава двадцать вторая, в которой еще больше пиратов

Элинор никогда не видела более темной ночи. Высокие облака покрывали небо, обещая погоду без дождя. Это было хорошо, потому что она не уверена, что сможет поддерживать большое пламя во время ливня. Все огни «Афины» были погашены, и с теплой сыростью Карибской ночи Элинор почувствовала, будто ее обмотали влажной черной шерстью. Пальцами она касалась поручней на левом борту, и лишь это напоминало ей о том, что она стояла на палубе корабля, напрягая зрение, чтобы увидеть сигнал.

Обычные звуки скрипящей веревки и пыхтящего паруса на «Афине» казались приглушенными, словно судно знало, что крадется к врагу, который мог разбить и разорвать его на кусочки. Элинор содрогнулась от мысли, что гордый корабль разрушат, ее экипаж рассеется по серым волнам... она отбросила эту картинку подальше из своей головы. Подобные мысли навлекали беду, и она сильнее сжала поручень и начала думать о каменных укрытиях, заполненных огнем и кричащими пиратами.

Она все еще не видела огневых позиций. Была темная ночь, когда они проплыли вокруг восточной стороны Тортуги и потушили все свои огни, чтобы не потревожить пиратскую крепость. То, как корабли сумели отслеживать друг друга в темноте, было для нее загадкой, но Рамси и Гораций, казалось, совсем не беспокоились о столкновении, поэтому она отложила свои тревоги.

Она думала о том, что увидит позиции только после того, как их пушки начнут стрелять, эти маленькие вспышки света, обозначающие местоположение, а потом она... но она еще не продумала план действий. Огненные шары появлялись бы хаотично, если позиции выглядели так, как описал Рамси на поспешно сделанном эскизе, который был не столь хорош, как изображения, сделанные Провидцами. Щель была не выше порта с расставленными внутри пушками, скорее всего железными, которые она не могла расплавить. Фактически, она работала бы вслепую, не могла бы видеть пиратов, расставляющих внутри орудия. Но именно это хотел Адмирал Даррант. У нее был приказ. Втайне она хотела сжечь корабли, если бы это было возможно.

Поднялся небольшой ветер, казавшийся в темноте необычно холодным. Элинор вздрогнула. Ей хотелось, чтобы на ней был платок, жакет или хоть что-нибудь, без чего, без сомнения, не обошлась бы цивилизованная женщина. Если только Эванс уже не знал их местоположения... Это было настоящим испытанием, не зная то, что Эванс знал.

Беспорядочные повреждения искажали прекрасные линии кораблей. Было ли этих повреждений достаточно, чтобы сбить прицел пиратов, никто не знал. Адмиралтейские Провидцы передали, что в порту уже стояли пять пиратских кораблей, и что в течение дня не было ничего необычного, но предположим, что это было частью плана Эванса?

Элинор почувствовала запах дыма от горящего дерева и отдернула руки от борта, прежде чем он смог зажечься, надеясь, что ее внезапно вспыхнувшие ладони не сделали их мишенью. Она добилась такого прогресса, контролируя свой огонь, что не осмеливалась заснуть, не обуздав пламя, но, похоже, ее контроль еще не был совершенным, и это расстраивало ее. Предположим, она действительно касалась чего-то, когда загорелась? Когда все это закончится, ей придется практиковать более усердно.

Когда все закончится. Предположим, им удастся убить Эванса и некоторых или всех его

капитанов, — что тогда? Неужели флот все еще будет нуждаться в ней? Наполеон еще не был побежден, и, конечно же, военно-морской флот был в этом заинтересован. Элинор потерла руки, покрывшиеся гусиной кожей, и вдохнула успокаивающий влажный соленый воздух. Она не хотела об этом думать сейчас. Вскоре ей придется вернуться к тому, чтобы составить план, как жить после окончания войны. Она не могла вернуться к своей семье, потому что даже Селина ей не обрадуется.

— Это должно было произойти еще десять минут назад. Мы надеемся увидеть сигнал, — сказал Рамси. — Вы должны спуститься ниже, в тепло.

— Я предпочитаю не спотыкаться в темноте каюты, капитан, — ответила она, но ей стало теплее, когда он стоял рядом. — Так спокойно в это тихое время. Трудно поверить в войну и смерть в такую ночь.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Когда я был намного моложе, я поднимался на такелаж, на самый верх, привязывал свои ноги и руки веревками и качался с кораблем. Тогда летать было опасно, вероятно, поэтому мне так нравилось качаться ночью.

— Я не думала, что вы такой безрассудный.

— Я был юн. Тогда это было так весело.

Элинор повернулась и посмотрела на темный силуэт Рамси, стоящий рядом.

— Могу я спросить, сколько вам лет, капитан?

— Тридцать. Иногда я чувствую себя старше, так как я занимал этот ранг с тех пор, как мне исполнилось двадцать один. Я, наверное, был слишком молод для этого, и не могу себе представить, что другие не заслуживают того, чтобы занять пост, но попробуйте сообщить об этом Адмиралтейству, которому нравится награждать своих Необычных людей сверх того, чего они заслуживают.

— Я не могу представить вас не заслуживающим звания.

Он усмехнулся.

— Скажем так, я вырос в нем.

— Я хотела бы знать вас в двадцать один, но, боюсь, вы бы обнаружили, что у нас мало общего, так как я ещё училась в школе.

— Я удержусь спрашивать о вашем возрасте.

Элинор тихонько рассмеялась.

— Семь дней назад мне исполнилось двадцать два. День моего спасения, фактически.

— Я вижу. Да, у нас было мало общего. Как повезло нам обоим, что мы встретились сейчас, а не девять лет назад.

Его голос казался странным в мрачной темноте. Элинор была на мгновение смущена отсутствием света, неясно, где она стояла, или где Рамси находился по отношению к ней. Она протянула руку, чтобы схватиться за борт, и вместо этого нашла теплую, твердую руку.

— Прошу прощения, — она убрала ладонь, чувствуя нежелание отпустить его.

— Адмирал Даррант попросил нас скрываться, — сказал Рамси, его голос все еще звучал странно, — чтобы вы могли лучше видеть на месте. Хотя, между нами, я бы сказал, что он не хочет, чтобы «Афина» снова пришла к успеху.

— Было ли что-нибудь насчет капитана Кроуфорда?

— Ничего, и, честно говоря, я не хочу знать. Вы видели свет?

Элинор напрягла глаза в темноте. Адмирал отправил шлюпку вперед кораблей, чтобы закрепить якорь возле устья гавани и зажечь экранированный фонарь, чтобы отметить, где они должны занять свою очередь.

— Я ничего не вижу, капитан.

— Я так долго смотрел в темноту, что видел всполох. Если это на самом деле так.

— Нет.

Он вздохнул, и Элино́р почувствовала, как он опирался на борт рядом с ней.

— Мне не нравится ждать, — сказал он. — Никогда. Когда есть что-то, что вы хотите сделать, и вы не можете, потому что это должно произойти в нужное время, или все будет разрушено... и все же вы внутри готовы делать или говорить, что бы это ни было... Вы понимаете? Потому что я думаю, что я, возможно, схожу с ума.

— Я прекрасно понимаю вас, капитан. Хотя и не могу сказать, что когда-либо испытывала нетерпение в ожидании.

— Тогда вы гораздо более терпеливы, чем я.

— Я очень слабо планировала свою жизнь до недавнего времени. Это едва ли терпение, когда вы просто не можете иметь то, что хотите.

— И что вам нужно? — странное эхо вернулось, или это влияние ночного воздуха, и она вспомнила, как сестра задала аналогичный вопрос три месяца назад. Она снова была в замешательстве, и если бы не движение палубы «Афины», могла подумать, что она стоит наедине с Рамси на холме, окруженном беззвездным небом. Она вздрогнула, но не от холода.

— Я думала, что хочу свободы, — сказала она, — но теперь у меня это есть, и я все еще... Я довольна, капитан, вы никогда не должны думать, что не хочу быть здесь, но мне кажется, что есть что-то, чего я хотела бы, если бы только я знала, чего.

— Я вас понимаю, хотя не могу сказать, что у меня когда-либо была эта проблема.

— Вы всегда уверены в том, чего хотите?

— Всегда, — ответил Рамси. Он переместил руку, хватаясь за перила, и ребром ладони прижался к ее руке. — Хотя понимание того, что я хочу, к сожалению, не всегда означает, что я это получу.

И что ж вы хотите, капитан? Слова повисли на губах Элино́р, когда она заметила крошечный блеск. Она потянулась и схватила Рамси за руку.

— Я вижу свет.

— Где?

— Там... о, как глупо, я показываю... — она приблизилась к его темному лицу и взяла за подбородок, затем повернула в нужную сторону, пока не убедилась, что он видел то же, что и она. Рамси поднял руку и убрал ее пальцы, мягко сжав ее ладонь, а затем отпустил.

— Вижу. Спасибо, — затем он исчез, и она все еще чувствовала прикосновение его руки, тепло, которое он оставил, в контрасте с ее холодными руками и лицом. Она посмотрела на свет, затем на скалу, пытаясь представить, где морские пехотинцы ползли к ничего не подозревающим пиратам. Оратор морской пехоты был в контакте с одним из флагманов Дарранта на «Бретоне», чтобы сообщить им, когда будет безопасно, а затем Оратор Дарранта отправит сообщение всем кораблям, чтобы начать боевые действия.

Она услышала крик морской птицы далеко от борта, длинный умирающий кааааар, сопровождаемый слабыми гудящими звуками — сова? Невозможно. Хотя земля была не так далеко, и кто знает, какие птицы могут обитать на Тортуге...

...на твердых скалах, где даже деревья не растут...

... и ночь расцвела огнем, вспыхнувшим выше, и до того, как Элино́р потушила восемь огненных шаров, которые устремились к их флоту, она увидела три судна, плывущие вокруг западной стороны огромной гавани, которые собирались направить свои пушки на входящие

корабли ВМФ, а еще два, более тусклые шара, быстро поднимались от гавани.

Внезапно воздух заполнился громом пушечного огня, который, казалось, приходил извне. Элинон увидела вспышки огня в стороне от скалы, высоко наверху, а затем услышал свистящий звук пушечных ядер, мчащихся на них. Большинство пролетели мимо безобидно, но несколько поразили свои цели, и к оглушительным звукам пушек и крику летающих пушечных ядер были добавлены крики умирающих мужчин.

Она была слишком ошеломлена, чтобы ответить. Еще одна дуга огненных шаров полетела к ним, нацелившись на корабли ближайšie к гавани, и она погасила их рефлекторно, не в силах вспомнить, что она должна была делать. Какая идиотская стратегия. Она не способна стрелять, потому что корабли Эванса в движении. Девушка подняла взгляд к вспышкам, обозначающим положение вражеских пушек. По какой-то причине морские пехотинцы потерпели неудачу, и теперь эти пушки превращали корабли ВМФ в обломки древесины.

Пожары разразились на палубах самых отдаленных кораблей, «Бретон» и «Колесница». Элинон рассеянно потушила их. Пираты были вне ее диапазона, хотя она отчаянно напрягалась, чтобы дотянуться до них, в ярости от плана Дарранта, который держал «Афину» так далеко от фронта битвы. По крайней мере, казалось, что Дюдни не было. Ей было бы гораздо труднее противостоять его пожарам. Она схватилась за борт, когда «Афина» начала поворот, чтобы отойти от смертоносных огней, и пошатнулась.

Если бы «Афина» перестала качаться в течение хотя бы двух минут! Наконец, она дошла до кормы, одной рукой обхватив тафт, и бросила огненный шар, который легко перелетел десять футов, выбив искры на скале.

Огонь вспыхнул в течение нескольких секунд, прежде чем заплясать возле орудий, заставив сделать паузу в стрельбе. «Эскардия», которая была ближе к «Афине», приняла на себя два залпа, один из которых был удачным, сломав верхнюю часть грот-мачты пополам. Ее матросы были заняты освобождением от мусора, и рулевой, казалось, не знал, что делать, потому что «Эскардия» продолжала плыть в бухту, а не уходила в сторону, чтобы позволить другому кораблю маневрировать, отвлекая их на себя.

На полминуты опустилась темнота, пока вражеские Поджигатели не отправили еще один залп огненных шаров. Им было ясно дано указание обезопасить свои корабли, чтобы они нацелились на судна ВМС, потому что их атаки всегда совпадали с залпами от трех пиратских кораблей. Один из них, бывший фрегат ВМФ, сбивал их с палубы полной батареей выстрелов, в то время как корабли ВМФ могли только использовать свои передние пушки.

Битва происходила на таком расстоянии, что Элинон могла только сказать, что это была «Колесница», которая дрейфовала на путь «Бретона», отчаянно маневрирующего, чтобы стрелять своими 18-фунтовыми орудиями во врага. Ей начало казаться, будто корабли были в замешательстве.

Затем огневая позиция выстрелила снова, и Элинон бросила в нее еще один огненный шар. Но это не помогло, полностью ее уничтожить. Огонь брызнул с каменистой поверхности, заставляя защитников отступить. Элинон потушила еще одну группу вражеских огненных шаров и хотела закричать от разочарования. Она должна сжигать эти корабли, давая «Бретону» и «Колеснице» времени перегруппироваться, и все же она не могла это сделать.

— Морские пехотинцы все мертвы, — услышала она, как Бомонт перекрикивает пушки

и крики. -

Эванс знал, что мы идем! Есть, по крайней мере, семь кораблей!

— «Бретон» и «Хорнет» оба пойманы в ловушку между нашими кораблями и гаванью, а «Колесница» не выдержит бортовой залп! — Рамси взревел над ним.

— Капитан, я могу... — крикнула Элино́р.

— Оставайтесь там, где стоите, и это приказ, мисс Пемброук! Найдите способ уничтожить эту установку!

— Но... — в ярости Элино́р захлопнула рот. Она не собиралась предлагать идти одной, и было несправедливо не слушать ее. План Дарранта был слишком неосторожным, слишком зависимым от того, если что-то пойдет не так. Это было глупо, и теперь люди умрут из-за этого.

Она создала еще один огненный шар, но вместо того, чтобы бросить, сосредоточилась на том, чтобы заставить его двигаться, взлететь вверх по скале и повиснуть рядом с местом, чтобы освещать его. Укрепление было слишком далеко, чтобы разобрать детали, но она увидела темное пятно, где из камня выступали пушечные дула, и этого было достаточно.

Элино́р подумала: «Ну, если я ошибусь в этом, надеюсь, никто не станет критиковать Поджигающих».

Она нуждалась в длинном, тонком огне, и если в этом месте было что-то, что можно было бы сжечь, она могла бы поджечь это и предать правильную форму. Но, возможно, достаточно оглушительного шара огня. Она закрыла глаза. Огонь висел далеко и очень тихо, но, когда она заговорила с ним, он превратился в живое существо.

Элино́р расправила его, свернула, как тесто, и превратила в копье, затем направила в щель с такой силой, какой смогла. Узкое пространство расширилось, и она выпустила огонь, позволила ему расширяться так же жестоко и жарко, как хотелось, это было так красиво, и она снова слышала крики морских птиц и понял, что это были голоса умирающих. Она открыла глаза и увидела слабое сияние на далекой скале. Ее сердце колотилось от волнения. «Мне нужно что-то еще, чтобы сжечь».

— Капитан! — закричала она. — Что еще мне делать?

Рамси был занят разговором с Бомонтом и не слышал ее, пока она не приблизилась и снова крикнула ему.

— Огневая точка, — крикнул он из-за шума криков и грома.

Элино́р покачала головой.

— Все кончено!

Рамси взглянул на скалу.

— Используйте инициативу, мисс Пемброук! — он побежал вперед, чтобы поговорить с рулевым.

Неприятельские Поджигающие все еще отправляли огненные шары. «Колесница» плыла прямо по пути «Хорнета», но «Бретон» вырвался и уступил «Сирене». Пиратские корабли продвигались вперед, и они, казалось, точно знали, где можно избежать любых ударов с кораблей ВМФ. Еще два пиратских корабля начали выходить из гавани. Какая стратегия была у Эванса, что он видел? Он знал достаточно, чтобы вызвать больше кораблей и сразиться с ними. Как он узнал, что они придут?

Огневая точка молчала, огонь по-прежнему светился вдоль тонкой открытой линии. Элино́р наполовину свесилась через борт. Битва бушевала далеко впереди... Но так ли слишком далеко? Она потянулась, чтобы подобраться к ближайшему пиратскому кораблю и

почувствовала облегчение, и яростное наслаждение, когда палуба осветилась пламенем.

Огонь на палубе погас. Дьюдни.

Элино́р во второй раз подошла к палубе и потянулась к ней, почувствовав давление, откидывающее назад, как будто она и Дьюдни были на противоположных сторонах одной двери, соперничая, чтобы увидеть, кто первым может открыть ее. Она чувствовала, как огонь перекручивался, искажался в своем конфликте, чтобы решить, какому хозяину служить, но это была бы не она, если позволила бы этому человеку победить ее.

Давление исчезло так резко, что она схватилась за борт, чтобы не упасть. Она закричала о своем триумфе, любой мог услышать ее над остальными боевыми криками.

Затем, вдалеке, Элино́р увидела, что на палубе «Эскадри́и» вспыхнул пожар, и на поврежденных мачтах и парусах «Колесницы» тоже. Девушка решила управлять своим огнем, чтобы погасить новые, и почувствовала, как вышла из себя. В ярости она снова зажгла пламя и увидела, что на кораблях ВМФ снова появились те же пожары, и все трое погасли, когда она и Дьюдни повторили свой ужасный танец. Они могут соперничать всю ночь, но нет, пиратский корабль снова был вне ее досягаемости, потому что «Афина» двигалась дальше в море.

Она бросила атаку и помчалась по палубе, чтобы найти Рамси, который исчез.

— Почему мы уходим? — потребовала она ответ от рулевого.

— Коми́нь, — сказал он хриплым голосом, едва слышимым над пушечным огнем. — «Колесница» Текина.

— Но «Колесница» не может двигаться! Мы уходим слишком далеко, мистер Уинн! Я не могу сжечь их такого расстояния!

— Вам придется подождать, — произнес Рамси из-за спины, взяв ее за плечи и твердо отталкивая. — Оставайтесь внизу, пока не позову вас.

— Я не останусь внизу!

— Вы будете подчиняться приказам, мисс Пемброук, или вы получите много народа, убитого вашей непоколебимостью! Не думайте, что вы — единственное оружие в этом бою! — глаза Рамси вспыхнули, единственная яркая вещь в этом тусклом мире, и ей показалось, что он ударил ее.

Он сказал, что я не оружие. Полагаю, он ошибся.

Не дожидаясь других слов, она сбежала по лестнице в большую каюту, где прислонилась к оконной раме в попытке разглядеть то, что горит.

Она проклинала себя, не понимая морских сражений, свою неспособность в целом проанализировать маневры кораблей, непонимание того, что это значит, потому что она была бесполезной на таком расстоянии и в любом случае не понимала стратегии. Все, что она знала, было то, что «Колесница», конечно, тонула и не могла спастись. «Афина» была вынуждена держаться подальше от битвы, и Элино́р не смогла бы сражаться, и для всех, кого она знала, Рамси предстанет перед военным судом и будет повешен за то, что не стал драться с пиратами. И она ничего не могла с этим поделать.

Нет. Она найдет еще один выход.

Прежде чем Элино́р могла до конца сформулировать мысль, она оставила большую каюту и спустилась в кают-компанию и офицерскую оружейную, расталкивая моряков, которые несли своих раненых товарищей вниз или бежали вверх по лестнице, вновь исцелившись, чтобы вернуться в бой. Хейс был в процессе лечения чьей-то сломанной ноги.

Звуки сражения были здесь такими же, громкими, как и снаружи, лишь крики раненых

не резали слух. Элино́р уви́дела бледные лица и услышала несколько стонов. Но получившие более тяжелые травмы, были без сознания, Хейс лечил их на ощупь. Судно снова накренилось, из-за чего Элино́р была вынуждена схватиться за дверной косяк.

— Доктор Хейс, я ищу мистера Херви, — сказала она.

— Я здесь, Элино́р, — голос Стратфорда, раздался из-за ее спины. — Что вы здесь делаете?

— Мне нужно поговорить с вами о чем-то важном, — ответила Элино́р, подталкивая его в оружейную, в тихую тьму пустой палубы, где звуки сражения и смерти заглушили опалубка и море. — Стратфорд, мне нужно, чтобы вы перенесли меня на берег.

— Вы с ума сошли? Я не возьму вас. У капитана будет припадок, и нас обоих убьют.

— Нет. Не убьют. Их корабли все уходят из гавани, и там не останется никого. И даже если бы были, это было не важно, потому что наш флот будет уничтожен, если не удастся сжечь эти корабли, а я не могу добраться до них отсюда. К тому времени, когда «Афина» вернется, будет слишком поздно для многих. Пожалуйста, Стратфорд. Это займет всего несколько минут. Полчаса в худшем случае, и никто не будет стрелять в нас.

— Нет. Элино́р, нет. Капитан не допустит этого

— Капитан сказал мне, чтобы я проявила инициативу.

— Он не хотел лезть в сражение.

— Я оружие, Стратфорд. В середине боя, где я должна вступить, — она почувствовала, как огонь затих внутри ее и ждет, чтобы быть направленным на врага.

Стратфорд вцепился в свои волосы обеими руками и отвернулся от нее.

— Почему вы не можете подождать, пока мы снова будем в пределах диапазона? Это не может быть так долго.

Элино́р взмолилась, Стратфорд смотрел на нее в изумлении.

— Пойдемте со мной, — сказала она и потянула его вверх по лестнице на палубу, а затем потащила ближе к носу, пока они не оказались вне поля зрения на шканцах. — Смотрите, — она махнула рукой в сторону дальнего боя, — они гибнут, и все, что мы можем сделать, это смотреть. Я не могу стоять в стороне и позволить этому случиться. Пожалуйста, Стратфорд.

Стратфорд положил обе руки на перекладину и посмотрел вниз на воду. Теперь, когда «Афина» была вне огневой линии, ее пробоины в основном были заделаны, уровень шума снизился значительно, несмотря на крики команды, которые летели по воздуху и имели особую остроту. Запах пороха, его остатки, которые жгли ей глаза, заставили чувствовать как будто она стоит в рядах тех далеких бойцов, пошатываясь под ударом очередной атаки.

— Что насчет Поджигающих? — спросил Стратфорд.

— Мне будет проще сражаться с ним, если я буду за пределами моей досягаемости, — ответила Элино́р, надеясь, что ее слова окажутся правдой.

Стратфорд покачал головой.

— Чему быть, тому не миновать. Не геройствуйте, ладно? И если я получу выговор от капитана, я свалю все это на вас.

— Ваше поведение определенно радует меня. Спасибо, Стратфорд.

Он пожал плечами, снова покачав головой, и обнял ее за талию.

— Никогда не промахивался с пассажиром раньше, — сказал он. — Возможно, лучше закрыть глаза, иначе получите головокружение.

Прежде чем Элино́р смогла вдохнуть, чтобы ответить, она почувствовала на мгновение

иллюзию, что падает. Как она забыла про падение? Она закрыла рот рукой, чтобы сдержать крик. Затем гавань и корабли стали ближе, и она снова падает. Это выглядело, как если бы порт скакал к ним, мигая, как гигантская жаба, с береговыми линия рта и скалами, возвышающимися вокруг нее бородавками на спине. У Элинора не закружилась голова, но она боялась закрыть глаза, боялась, что Стратфорд, возможно, перенапряжется или упадет или что-то еще, что сделает эту авантюру бессмысленной.

Затем они подобрались ближе к земле, до которой оставался лишь фут. Элинора споткнулась, но собралась с силами, прежде упасть ничком. Они стояли у самой кромки воды, напротив входа крепости, Элинора узнала ее, по чертежам Провидцев.

Несмотря на то, что шум сражения на берегу был слышен сильнее, чем на «Афине», тут было довольно спокойно, так что крепость и окружающие ее хижины могли оказаться, хоть и маленькой, но тихой островной местностью. На пляже совсем не было песка. Край утеса опускался вниз под очень сильным углом, не так, как это обычно бывает на пляже. Вместо песка была галька, которая под тонкой подошвой обуви Элинора казалась твердой и грубой. Чуть выше находилась по-прежнему тихая гавань. По этой гавани шел отставший от других огромный корабль, который палил из носового орудия в темноту.

— Открывайте огонь, и держитесь в стороне, — сказал Стратфорд, нервно озираясь по сторонам. — Это странное место.

— Я знаю, — Элинора вытянула руку, проверяя свои пределы. Ее расчеты были верны. Все корабли находились достаточно близко. К сожалению, она не смогла сжечь их все сразу, но от этой идеи по позвоночнику прошла колющая боль. Поэтому она сосредоточилась на ближайшем из судов, рассуждая о том, как вытащить Дьюдни из того места, где он прятался.

Палуба послушно начала гореть по всей длине, и вскоре отдаленные торжественные крики превратились в крики боли. Она позволила ему сгореть за минуту. Дьюдни не было. Она обратила свое внимание на другой корабль и заволновалась. Это было слишком легко. Необычный Пожирающий должен был быть где-то рядом. Ни один из кораблей ВМФ не загорелся, так что он мог делать?

Стратфорд вмешался и схватил ее за локоть.

— Элинора, нам нужно...

Она услышала несколько далеких звуков, и Стратфорд всхлипнул и повалился, потянув за собой Элинора.

— Что... — начала она, освободившись от рук Стратфорда, затем сказала: — Стратфорд, вставайте. Вставайте!

Он посмотрел на нее, его глаза стали огромными и стеклянными в тусклом свете от далекого горящего корабля, и беззвучно шевелил губами.

— Назад... — сказал он.

На это раз хлопки были громче, раздавались все ближе и чаще. Но на самом деле вели огонь из мушкетов. Элинора отвела взгляд от Стратфорда и увидела, как в их сторону бежали темные фигуры, что-то невнятно крича. Пираты, но... о, нет, они появлялись из оборонительных позиций. Было так темно и тихо, что она совсем забыла о том, что крепость была полна пиратов, на случай, если флот попадет в гавань, и сейчас они все направлялись прямо к ним.

Она потянула за руку Стратфорда, пытаясь помочь ему подняться, и он оперся на камни левой рукой, отталкивая ее.

— Нам нужно вернуться на «Афину», — сказала она, — пожалуйста, Стратфорд, я знаю,

что вы сможете это сделать, пожалуйста, не сдавайтесь!

Он снова посмотрел на нее, сказал:

— Попробуй... завтра...

Затем вес его руки изменился, показав, что он уходит. Элинон схватилась за руку. Если бы она держалась достаточно крепко, он бы вернулся. Он всегда возвращался.

Шум от топота по голым скалам все приближался. В любом случае она начала понимать достаточно из того, о чем говорили пираты. Они поняли, что она одинокая и незащищенная девушка, что они пристрелили ее друга, и теперь хотели поразвлечься с ней.

Она выпустила руку Стратфорда, встала и повернулась лицом к мужчинам, которые остановились и толкали друг друга, как бы спрашивая, кто будет с ней веселиться первым. Они казались человекообразными тенями в ее затуманенном мозгу. Тени в темноте, и тело Стратфорда все еще было теплым у ног. Ее боль и чувство вины за то, что она несет ответственность за своего друга, даже находящегося здесь, в этом богом забытом месте, чтобы его расстреляли, стали яростью.

У мужчин даже не было времени закричать, прежде чем она превратила их в белый огонь, чистый белый, без следов желтого или оранжевого цвета. Стало приятно, утешительно, и она опустилась на колени у Стратфорда и похлопала его по руке.

— Простите меня, — прошептала она. — Я хочу, чтобы мои извинения были услышаны.

Затем она встала и задумалась над белым огнем. Это было некрасиво. Это было похоже на кость и белую золу, и это казалось отчаянием, и казалось, что оно подпитывается чем-то другим, кроме тел людей, которых он потреблял. Элинон смотрела на них, не в силах думать, не в силах скорбеть, пока не вышла из этого состояния, так резко, как будто этого никогда не было.

Отстранено Элинон увидела, что за кучами пепла и искривленного оружия, в котором было шесть пиратов, стоял босиком молодой человек, подросток, одетый в слишком длинные брюки и подпоясанный веревкой, в разорванной полосатой рубашке без рукавов. На нем был шарф, накрученный вокруг головы, а длинные темные волосы спадали на его плечи. Он стоял, засунув большие пальцы за пояс, хотя жест выглядел вызывающе неловко, как будто мальчик не знал, что делать с руками. Глаза у него были большие и очень темные, как будто у него не было зрачков, и они не отрывались от нее в беспокойной тишине.

— Мне нравится твой огонь, — сказал Дьюдни.

Глава двадцать третья, в которой Элинор выпускает огонь

— Почему ты не на корабле? — спросила Элинор. Это было единственное, что пришло в голову. Стоя над телом Стратфорда, другие вопросы, такие как «Кто ты? И почему ты так молод?» казались неуместными.

— Мистер Эванс не любит меня, я пугаю экипаж, — сказал Дьюдни. Он провел большими пальцами по поясу. — Потерянный след, где я находился, однажды потопил один из своих кораблей. Ты знаешь, как оно бывает. Они берут меня только, если он стреляет в кого-то, чтобы заставить повиноваться.

Элинор кивнула, думая: «Если я соглашусь с ним, он будет продолжать говорить, и я могу определить, как убить его, пока он не убьет меня. Прошло слишком много времени. Пиратские корабли двигались дальше».

— Как господин Эванс узнал, что флот идет? — сказала она.

Черные глаза Дьюдни уставились куда-то за плечо Элинор, затем снова сосредоточились на ее лице.

— У него были часовые, которые следили за побережьем Сен-Доминго, когда корабли ВМФ исчезли из его видимости. Не всегда нужно зрение, чтобы знать, что происходит. Ты когда-нибудь сжигала человека изнутри? — он приятно улыбнулся, как будто они говорили о красотах природы, которые их окружали.

— Я — нет, — ответила Элинор. «Обычные часовые. Такая глупая ошибка», — подумала она, желая, взять Дарранта за воротник и притащить его туда, где он мог наблюдать за разрушениями, которое натворил своим глупым планом.

Улыбка Дьюдни дрогнула.

— Почему бы и нет? — спросил он.

Она поняла, что он сумасшедший, и ее сердце начало биться быстрее, перейдя в галоп.

— Я не знала, что это возможно, — сказала она, максимально честно, надеясь, что он поверит ей.

— Я могу показать тебе, — сказал он, его улыбка стала шире. — Мы могли бы попробовать на одном из капитанов ВМФ. Эванс отдаст мне их, когда он закончит с ними.

— Я бы предпочла другую цель.

В любой момент он направил бы свой огонь к ней, и девушка была уверена, что он может найти способ сжечь ее, несмотря на иммунитет. Она готовилась к контратаке, позволяя огню внутри подниматься и гореть горячее.

— Тогда пирата, — сказал Дьюдни, пожав плечами. — Они не такие, как мы. Не важно, кто.

Элинор предположила, что чувствует, как корабли ускользают, хотя она не могла позволить себе посмотреть, правда ли это.

— Разве мы так отличаемся от них?

Улыбка Дьюдни застыла.

— Ты этого не понимаешь, — ответил он, и Элинор обьяло огнем в тот момент, когда он нанес удар.

На данный момент было прохладно, мерцающая синева и чернота, огонь был только потому, что ее сердце знало это, потому что он напоминал земной огонь, как и ее белые

костры. Она чувствовала, как он бьет ее, ища способ прорваться сквозь защиту. Она чувствовала, что ее собственный огонь делает то же самое с Дьюдни, рубином, лари и золотом, а опал пытается его уничтожить. Боль охватила ее, пытаясь атаковать и защищаться одновременно, она попыталась сделать шаг к нему, и черный огонь ударил ее, достаточно сильно, чтобы заставить кричать от боли.

Огонь Дьюдни был давлением, которое угрожало вдавить ее в землю, как гвоздь в мягкий лес, и ее позвоночник просил остановиться, остановиться сейчас, прежде чем он щелкнул. Она непроизвольно отступила назад, чтобы сохранить равновесие, и ее нога прижалась к чему-то мягкому. Стратфорд. Ее дорогой друг, который принял ее аргументы и умер за нее, и ее мгновенная печаль превратилась в гнев. Если бы она сдалась, если бы она позволила Дьюдни уничтожить себя, он бы умер просто так. Она позволила этому гневу превратиться в ярость, вылиться из нее, и теперь Дьюдни, шатался под давлением ее атаки.

Тогда огонь наполнил ее, и она поняла его безумие и страх, который его подталкивал, узнала, как он убил свою семью, когда он проявлялся не случайно, а благодаря любви к своей силе и удовольствию слышать, как люди кричат, когда их плоть срывалась с костей. Она слышала, как он смеялся, несложный, радостный, безумный звук, и его огонь простирался вокруг нее, как океанская волна, которая кипела и обжигала ее. Она сжала зубы в крике. Она не могла позволить его огню сжечь ее.

Элинор прижалась сильнее, подпитывая свой огонь болью и скорбью, желая, гореть больше, чем когда-либо раньше, и она оставила все эмоции, пока огонь не стал всем, что было. В какой-то момент Элинор забыла, почему так важно, уничтожить эту крошечную фигуру перед ней, потому что огонь стал всем, что имело значение.

Неожиданно давление его атаки исчезло, черный огонь исчез, и, к ее потрясению, он открылся огню и позволил сжечь себя. Он снова засмеялся, и она почувствовала его глубокое облегчение и радость от освобождения от безумия, которое жило внутри него так же, как и огонь. Затем он исчез, и ее огонь сжег только пустую раковину, пока она не превратилась в золу и расколотые кости.

Когда ее цель исчезла, Элинор пришла в себя, покачиваясь от усталости. Она не смогла удержать свой огонь, который истощался и рассеивался на ветру, который перемещивал пепел останков Дьюдни. Она посмотрела вниз и увидела, что большая часть левой руки Стратфорда была сожжена. Ну, она ему больше не нужна. Девушка поняла, что обнажена и слишком устала, чтобы заботиться об этом.

Она посмотрела через гавань и увидела, что пиратские корабли отходят. Самый большой корабль — это должен быть корабль Эванса, не так ли? — ближе к ней. Слезы текли по щекам. Элинор так устала, слишком устала, чтобы делать то, ради чего она приехала, и жертва Стратфорда была напрасна.

«Используйте свой потенциал, мисс Пемброук,» — слова Рамси всплыли ее памяти. Он был бы в ярости, если бы узнал, что она так быстро сдалась. Нет, хуже, он был бы разочарован, и она не могла этого вынести, даже если он и думал, что она оружие. Элинор привлекла ресурсы, о которых не знала, пока не открыла их, и пусть огонь снова начал накапливаться, пока не стал горячим и ярким. Затем она выпустила его на корабли.

Все семь пиратских кораблей занялись пламенем, паруса, корпуса, палубы, от корабля Эванса до самого дальнего, тот, чья команда могла видеть, что он садится на один из захваченных кораблей ВМФ. Она разожгла этот огонь настолько сильно, стараясь, чтобы не пострадал ни один корабль ВМФ, и создала воображаемую стену между ними, которая не

пропускала даже тепла.

Мужчины пытались потушить ее, и она презрительно кричала им, потому что она была огнем, и они не могли тронуть ее. Она знала, что ее человеческое тело снова горит всеми этими драгоценными красками, которые вспыхивали перед глазами, ослепляя ее, но она чувствовала каждый дюйм своего расширенного огненного тела и смеялась, потому что взгляд был неактуальным, слух был неважным, все, что имело значение, было огнем.

Судно скрипело под громадным давлением, с которым она прислонилась к нему, и почувствовала, как изгиб планки, и щелкнул, и скрипнул, прежде чем полностью поглотила его, бросая крошечные тела в волны, не преследуя их. Где-то в огне, который был у нее в голове, она вспомнила, что важны корабли и пушки, которые они несли.

Она сосредоточилась на другом корабле и заставила металл, бывший когда-то пушками, течь красным и золотым, растворять в лужах все, чего они касались. Почувствовала, как паруса развалились, и снова засмеялась, потому что никогда не испытывала такого сильного удовольствия, такой радости от своего таланта, и хотела большего. Она снова набросилась на резервы, обнаружила оружейный склад и заставила его взорваться, как тысяча пушек сразу. Дым взрыва ласкал ее отдаленное тело, с жаром, изливающимся из нее, она создала сквозняки, которые заставляли этот дым закручиваться и течь в темноту.

Корабли исчезали, один за другим, и она оглянулась, ища другие цели, и увидела другие суда, плясавшие на волнах, и тронула один — но нет, это было не то, она не могла вспомнить почему, но она знала, что это неправильно, и она вскрикнула от досады, потому что там был только один, ближайший к ней, и он горел быстро и скоро уйдет под воду, где даже она не могла сжечь его.

Ее тело уменьшалось до одной маленькой формы на скалистом берегу, и она снова закричала, потому что огонь погас, и она не могла потерять его. Ей было так мало, чтобы накормить это тело, и она позволила огню подняться внутри нее, потому что это была красота и сила, и он принадлежала ей, она знала, что он любит ее и убьет, если она не подчинится ему. И она не хотела его подчинить.

Кто-то говорил с ней. Огонь ревел в ушах так, что она едва могла слышать его, но не тут-то было; голос она знала, и не могла не признать:

Элинора. Вернись.

Вернись. Ты не оружие. Ты не огонь. Вернись.

Твоя работа закончена. Вернись. Вернись ко мне.

Пожалуйста.

Затем рука обхватила ее, и она вспомнила, что у нее было тело, и ужас наполнил ее, потому что ее тело распадается, пожираемое огнем. Она отчаянно цеплялась за руку, когда он схватил ее, неся огонь в сердце, ощущение прикосновения, так он надеялся заставить ее распознать человека. Она схватилась за эту руку, как за спасательный круг, потянувшую ее через волны на твердую землю, а затем огонь исчез, и она тяжело упала на камни, слепая, не в состоянии удержать себя.

Боль в спине стояла настолько сильная, что Элинора была уверена в том, что она сломала позвоночник. Все внутри нее скрутилось, пытаясь уползти от боли, оставить ее тело, пока она полностью не превратилась в один горящий клубок, мечущийся в агонии... но однажды она уже пыталась покинуть свое тело, и перенесет любую боль, лишь бы крепко зацепиться в нем сейчас.

Кто-то заставлял ее двигаться, поднимал ее руки, пытаясь засунуть их в рукава из какой-

то грубой, тяжелой ткани. Теперь она чувствовала свежий ночной воздух, ветер, взмывающий вверх, развевающий волосы по ее лицу и скользящий по ее обнаженным ногам. Вздвогнув один раз, она уже не могла остановить дрожь. Тот же незнакомец обвил рукой ее талию и крепко обнял.

— Держись, — произнес мужчина и положил ее руки себе на шею. Он резко встал и уже не опускался.

Она вскрикнула и крепко сжала шею незнакомца. Ветер все сильнее бил ее по ногам и рукам, потому что они летели. И тут она поняла, что за ней пришел Рамси. Он крепко держал ее рукой за талию и шептал какие-то слова, разобрать которые она была не в состоянии. Но, казалось, разговаривал он не с ней, поэтому она сильнее схватилась за него и несколько раз моргнула, чтобы прояснить свой затуманенный взгляд, различавший темно-серые и светло-серые пятна. Последнее, возможно, было рубашкой Рамси.

А потом он отпустил ее.

Ее спасла лишь мертвая хватка за его шею. Он резко упал, его рука на ее талии тут же обмякла и мышцы расслабились. Она снова закричала, на этот раз сильнее и продолжительнее. Рамси дернулся, и его полет выровнялся. Его рука вновь крепко схватила ее за талию, и он прижал ее к себе так, что она чувствовала стук его сердца. Оно билось так же сильно, как и ее.

— Я прошу... — сказал он ей на ухо, его голос был хриплым и далеким, — прошу прощения, я не могу... еще чуть-чуть, Майс... Не отпускай, не отпускай...

Последнее, похоже, обращено к ней, так что она уткнулась лицом в его плечо и молилась, чтобы они пережили этот полет. Слезы от боли стекали по лицу, и она старалась не плакать вслух, боясь отвлечь его.

Рамси снова пробормотал что-то невразумительное и сделал крутой поворот влево, из-за которого ее тело занесло в сторону, чуть не оторвав от него. Элинон начала бить ногами воздух, чтобы восстановить баланс. Рамси зашатался, словно мог уронить ее опять. Но на этот раз он ударился обо что-то твердое, и Элинон свалилась с него и приземлилась на светлую палубу «Афины».

Она повернулась, прижав руки к доскам пола, заставляя свое тело выпрямиться, несмотря на боль. Затем она перенесла вес тела на руки и колени. Чьи-то руки помогли ей встать, придерживая, когда у нее подкосились ноги. Она закрыла глаза, борясь с болью, разливающейся по всему телу. Куртка Рамси свисала ей до бедер, немного обнажая грудь, но она не могла найти в себе силы, чтобы позаботиться о своем нескромном положении.

— Отведите ее вниз, — сказал Рамси тем незнакомым, грубым голосом. — Настроить курс на рандев...

Внезапно наступила тишина, затем тяжелый удар чего-то о палубу, и Элинон услышала, как матросы двинулись вперед, восклицая. Она открыла глаза и увидела, что Рамси рухнул, растолкав толпу людей, окружавших его, закричала.

Вся правая сторона его тела потемнела, опухла и покрылась огромными красноватыми пузырями, налитыми кровью. Ожоги покрывали шею, подбородок и часть лица. Почти все волосы с той стороны были опалены и сожжены, как и ухо. Его жилет и рубашка сгорели, а на брюках сияла выжженная дыра, тянувшаяся от пояса и почти до колен, обнажая обожженную плоть. Его руки, ладони... Она не могла этого вынести, но и не могла перестать смотреть на них. Его глаза были едва открыты и ничего не видели. Он не дышал.

Она кричала снова и снова, не переставая. Кто-то попытался оттолкнуть ее, и она

бездумно сражалась с кем-то, цепляясь и задыхаясь в своей отчаянной попытке добраться до тела Рамси, думая, что, если она сможет дотронуться до него, то сможет отменить ущерб, который был нанесен. В ее сознании мелькали воспоминания о Стратфорде. Теперь она была ничем иным, как безумным оружием, уничтожившим все, что она когда-то любила. Кто-то положил холодную руку на ее запястье, и темнота поглотила Элино́р.

Глава двадцать четвертая, в которой Элинор решает жить

Она проснулась в темноте, чувствуя мягкую ткань на ногах, ягодицах и тёплую грубую ткань вокруг рук и груди. Глубокий вдох убедил её, что она в своей спальне на «Афине», лампа не горела, теплое, душное пространство подобно недавно использовавшейся могиле. Куртка, которую она носила, и все, что на ней было, пахло пеплом костров и жареного мяса. Она упала с постели, и ее вырвало на пол, неудержимо изгоняя горечь и густую слюну, пока желудок не опустел.

Она поползла обратно на свою кровать, затем села и сорвала куртку Рамси с себя и отбросила в дальнюю стену, услышав мягкий стук, а затем удар по полу. Она голой скрутилась в клубочек на кровати, перед глазами все потемнело. В памяти появилось изображение безжизненного тела Стратфорда, с открытыми и пустыми глазами, затем она увидела почерневшее тело Рамси... это напоминало картины, которые Дьюдни мог бы произвести, если бы безумный злой гений стремился к искусству, а не к огню. Ей казалось, что все слезы сгорели. Она подумала, что, вложив столько силы в атаку, может ли снова зажечь еще один огонь.

Она подумала, удастся ли ей это.

Наконец, чувствуя, что покаялась за содеянное, она потянулась к лампе, чтобы зажечь ее. По спине проносилась пульсирующая боль, но Элинор смогла зажечь крохотный огонек, и лампа озарила комнату оранжевым светом. Она смотрела на пламя, пока огоньки не заплясали перед глазами. Затем закрыла глаза, погасила огонь и вернулась обратно в постель, свернувшись калачиком. Его постель, которую он одолжил ей, потому что был джентльменом. Его постель, его каюта, его корабль. Она дал ей так много, а она принесла ему смерть.

Там, в гнетущей темноте, она вспомнила их последний разговор и чувствовала себя дурой.

«Я чувствую, что хочу чего-то, чего бы я хотела, если бы я только знала, что это такое, — она сказала, в момент, когда он стоял рядом с ней, и все, что ей нужно было сделать, это протянуть руку и добавить: — Вас. Я хочу вас.»

Эти несколько слов могли изменить все.

Она начала лихорадочно дрожать и натянула на себя одеяло, хотя ей не было холодно. Это ничего не изменило бы. Это не остановило бы пиратов, захвативших их врасплох, и это не избавило бы от необходимости приблизиться, чтобы сжечь вражеские корабли. Вероятно, все бы случилось так, как это было, за исключением того, что Рамси узнал бы, что она его любит, и он мог бы... что? Обнять ее, отвергнуть, отвернуться от смущения? Возможно, так было бы лучше, в конце концов.

Запах рвоты ударил ей в нос в сочетании с запахом грязного дерева и более слабым запахом дыма. Элинор снова зажгла лампу, встала на дрожащие ноги и подошла к шкафу. В нем висело вечернее платье, на этом грубом корабле, столь отдаленном от гостинной Лондона, розовый шелк и белая марля. Элинор была невыносима мысль о том, чтобы надеть его, но она по глупости избавилась от уродливого коричневого хлопка, и теперь это была единственная одежда, которой она располагала. Она уничтожала все, чего касалась, не так ли?

Она сожгла последнее нижнее белье, поэтому, надев это платье, надеялась, что оно не будет совсем прозрачным. Лента затянутая вокруг ребер, не причиняла неудобств. Элинор поправила платье, провела пальцами по волосам, так как не было гребня, и с глубоким вздохом пошла босиком в большую каюту.

Здесь было пусто, тихо и темно. Лунный свет струился через окна. Угрожающий шторм прошел, оставив небо ясным и ярким, как будто он только ждал, когда битва закончится. Тортуга виделась по правому борту, и не было никаких кораблей, кроме черного силуэта вдалеке, который качался на волнах. Она коснулась стекла, как будто могла протянуть руку и опустить пиратский корабль под волны. Или это, может быть, один из военно-морских кораблей, может быть, бедная, обреченная «Колесница».

Она ничего не знала о ходе сражения после того, как она... Разве пиратский корабль не взял на abordаж один из наших? Если бы только Адмирал Даррант включил ее в свой план сражения, если бы ей позволили сжигать корабли без чьей-либо помощи... Она заставила себя остановиться. Это было неправильно, гнусно, потому что она пыталась винить в случившейся катастрофе кого угодно, но не себя.

Девушка вышла из большой каюты и поднялась на палубу, слишком усталая, чтобы заботиться о том, ненавидели ли ее матросы или боялись. Элинор слышала, как они тихо передвигались по палубе, как будто все еще надеясь услышать голос своего мертвого капитана, выкрикивающий команды. Она прошла мимо рулевого Уинна. Он даже не посмотрел на нее.

Она провела пальцами вдоль бизань-мачты и подошла к странно пустой корме, встала на таффраиле и выглянула наружу. Военно-морские корабли стояли, не двигаясь, по обе стороны от «Афины», их огни ярко светились. Даже со светом от желтой луны было слишком темно, чтобы увидеть ущерб, нанесенный им. Огни «Сирень» светились над ее названием, поэтому оно легко читалось; судно было ближе всех к «Афине», а справа она увидела «Эскадию» и «Бретон». Что адмирал скажет ей? Поймет ли он, как она потеряла контроль, и отправит в Англию на казнь? Она почти наверняка заслужила это. Она была опасна для окружающих.

Элинор посмотрела вниз, туда, где обшивка корабля скрылась в темной воде. Возможно, она должна пережить боль публичной казни. Унижение, которое она может вынести, и это только одна часть ее наказания. Она вытерпит это, не долго, во всяком случае. Элинор вспомнила себя на плоту — острые, соленые брызги в носу и горький вкус во рту — и содрогнулась. Она, возможно, заслужила смерть, но не искала её.

— Идете на бал, мисс Пемброук? — спросил лейтенант Бомонт, подходя к ней на таффраиле.

— У меня нет другого платья, лейтенант. Я приношу свои извинения за мой легкомысленный внешний вид.

— Вы кажетесь безжалостной к своей одежде. Утопление и пожар.

— Полагаю, что так.

Его слова были легкими, даже игривыми, но его голос был напряженным и злым. Его лучший друг мертв. Он должен ненавидеть меня. Я заслужила это.

— Это было довольно увлекательное шоу, которое вы устроили. Никто не знал, что вы такая... могучая.

— Я тоже не знала, лейтенант. Уверяю вас...

Что? Что она могла сказать ему? Что она сожалеет о своем ужасном поведении? Что

она никогда не сделает это снова? Какая разница.

— Адмирал Даррант был доволен вами. Сказал, что вы потушили огонь, так что «Бретон» не спалили, несмотря на пиратский корабль, прицепивший абордажную команду. Очень впечатлен.

— Я благодарна за его похвалу.

Конечно, Бомонт говорил с адмиралом. Теперь он командовал «Афиной». Она была удивлена, что Даррант все еще может быть впечатлен ею, зная, что Бомонт рассказал о том, что она сделала со своим капитаном. Но Даррант никогда не беспокоился о Рамси, поэтому, возможно, он считал его жизнь мелкой потерей. Глаза Элинора горели от того, что они так долго смотрели в темноту. Она хотела, чтобы Бомонт оставил ее в покое, она имеет право скорбеть за убитого.

— Что вы с ним сделали, — начал Бомонт, затем обеими руками схватил таффрайл и склонил голову, — он никогда не верил, что вы опасны, независимо от того, что я говорил. Он должен был выслушать меня.

Элинора кивнула, не желая доверять своему голосу... что она могла бы ответить?

— Но, полагаю, теперь это не имеет значения, не так ли? И я думаю, если я прав, что вы ненавидите себя сейчас больше, чем когда-либо. Таковы ваши чувства, предполагаю.

Элинора молилась, чтобы он не смог увидеть ее румянец в этом тусклом свете. Поэтому он видел все раньше. Возможно, Рамси тоже, и молчал, чтобы не смутить ее. Всегда джентльмен. Она повернула голову, чтобы посмотреть на Бомонда.

— Я предполагаю, что скоро вернусь в Лондон. Если адмирал решит, что пиратская угроза была в основном устранена.

Бомонт встретил ее взгляд. Он выглядел удивленным, хотя она не могла понять, что в ее словах было удивительно.

— Я думаю, вы могли бы остаться, если бы захотели.

— Меня здесь больше ничего не держит, мистер Бомонт.

В лунном свете его глаза сузились.

— Ничего не держит вас здесь?

— Что бы вы сказали мне, лейтенант?

Его рот раскрылся, но он сдержал слова, готовые слететь с его губ.

— Полагаю... ничего. Если у вас нет причин остаться. Я думал... но, полагаю, ошибся. Лучше вы уйдете, чем останетесь здесь из чувства благодарности... это плохое чувство, — он отодвинулся от таффрала, оставив Элинора в замешательстве. — Майлс скоро проснется. Я должен быть там, когда он придет в себя.

Как будто холодная океанская волна ударила ее, спуская в замерзшие глубины, где она не могла ни говорить, ни видеть.

— Что? — она вынырнула.

— Хейс говорит, что он знает кое-кого, кто сможет помочь ему. Это какой-то вид исцеления, которое он применил. Никогда раньше не видел такого, чему я рад.

Наконец, Элинора смогла вымолвить.

— Я думала, что убила его, — прошептала она.

— Что вы хотите сказать, мисс Пемброук?

— Он был мертв, — произнесла она громче, — он не дышал, и я... я думала, что убила его.

Выражение лица Бомонда перешло от сердитого к испуганному, а затем к полному

сочувствию за одну секунду. Он потянулся, чтобы взять ее за руку.

— Мисс Пемброук, прошу прощения, — сказал он. — Они унесли вас раньше, он не дышал, правда, и его легкие были сожжены, но нет ничего, с чем Хейс не смог справиться. Останутся шрамы, но он не мертв. Вы... о, неудивительно, что вы сказали, что ничего не держит... — он потянул ее. — Пойдемте со мной. Вы можете сами убедиться.

— Нет, — воскликнула Элино́р, выдергивая руку. Благословенное облегчение осознания того, что она не отвечала за две смерти, растаяло от ужаса и тоски, и другого рода сокрушительной вины. — Я не могу его видеть, я не могу этого вынести, он..., - и она убежала мимо рулевого, по лестнице вниз, в темные, дурно пахнущие стены своей спальни.

Она стояла, тяжело дыша, глаза закрыты. Шрамы, сказал Бомонт. Она так сильно навредила ему, навсегда повредила его, и ей, в конечном итоге, пришлось бы увидеть его и узнать, как он ее ненавидит, как ее отсутствие контроля отвернуло его, того, кто обуздал свои импульсы, чтобы не использовать свой талант, не причиняя вреда другим. Мысль пронзила ее сердце.

Она зажгла лампу и использовала испорченную, опаленную куртку Рамси, чтобы вытереть рвоту, странно, что ее было немного, скомкала тряпку и швырнула в окно большой каюты. Затем она вернулась в свою каюту и спряталась, оставив дверь открытой, чтобы проветрить комнату. Она села на кровать и позволила беспорядочным мыслям мелькать в ее голове. Кому-то придется пойти за телом Стратфорда. Ей нужно другое платье, она не могла носить имеющееся каждый день. Это было совершенно неуместным.

Она должна была поговорить с адмиралом. Могла ли она найти путь на «Бретон», прежде чем Рамси поправится, чтобы увидеть ее? Если бы она могла полностью этого избежать... возможно, это было то, чего он хотел, чтобы не напоминать о том, кто его ранил. Была ли снова его рука цела? Неужели Хейс смог спасти руку? Она попыталась не думать об этой почерневшей конечности. И сказала себе: для него это небольшая помеха, он настолько искусный Перемещающий. Она возненавидела себя за попытку придумать оправдание.

Дверь большой каюты открылась. По полу прозвучал топот шагов, свет разлился по каюте, осветив дверной проем. Элино́р сидела на кровати, ее пульс барабанил в ушах. Шаги, затем тишина. Затем Рамси произнес:

— Артур сказал, что вы не придете ко мне, поэтому я пришел к вам.

Он не рассердился. Он казался спокойным и невозмутимым, как всегда. Элино́р зажмурила глаза, пока не увидела искры, потом открыла их и вышла из своей комнаты.

Рамси стоял у окна, его профиль был в тени. На нем были только рубашка и брюки, ни одна из которых не была сожжена, а сапоги выглядели нетронутыми огнем. Когда она вошла, он слегка повернул голову, а затем бросил на нее взгляд, который оставил правую сторону его лица в тени.

— Вы прекрасны, — сказал он. — Я видел это платье, висящее в шкафу, дюжину раз, но я никогда не думал, что увижу, как вы его носите.

Это было не приветствие, на которое она собиралась ответить, Элино́р начала заикаться:

— Это... у меня нет других платьев, капитан, и... Я надеялась, что вы не подумаете... это не так, я счастлива...

— Я знаю. Я могу себе представить, — он отвернулся к окну. — Я хочу, чтобы вы это увидели, — сказал он после долгого молчания, когда Элино́р задумалась, есть ли у нее какой-нибудь выход, вернуться в свою спальню или выбежать в дверь. Это был корабль. Куда

она могла убежать, чтобы он не нашел ее? — Я думаю, будет лучше, если вы не будете продолжать мучить себя.

Он повернулся к ней лицом и вышел на свет верхней лампы. Она сжала зубы в крике. Блестящие розовые шрамы пробегали по его подбородку, по его шее, по краю лица и его голому скальпу, где сгоревшие волосы были острижены. Его ухо, неповрежденное и слишком бледное, выглядело неуместным среди шрамов. Его правая рука была перевязана так, чтобы каждый палец был обернут отдельно, и перевязь уходила в рукав расстегнутого манжета, чтобы позволить бинтам легко проходить.

Не отводя от нее взгляда, он поднял вверх левую руку и оттянул воротник своей рубашки в сторону и еще больше оголил рубец на плече, который будто тянулся до самой груди.

— Существует так много способов исцелить ожоги, — произнес он. Его голос был таким виноватым, что ей захотелось выброситься из окна. — Но Перегрин вылечил мое ухо, мои легкие и горло тоже целы.

— Я так рада, — сказала она и смутилась, как странно и отдаленно прозвучал ее голос. Это было неправильно, все было неправильно, он должен был ненавидеть ее, а не... не объяснять, как будто все, что просто произошло, это ураган или другое природное бедствие, которое никто не мог предсказать.

Рамси сделал глубокий вдох и снова повернулся к окну.

— Я поеду в Лондон утром, как только появится Ограничивающий — сказал он. — Перегрин знает специалиста, который, по его мнению, может восстановить мою руку и пальцы, хотя у меня, вероятно, не будет полной подвижности, но это не такая уж проблема для меня.

Он рассмеялся коротким напряженным смехом — он нервничал, почему он нервничал? Как он мог думать, что он должен ей что-нибудь?

— Значит, я... мисс Пемброук, я... — он снова засмеялся и повернулся к ней, его здоровая рука откинула волосы от лица. — Я же сказал, что плохо себя чувствую, не так ли? И это не кажется подходящим временем, но я должен сказать вам, то есть спросить... Я понимаю, что я не лучшая перспектива, и, конечно, не такой красивый, как был, не то, что я когда-либо был очень красивым, но мне интересно, подумаете ли вы, если вы примете...

Элинора была поражена, тем, что он пытался сказать, и она была настолько переполнена противоречивыми эмоциями вины и печали, счастья и облегчения, что она заплакала и сказала:

— Вы думаете, что я буду любить вас меньше, потому что есть несколько шрамов, и я та, кто оставил их? Майлс, почему вы не ненавидите меня за то, что причинила вам боль? Я слишком презираю себя за недостаточный контроль, и я... вы должны были позволить мне сгореть, вы должны были, потому что я не заслуживаю вашей жертвы!

Сквозь слезы слез, она услышала, как он приблизился к ней, шаги, пересекающие пол, а затем обнял ее и притянул к себе. Она ощущала запах мыла и только что постиранное белье, а не почерневшую плоть, и это заставляло ее плакать.

— Элинора, вы сторали передо мной, — сказал он, только услышав звук ее плача. — Я едва мог видеть ваше лицо. Я кричал вам, и вы, кажется, не слышали меня, поэтому я сделал самую глупую вещь, которую я когда-либо делал в своей жизни, и добрался до этого огня, чтобы найти все, что осталось от вашей руки. И потом я держался за нее. Мой выбор, Элинора. Это было больно, дьявольски, и я бы сделал это снова, если бы мне пришлось, потому что в этом мире нет ничего, что я не сделал бы для вас.

— Нет, я слишком опасна...

— Я тоже, один раз в жизни. Мой самоконтроль стоил жизни человека. Вам намного больше повезло, чем мне.

— Я никогда больше не буду использовать свой талант, никогда!

— Вы не сможете сохранить эту клятву. Дорогая, послушайте меня, — он двумя пальцами поднял за подбородок ее лицо, чтобы она сквозь слезы смогла его видеть. — Если все, что вы чувствуете, когда смотрите на меня, — это отвращение к себе, если все, что вы когда-либо увидите, — это шрамы, тогда я покину эту комнату, и вы больше никогда не увидите меня, потому что я не хочу вас мучить. Но я не хочу этого. Я люблю вас, Элинор. Я хочу провести остаток своей жизни с вами. Пожалуйста, любимая, простите себя, хотя бы ради меня. Не заставляйте меня уходить от вас.

Элинор вздрогнула, задрожала, успокаивая дыхание, и сморгнула слезы, потому что теперь ее руки были вокруг талии Рамси, и она не хотела его отпускать.

— Стратфорд мертв, — произнесла она.

— Я знаю. Мы оба должны нести бремя вины за это. Я должен был специально запретить ему никуда не брать вас.

— Это было так глупо. Я должна была понять, что в этой крепости оставались люди.

— Я знаю. Как я уже сказал, у нас обоих есть чувство вины.

Она положила щеку ему на плечо и вдохнула его сильный, чистый запах.

— Я думаю, вы красивы, а шрамы делают вас еще более привлекательным.

— Вы можете сказать всем остальным кандидатам, что у вас есть муж, который пройдет через огонь ради вас.

— Хорошо. Я не могу сейчас вспомнить, говорила ли я, что люблю вас?

— Вы действительно сказали, но это было довольно отрывистая исповедь, и я был слишком поражен, чтобы в полной мере оценить ее. Итак, если вы хотите сказать это снова...

— Я люблю вас, — она посмотрела на него. — Я думаю, вы должны поцеловать меня.

Его брови поднялись.

— Разве это не неприлично?

— Меня однажды поцеловали, и мне это не понравилось. Я хотела бы посмотреть, не будет ли лучше ваш поцелуй.

Он засмеялся и провел пальцами по ее коже, волосам и линии скул с такой нежностью.

— Я не обещаю, — произнес он, тихонько целуя ее в лоб, отчего она закрыла глаза от удовольствия. — Но я думаю..., - он так же легко поцеловал ее щеку, — вы не разочаруетесь, — и его губы коснулись ее губ. Слабое напряжение заставило пламя внутри нее бушевать от желания чего-то большего, поэтому от нетерпения она наклонила голову немного вниз, чтобы поцеловать в ответ.

Глава двадцать пятая, в которой почти у всего есть счастливый конец

Так много произошло в следующие семь дней, что Элинор вспоминала их как пятно с яркими, неподвижными картинами, которые она никогда не забудет:

Майлс возвращался после слишком многих часов в Лондоне, вялым и уставшим, затем успокаивал ее, когда она рыдала; Стратфорд Херви в своем саване, лежал вместе с другими погибшими с «Афины», когда Майлс зачитал молитву, а затем Ограничивающий перенес тело к скорбящим родителям; Адмирал Даррант с трясущимися руками поздравлял ее с победой, не говоря ни слова и не ссылаясь на смертный приговор племянника, замененного на ссылку; И выражение лица Селины, когда она вошла в свою гостиную, и обнаружила там Элинор, ее удивление, а затем слезливую радость без следа гнева или упреков.

Небольшое, но заметное уведомление на страницах «Таймс», объявляющее о предстоящем браке одного из капитанов Майлса Рамси Необычного Перемещающего с мисс Элинор Пемброук Необычной Поджигающей, появилось только раз. Элинор показала Майлсу за завтраком.

— Это единственное сообщение, которое я ему дам, — сказала она Майлсу, который выглядел мрачным. Он вообще не хотел никакого объявления, злился на то, что мистер Пемброук обращался лучше со своей второй дочери, чем с Элинор, но уступил ее желаниям. — Если он или мама захотят присутствовать, я не прогоню их. Но думаю, что они этого не сделают.

Селина и ее муж придут, отец Майлса и Артур Бомонт, и капитан Гораций, чтобы быть свидетелями, и еще несколько знакомых Майлса, но ни Элинор, ни Майлс не хотели большой суеты. Они собирались вернуться на «Афину» непосредственно после свадьбы. Они уже путешествовали намного дальше, чем кто-либо, кого могла себе представить Элинор.

Восьмой день был неожиданно прохладным и дождливым для июля в Лондоне. Элинор потеряла голые руки и вздрогнула, когда их экипаж покинул Адмиралтейство в тихом районе Лондона, где Майлс нашел церковь со священником, увлеченно зачитывающим их церемонию бракосочетания.

— Было очень тепло шесть дней назад, когда я заказала это платье, — жаловалась она, подбирая шелковый шлейф. — Я не понимала, что должна была купить из шерсти.

Майлс улыбнулся и обнял ее. Он выглядел замечательно в своей парадной форме, его шляпа лежала на коленях. Рамси подстригся и теперь его голубые глаза привлекали всеобщее внимание.

— Если бы мы были дома, вы были бы согреты, у меня не было бы оправдания, чтобы обнять вас.

— Я должна упрекнуть вас за дерзость, но я нахожу, что мое время на флоте сделало меня довольно менее чувствительной. Надеюсь, вы не против.

Он обнял ее левой рукой, чтобы привлечь к себе.

— Знаете, — сказал он, — в тот вечер на вечеринке Гарри я хотел попросить вас потанцевать со мной.

Она ахнула.

— А я так ужасно вела себя с вами.

— Я думал, вы можете подумать, что я высмеиваю вас. Затем я жалел всю ночь, что не

пригласил.

— Полагаю, я бы сказала «Да». Но вы правы. Я, вероятно, бы еще больше обиделась, и тогда сказала бы ужасные вещи, и вы бы возненавидели меня, и мы никогда бы не стали друзьями...

— Или я бы придержал свой дерзкий пыл, и влюбился в вас сразу, и встал на колени, и умолял выйти замуж за меня прямо там.

Она рассмеялась и положила голову на его плечо.

— Я предпочитаю, чтобы вы на самом деле сделали это.

— Я заикался и не знал, что сказать, и боялся, что я ошибся. А вы на самом деле не заинтересовались мной?

— Вы стоите, такой красивый, смотрите на меня, как будто я сокровенное желание вашего сердца.

— В котором вы находитесь, — экипаж загремел, готовясь к остановке, но Майлс, не отпуская ее, отодвинул ее шляпку и коснулся лба одним из этих легких поцелуев, огонь в ее сердце совершил скачок вверх в ответ. — И всегда будете.

Маленькая красивая церквушка, похожая на миниатюрный собор, и прилегающая к ней дорожка были скользкими от дождя. Невысокая трава изумрудно-зеленого цвета была покрыта миллионами крошечных капель, поэтому Майлс взял ее за руку и перенес с улицы до двери так быстро, что дождь просто не успел промочить их. Они прибыли последними, но гости не выглядели обеспокоенными. Стройный молодой священник на другой стороне даже подпрыгивал от волнения. Элинор предположила, что он никогда не заключал брак двух Необычных.

Она и Майлс шли вместе к алтарю, чтобы встать перед человеком, который смотрел на них и начал говорить еще до того, как свидетели могли занять свои места, потом пришлось приостановиться, когда Элинор поняла, что она стояла не на той стороне:

— Дорогие возлюбленные, мы собрались здесь пред Богом...

Она слушала службу, улыбнулась мужу Селины Джону, когда тот передавал ее Майлсу и в нужное время ответил принятыми словами. Затем Майлс надел тонкий золотой ободок ей на палец и произнес:

— С этим кольцом я беру вас в жены, своим телом я поклоняюсь вам, — в его глазах отражались слова, которые он говорил и что еще хотел сказать, что это значило для него; она прослушала всю оставшуюся службу в оцепенении.

Позже Селина крепко обняла ее. На глазах проступили слезы счастья, а пухлый животик прижался к Элинор. Та, в свою очередь, тихонько припала к ней, тоже обронив пару слезинок. Элинор поцеловал новоиспеченный свекр — высокий седой мужчина, чьи голубые глаза передались его сыну. Затем она повернулась, чтобы поприветствовать друзей Майлса и увидела грузную фигуру мужчины, покидающего церковь. Следом за ним шла женщина, которая через плечо посмотрела на дочь и подняла руку в знак прощания. Элинор затаила дыхание. Возможно, он передумал. Или, что более вероятно, посчитал, что она вышла замуж за достаточно хорошего человека, и это его вполне устроило. Его отсутствие не вызывало ни капли печали.

— У нас будет ваш свадебный завтрак в отеле Гретенгем Хаус, и я не хочу слышать ваши отказы, Элинор, — сказала Селина, — потому что я уверена, что не увижу вас долго, если вы вернетесь к Королевскому Военно-морскому флоту.

— Я не буду спорить с тобой, Селина, — ответила Элинор со смехом, — но теперь,

когда я не боюсь разоблачения, я, вероятно, буду возвращаться чаще, если наш новый Ограничивающий сможет заставить себя взять меня за руки.

— Значит, он так молод?

— Ему сорок три года, и он никогда в своей жизни не был в море. Я подозреваю, что он боится, что я могу потерять контроль.

— Завтрак, да, Леди Гретингем...

— Вы должны теперь называть меня Селиной, Майлс.

— Хорошо, Селина, но нам нельзя задерживаться, время уже больше четырех часов, а мне нужно быть на «Афине» сразу после восхода.

Открылась дверь, впуслав серый, бледный свет и стройного молодого мужчину, стряхнувшего капли воды со своей прямой шляпы.

— Капитан Рамси? — спросил он.

Майлс повернулся, и молодой человек подошел к нему, чтобы вручить свернутый лист бумаги, поклониться и уйти так же быстро, как он и появился.

— Странно, — сказал Майлс, сломав печать и отвернувшись, чтобы прочитать письмо.

— Селина, — сказала Элино́р, — надеюсь, я увижу Джека и Колина раньше...

— Проклятье! — взревел Майлс. Селина и Элино́р обе ахнули. Священник сказал:

— Капитан!

Бомонт закрыл рот, чтобы скрыть улыбку.

— Боже мой, Майлс, что стряслось? — воскликнула Элино́р.

Он повернулся к ней лицом, махнув письмом, словно надеясь, что слова улетят со страницы и исчезнут.

— Это, — начал он, — это совершенно невозможно, слишком неформально, но они иногда делают это, если думают, что вы, вероятно, подыграете, что не получили сообщение, просто прочитайте его, Элино́р.

Элино́р взяла у него бумагу, проверила ее содержимое и побледнела.

— Но я не хочу быть графиней! — сказала она.

Селина ахнула.

— О, моя дорогая, графиней?

— Это не то, от чего отказываются, — сказал Майлс. — И я ручаюсь вам, что присвоение мне титула Графа Какого-то-там...

— Эндерли.

— Какой-то-там подразумевает награду, Элино́р. Регент может уважать и восхищаться тобой, как и другим Поджигающим, но он не склонен сам по себе давать титулы женщинам, поэтому в тот момент, когда ты благополучно вышла замуж...

— Поздравляю, — сказал лорд Грэтингем, протягивая руку Майлсу, не дрогнув, когда увидел культу.

— Я только удивлен, что они не возвысили вас раньше, Необычный военный герой и так далее.

— Потому что я прекрасно держался подальше от этого, вот почему, — мрачно ответил Майлс.

— Поедем и позавтракаем, — сказала Селина, — вы и все ваши друзья, а позже у вас будет достаточно времени, чтобы впасть в отчаяние.

Дождь прекратился, и облака просто несло ветром, местами открывая небо, которое было голубее Карибского моря. Майлс помог Элино́р сесть в их экипаж, и они тихо проехали

четверть мили, прежде чем Элинор сказала:

— Но я не хочу быть графиней!

Майлс рассмеялся. Он разгладил бумагу, которая сильно помялась в его руке, и убрал ее во внутренний карман своего кителя.

— Могло быть и хуже. Ты могла бы стать герцогиней.

— Это не намного хуже. Я такая неловкая в обществе, и не понимаю, как мы, как ожидается, будем поддерживать дом графа на мои пятнадцать тысяч и все, что ты отложил.

— Знаешь, я скопил довольно-таки приличную сумму. Хотя вы, кажется, женщина не из простых и всегда нуждаетесь в новых платьях и прочем, — она толкнула его в бок, и он состроил оскорбленное выражение лица. — Если серьезно, у нас будет доход от любого имущества, закрепленного за титулом. Подарки... Мы, как полагается, проведем праздник, когда, наконец, вернемся. Торжество в честь нашего заслуженного дворянства, а наши гости будут щедры на приветственные подарки. И мне кажется, некоторые из титулованных располагают огромными суммами.

— Это ужасно неправильно, когда мы воюем и пытаемся поддержать наши войска и флот.

Майлс пожал плечами.

— Я никак не контролирую расходы нашего короля и его Регента. Единственное, что мне известно, это то, что наличие титула, не препятствует службе в Королевском Военно-морском флоте. Поэтому до тех пор, пока война не закончится, и они будут нуждаться в нас, мы не покинем «Афину». Представьте, если бы в письме говорилось, что я стал адмиралом, вместо графа.

— Но если бы вы стали адмиралом, ваша служба стала бы действительно безопасной. Я бы предпочла, чтобы вы были бы лучше адмиралом, чем графом.

— Я думаю, что вы, возможно, единственная женщина в Англии, которая когда-либо произносила эти слова.

— Тогда я единственная женщина в Англии. В настоящий момент чувствую облегчение, что никто не придет, чтобы вытащить нас из нашего дома и отправить в это поместье Как-его-там.

— Эндерли.

— Как-его-там, — она положила голову на его плечо и вздохнула. — Полагаю, я могу вынести графиню Эндерли, если я снова могу стать женой Майлса Рамси.

— Я должен был бы настаивать на этом.

Завтрак оказался веселым и шумным событием, все потому, что Лорд Грэттигем был радостным человеком, который не настоял на церемонии и любил рассказывать истории о своей службе в армии и обмениваться шутками с военными. Селина краснела и делала мужу замечания, когда тот переходил черту, но ее нежная улыбка говорила всем, что она на самом деле чувствует. Элинор наблюдала за тем, как Майлс заливается смехом от очередной шутки своего свояка и подумала, что Стратфорду это все понравилось бы. Эта мысль наполнила ее печалью, но не болью.

Затем они прибыли в Адмиралтейство, чтобы вернуться на «Афину», и Элинор начинала чувствовать истощение, не отдыхая уже более двадцати часов. Она смотрела, как первым исчезает Бомонт, затем Майлс вместе с новым Ограничивающим, чье имя она не могла вспомнить, потом, спустя минуту, обняла мужчину за талию и почувствовала, не плавный переход Стратфорда, а резкий рывок, ее зубы клацнули.

— Я прошу прощения, — извинился он. В тусклом свете ограничивающей комнаты, мужчина выглядел ужасно неловко, поэтому она просто улыбнулась ему и вышла.

Майлса не было. На нижней палубе было много спящих матросов в слегка раскачивающихся гамаках, так как было почти шесть часов утра, и только бравые часовые не спали. Далекий ропот рабочих заставлял ее улыбнуться. Дома. Она сняла туфли и тихо пробралась между рядов гамаков, извиняясь перед матросом, которого разбудила. Затем Элинор поднялась по ступенькам в большую каюту, тускло освещенную бледно-розовым восходящим солнцем.

Кто-то положил руку на ее талию и развернул.

— Госпожа Рамси, — прошептал Майлс ей на ухо, — добро пожаловать домой.

— Мой дом там, где вы, капитан Рамси, — она обняла его за шею и вернула поцелуй.

Он улыбнулся и наклонился, чтобы уткнуться в нее лбом.

— Даже если это холодная, дачная усадьба с камином, который дымит?

— Даже там.

Она чувствовала, как поднимается от пола, пока ее пальто не начало подметать доски.

— Даже если все, что я могу предложить вам, это узкая кровать в комнате без окон, которая пахнет сырým деревом и смолой?

Его единственная рука была занята расстегиванием ее платья, что не давалось ему легко, и она дотянулась, чтобы погладила его поврежденную щеку.

— Даже там. Особенно там.

Он положил свою руку на ее лицо.

— Даже если я попрошу вас разделить эту кровать со мной?

— Я должна была бы настаивать на этом, — ответила Элинор.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[←1]

Вейвлет — англ. wavelet — небольшая волна, рябь. (Прим. пер.)

[←2]

Шлюп — Трехмачтовый корабль с прямыми парусами в парусном флоте XVIII–XIX вв (прим. пер.)

[←3]

Квартердек, или (шканцы) — (от англ. quarterdeck) приподнятая часть верхней палубы в кормовой части судна во времена парусного и гребного флота. На квартердеке располагались средства управления судном: штурвал или румпель, компас и обычно находился капитан корабля. (прим. пер.)

[←4]

Бизань — название кормовой мачты на трёх- и более мачтовом судне. На трёхмачтовых судах бизань всегда третья, на многомачтовых — последняя. Кормовая мачта на двухмачтовом судне также может называться бизань-мачтой, если носовая значительно её больше и находится в середине судна. (прим. пер.)

[←5]

Гальйонная фигу́ра (носовая фигура) — украшение на носу парусного судна. (прим. ред.)